

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*

Н. М. Карамзин

КАК СНИМАЛИ
ХРУЩЕВА

СЕМЬЯ РОМАНОВЫХ
В 1917 ГОДУ

ЯПОНСКИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В СССР

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

«ДЕЛО»
АКАДЕМИИ НАУК
НОВОЧЕРКАССКАЯ
ТРАГЕДИЯ

МИЛЮКОВ
О РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ГОЛОД В РОССИИ
И АМЕРИКА

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Arquivo Historico

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1

1993 год

Редакционный
совет:

Пихоя Р. Г.
(председатель)

Чернобаев А. А.
(зам. председателя)

Ананьич Б. В.

Биллингтон Дж. (США)

Болховитинов Н. Н.

Волкогонов Д. А.

Волобуев О. В.

Каленберг Ф. (Германия)

Козлов В. П.

Кривова Н. А.

Кричевский А. Г.

Кросс Э. (Англия)

Литвак Б. Г.

Некрич А. М. (США)

Палм Ч. (США)

Покровский Н. Н.

Сахаров А. Н.

Степанский А. Д.

Шмидт С. О.

Шукман Г. (Англия)

Учредители:

Государственная
архивная служба
Российской
Федерации
и

издательство «ЛИТ»

Россия, 103821,
Москва,
ул. Пушкинская, 15
Тел.: 292-44-88
Факс: 200-42-05

АИА © (Архивно-
Информационное
Агентство)

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ ВОЖДЕЙ

Как снимали Н. С. Хрущева.

Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. 3

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

Семья Романовых в марте — июле 1917 года

Дневник протоиерея А. И. Беляева 20

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Жаркое лето сорок первого года.

Документы ГКО и Ставки периода Смоленского сражения. Июль — сентябрь 1941 г. 45

ЭХО ВОЙНЫ

Последние пленники второй мировой войны.

Документы из фондов ЦК КПСС о репатриации японских военнопленных 68

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

Начало «дела» Академии наук.

Стенограмма заседания Особой комиссии Наркомата РКИ СССР 24 октября 1929 г. 79

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Новочеркасская трагедия, 1962 110

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Религии и церкви в СССР.

Статистический отчет Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1984 г. 137

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

П. Н. Милюков. При свете двух революций 145

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

«У нас нет никаких связей с внешним миром».

Письма декабриста П. Н. Свистунова к брату Алексею. 1831—1832 гг. . . 183

«Это вопрос не политики, это вопрос гуманности».

Документы о помощи американского народа во время голода в России 1891—1892 гг. 194

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

«...Дерзаю о сем по малому моему разумению донести».

Записка В. Н. Татищева Петру I о передаче казенных металлургических заводов частным владельцам 210

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

Лев Троцкий, Константинополь, 1929 год. 217

«Ряд секций Коминтерна... оказались целиком в руках врага».

Письмо Г. Димитрова и Д. Мануильского в ЦК ВКП(б) 220

Сеть федеральных государственных архивов и центров хранения документации. 222

КАК СНИМАЛИ Н. С. ХРУЩЕВА

Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г.

События октября 1964 г., связанные с неожиданной отставкой Н. С. Хрущева с постов Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, до сих пор были известны лишь по воспоминаниям очевидцев и современников. Существующие версии как самого хода пленума, так и роли в его подготовке различных политических деятелей того времени отличаются существенными деталями. Настоящая публикация позволяет уточнить некоторые обстоятельства «дворцового переворота», состоявшегося в результате тайного «мирного заговора» против Хрущева.

Смещение последнего, как отмечали исследователи, стало, в известном смысле, его звездным часом, поскольку преемник Сталина был устранен таким простым и мягким методом, как голосование. По некоторым свидетельствам, и сам Хрущев сразу после пленума заявил: «...они смогли меня снять простым голосованием, тогда как Сталин велел бы их всех расстрелять».

Из представленных в подборке документов видно, что в то время, когда Хрущев находился на отдыхе в Пицунде, большинство членов Президиума ЦК КПСС, договорившись о его смещении, собрались 12 октября 1964 г. в Москве на свое заседание. На нем присутствовали: члены Президиума ЦК Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Сулов, Н. М. Шверник, кандидаты в члены Президиума ЦК В. В. Гришин, Л. Н. Ефремов, секретари ЦК Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичев, В. И. Поляков, Б. Н. Пономарев, А. П. Рудаков, В. Н. Титов, А. Н. Шелешин. Председательствовал член Президиума и секретарь ЦК Л. И. Брежнев. После принятия постановления (документ № 1), на следующее утро, в Москву срочно был вызван Хрущев, и в тот же день на новом заседании Президиума ЦК КПСС был поставлен вопрос об его отставке. Помимо лиц, упомянутых выше, на заседании Президиума ЦК 13 октября присутствовали: член Президиума ЦК А. И. Микоян, прилетевший из Пицунды вместе с Хрущевым, кандидаты в члены Президиума ЦК первый секретарь ЦК Компартии Грузии В. П. Мжаванадзе, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии К. Т. Мазуров, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест. Заседание, по воспоминаниям участников, проходило бурно. Хрущев не давал согласия на «добровольный» уход в отставку. Только на следующее утро его сопротивление было сломлено, и он подписал заготовленный заранее текст заявления о своем уходе. Заседание Президиума ЦК завершилось принятием постановления (документ № 2).

Пленум ЦК КПСС открылся в тот же день, 14 октября. Перед его открытием перед собравшимися выступил Брежнев с обоснованием срочного созыва Пленума ЦК. Текст его выступления (документ № 3) в стенограмму включен не был. По окончании пленума Президиумом ЦК Сулову, Подгорному и Брежневу было поручено отредактировать протокольную запись заседания пленума. Ниже публикуется официальная правленая стенограмма пленума (документ № 4). Первоначальный неправленый текст стенограммы в архиве не обнаружен.

Публикуемые документы находятся в Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ).

Публикацию подготовили С. А. МЕЛЬЧИЦ, Ю. В. СИГАЧЕВ, А. С. СТЕПАНОВ.

№ 1

**Постановление Президиума ЦК КПСС
«О возникших вопросах
по поводу предстоящего Пленума ЦК КПСС
и разработок перспективного народнохозяйственного
плана на новый период»**

№ П163/II

12 октября 1964 г.

Совершенно секретно

1. В связи с поступающими в ЦК КПСС запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намеченным к обсуждению на Пленуме ЦК КПСС в ноябре с. г.¹, и в разработках нового пятилетнего плана признать неотложным и необходимым обсудить их на ближайшем заседании Президиума ЦК КПСС с участием т. Хрущева².

Поручить тт. Брежневу³, Косыгину⁴, Суслову⁵ и Подгорному⁶ связаться с т. Хрущевым по телефону и передать ему настоящее решение с тем, чтобы заседание Президиума ЦК провести 13 октября 1964 г.

2. Ввиду многих неясностей, возникающих на местах по записке т. Хрущева от 18 июля 1964 г. (№ П1130) «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации»⁷, разосланной в партийные организации, и содержащихся в ней путаных установок отозвать указанную записку из парторганизаций.

3. Учитывая важное значение характера возникших вопросов и предстоящего их обсуждения, считать целесообразным вызвать в Москву членов ЦК КПСС, кандидатов в члены ЦК КПСС и членов Центральной Ревизионной Комиссии КПСС для доклада Пленуму итогов обсуждения вопросов на Президиуме ЦК КПСС.

Вопрос о времени проведения Пленума ЦК КПСС решить в присутствии т. Хрущева.

Президиум ЦК КПСС

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 749. Л. 1—2. Выписка из протокола.

№ 2

**Постановление Президиума ЦК КПСС
«Вопросы, возникшие в Президиуме ЦК,
и о мерах по восстановлению ленинских принципов
коллективного руководства в деятельности ЦК КПСС»**

№ П164/I

13—14 октября 1964 г.

Совершенно секретно

Признать, что в результате ошибок и неправильных действий т. Хрущева, нарушающих ленинские принципы коллективного руководства, в Президиуме ЦК за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка, затрудняющая выполнение членами Президиума ЦК ответственных обязанностей по руководству партией и страной.

Тов. Хрущев, занимая посты Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР и сосредоточив в своих руках большую власть, в ряде случаев стал выходить из-под контроля ЦК КПСС, перестал считаться с мнением членов Президиума ЦК и членов ЦК КПСС, решая важнейшие вопросы без должного коллективного обсуждения.

Проявляя нетерпимость и грубость к товарищам по Президиуму и ЦК, пренебрежительно относясь к их мнению, т. Хрущев допустил ряд крупных ошибок в практическом осуществлении линии, намеченной решениями XX, XXI и XXII съездов КПСС.

Президиум ЦК КПСС считает, что при сложившихся отрицательных личных качествах как работника, преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущев не способен исправить допущенные им ошибки и непартийные методы в работе. Учитывая также поданное т. Хрущевым заявление*, Президиум ЦК КПСС постановляет:

1. Удовлетворить просьбу т. Хрущева об освобождении его от обязанностей Первого секретаря, члена Президиума ЦК и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

2. Признать нецелесообразным в дальнейшем объединять в одном лице обязанности Первого секретаря ЦК и Председателя Совета Министров СССР.

3. Считать необходимым созвать 14 октября 1964 года Пленум ЦК КПСС.

Поручить открытие Пленума тов. Брежневу Л. И.

Поручить выступить с сообщением от имени Президиума ЦК и Секретариата ЦК тов. Суслову М. А.

Президиум ЦК КПСС

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 749. Л. 3—4. Выписка из протокола.

№ 3

Вступительное слово Л. И. Брежнева на открытии Пленума ЦК КПСС, не включенное в стенограмму

14 октября 1964 г.

Председательствующий тов. **Брежнев**. Товарищи! В связи с поступающими в ЦК КПСС запросами о возникших неясностях принципиального характера по вопросам, намечаемым к обсуждению на Пленуме ЦК КПСС в ноябре с. г., а также по вопросам, связанным с планированием развития народного хозяйства страны на новый период, Президиум ЦК КПСС счел необходимым обсудить эти вопросы на своем заседании 12 октября с. г.

В ходе обсуждения на заседании членами Президиума, кандидатами в члены Президиума и секретарями ЦК стали подниматься и другие важного значения вопросы, особенно о ненормальной обстановке в работе в Президиуме ЦК. Было признано неотложным и необходимым обсудить возникающие вопросы в присутствии т. Хрущева на заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября с. г.

Президиумом ЦК было поручено мне и тт. Косыгину, Подгорному и Суслову связаться по телефону с т. Хрущевым, передать ему

* Заявление Н. С. Хрущева было зачитано М. А. Сусловым на Пленуме ЦК (см. документ № 4 — стенографический отчет Пленума ЦК КПСС).

сложившееся мнение в Президиуме и решение с предложением ему прибыть на заседание Президиума ЦК 13 октября с. г.

На состоявшемся 13 октября с. г. заседании Президиума ЦК КПСС в полном составе, за исключением т. Козлова⁸, который, как вы знаете, болен, под председательством т. Хрущева развернулось обсуждение по коренным вопросам нашей внутренней и внешней политики, практики руководства, проведения партийной политики в жизнь, неправильного и порочного стиля и методов руководства со стороны т. Хрущева работой ЦК и Правительства. Все члены Президиума ЦК, кандидаты в члены Президиума и Секретари ЦК, выступившие на заседании, были едины в мнении, что в работе в Президиуме ЦК нет здоровой обстановки, что обстановка в Президиуме ЦК сложилась ненормальная и повинен в этом прежде всего т. Хрущев, вставший на путь нарушения ленинских принципов коллективного руководства жизнью партии и страны, выпячивающий культ своей личности. Президиум ЦК с полным единодушием пришел к выводу, что вследствие скоропалительных установок т. Хрущева, его непродуманных волюнтаристских действий в руководстве народным хозяйством страны допускается большая неразбериха, имеют место серьезные просчеты, прикрываемые бесконечными перестройками и реорганизациями.

Президиум ЦК КПСС, считая нетерпимым сложившееся положение, единодушно признал необходимым созвать безотлагательно Пленум Центрального Комитета партии и вынести этот вопрос на обсуждение и решение Пленума.

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 752. Подлинник. Неправленная стенограмма.

№ 4

ПЛЕНУМ ЦК КПСС

Октябрь 1964 года

Стенографический отчет*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО

Снятие копий воспрещается

Подлежит возврату
в 3-месячный срок в ЦК КПСС

№ П1900

ЗАСЕДАНИЕ

14 октября 1964 года

Председательствующий т. Брежнев. Товарищи! Из 169 членов Центрального Комитета на Пленум прибыло 153. Из 149 кандидатов в члены ЦК прибыло 130. Из 63 членов Центральной Ревизионной Комиссии прибыло 46.

* Сохранен заголовок документа.

Разрешите заседание Пленума объявить открытым.

Товарищи! В течение двух дней Президиум ЦК КПСС обсуждал вопрос об ошибках и неправильных действиях т. Хрущева. Все мы во время обсуждения придерживались единого мнения. Президиум поручил члену Президиума ЦК, секретарю ЦК КПСС т. Сулову М. А. доложить вам единодушное мнение членов Президиума, кандидатов в члены Президиума и Секретарей ЦК КПСС. Слово предоставляется т. Сулову.

Сулов. Товарищи!

Члены Президиума, кандидаты в члены Президиума и Секретари ЦК за последнее время были весьма озабочены ненормальным положением, которое сложилось в связи с неправильными методами руководства партией и государством со стороны т. Хрущева. Этот вопрос было решено обсудить на заседании Президиума ЦК с вызовом т. Хрущева, находившегося на юге. Президиум со всей тщательностью обсуждал этот вопрос на протяжении двух дней и подверг неправильные методы работы т. Хрущева суровой критике. Все члены Президиума, кандидаты в члены Президиума и Секретари ЦК проявили при этом в своих выступлениях полное единодушие.

В своих выступлениях все мы исходили из того, что ленинская генеральная линия партии, намеченная решениями XX, XXI и XXII съездов партии, Программой партии, является правильной и нерушимой. Эта линия как в области внутренней политики, так и в области внешней политики для нас священна и незыблема. (*Бурные, продолжительные аплодисменты*).

Известно, что за последние годы наша партия добилась значительных успехов в хозяйственном и культурном строительстве. Решения XX, XXI и XXII съездов партии наметили правильный ленинский курс в области внутренней и внешней политики. В разработку этой коллективно выработанной линии т. Хрущев внес определенный вклад. Следует отметить его положительную роль в разоблачении культа личности Сталина⁹, в проведении ленинской политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем, в борьбе за мир и дружбу между народами.

Осуществляя ленинский курс, наш народ под руководством партии самоотверженно трудится во имя победы коммунизма.

Однако наши успехи были бы более значительными при иной обстановке в Президиуме ЦК. Ненормальность ее, созданная в последние годы т. Хрущевым, нанесла и наносит серьезный ущерб практической работе не только Президиума ЦК, но и работе всего ЦК, да и работе всей нашей партии. В чем состоит эта ненормальность? Она состоит прежде всего в том, что т. Хрущев стал грубо нарушать ленинские нормы партийного руководства. Ленинские требования подчинения воли одного партийного руководителя воле коллектива руководителей, правильного распределения обязанностей между ними, свободного и делового обсуждения коренных, принципиальных вопросов внутренней и внешней политики в значительной мере стали предаваться т. Хрущевым забвению.

Тов. Хрущев, сосредоточив в своих руках посты Первого секретаря Центрального Комитета партии и Председателя Совета Министров, далеко не всегда правильно использовал предоставленные ему права и обязанности. Нарушая ленинские принципы коллективности в руководстве, он начал стремиться к единоличному решению важнейших вопросов партийной и государственной работы, стал пренебрегать мнением коллектива руководителей партии и правительства, перестал считаться с высказываниями и советами товарищей. За последнее время даже крупные вопросы он решал по сути дела единолично, грубо навязывал свою субъективистскую, часто совершенно неправильную точку зрения. Он возомнил себя непогрешимым, при-

своил себе монопольное право на истину. Всем товарищам, которые высказывали свое мнение, делали замечания, неудобные т. Хрущеву, он высокомерно давал всевозможные пренебрежительные и оскорбительные клички, унижающие человеческое достоинство.

Заболев своего рода манией величия, т. Хрущев стал достижения партии и народа, результаты победы ленинского курса в жизни нашего общества приписывать себе, а все ошибки и недостатки, которые имелись в практической работе, сваливать на партийные и советские органы республик, обкомы, райкомы или на тех или иных руководящих работников.

Вследствие неправильного поведения т. Хрущева Президиум ЦК все меньше становился органом коллективного творческого обсуждения и решения вопросов. Коллективное руководство фактически становилось невозможным.

Нормальной работе Президиума ЦК мешало также и то обстоятельство, что т. Хрущев систематически занимался интриганством, стремился всячески посорить членов Президиума друг с другом. (*Голоса: позор*).

Но интриганством безнаказанно нельзя долго заниматься. И в конце концов все члены Президиума убедились в том, что т. Хрущев ведет недостойную игру.

Тов. Хрущев возомнил, что ему все позволено и в его деятельности в последнее время все яснее обнаруживалась линия на то, чтобы уйти из-под контроля Президиума и ЦК КПСС, не считаться с ними.

Так, например, на Пленуме Центрального Комитета, состоявшемся в июле 1964 года¹⁰, где обсуждался лишь организационный вопрос, не предполагалось, что будет какая-либо специальная речь т. Хрущева. Однако к неожиданности членов Президиума и членов Пленума он разразился длинной бессвязной речью, в которой содержались грубые политические ошибки. Достаточно вам напомнить его угрозу разогнать Академию наук. (*Шум в зале, голоса: позор!*).

Это заявление находилось в резком противоречии со всей политикой нашей партии в области науки.

В течение года т. Хрущев с упрямством, достойным сожаления, стремился ликвидировать Тимирязевскую академию на том лишь основании, что ее ученые в своем большинстве не разделяли взглядов т. Хрущева по ряду вопросов системы земледелия. (*Голоса: позор!*). Да, это действительно является позором и результатом невежества. Каких только проектов не предлагалось им, направленных к достижению этой неблагоприятной цели. Лишь единодушным сопротивлением членов Президиума ЦК и многочисленных комиссий, которые созывались в связи с этим проектом, удалось спасти Тимирязевскую академию от разгрома.

Недопустимое самовольство т. Хрущевым допускалось в ряде случаев при награждении орденами Советского Союза, когда в Президиуме ЦК договаривались об одном, а т. Хрущев навязывал другие решения, ставя Президиум перед совершившимся фактом.

О стремлении т. Хрущева уйти из-под контроля Президиума и Центрального Комитета свидетельствует и то, что за последние годы у нас фактически не проводилось настоящих, в ленинском смысле, Пленумов Центрального Комитета, которые собирались бы для делового обсуждения актуальных проблем, а не для парадной шумихи. Ведь фактически собирались не Пленумы ЦК, а Всесоюзные совещания с участием до пяти-шести тысяч человек, с трибуны которых звучали восхваления в адрес т. Хрущева. Созывая такого рода совещания и не созывая настоящих Пленумов Центрального Комитета, т. Хрущев шел на это сознательно, во имя того, чтобы отвести от себя возможную критику со стороны членов Центрального Комитета. Ведь, естественно, на огромном парадном совещании не было ника-

кой возможности высказаться со всей откровенностью по наиболее важным вопросам.

Большой вред в работе Президиума и Центрального Комитета наносился также и тем, что члены Президиума были фактически лишены возможности выезжать на места. Каждому из нас хотелось бы почаще бывать на местах, общаться с людьми, но в каждом случае, когда ставился вопрос о поездке того или иного члена Президиума в ту или иную республику или область, т. Хрущев делал язвительное замечание: «Если делать нечего, поезжайте. Туристическую поездку хотите совершить?». Он всячески стремился к тому, чтобы никакой связи, помимо него, с местами никто не имел, стремился создать ложное впечатление, что он единственный, кто связан с республиками, областями и краями.

Нечего и говорить, что поездки т. Хрущева за последние годы фактически носили лишь парадный характер, с подношениями ему хлеба и соли и бесконечным повторением им одних и тех же неквалифицированных советов по каждому поводу и без всякого повода. *(Голоса: правильно!).*

При этом каждая поездка всегда сопровождалась огромными отчетами, публикуемыми и передаваемыми во всех органах печати, по радио и телевидению. В этих отчетах фиксировался буквально каждый чих и каждый поворот т. Хрущева. Эти отчеты, наверное, набили всем нашим людям оскомину. *(Голоса: правильно!).*

Тов. Хрущев в последние годы все больше и больше терял чувство скромности, которое так необходимо партийному руководителю ленинского типа. Даже в поездки за границу по государственным делам он ни с того ни с сего брал с собой все свое многочисленное семейство и потомство, ближних и дальних родственников и, конечно, угодников и подхалимов и их жен. Это были дорогостоящие поездки. *(Голоса: позор!).*

Тов. Хрущев бесцеремонно способствовал восхвалению своей личности. У него постепенно все сильнее развивалось желание постоянно видеть в газетах свое имя, свои портреты. И его угодниками все делалось для того, чтобы каждый день публиковались либо его длиннейшие речи, либо многочисленные фотографии. Разумеется, это происходило не сразу, а постепенно.

Своего зятя Аджубея¹¹ — политически незрелого человека, т. Хрущев превратил в своего рода министра иностранных дел на общественных началах, посылал его для бесед в Соединенные Штаты Америки, Западную Германию и другие страны. А что давали эти поездки? Большею частью они были вредными, а его последняя поездка в Западную Германию могла нанести ущерб нашим отношениям с дружественными социалистическими государствами¹². Президиуму пришлось принимать меры, чтобы обезвредить развязную и безответственную болтовню этого гастролера. Президиум Центрального Комитета освободил Аджубея от работы редактора газеты «Известия». *(Голоса: правильно! Аплодисменты).*

Еще несколько лет тому назад стиль работы т. Хрущева был другим, и мы отдаем должное его инициативе, энергии. Мы вместе с ним боролись с антипартийной группой Молотова, Кагановича, Маленкова¹³. Мы не забываем и этих заслуг т. Хрущева. Но в последние годы он резко изменился в отрицательную сторону и фактически растерял качества руководителя ленинского типа.

Становилось все более ясным, что т. Хрущев стремился к возвеличанию своей личности, игнорированию Президиума и ЦК КПСС. Эти неправильные действия т. Хрущева могли быть истолкованы как его стремление выдвинуть культ своей личности. И поскольку неправильные действия т. Хрущева стали принимать опасный характер,

мы, члены Президиума, сочли необходимым дать им решительный отпор. (*Бурные аплодисменты. Голоса: правильно!*)

Нелегко было это сделать. Не вдруг решился Президиум ЦК пойти на такой шаг. Мы долго и терпеливо искали пути, обсуждали всякие возможности исправить дело. Ведь у т. Хрущева и раньше было немало отрицательных качеств, действий и поступков, и раньше не раз прорывались его опасные замашки.

Но мы надеялись, что допускаемые им просчеты и срывы в работе будут исправлены. Мы видели свой долг коммунистов в том, чтобы помочь товарищу избавиться от неправильных поступков, преодолеть плохие черты характера. Но становилось очевидным, что все отрицательные качества и свойства, за которые В. И. Ленин в известном письме Центральному Комитету партии критиковал Сталина¹⁴, во многом все больше и больше начали проявляться и у т. Хрущева. В самом деле, характерными чертами его являются не только крайняя грубость и нелояльность, капризность и обидчивость. Ему свойственны также администраторское увлечение и неосмысленная торопливость, предвзятость и пристрастность в суждениях, озлобленность и способность, особенно в последнее время, пренебрежительно швыряться обвинениями, чрезмерная хвастливость и самоуверенность.

Из-за неправильных методов руководства, применяемых т. Хрущевым, допускались серьезные ошибки, которые ввиду его преклонного возраста и ухудшения состояния здоровья начали умножаться и привели к тому, что он на практической работе уже не мог выполнять те задачи, которые возлагались на него на высоких постах. В связи с этим в последние годы авторитет т. Хрущева среди коммунистов и трудящихся нашей страны стал резко падать. И это, товарищи члены Центрального Комитета, вам хорошо известно.

Нарушение т. Хрущевым ленинских норм партийной жизни и принципов коллективного руководства в Президиуме, его нежелание считаться с мнениями других товарищей, нежелание учитывать практический опыт партии и народа, его торопливость, непродуманность ряда предлагаемых им мероприятий привели в практической работе к серьезным ошибкам и нанесли немалый ущерб государству.

В особенности необходимо указать на ошибки, допущенные в области руководства сельским хозяйством. Как известно, т. Хрущев стремился монополизировать руководство сельским хозяйством в своих руках. В центре никто, кроме него, не мог заниматься сельским хозяйством, так как т. Хрущев считал себя единственным знатоком сельского хозяйства. Достаточно привести такой факт. Один из членов Президиума ЦК КПСС в беседе с одним из секретарей ЦК КП Казахстана, учитывая имеющиеся у нас трудности с хлебом, сказал: «Хорошо бы, чтобы Ваша Республика дала в этом году побольше пшеницы». После того, как т. Хрущев узнал об этой беседе, он заявил: «Как Вы смеете давать советы по сельскому хозяйству... За сельское хозяйство отвечаю я. Не суйте свой нос».

Практика показала, что это самохвальство и зазнайство ни на чем не основано. В своих установках работникам сельского хозяйства на протяжении последних лет т. Хрущев шарахался из одной крайности в другую. Увлечшись кукурузой, он стал навязывать посеvy этой культуры всюду, вплоть до северных районов Архангельской области, не считаясь ни с чем и ни с кем. Лишь после горьких уроков начал делать исключения для отдельных районов. Затем им была брошена директива, повсеместно запрещающая сеять травы. И опять лишь после горького опыта он стал давать отбой. То вдруг он делает заявления о нецелесообразности расширять площади под подсолнечником, потом дает команду увеличивать их. То пропагандирует внед-

рение в животноводстве так называемой «ёлочки», затем вместо нее рекомендует «карусель».

Вот именно: не руководство, а настоящая карусель. (*Смех, аплогисменты*).

Не вникнув в суть дела, т. Хрущев без всяких к тому оснований поднял на щит такое позорное дело, как рязанское. Вспомните, как он рекламировал опыт очковтирателя и авантюриста Ларионова, предлагавшего выполнить в течение года трехлетний план по заготовкам мяса¹⁵. Подобным авантюристическим экспериментом был нанесен серьезный урон общественному животноводству колхозов и совхозов.

Тов. Хрущев до неприличия захлебывался успехами колхоза села Калиновки — его родины, хотя, как выясняется, для подъема этого колхоза было затрачено немало государственных средств.

Вопреки непомерному хвастовству т. Хрущева, следует откровенно сказать с этой трибуны, что положение в сельском хозяйстве у нас остается неудовлетворительным. За четыре года, с 1959 г. по 1962 год, сельское хозяйство увеличивало свою продукцию в среднем за год на 1,7 процента, против 8 процентов по плану. Неурожай в 1963 году еще более усложнил дело. Поэтому мы имеем известные трудности в снабжении населения мясом, хлебом, крупами и другими продуктами.

В этом году работники сельского хозяйства, местные партийные организации хорошо поработали и добились хорошего урожая зерна, хлопка, сахарной свеклы, подсолнечника, картофеля и овощей. Но нашей партии предстоит еще провести огромную работу, чтобы закрепить этот успех, чтобы обеспечить действительно мощный подъем сельского хозяйства. В особенности большие трудности у нас с развитием животноводства. Об этом мы должны честно и правдиво сказать советским людям.

Придется, разумеется, Центральному Комитету и Правительству тщательно и глубоко разобраться во всех вопросах дальнейшего подъема сельского хозяйства, но заняться этим делом надо не так, как предлагал т. Хрущев в записках, разосланных всем партийным организациям. (*Бурные, продолжительные аплогисменты*).

Многочисленные записки т. Хрущева и сопровождающие их бесконечные реорганизации буквально задержали всех наших работников сверху донизу, дезорганизовали местные партийные организации и посеяли среди них чувство неуверенности.

Особенно грубые ошибки содержала последняя записка т. Хрущева от 18 июля 1964 г. В первоначальном варианте этой записки т. Хрущев выдвигал предложение заменить партийные комитеты производственных управлений политотделами, провести своеобразную военизацию партийных организаций. В этом духе была выдержана и его речь на июльском Пленуме Центрального Комитета, в которой он подверг недопустимой атаке местные партийные органы. После общего напора со стороны членов Президиума т. Хрущев с большим неудовольствием снял свое нелепое предложение, однако на деле и теперь его записка проникнута духом отстранения партийных организаций от руководства сельским хозяйством, всяческого принижения партийных органов. Президиум ЦК решил отозвать эту порочную записку. (*Аплогисменты*).

В последнее время т. Хрущев стал высказывать идею о ликвидации даже и производственных территориальных управлений, предлагая руководить колхозами и совхозами непосредственно из областей и краев. Это могло нанести очень большой ущерб сельскому хозяйству.

Совершенно ясно, что это идет вразрез со всеми традициями и принципами нашей партии и не отвечает ее политике. Нечего и гово-

речь, товарищи, что без партийных организаций, без укрепления их, без повышения их роли невозможно поднять сельское хозяйство.

В области промышленности у нас, несомненно, положение лучше, достигнуты определенные успехи в ее развитии, в техническом прогрессе, в науке. Одним из последних свидетельств достигнутого нами прогресса является замечательный, осуществленный впервые в мире полет в космос на трехместном корабле «Восход»¹⁶. Однако развитию промышленности также существенно мешало некомпетентное вмешательство т. Хрущева в эту отрасль народного хозяйства, навязанные им многочисленные реорганизации управления промышленностью, различные непродуманные меры, проведенные в этом направлении, порождающие отрыв науки от производства и сдерживающие рост технического прогресса.

Совсем недавно, например, была внесена большая путаница в вопрос о перспективном плане развития народного хозяйства страны.

Как известно, Госплан, опираясь на предложения местных партийных, советских органов, предприятий, совнархозов, государственных комитетов, разработал пятилетний план развития народного хозяйства на 1966—1970 годы. Тов. Хрущев внезапно, без серьезного обсуждения, фактически единолично внес предложение заменить проект пятилетнего плана семи- или восьмилетним планом. На созванном большом совещании руководителей государственных комитетов, представителей республик и совнархозов, госпланов он выступил с путаной речью¹⁷, после которой работающие над планом просто растерялись, не знали, каким планом им, собственно, заниматься. Подготовка перспективного плана зашла в тупик. Цель т. Хрущева в данном случае заключалась в том, чтобы скрыть невыполнение по некоторым важнейшим позициям заданий текущего семилетнего плана¹⁸.

Но разве такая позиция достойна руководителя? Партия всегда говорит правду народу и уверена, что народ ее поймет, поймет все трудности, которые нам приходится испытывать в процессе коммунистического строительства и в условиях еще продолжающейся международной напряженности.

Тов. Хрущев буквально страдал зудом всевозможных реорганизаций и перестроек, слепо верил в какую-то магическую, таинственную силу. А на деле эти перестройки и реорганизации лишь бесцельно дергали людей, сеяли среди них чувство растерянности, неуверенности.

Жизнь идет вперед, и по мере развития общества аппарат руководства и управления всеми делами не может оставаться неизменным. Его надо совершенствовать, улучшать. Но при этом необходимо строго соблюдать ленинские указания — не допускать спешки, топорливости, избегать попыток рубить сплеча.

В. И. Ленин в свое время не раз предупреждал против такого рода перестроек.

Вот подлинные ленинские слова на сей счет: **«У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал»** (Том 33, стр. 149). *(Смех. Апологисменты)*. Вот уж действительно не в бровь, а в глаз! В. И. Ленин, как видите, считал многочисленные необдуманные перестройки сущим бедствием и указывал, что «не в учреждениях, не в переорганизациях, не в новых декретах гвоздь, а в людях и в **проверке исполнения**» (Том 36, стр. 526).

Как нам выбраться из всех этих реорганизаций и перестроек? Только так, как советовал В. И. Ленин. А он говорил следующее: «Надо вовремя взяться за ум... Из тех учреждений, которые мы уже напекли, выбрать минимум, ...показать, что мы всерьез чему-нибудь на-

учились в деле государственного строительства...» (Соч., т. 33, стр. 446)¹⁹.

Этот путь, указанный великим Лениным, был верным тогда. Он остается единственно правильным и теперь. (*Аплогисменты*).

Центральному Комитету и Правительству придется основательно заняться всеми проведенными реорганизациями и устранением допущенных ошибок. Надо подчеркнуть, что очень многое накручено в торопливости. Поэтому не требуйте, чтобы Президиум ЦК проявил такую же торопливость в раскручивании. (*Смех*). Разумно будем проводить, на основе глубокого изучения существа дела, советуясь с вами, с местными партийными, советскими органами и работниками народного хозяйства.

Особо следует остановиться на проведенной под нажимом т. Хрущева реорганизации областных и краевых партийных и государственных органов по так называемому производственному принципу²⁰. Это мероприятие выдается в качестве творческого развития ленинских принципов построения партийного и государственного аппарата, а на деле является отступлением от указаний В. И. Ленина и требований Программы КПСС по этому вопросу.

К чему привело создание промышленных и сельскохозяйственных обкомов и облизполкомов? Произошло невероятное переплетение, смешение функций, прав и обязанностей партийных, государственных и хозяйственных органов, параллелизм в их работе. Произошло резкое принижение роли Советов. Советы — самые массовые органы власти. Это — власть всего народа, а не отдельно — рабочих и отдельно — крестьян. Власть Советов распространяется не только на хозяйство, но и на все без исключения сферы жизни нашего общества — политическую, социальную, культурную, здравоохранение, просвещение и т. д. В этом и заключается **полновластие Советов**. Создание единых Советов Ленин считал величайшим завоеванием партии. Реорганизациями же, проведенными по настоянию т. Хрущева, Советы искусственно разделили.

Центральному Комитету придется со всей тщательностью разобраться и в этом деле. (*Продолжительные аплогисменты*).

Несколько замечаний по международным вопросам.

Президиум ЦК считает, что генеральная линия партии в международных вопросах правильная, что Центральный Комитет высоко держит знамя престижа нашей страны и знамя борьбы за мир, помогает странам, народам, борющимся за свое национальное и социальное освобождение. Это, мы считаем, не подлежит сомнению — борьба за мир, за обеспечение условий мирной жизни для народов и нашей страны, и наших друзей, и всего мира — является нашим важнейшим делом и ему мы отдаем много сил и энергии.

Говоря, однако, о т. Хрущеве, следует отметить, что при решении некоторых вопросов международного порядка он проявлял иногда поспешность и недостаточно серьезный подход.

Международная обстановка сейчас сложная. Империалисты, особенно США, наглеют, проводят курс на обострение международной обстановки. Отношения между некоторыми социалистическими странами складываются сложнее, чем были до сих пор. Тут и руководство Компартии Китая проводит раскольническую антипартийную работу. С их антиленинской позицией, которая противоречит генеральной линии, намеченной в Заявлении и Декларации коммунистических и рабочих партий²¹, мы должны бороться и впредь. В данный момент есть элементы роста национализма в некоторых социалистических странах. В этих условиях следует проводить очень терпеливую, выдержанную, гибкую политику, направленную на то, чтобы укреплять наши связи, дружбу с руководством братских партий, с народами этих стран.

Линию нашей партии в международных вопросах мы считаем правильной. Но не надо закрывать глаза на то, что у т. Хрущева бывали выступления, когда он совсем некстати становился в позу этого наставника, он весьма любил поучать руководителей братских стран в тех случаях, когда этого совершенно не требовалось. Например, едет за границу и поучает там, как сеять кукурузу, как получать высокие урожаи сельскохозяйственных культур. Зачем это делать? И это делалось там, где урожаи часто значительно выше, чем у нас. Это же обижает товарищей. Такая бестактность была допущена почти публично, например, в отношении румынских товарищей²². Это же не может не обижать руководителей братских партий. Это — люди опытные и закаленные, они не нуждаются в таких неуместных советах.

В свое время состоялась договоренность с Польской Народной Республикой о ежегодной поставке Польшей Советскому Союзу значительного количества самолетов Ан-2. В Польше над выполнением советского заказа работает авиационный завод, где трудится около 15 тысяч рабочих. Польские товарищи аккуратно выполняли договором. Однако во время одной из последних встреч с т. Гомулкой т. Хрущев заявил ему в незапелляционной форме о том, что Советский Союз эти самолеты больше брать не будет вследствие якобы высокой их стоимости. После проверки выяснилось, что стоимость наших самолетов этой же марки была не ниже самолетов польского производства. Да, если бы даже она и была ниже, разве можно так бесцеремонно решать вопросы, касающиеся экономических отношений с братской республикой²³.

Польские товарищи, естественно, были встревожены заявлением т. Хрущева и неоднократно ставили перед нами вопрос о продолжении поставки этих самолетов по крайней мере до 1970 года с тем, чтобы за это время переоборудовать завод для производства другой продукции. Этот вопрос долгое время не решался и решен положительно лишь теперь, без участия т. Хрущева. (*Анлогисменты*).

В ходе заседания Президиума ЦК, проходившего под председательством т. Хрущева, он вначале подавал неправильные реплики, фактически отрицающие критические положения. Мы старались поправить его. В результате единодушной критики, единого выступления всех товарищей, резкого и решительного осуждения всех его ошибок т. Хрущев признал правильной критику в свой адрес. При этом он заявил, что обсуждение на Президиуме вопроса о его деятельности свидетельствует о том, что Президиум, строго следуя указаниям XX съезда КПСС, на деле придерживается ленинских принципов коллективного руководства, ленинских принципов внутрипартийной демократии. Тов. Хрущев признал, что возраст и состояние его здоровья не позволяют ему выполнять обязанности, которые возложены на него, и обратился с просьбой освободить его от занимаемых постов.

Он обратился в Центральный Комитет с заявлением следующего содержания:

«ЦК КПСС. Товарищи члены ЦК КПСС, кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной Ревизионной комиссии КПСС!

В связи с преклонным возрастом и учитывая состояние моего здоровья, прошу ЦК КПСС удовлетворить мою просьбу об освобождении меня от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

По изложенным выше причинам я не могу выполнять ныне возложенные на меня обязанности.

Обещаю Центральному Комитету КПСС посвятить остаток своей жизни и сил работе на благо партии, советского народа, на благо построения коммунизма. Хрущев».

Признавая правильной критику в его адрес, т. Хрущев просил разрешить ему не выступать на Пленуме Центрального Комитета.

Президиум ЦК рассмотрел заявление т. Хрущева и пришел к выводу, что т. Хрущев не обеспечивает правильного руководства работой, что он не в состоянии исправить положение и потому необходимо освободить его от поста и Первого секретаря ЦК, и члена Президиума ЦК, и Председателя Совета Министров СССР. (*Бурные, продолжительные аплодисменты*).

Президиум ЦК КПСС принял и вносит на ваше рассмотрение следующий проект постановления:

«О т. Хрущеве Н. С.

Признать, что в результате ошибок и неправильных действий т. Хрущева, нарушающих ленинские принципы коллективного руководства, в Президиуме ЦК за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка, затрудняющая выполнение членами Президиума ЦК ответственных обязанностей по руководству партией и страной.

Тов. Хрущев, занимая посты Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР и сосредоточив в своих руках большую власть, в ряде случаев стал выходить из-под контроля ЦК КПСС, перестал считаться с мнением членов Президиума ЦК и членов ЦК КПСС, решая важнейшие вопросы без должного коллективного обсуждения.

Проявляя нетерпимость и грубость к товарищам по Президиуму и ЦК, пренебрежительно относясь к их мнению, т. Хрущев допустил ряд крупных ошибок в практическом осуществлении линии, намеченной решениями XX, XXI и XXII съездов КПСС.

Пленум ЦК КПСС считает, что при наличии отрицательных личных качеств как работника, проявившихся за последнее время, преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущев неспособен исправить допущенные им серьезные ошибки.

Учитывая также поданное т. Хрущевым заявление, Пленум Центрального Комитета КПСС постановляет:

1. Удовлетворить просьбу т. Хрущева об освобождении его от обязанностей Первого секретаря, члена Президиума ЦК и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

2. Признать нецелесообразным в дальнейшем объединять в одном лице обязанности Первого секретаря ЦК и Председателя Совета Министров СССР». (*Бурные, продолжительные аплодисменты*).

Товарищи! Наша партия могуча, сильна и способна решительно и смело устранить ошибки, допущенные т. Хрущевым в руководстве партией и страной. Мы стоим и будем твердо стоять на позициях марксизма-ленинизма, защищали и будем защищать исторические решения XX, XXI, XXII съездов партии, Программу КПСС.

Мы принимаем с вами ответственное решение, и мы должны сделать все для того, чтобы наша ленинская партия стала в результате этого еще более крепкой, единой, монолитной, боеспособной, успешно решала бы великие задачи построения коммунизма в нашей стране. (*Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают*).

Председательствующий т. **Брежнев**. Как будем поступать дальше? Какие предложения?

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Все ясно. Предлагаем прений не открывать. Из сообщения Президиума ЦК все ясно. Давайте приступим к принятию постановления.

Председательствующий т. **Брежнев**. Товарищи! Ваши предложения совпадают с мнением Президиума. Никто не настаивает на открытии прений?

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Нет.

Председательствующий т. **Брежнев**. Никто не возражает против того, чтобы приступить к принятию постановления?

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Нет возражений.

Председательствующий т. **Брежнев**. Тогда позвольте поставить на ваше рассмотрение проект постановления, внесенный Президиумом ЦК и зачитанный т. Сусловым.

Есть предложение принять проект постановления за основу. Нет возражений?

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Нет.

Председательствующий т. **Брежнев**. Проект принимается за основу. Есть ли какие-либо дополнения или изменения?

Пегов²⁴. Можно дополнение? Тов. Хрущев допустил неправильные действия. Я вношу дополнение в том отношении, что там все сказано только в отношении Президиума ЦК, а ведь принижена была роль не только Президиума, но и ЦК.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Правильно.

Председательствующий т. **Брежнев**. Я думаю, что стоит принять, потому что это так и есть. Нет возражений? Нет.

Аристов²⁵. У меня есть дополнение. Предлагаю указать в постановлении о том, что т. Хрущев плохо оправдывал доверие ЦК. Такое дополнение поднимет авторитет ЦК и будет на будущее иметь огромное воспитательное значение для всей партии.

Председательствующий т. **Брежнев**. Нет возражений? Нет. Давайте учтем это дополнение при окончательном редактировании постановления.

Еще какие замечания по проекту будут? Нет. Позвольте голосовать в целом.

Кто за то, чтобы принять это решение, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Кто воздержался? Таким образом, члены ЦК принимают постановление единогласно. (*Бурные, продолжительные аплодисменты*).

Товарищи, у нас присутствуют и кандидаты в члены ЦК и члены Ревизионной комиссии. Имеют ли они желание проголосовать это решение? (ГОЛОСА: просим). Тогда, товарищи, позвольте проголосовать всем вместе. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Принято единогласно. (*Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают*).

Президиум ЦК считал бы необходимым для печати ограничиться только одним пунктом постановления. Что касается партии, то мы доведем до сведения всей нашей партии об этом Пленуме. В какой форме это сделать? Это пусть Секретариат подумает²⁶.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Правильно!

Председательствующий т. **Брежнев**. Мы сейчас посоветовались и вносим такое предложение, чтобы завтра в ЦК собраться секретарям ЦК республик, секретарям крайкомов, обкомов и посоветоваться по этому вопросу и по некоторым другим вопросам, вытекающим из сегодняшнего обсуждения.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Правильно.

Председательствующий т. **Брежнев**. Итак, мы решили вопрос. Теперь нам надо, товарищи, избрать Первого секретаря ЦК и рас-

смотреть вопрос о Председателе Совета Министров СССР. (*Аплодисменты*).

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Предлагаем избрать Первым секретарем ЦК нашей партии т. Брежнева. (*Продолжительные аплодисменты*).

Председательствующий т. **Подгорный**. Внесено предложение избрать Первым секретарем ЦК т. Брежнева. Других предложений нет? Нет. Будем голосовать. Кто за то, чтобы избрать т. Брежнева Первым секретарем ЦК нашей партии? Членов ЦК прошу поднять руки. Прошу опустить; кто против, воздержался? Предложение принято единогласно. (*Аплодисменты*).

Давайте, товарищи, проголосуем вместе с кандидатами и членами Ревизионной комиссии. Кто за то, чтобы избрать т. Брежнева Первым секретарем ЦК КПСС, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Кто воздержался? Тов. Брежнев избран единогласно. (*Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают*).

Председательствующий т. **Брежнев**. Я благодарю членов ЦК и кандидатов в члены ЦК, членов Ревизионной комиссии, всех вас, товарищи, за высокое доверие, которое вы мне оказали. Я понимаю всю тяжесть и ответственность порученного мне сегодня дела и постараюсь отдать все свои силы, опыт и знания для того, чтобы, безусловно, при вашей поддержке оправдать то высокое доверие и честь, которые вы мне оказали. (*Бурные аплодисменты*).

Нам надо рассмотреть вопрос о Председателе Совета Министров СССР. (*Аплодисменты*).

ГОЛОСА. Предлагаем рекомендовать т. Косыгина.

Председательствующий т. **Брежнев**. Это совпадает и с мнением Президиума ЦК. Других предложений нет, товарищи? Я голосую. Кто за то, чтобы рекомендовать Президиуму Верховного Совета СССР назначить Председателем Совета Министров СССР т. Косыгина А. Н., прошу членов ЦК поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. (*Аплодисменты*).

Давайте проголосуем все вместе — и кандидаты в члены ЦК, и члены Ревизионной комиссии. Я голосую. Кто за то, чтобы т. Косыгина рекомендовать Председателем Совета Министров СССР, прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против, кто воздержался? Нет. Рекомендуется на пост Председателя Совета Министров СССР единогласно. (*Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают*).

Косыгин. Товарищи! Хочу поблагодарить вас за то большое доверие, которое мне оказано сегодня. Со своей стороны приложу все силы, знания, умение, чтобы оправдать ваше высокое, большое доверие, буду стремиться к тому, чтобы выполнить его с честью. (*Бурные аплодисменты*).

Председательствующий т. **Брежнев**. На Президиуме ЦК возник ряд других вопросов, критика в адрес товарищей и необходимость решения ряда организационных вопросов. Президиум ЦК КПСС считает необходимым обратиться к вам с предложением не рассматривать на сегодняшнем Пленуме эти вопросы.

Есть еще какие-нибудь замечания? Нет. Тогда разрешите работу Пленума на этом считать законченной. (*Продолжительные аплодисменты*).

ГОЛОС. Да здравствует наша могучая ленинская партия и ее Центральный Комитет. (*Бурные аплодисменты, возгласы «ура»*).

АПРФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 753. Л. 1—23. Подлинник.

Примечания

¹ 18 июля 1964 г. Н. С. Хрущевым была подготовлена записка «О руководстве сельским хозяйством в связи с переходом на путь интенсификации». Постановлением Президиума ЦК КПСС от 20 июля 1964 г. было решено разослать записку в парторганизации на места и, после обсуждения, представить в ЦК предложения о системе управления специализированным сельскохозяйственным производством. Для обсуждения вопросов, изложенных в записке, и подведения итогов обсуждения было намечено провести в ноябре 1964 г. Пленум ЦК КПСС. После отставки Н. С. Хрущева и отзыва записки, в ноябре 1964 г. был проведен Пленум с другой повесткой дня (см. примечание 20).

² Хрущев Н. С. (1894—1971) — член Политбюро (Президиума) ЦК в 1939—1964 гг., в 1953—1964 гг. Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958—1964 гг. Председатель Совета Министров СССР.

³ Брежнев Л. И. (1906—1982) — член Политбюро (Президиума) ЦК с 1957 г., в 1956—1960, 1963—1964 гг. секретарь ЦК КПСС.

⁴ Косыгин А. Н. (1904—1980) — член Политбюро (Президиума) ЦК в 1948—1952, 1960—1980 гг., в 1960—1964 гг. первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

⁵ Суслов М. А. (1902—1982) — член Политбюро (Президиума) ЦК в 1952—1953 гг. и с 1955 г., с 1947 г. секретарь ЦК ВКП(б) — КПСС.

⁶ Подгорный Н. В. (1903—1983) — член Политбюро (Президиума) ЦК в 1960—1977 гг., в 1963—1965 гг. секретарь ЦК КПСС.

⁷ См. примечание 1.

⁸ Козлов Ф. Р. (1908—1965) — член Президиума ЦК в 1957—1964 гг., в 1960—1964 гг. секретарь ЦК КПСС.

⁹ На XX съезде КПСС (14—25 февраля 1956 г.) Н. С. Хрущев выступил на закрытом заседании 25 февраля с докладом «О культуре личности и его последствиях» (опубликован в журнале «Известия ЦК КПСС», 1989, № 3), 30 июня 1956 г. по инициативе Н. С. Хрущева Президиум ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культуры личности».

¹⁰ Июльский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС состоялся 11 июля 1964 г. В повестку дня был включен один вопрос — об освобождении Л. И. Брежнева с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР, с тем, чтобы он полностью сосредоточился на работе в ЦК партии. На пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР был рекомендован А. И. Микоян. На пленуме с докладом, не включенным в повестку дня, выступил Н. С. Хрущев.

¹¹ Аджубей А. И. (1924—1993) — член ЦК КПСС, с 1959 г. главный редактор газеты «Известия». 14 октября 1964 г. на заседании Президиума ЦК освобожден от обязанностей главного редактора, на ноябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС был выведен из состава ЦК «за допущенные ошибки в работе».

¹² Поездка А. И. Аджубея в ФРГ состоялась в июле 1964 г. по приглашению ряда западногерманских газет. Неофициальный визит главного редактора газеты «Известия» была использован для начала нормализации отношений между СССР и ФРГ. В ходе визита А. И. Аджубей встретился с федеральным канцлером ФРГ Л. Эрхардом. В беседе обсуждались позиции СССР и ФРГ в вопросе объединения двух Германий, а также возможность официального визита Н. С. Хрущева в ФРГ. Руководство Польши и ГДР отнеслось с осторожностью к началу нормализации отношений между СССР и ФРГ, отрицательно были восприняты некоторые высказывания А. И. Аджубея. Визит Н. С. Хрущева в ФРГ не состоялся.

¹³ Вопрос «Об антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.» был рассмотрен на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС. Участники группы были обвинены в организации борьбы против руководства партии («с целью изменения политической линии партии», в противодействии ликвидации последствий культуры личности, во фракционной борьбе и нарушении устава партии. По итогам Пленума было подготовлено и разослано закрытое «Письмо ЦК КПСС к партийным органам, ко всем членам и кандидатам в члены КПСС «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова». На Пленуме они были выведены из состава Президиума ЦК и ЦК КПСС.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343—348.

¹⁵ Ларионов А. Н. (1907—1960) — в 1948—1960 гг. первый секретарь Рязанского обкома ВКП(б) — КПСС. В 1958 г. по его инициативе Рязанской областью были взяты повышенные обязательства на 1959 г. по заготовке и продаже государству мясной продукции, превышающие план в 3 раза. В результате огромного напряжения всех ресурсов области фактически было выполнено два плана, однако путем приписок, обмана и других ухищрений в отчете было показано полное выполнение взятых обязательств. В декабре 1959 г. А. Н. Ларионову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. После раскрытия обмана, в сентябре 1960 г. А. Н. Ларионов был освобожден от занимаемой должности и покончил жизнь самоубийством.

¹⁶ Первый в мире запуск трехместного космического корабля «Восход» был осуществлен 12 октября 1964 г. В состав экипажа входили В. М. Комаров, К. П. Феоктистов и Б. Б. Егоров.

¹⁷ Речь идет о состоявшемся 26 сентября 1964 г. совместном заседании Президиума ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам разработки перспективного плана развития народного хозяйства на ближайшие годы. На заседании был приглашен широкий круг партийных и хозяйственных работников — около 400 человек. С основным докладом на заседании выступил заместитель Председателя Госплана СССР А. А. Горегляд.

¹⁸ Семилетний план развития народного хозяйства на 1959—1965 гг. был принят на XXI внеочередном съезде КПСС (27 января — 5 февраля 1959 г.).

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 326; Т. 45. С. 417; 45. С. 390.

²⁰ Реорганизация областных и краевых партийных и государственных органов по производственному принципу была осуществлена на основании постановления «О развитии экономики СССР и перестройки партийного руководства народного хозяйства», принятого ноябрьским (1962 г.) Пленумом ЦК КПСС по докладу Н. С. Хрущева. Эти решения были отменены сразу же после отставки Н. С. Хрущева постановлением ноябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых парторганизаций».

²¹ Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве проходило в ноябре 1960 г. В центре внимания Совещания были проблемы мирного сосуществования и предотвращения войны. На Совещании были приняты «Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий» и «Обращение к народам всего мира». Делегация Компартии Китая принимала участие в работе Совещания и подписала принятые документы. Но уже вскоре проявились разногласия руководства КПК с КПСС и другими партиями в трактовке ряда важных политических проблем.

²² Речь идет о выступлениях Н. С. Хрущева во время его последней поездки в июне 1963 г. в Румынию.

²³ Гомулка В. (1905—1982) — в 1956—1970 гг. первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии. В ходе переговоров, проходивших во время пребывания в апреле 1964 г. в Москве польской партийно-правительственной делегации во главе с В. Гомулкой, польской стороной был поставлен вопрос об увеличении поставок из ПНР самолетов Ан-2 и запасных двигателей к ним. Производство этих самолетов было налажено в Польше с помощью СССР в 1961 г. В записке, подготовленной для Н. С. Хрущева нашими специалистами, указывалось, что потребности народного хозяйства и обороны в самолетах Ан-2 полностью удовлетворяются, цены польских самолетов выше, чем советских, и увеличивать их закупки нецелесообразно. Эта информация и была доведена Н. С. Хрущевым до сведения польской стороны.

²⁴ Пегов Н. М. (1905—1991) — член ЦК КПСС, в 1964—1967 гг. посол СССР в Алжире.

²⁵ Аристов А. Б. (1903—1973) — член ЦК КПСС, в 1961—1971 гг. посол СССР в Польше.

²⁶ Краткая информация о пленуме ЦК КПСС и отставке Н. С. Хрущева была опубликована 16 октября 1964 г. в газете «Правда». Протокол пленума ЦК КПСС с вошедшей в него стенограммой был разослан 30 октября 1964 г. членам ЦК КПСС, кандидатам в члены ЦК КПСС, членам Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, первым секретарям промышленных и сельских крайкомов, обкомов партии, отделам ЦК КПСС.

СЕМЬЯ РОМАНОВЫХ В МАРТЕ—ИЮЛЕ 1917 ГОДА

Дневник протоиерея А. И. Беляева

Роль первых фигур в любой авторитарной системе, а именно такой формой власти и было самодержавие в России, невероятно велика. Поэтому любой разговор о личности последнего венценосца неизбежно поднимает коренные вопросы отечественной истории новейшего времени. Тема о последнем российском монархе всегда была чрезвычайно идеологизирована; факты и события его жизни чаще всего служили лишь аргументом для подтверждения или опровержения той или иной мировоззренческой доктрины. Такими страстями и интересами пронизана вся мемуаристика. В то же время до сих пор опубликовано крайне мало документальных свидетельств, раскрывающих монархическую власть в ее человеческом измерении. Николай II так и не стал еще полноценным персонажем отечественной истории.

Между тем в российских архивах сохранилось множество самых различных документов, отражающих жизнь и дела последних Романовых. Один из них и предлагается вниманию читателей. Примечателен он тем, что освещает первый, плохо документированный период заточения царской семьи. Это свидетельство существенно расширяет и дополняет материалы, уже имеющиеся в обращении. Читатель получает возможность заглянуть за кулисы драмы российской монархии, ощутить атмосферу, окружавшую бывшего императора и его семью в первые месяцы «весны свободы». Поверженный самодержец и его близкие оказались тогда под арестом в своей любимой семейной резиденции — Александровском дворце Царского Села.

Протоиерей Афанасий Беляев, оставивший дневник об этом периоде жизни семьи Романовых, не входил в число сколько-нибудь заметных фигур последнего царствования. Он был родственником протоиерея А. П. Васильева, исполнявшего обязанности духовника царской семьи до конца февраля 1917 г. и затем тяжело заболевшего. В 1912 г. в Царском Селе был освящен фамильный романовский храм — Государев Федоровский Собор, где А. И. Беляев стал настоятелем. Несомненно, ему неоднократно приходилось довольно близко наблюдать царя и его семью, т. к. Николай II и особенно императрица Александра Федоровна регулярно там молились (царица очень любила Нижний, или Пещерный, храм). Скромный батюшка и вообразить себе не мог, что доживет до падения «помазанника Божия». Свои впечатления и мысли он изложил на бумаге. Это интересный человеческий документ, раскрывающий психологию русского человека, жившего в ладу с законом, с верой в Бога и с пиететом к царю. И вот все эти незыблемые основы быта начали рушиться. В незамысловатых записях Беляева запечатлелись не только эпизоды повседневного быта, но и отразилось глубокое потрясение, испытанное простым священником от происходивших событий.

Текст дневника воспроизводится целиком по подлиннику, хранящемуся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ).

Публикацию подготовил доктор исторических наук А. Н. БОХАНОВ.

Дневник протоиерея А. И. Беляева,
настоятеля Федоровского собора в Царском Селе

1917 года, марта 2 дня. Приехал ко мне ктитор Федоровского Собора Дмитрий Николаевич Ломан и сообщил, что меня приглашают явиться в Знаменскую церковь, взять чудотворную икону Царицы Небесной, с нею прийти в Александровский дворец и отслужить молебен в детской половине дворца, где лежат больные в ко-

ри царские дети. Был подан автомобиль, который и довез меня до Знаменской церкви. Войдя в церковь и встретив там о. настоятеля протоиерея Иоанна Ф. Сперанского, уже распорядившегося приготовить облачение, достать Икону и собрать людей для несения Ея, я тотчас облачился, взял крест и с причтом Знаменской церкви при пении тропоря «Яко необоримую стену и источник чудес стяжавше Тя рабы Твои, Богородице Пречистая...», отправились во дворец. Пропуск во дворец, хотя и охранялся часовыми Сводного Пехотного полка, был свободен. С первого подъезда мы поднялись во второй этаж на детскую половину и, пройдя ряд светлых комнат, вошли в полутемную, большую комнату, где лежали на отдельных простых кроватях больные дети. Икону поставили на приготовленный стол. В комнате было так темно, что я едва мог разглядеть присутствующих в ней. Императрица, одетая сестрою милосердия, стояла подле кровати наследника, недалеко от нея стояли другие сестры милосердия и няни. Пред иконою зажгли несколько тоненьких восковых свеч[ей]. Начался молебен... О, какое страшное, неожиданное горе постигло царскую семью! Получилось известие, что Государь, вызванный императрицей в Царское Село и уже поспешно возвращавшийся из Ставки в родную семью, задержан на дороге, арестован и даже возможно, что отрекся от престола. В Петрограде делается что-то ужасное: разрушаются и горят дома, войска изменили царю и, слившись с рабочею, народною толпою, громят полицейские участки, сменяют и арестуют своих начальников и бывших представителей власти, из тюрем выпускают преступников и объявляют полную свободу для всех, провозгласив республику. На Невском грохочат ружейные выстрелы и валяются безвинные жертвы. Началась жестокая драка между войсками и полицией. Непокойно и в Царском Селе. В Софийской части города, где расположены войска, слышен шум и неистовый крик, идет учащенная пальба из ружей, солдаты громят и разбивают винные лавки и магазины, поджигают полицейские дома, из тюрьмы выпустили арестантов на свободу. Можно себе представить, в каком положении оказалась беспомощная царица, мать с пятью своими тяжело заболевшими детьми? Подавив в себе немощь женскую и все телесные недуги своею, геройски, самоотверженно, посвятив себя уходу за больными, полным упованием на помощь Царицы Небесной, она решила прежде всего помолиться пред чудотворною иконою Знамения Божьей Матери и сделала распоряжение о принесении иконы в покои больных детей¹. Горячо, на коленях, со слезами просила земная царица помощи и заступления у Царицы Небесной. Приложившись к иконе и подойдя под нее, попросила принести икону и к кроватям больных, чтобы и все больные дети могли приложиться к Чудотворному Образу. Давая целовать крест, я сказал: «Крепитесь и мужайтесь, Ваше Величество, страшен сон, да милостив Бог. Во всем положитесь на Его святую волю. Верьте, надейтесь и не переставайте молиться». Святую икону пронесли по всем детским комнатам, спустились вниз и пришли в отдельную, изолированную комнату, где лежала больная корью, покрытая сыпью Анна А. Вырубова². Там я только прочитал молитву пред иконою Божьей Матери, во время которой больная, прильнув разгоряченную голову своею к Святой иконе, долго не хотела выпустить ее из своих рук. Императрица, спустясь вниз из детских комнат по прямой внутренней лестнице, стояла у кровати больной и тоже молилась усердно. Когда мы выносили икону из дворца, дворец уже был оцеплен войсками и все находящиеся в нем оказались арестованными.

11 и 12 марта. Суббота и Воскресенье. По приезде Государя из ставки в Царское Село 9-го марта, по телефону из дворца, я был приглашен в Александровский дворец для служения всенощной и

большой литургии в дворцовой церкви вместе с придворными: протодиаконом, псаломщиком и певчими, 4 человека. По прибытии во дворец мы были встречены комендантом и дежурным караулом. Войдя в коридор нижнего этажа, где расположены покои Их Величества, ко мне подошел камердинер государя и сказал: «Его Величество вас просит зайти в его комнату. Он хочет сказать вам несколько слов о предстоящем служении в Дворцовой церкви». На эти слова молодой прапорщик, сопровождавший нас, ответил: «Этого сделать нельзя» и, обращаясь ко мне, заявил: «Потрудитесь идти в церковь, разговаривать с ним нельзя». Удивленный камердинер возразил: «Позвольте, я передам об этом Его Величеству», но грозный караульщик категорически заявил: «Это для меня все равно. Я не могу допустить никаких свиданий с кем бы то ни было и никаких сношений». И так нас провели в церковь без остановок в полном молчании. Спустя несколько минут, еще до начала службы, пришел в церковное зало гофмаршал Бенкендорф и от имени Государя просил меня совершать службы в дворцовой церкви по воскресным и праздничным дням. По окончании всенощного бдения я обратился к дворцовому коменданту с просьбою указать: нет ли каких-либо распоряжений для нас по поводу совершения служб и как поступать, например, как отвечать Государю, если он о чем-либо будет спрашивать? Как называть его? Как поминать за службами и пр. и вообще как держать себя со всеми служащими во дворце? На это комендант ответил: «Указаний никаких нет, но конечно на вопросы со стороны Государя отвечать следует, хотя разговор должен быть не политический и в присутствии дежурного караула. В обращении названия лучше избегать, хотя я называю его «Ваше Величество». От личных свиданий в собственных комнатах уклоняться, и вообще чем меньше будет поводов к нареканиям со стороны караула, тем лучше будет для арестованных». И действительно, Государь и его супруга настолько деликатны и благородны, что сами явятся к богослужению тогда, когда мы облаченные стоим в алтаре, и уходят из храма после службы раньше всех... Стоят в церкви совершенно отдельно за ширмами, занимая небольшое место в углу, с отдельным ходом. Первый раз в присутствии Государя, за великим входом, когда нужно было вместо Благоч[естивого] Самод[ержца] Гос[ударя] Импер[атора] и пр. говорить о Державе Рос[сийской] и врем[енном] Правит[ельстве], я не сразу мог собраться с силами и едва не разрыдался. Надорванным голосом, сбиваясь в словах, закончил поминовение... 24 и 25 марта служил всенощную и литургию и опять всенощную на воскресенье. За всенощным раздавал освященную вербу по одному очень мелкому прутику. Даже и в этом сказалось неуважение и арестантский режим.

Господи благослови...

1917 год. 27 марта 9 часов утра. Вызовом по телефону я приехал в Александровский дворец для служения в дворцовой церкви на Страстной неделе и первые два дня Пасхи. Комната отведена для меня в верхнем этаже дворца, с окном в небольшой собственный сад. Комната, можно сказать, роскошная, со всеми удобствами: она представляет из себя и гостиную, и кабинет, и спальню; воздуха много, тепло, уютно, необыкновенно чисто; чудная золоченая кровать с тонким белоснежным бельем, с голубым шелковым одеялом. Есть и прислуга, предупредительная и весьма деликатная. Рядом с комнатой коридор и лестница, ведущая вниз, прямо в церковь. Одно только — одиноко, но зато спокойно.

Готовлюсь служить литургию Преждеосвященных Даров, которая начнется в 11 часов. Служил литургию, читал за каждым часом Евангелие от Иоанна, прочитал три главы. За литургиею были и

усердно молились: бывший император Николай Александрович, Александра Феодоровна, Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна и все живущие приближенные к ним лица: Нарышкина, Долгорукова, Гендрикова, Бужсевден, Долгоруков, Боткин, Деревенко и Бенкендорф³, стоявший отдельно и углубленный в молитвенник, много было и служащих говеющих. Литургия кончилась в половине первого часа. В час дня в моей комнате был подан чай и завтрак для троих; пришли: о. протодиакон и псаломщик. Чудный завтрак! На серебряном подносе в серебряных чайниках принесли чай с булками, потом подали рисовые котлеты с белыми грибами, отварной судак с картофелем и на сладкое манные блины с вареньем и в заключение кофе. Так что Великий понедельник оказался днем в придворной роскошной обстановке, с изысканным комфортом и при обильном насыщении прекрасно приготовленными кушаньями. В 4 часа вечера пришел скороход и сообщил, что их величества будут причастаться не в четверг, а в субботу, потому расписание часов изменяется, так в четверг начало литургии будет не в 9 часов, а в 11, и в субботу вместо 11¹/₂, в 9¹/₂ часов утра. В 8 часов вечера, отслужив повечерие и утреню, возвратился в свою комнату. Подан обед: щи с грибами и при них пирожки, судак отварной и печеное яблоко в сладком сиропе и чашка черного кофе. В 10 часов предложили еще чай, но я отказался. Приходил князь Долгоруков и спросил, доволен ли я комнатой и столом? В 10 часов читал правила ко причащению, и потом о приготовлении к исповеди Димитрия Ростовского. Во дворце необыкновенная тишина. Сижу один. И так прошел первый день жизни и служения в Александровском дворце, где арестована царская семья.

28 марта. Спал 4 часа. Встал в 6 часов утра, долго мылся, прочитал утренние молитвы и книгу Димитрия Ростовского. Кругом полная тишина. Оказалось, что в моей комнате жили прежде Апраксин, Долгоруков, а после меня она назначается доктору Боткину, живущему на детской половине дворца. В 10 часов началась служба — часы с чтением Евангелия. Николай Александрович прислал сказать, что он придет к началу литургии в 11 часов, и действительно пришел с супругою и Ольгой Николаевной. В начале первого часа кончилась служба. В час дня пил чай и подали завтрак: картофельные котлеты с грибным соусом, отварной судак, компот из фруктов и чашка кофе. После завтрака лежал на коротенькой кушетке и читал твор[ение] Димитрия Ростовского. В 5 часов, после чаю, пошел в церковь служить великое повечерие и утреню. Служба продолжалась до половины восьмого часа в присутствии Николая Александровича, его супруги, Ольги и Татьяны Н[иколаевны] и всех говеющих. В 8¹/₂ часов подан обед: суп с грибами, жареная корюшка и кисель. Лег спать в 12 часов ночи.

29 марта. Встал в 7 часов утра, помолился Богу и прочитал правило ко причащению. Жду литургии. Оказалось, что рядом со мною комнаты Шнейдер⁴, а с другой стороны живут прислуги Вырубовой, жаждущие свободы. Литургия совершена в присутствии трех лиц. Последний раз были великие поклоны. После литургии прочитал для исповедников молитвы и сказал краткое поучение, как приступить к покаянию. Исповедь для служащих назначена в 2 часа дня. В 1 час подан завтрак: шинкованная капуста с солеными огурцами и картофель, рыба и кисель. В 2 часа началась исповедь, которая продолжалась до 5 часов. Всех исповедников было 54 человека, остальные говеющие оставлены до субботы. В 6¹/₂ часов начал служить утреню с торжественным пением «Егда славнии ученицы». Все службы поют четыре солиста из придворного хора, одетые в малиновых фраках. К 8 часам служба была кончена.

Сегодня в 5 часов посетил меня дворцовый комендант. Оказался прекрасный, весьма гуманный и благородный человек. Сообщил, что

я человек свободный, могу ходить свободно по залам дворца и разговаривать со всеми лицами, живущими во дворце, и даже выйти в сад, подышать свежим воздухом. После всенощной я виделся с Боткиным и разговаривал с ним. Обед подали в 8 часов вечера — суп с грибами, рыба и сухари в сладком сиропе с ломтиком ананаса. Получил газету «Новое время».

30 марта. Гулял по залам дворца; поражался его роскошью и богатством. Из окон Круглого зала смотрел, как готовят могилы для убитых в дни погрома винных лавок в г. Царском Селе. Место для могил выбрано против дворца на открытой поляне. Около 12 часов кончилась литургия, за которой усердно молилась царская семья и все причастники. Скромно приступили к Святой Чаше говельщики, которым я сказал несколько слов, выслушанных и всеми присутствующими в храме. После литургии скороход сообщил мне, что духовник чрез Аничкова изъявил согласие, несмотря на свое болезненное состояние, явиться во дворец для исповеди Их Величеств, но ему повелено ответить, чтобы он не беспокоился приезжать, так как все может быть сделано без него. Но кто окажется приглашенным заместить духовника, никому неизвестно, и распоряжений по сему делу еще не дано. По-видимому, все идет спокойно и служба всех удовлетворяет. Принесли из Феодоровского собора небольшую, но прекрасную плащаницу и к ней особый столик, большое Евангелие и праздничное пасхальное облачение. Одели Престол и Жертвенник пока в черные облачения, приготовили и для причта черные ризы. Всенощная и чтение Евангелия назначено в 6 часов вечера. В 1 час подали завтрак: котлеты рисовые с белыми грибами, жареная корюшка и компот из фруктов. В 4 часа открыл окно и слышу военную музыку, играют Марсельезу и похоронные марши. Из окна видно множество солдат; не разобрать, за дальностью расстояния, что делается у могил, хотя все это происходит около дворца, напротив круглого зала, недалеко от церкви. И это в Великий четверг на Страстной неделе! Поистине не ведают, что творят. В 6 часов началась служба с чтением 12 Евангелий. Богомольцы те же, всех около ста человек со свитою и служащими, в присутствии дежурного караула. Прекрасно пели певчие — придворного хора четыре солиста, особенно «Разбойника благоразумного». Служба шла благоговейно и умирительно, хотя и с большими сокращениями: читалось Евангелие и после каждого чтения пелась одна стихира. Вся служба продолжалась 1 час 40 минут. Их Величества всю службу слушали стоя. Пред ними были поставлены складные аналои, на которых лежали Евангелия, так что по ним все время можно было следить за чтением⁵. Все простояли до конца службы и ушли чрез общее зало в свои комнаты, чего до сих пор не делали. Надо самому видеть и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как бывшая царственная семья усердно, по-православному, часто на коленях, молится Богу. С какою покорностью, кротостью, смирением, всецело предав себя в волю Божию, стоят за богослужениями. И у меня, грешного и недостойного служителя Алтаря Господня, замирает сердце, льются слезы, и, несмотря на гнетущую тяжесть затвора, благодать Господня наполняет душу, и слова молитвы льются, свободно касаясь и проникая слух молящихся. В 8 часов подан обед: щи с грибами, жаркое и желе малиновое. 9 часов вечера, готовлюсь к пятнице, будет вынос плащаницы; обдумываю, что сказать над гробом невинного страдальца — Спасителя нашего, читаю в русском переводе дивные стихири, положенные на Страстную пятницу, и умиляюсь их содержанием. Что-то скажет завтрашний день? Сколько и кто готовятся к исповеди...

31 марта. 9 часов утра. Встал рано и ночь провел тревожно. Несмотря на прекрасную обстановку и все удобства: и чисто, и свет-

ло, и тепло, и уютно, и тихо, а сна нет. Долго мылся и мочил голову холодной водой, помолился Богу и стал писать слово на вынос плащаницы. В 12 часов дня пошел в церковь исповедывать готовящихся к причастию. Всех исповедующихся оказалось 42 человека, в том числе два доктора: Боткин и Деревенко. В 1½ часа получил уведомление, что меня ждут в 5½ часов на детскую половину исповедать и подготовить к причастию больных трех княжен и бывшего наследника. В 2 часа началась вечерня и вынос плащаницы на середину храма. Место для плащаницы убрали коврами, принесли целые кусты распутившейся белой и красной сирени, множество роз и сделали чудную изящную куртину из живых цветов. В середине куртины поставили принесенный из Феодоровского собора стол для положения плащаницы. Их Величества, две княжны и свита явились в глубоком трауре,— все в черных платьях. Вечерня прошла чинно и довольно торжественно. Плащаница вынесена на середину храма. Я сказал слово: «Какое печальное, торжественное священное действие совершается ныне во всех православных храмах! Вынос плащаницы. Пред нами гроб с священным изображением Божественного Страдальца, умершего за грехи всех людей. О, как сильно, неудержимо влечет меня, грешника, прильнуть к этому гробу и вместо миро благовонного облить слезами покаянными Его пречистое тело. О, как ясно слышу я и Его последние слова, сказанные со Креста. Слышу и этот, душу раздирающий, предсмертный вопль, обращенный к Небесному Отцу: «Боже мой, Боже мой, почто оставил еси Мя!» И какая бездна скорби слышится в этом вопле! «Пусть Меня оставили люди, пусть бросили — отошли от Меня друзья и знаемые. Пусть оставили близкие и родные. Но Ты, Отец Мой Небесный, за что так прогневался на Меня? За что отворотил от Меня Свой чудный, светлый, любящий взор?» И какое ужасное небывалое явление. С неба ни гласа, ни послушания. С того неба, где неоднократно был слышен голос небесного Отца: «Это Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте», и теперь ни звука... Ужасное состояние... Чувствовать, видеть себя в невыносимо тяжкую минуту скорби оставленным от Бога. И это единственному, однородному Сыну Божию. О, какая великая тайна! Тайна, превышающая ум человеческий. Но что недоступно уму человеческому, там является чудная сила Божия. И вот в этой непостижимой тайне искупления мы уразумели, что Бог есть величайшая, бесконечная, беспредельная Любовь. Боголюбые есть. Эта любовь подвигла Сына идти на страдания и смерть, это она заставила Отца покинуть сына в минуту невыносимо тяжелых его страданий. Любовь Божественная все это сделала для того, чтобы всех страждующих, гонимых, равно и кающихся грешников привлечь к себе. О, Господи, Спаситель мой! Какое утешение вливаешь Ты в пораженное сердце мое. Своими страданиями и смертью. Я чувствую глубоко, что при всех скорбях своих я не один. Ты, Господи, со мною. А с Тобой идти не убоюсь зла и среди долины смертной...». Это слово, сказанное среди храма у плащаницы, заставило многих поплакать. Одну из княжеских нянь увели в другое зало и едва успокоили. На бывшего Царя слово произвело глубокое впечатление, что он и высказал мне после исповеди. Наступил и час исповеди царских детей. Пришел скороход и возвестил: «Пора идти, уже ждут». Я надел епитрахиль, взял в руки крест и Евангелие и за скороходом, указывающим путь, пошел наверх, в комнаты детей. Какие удивительные по-христиански убранные комнаты. У каждой княжны в углу комнаты устроен настоящий иконостас, наполненный множеством икон разных размеров с изображением чтимых особенно святых угодников. Пред иконостасом складной налой, покрытый пеленой в виде полотенца, на нем положены молитвенники и богослужебные книги, а также св. Евангелие и крест. Убранство комнат и вся их обстановка представ-

ляют собою невинное, не знающее житейской грязи, чистое, непорочное детство. Для выслушания молитв перед исповедью все четверо детей были в одной комнате, где лежала на кровати больная Ольга Николаевна. Алексей Николаевич сидел в креслах, одетый в голубой халатик, обшитый по краям узорчатою тесьмою. Мария Николаевна полулежала в большом кресле, которое было устроено на колесах, и Анастасия Николаевна легко их передвигала. После чтения молитв и краткого слова пред исповедью, осталась в комнате одна Ольга Николаевна, наследник ушел сам, а Марию Николаевну увезла Анастасия Николаевна. Потом перешел и в другую комнату для исповеди остальных: Алексея, Марии и Анастасии Н[иколаевны]. Как шла исповедь — говорить не буду. Впечатление получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, меня привело в изумление и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах, может быть им неведомых, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах. Исповедь всех четверых шла час двадцать минут. В 7 $\frac{1}{2}$ часов началась субботняя утренняя, за которою мною был прочитан так называемый плач над плащаницею и был совершен крестный ход с несением плащаницы чрез алтарь кругом Престола, входя в алтарь северными дверями и выходя южными, обходя по комнатам около стен круглого зала и возвращаясь опять в церковь к царским вратам и обратно на середину храма. Плащаницу несли князь Бенкендорф⁶ и доктора Боткин и Деревенко, за ними Николай Александрович, Александра Федоровна, Татьяна и Анастасия Николаевны, свита и прислуга с зажженными свечами. Утренняя кончилась в 8 часов вечера и началась исповедь свитских дам: Нарышкиной, Долгоруковой, Гендриковой и Буксвеген. Явился скороход и объявил, что Их Величества ждут исповеди у себя в спальней комнате в 10 часов. От 9 до половины десятого посидел в своей комнате. Время прошло быстро. Без 20 минут 10 час. пошел в храм, помолился у Св. Престола, приложился к плащанице, надел епитрахиль, взял крест и Евангелие и вслед за скороходом пошел в покои Их Величеств. Там женская прислуга проводила по жилым комнатам в спальню, где стояла одна широкая кровать, и указала на маленькую комнату в углу — моленную, где и будет происходить исповедь Их Величеств. В комнате еще никого не было. Прошло не более двух минут, вошли бывший Государь, его супруга и Татьяна Николаевна. Государь поздоровался, представил Государыню и, указывая на дочь, сказал: «Это дочь наша Татьяна. Вы, батюшка, начните читать молитвы пред исповедью положенные, а мы все вместе помолимся». Комната-моленная очень маленькая и сверху донизу увешана и уставлена иконами, пред иконами горят лампы. В углу, в углублении, стоит особенный иконостас с точеными колонками и местами для известных икон, пред ним поставлен складной налой, на котором положено и старинное на престольное Евангелие и крест и много богослужебных книг. Принесенные мною крест и Евангелие я не знал, куда положить и положил тут же на лежащие книги. После прочтения молитв государь с супругою ушли, осталась и исповедалась Татьяна Николаевна. За нею пришла государыня взволнованная, видимо, усердно молившаяся и решившаяся по православному чину, с полным сознанием величия таинства, исповедать пред Св. Крестом и Евангелием болезни сердца своего. За нею приступил к исповеди и государь. Исповедь всех троих шла час двадцать минут. О, как несказанно счастлив я, что удостоился, по милости Божией, стать посредником между Царем Небесным и земным. Ведь рядом со мною стоял тот, выше ко-

того из всех живущих на Земле нет. Это до сего времени был наш Богом данный Помазанник, по закону престолонаследия 23 года царствовавший русский православный царь. И вот ныне, смиренный раб Божий Николай, как кроткий агнец, доброжелательный ко всем врагам своим, не помнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленапреклоненно, взирая на Крест и Евангелие, в присутствии моего недостойнства, высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны своей многострадальной жизни и, повергаясь в прах пред величием Царя Небесного, слезно просит прощения в вольных и невольных своих прегрешениях. После прочтения разрешительной молитвы и целования Креста и Евангелия своим неумелым словом утешения и успокоения, какую мог я влить отраду в сердце человека, злонамеренно удаленного от своего народа и вполне уверенного до сего времени в правоте своих действий, клонящихся ко благу любимой родины? Когда сказал я: «Ах, Ваше Величество, какое благо для России Вы бы сделали, давши в свое время полную Конституцию и тем бы исполнили желание народа. Ведь Вас, как Ангела добра, любви и мира приветствовали все». На это с удивлением ответил он: «Неужели это правда! Да, мне изменили все. Мне объявили, что в Петрограде анархия и бунт и я решил ехать: не в Петроград, а в Царское Село и с Николаевской дороги свернуть на Псков, но дорога туда уже была прервана, я решил вернуться на фронт, но и туда дорога оказалась прерванной... И вот один, без близкого советника, лишенный свободы, как пойманный преступник, я подписал акт отречения от престола и за себя и за наследника сына. Я решил, что если это нужно для блага родины, я готов на все. Семью мою жаль!» И капнула горячая слеза из глаз безвольного истрадальца. Потом был и общий разговор. Александра Федоровна спросила, как здоровье о. Александра, и когда я ответил, что при всем моем желании служить и быть в Царском Селе он пока сделать этого не мог, у него сильно расстроены нервы. Ее Величество сказала: «Очень жаль, передайте ему от нас привет и пожелание здоровья, ведь вы его близкий родственник». То же пожелание здоровья высказал и Государь, спросивший о здравии о. Васильева и прибавил: «Мы все его так горячо полюбили. Причину расстройства его нерв[ов] я отчасти объясняю потерей сына, которого и мы все знали и горевали о его смерти. Передайте ему мой поклон». У меня же спросил Николай Александрович: «Вы уже теперь не в Екатерининском соборе служите, а в Феодоровском? Я очень радовался, когда узнал, что вы согласились служить у нас в Феодоровском соборе. А что же в настоящее время, в каком положении находится этот прекрасный собор?» Я ответил, что все здания Феодоровской Слободки вместе с собором временно переходят в управление комиссара Головина. Далее разговор продолжался несколько минут о семейной жизни... Между прочим, государыня сказала: «Меня не поняли. Я желала добра».

1 апреля. Наступила и суббота. Это день ангела моей покойной жены... Взгрустнул в одиночестве. Встал в 6 часов утра, горячо помолился и в восьмом часу спустился вниз и вошел в алтарь. В 9 часов сказал государь: «Мы придем к литургии, правила же к причащению прочитаем сами». В половине девятого часа пришли протоиерей, псаломщик и певчие, пора начать службу, а нет еще просфор. Начинаю беспокоиться. Остается 10 минут, а проскомидии совершить не могу. Вот искушение! Прочитали Часы, вышел из алтаря, подошел к Нарышкиной в недоумении, что делать? Но вот, слава Богу, за 5 минут до 9 часов явились и просфоры. Не успел начать проскомидию, как ровно в 9 часов пришли и стали на свои места государь с супругою и две дочери — Татьяна и Анастасия. Началась литургия вечернею, за которую совершил и проскомидию. После

чтения Апостола произошла перемена облачений. Все черное убрано, одето светлое, возвестившее зарю наступающего светлого дня воскресения Христова. Настало время подходить к Святой Чаше для причастников. Первым подошел бывший государь. Давая ему Святые Дары, громко и внятно сказал я: «Честного и Святого Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа причащается раб божий благоверный Николай Александрович во оставление грехов своих и в жизнь вечную». То же было сказано и Александре Федоровне. После литургии, не разоблачаясь, пошел со Святою Чашею приобщать Ольгу, Марию и Алексея, которые уже были подготовлены и ждали в своей комнате наверху.

Слава Богу, все идет хорошо, все по-видимому, довольны и относительно спокойны. В 5 часов пришел в мою комнату скороход и передал приглашение от их величеств после пасхальной службы явиться к ним на завтрак, собранный на 18 персон, а в половине первого пожаловать для поздравления с праздником и христосования со всеми служащими, причем мне идти первому, а за мною и всем лицам, служащим и находящимся во дворце. Кроме сего просят в первый день Пасхи вечером начать не в 6 часов, а в половине восьмого часа отслужить молебен в комнате у больных детей, в понедельник же начать литургию в 11 часов.

Сегодня в субботу обед состоял из щей из свежей капусты с грибами, жареной рыбы, сладкого, кофе и подано было столовое белое виноградное вино $\frac{1}{2}$ бутылки для меня под названием «Айданиль» из собственного погреба и бутылка красного вина для протодиакона и псаломщика. Отдохнуть не пришлось: в 11-м часу пошел в церковь освятить Артос и куличи и отслужить полунощницу, что и сделал в начале 12 часа ночи. Ровно в половине двенадцатого часа пришел государь с супругою и две княжны и вся свита. Я поторопился начать утреню, открыл Царские врата и пошел раздавать свечи. Беря свечу, государь спросил, не рано ли начинать службу, еще нет 12 часов. Тогда я ушел в алтарь и начал совершать проскомидию, а без 10 минут 12 ч. сделал возглас: «Благословен Бог наш», певчие запели «Аминь» и «Воскресение Твое Христе Спасе». Начался крестный ход: впереди фонарь, за ним запрестольный крест, хоругви, икона воскресения Христова, певчие в своих малиновых одеждах, причт в светлых пасхальных ризах, царская семья, свита и все служащие. Выйдя из церковного зала, обошли кругом зала круглого и вернулись к закрытым дверям церковным, где и остановились. Началась христовская пасхальная утреня. Служба можно сказать промелькнула, не прошло и получаса, как уже и конец. Подходили ко кресту и христосовались: государь три раза поцеловал говоривших ему «Христос воскрес!» Затем началась литургия, от которой никто не ушел. Литургия продолжалась ровно час, и в 2 часа приглашенные сели за стол разговляться. Какая честь! Я, по расписанию, занял первое место по правую сторону рядом с б. императрицей, а с левой стороны рядом со мною сидела великая княжна Татьяна Николаевна. Напротив нас — его величество и по сторонам его две стат. дамы: Нарышкина и Бенкендорф. Всех сидело за этим круглым столом в библиотечной комнате восемнадцать человек: 1. Ея величество, 2. Духовник, т. е. я, 3. Татьяна Николаевна, 4. кн. Долгорукий. 5. Шнейдер. 6. граф Бенкендорф, 7. Дежурный офицер, 8. француз-учитель⁷, 9. Статс-дама Бенкендорф, 10. Государь — напротив государыни, 11. Нарышкина, 12. комендант дворца, 13. второй дежурный офицер, 14. Гендрикова, 15. Буксгевден, 16. Деревенко, 17. Боткин, 18. Анастасия Николаевна. Среди стола красовалось плато из живых роз. На столе было поставлено: блюдо с очень большим куличом, несколько тарелок с вареными куриными яйцами, окрашенными в красный цвет, большие окорока свинины и телятины, на верху которых симметрич-

но разложены были тонко нарезанные порции, дичь, разная колбаса, несколько пасох и свежие огурцы, обыкновенная горчица и совершенно черная соль. Кушанье лакеи подавали в таком порядке: один брал блюдо и шел к Государю, потом ко мне и по порядку по правой стороне от Государыни, другой к Государыне, потом к Нарышкиной и по порядку по правой стороне от Государя. Все, конечно, было самое лучшее, прекрасно приготовленное и очень вкусное, особенно хорошо была сделана пасха. Я брал всего, и кулича, и яиц, кусок ветчины и телятины, огурец и выпил чашку кофе со сливками. Государыня ничего не кушала. Я сказал ей: «Ваше Величество, вы всегда так нехорошо себя ведете за столом? Вы и нам подаете дурной пример». Она ответила: «Я все время на диете, вот выпью чашку кофе и довольно для меня». Наливали и вина, но их почти никто не пил и тостов никаких не провозглашали, хотя были бокалы наполнены шампанским вином, вообще прошло все скромно. Разговаривали вполголоса. Государь с рядом сидящими его дамами, Государыня со мною и Бенкендорфом. Между прочим я в разговоре с княжной Татьяною Николаевной спросил, в каком положении находится Татьянинский комитет, и отчего она не была в Ратуше, где так торжественно праздновали годовщину комитета и день ее Ангела. «А я ничего и не знала об этом, да и вообще я почти незнакома с этим делом». Тогда я сказал: «А хотелось бы Вам теперь куда-нибудь поехать, хотя бы только прокатиться по городу или за город?» «Да, хотелось бы, да что же делать — никуда не пускают». Завтрак продолжался не более 1/2 часа. Первая встала Государыня, встали за нею и все и перекрестились, что впрочем сделали и сядя за стол. Потом все прошли в другое зало и раскланялись. Милый человек оказался француз. Он также спросил о здоровье о. Александра и сказал, что в последнее время замечал в Александре очень болезненное состояние. Вообще к духовнику все служащие при дворе относятся хорошо и высказывают сочувствие и желают здоровья. Еще остается один день и я, даст Бог, увижу своих милых дорогих детей и порадуюсь вместе с ними христианскою радостью в светлые дни Воскресения Христова. Лег в кровать в четвертом часу утра, но заснуть не мог, так все было возбуждено. В 6 часов был на ногах. Долго мочил голову холодной водой, оделся и стал потихоньку, про себя, петь «Канон Пасхи». В половине десятого принесли чай и кофе, и сливочное масло, и кулич, и булки. Выпил чашку чая и очень вкусного кофе со сливками, хотя и не густыми, но прекрасными. Теперь готовлюсь идти на поздравление. Ровно в половине первого часа начался официальный прием. По церемониалу назначено: первым идет духовник Их Величеств, за ним причт дворцовой церкви и придворные певчие, а за ними и все служащие и живущие во дворце. Распоряжался шествием Бенкендорф. Государь стоя принимал поздравления и со всеми христосовался, у меня поцеловал руку, я же поцеловал его руку. Государыня стояла отдельно и каждому подходящему к ней давала фарфоровое яйцо. Мне досталось очень дорогое, с изящным изображением распятого на кресте Господа. Дети Государя со всеми раскланывались. Проходить пришлось в другие двери, чтобы не мешать следующим подходящим. Этим и кончилась вся церемония. В час дня был подан завтрак: творожник, жареный цыпленок, яблоки в сладком сиропе, кофе и две бутылки вина красного и белого. Во время завтрака пришел скороход и заявил, что Ея Величество просит отслужить пасхальную вечерню не в церкви, а в детской комнате для больных детей, где поставлен будет стол и иконы и вся необходимая для сего обстановка и отслужить не в 5 часов, а в 7. Я сказал: «Передайте Ея Величеству, что мы и певчие явимся к 7 часам и исполним желание Ея Величества». Что и сделали. В половине седьмого часа из церкви в полных облачениях с певчими при-

шли в комнату бывшего наследника Алексея Николаевича. Комната довольно большая, множество разнообразных игр и игрушек, и столов и столиков с разными детскими развлечениями, и балалайки, и бубны, барабаны, трубы, домики и пр. и пр. Но главное, как и во всех детских комнатах, особо возвышенное отделенное место для молитвы, где стоит иконостас с иконами, перед ним нагой с священными и богослужебными книгами. Тут-то и расположились служить вечерню. Собралась вся семья бывшего царя и вся живущая с нею свита. Была открыта дверь в другую детскую комнату, где лежали больные дети. Вечерня продолжалась не более получаса. Я по окончании вечерни, по приглашению Ея Величества, пошел к больным, дал им приложиться ко кресту и поздравил с праздником. О их здравии была прочитана особая молитва. В 8 часов был подан обед: щи свежие, ростбиф со свежим горошком, битые сливки с бисквитами, вино и кофе. С 9 часов сижу один в своей комнате и читаю взятую со стола библиотеки книгу «Воздушная война» инженера Рынина.

3 апреля. Встал в 6 часов утра, пропел «Пасхальный канон», прочитал правила и пошел в библиотечное зало отнести книгу и остался посмотреть альбомы, лежащие на столе. В 11 часов началась литургия, за которую собрались все те же лица, которые были и вчера. После заамвонной молитвы сказал несколько слов по поводу праздника. В час подан завтрак. Итак, наша миссия кончена. Настал день свободы и отъезда нашего из дворца. До субботы делать нечего, так как со вторника служба прекращается. Ждем коменданта, а его нет, появилось известие, что нас из дворца не выпустят, так как вышел приказ прекратить всякие сношения живущих во дворце с другими лицами, живущими на свободе. Что оставалось делать — не знали, и спросить не у кого. Наконец, нам объявили, что министра Керенского, от которого зависит наше освобождение, в Петрограде нет, а без него дворцовый комендант для нас сделать ничего не может. Так светлые дни радостного Воскресения Христова для нас, осужденных на одиночество, превратились в дни скорби и уныния. Сижу один в своей комнате и мысленно переносюсь в родной свой дом к собравшимся в одну любящую, милую семью — моим детям, как к птенцам, слетевшимся под крыло матери и не нашедшим ни матери, ни отца. Но как милостив Господь... О, Радость! Зовут к воротам, разрешено свидание. Надеваю рясу и тороплюсь не опоздать. Прохожу ряд коридоров верхнего этажа, спускаюсь по длинной неопрятной лестнице в подвал, прохожу по темным и грязным проходам подвала, пробираюсь среди грубых солдат: сидящих, лежащих, стоящих, движущихся, едва дающих дорогу, вхожу в так называемую приемную комнату, дымную, душную, грязную, шумную от разговоров тут же сидящих солдат, и очень тесную. Но мне было все равно, я увидел своих милых детей. Мою дорогую-милую Манечку и сердечную дорогую Ниночку. Нашли дорогу, не испугались караула, и порадовали и сделали праздник. В 8 часов обедал, подавали: борщ с ватрушками, мясо тушеное с картофелем, пломбир, кофе и вино. После обеда начал читать книгу «Правда православия», которую прислал мне Его Величество, ранее просивший у меня: «Есть ли у Вас книги для чтения?», и сказавший, что и у него их немного.

4 апреля. Встал в 6 часов, в 9 часов принесли чай, читал «Правду православия» до 11 часов, а потом пошел в круглое зало, из окон которого можно было видеть гуляющего в саду Государя с сыном под усиленным конвоем двух солдат с ружьями и офицера, идущих сзади. Погода была праздничная — теплая и солнечная. Государь, возвращаясь с прогулки, подошел ко мне и поздоровался, сказав: «Какая сегодня прекрасная погода!» В 1 часу ушел в свою комнату, в час подали завтрак, а в три часа позвали опять в приемную, пришла навестить Ольга Андреевна, а в четыре часа вновь позвали, пришли дети и

внучата, прослышали, что пропускают для свидания. С ними провел весело время, хотя и в той же душевной приемной и в присутствии офицера и солдата, до 5 часов, т. е. целый час. Комната приемная настолько непривлекательная, что маленькая внучка моя Галичка, с радостью бросившаяся ко мне, сразу же стала проситься домой... В 8 часов обычный обед и полное уединение в своем затворе. До часу ночи читал книгу, лежа на коротенькой кушетке.

5 апреля. Утром в 10 часов получилось известие, что нас не выпустят из дворца и сегодня. День прошел очень скучно. Усилен надзор, прекращены всякие свидания, не допущена и передача писем, хотя бы и распечатанных. Так, не допустили о. протодиакону свидания с женою и не передали распечатанное и прочитанное караульным офицером письмо. Днем спустился вниз, зашел в библиотечное зало и узнал от дежурного служителя, что можно взять для чтения книги, хранящиеся в шкафах, и что ключи находятся у него. Книги оказались все иностранные, нашлись между ними и на русском языке сочинения Гончарова. Я взял первую часть и, придя в свою комнату, с увлечением читал «Обыкновенную историю». После завтрака от 4 до 5 часов гулял на балконе, несколько слов сказал с бывшим наследником, здоровался с Государем, возвратился с прогулки. Лег спать в первом часу ночи и долго не мог заснуть.

6 апреля. Встал по обыкновению в шесть часов. Пропел про себя канон Пасхи и всю пасхальную службу. В 9 часов выпил чашку чая со сливками и булками и сел читать присланную от фр[ейлины?] Гендриковой книгу «На молитве в тишине и в буре» Поселянина. Около 12 часов видел из окна своей комнаты, как по дорожке в садике прошел Государь с сыном на прогулку под усиленным конвоем. В 4 часа гулял на балконе, а Государь с сыном ходил недалеко от балкона по парку и, возвращаясь в комнату, поздоровался со мною и сказал: «А вы еще здесь, и вас не пускают?» В 9 часов вечера заходил ко мне дворцовый комендант и мало утешительного сообщил о нашем скором освобождении. До поздней ночи читал газеты и Гончарова «Обломова».

7 апреля. Встал в 6 часов, пропел канон Пасхи, выпил чашку чая и, смотря в единственное окно своей комнаты, любовался, как садовники, работая в царском садике, освобождают кусты от связывавших их веревок, и как они радостно, получивши свободу, расправили свои ветки и получили свой прежний вид. О, поскорее освободили бы и нас! В 4 часа гулял на балконе, видел, как Государь с сыном и др. кололи лед на канаве и веревками вытаскивали его на поляну. Вечером читал и лег спать в час ночи.

8 апреля. То же, что и вчера, одиночество. Ко всему привыкает человек. Сегодня в половине седьмого часа служил всенощное, присутствовали все, кроме княжен еще больных Ольги и Марии. После службы обедал, а вечером читал правила, приготавливаясь завтра служить Бож[ественную] литургию.

9 апреля. Воскресенье. Литургию начал служить в 11 часов. Молился как-то особенно усердно. Сказал проповедь на слова Евангелия «показа им руце и ноze и ребра Свои...». Мысли взял из прекрасного «Слова» Димитрия Ростовского. Все слушали с большим вниманием. В 1 час позавтракал и пошел смотреть, как царская семья в поте лица с увлечением работает на канаве, вытаскивая лед. С 5 часов сидел в своей комнате и читал «Обломова». Как раз кстати...

10 апреля. Написал Керенскому заявление об освобождении меня из Александровского дворца: «Министру Александру Феодоровичу Керенскому от Настоятеля Феодоровского Собора. Состоя на службе: как Настоятель Феодоровского собора, как благочинный военных церквей Царского Села и Павловска, как председатель Епарх[иального] Уездного Ученого Совета, как уполномоченный Татьянинского

комитета по устройству беженцев, как законоучитель школ и приютов, я покорно прошу Министра освободить меня от дальнейшего пребывания в Александровском дворце и тем дать возможность исполнить все возложенные на меня неотложные служебные обязанности. Во дворце я был вызван для служения в дворцовой церкви на страстную неделю и первые два дня Пасхи, что и исполнил в точности. Что же касается до дальнейшего служения по воскресным и праздничным дням в дворцовой церкви, то я обязуюсь являться в назначенные для того дни и часы, если последует на то дозволение и мне будет разрешен вход и свободный выход из дворца после совершения богослужения. При сем имею долг заявить, что за отсутствием моим от места моего обязательного служения: беженцы не получают денежного пособия к празднику, учителя церковно-приходских школ могут остаться без жалованья, школы без экзаменов и причты военных церквей без должного руководства. Я же лично, оторванный от службы, дома и семьи, нахожусь в крайне неопределенном положении и относительно средств содержания. Мне до сего времени не выдано заслуженного жалованья по военному ведомству. Апр. 10. 1917».

В 11 часов началась литургия, пришли помолиться те же лица. После завтрака гулял в садике около балкона круглого зала и сделал несколько шагов по дорожке, причем часовой-солдат, стоявший тут же на карауле, грубо заявил: «Нельзя выходить с балкона», — на что я осмелился возразить: «Я не арестован и свободно могу гулять по дорожкам того маленького садика, который окружен часовыми» и, отойдя шагов двадцать от балкона, сел на скамью и просидел десять минут. В другой же раз от часового услышал запрещение в более мягкой форме: «Папаша, папаша, куда пошел, — нельзя!» С 5 часов вечера был в своей комнате и читал книги, принесенные от Гендриковой и газеты «Вечернее время».

11 апреля. Службы нет. Ждем Керенского, который обещался быть во Дворце и проверять охрану. Но Керенский не приехал. В два часа дня пришел ко мне Бенкендорф от Ее Величества с заявлением отслужить завтра в среду 12 числа Божеств. литургию, которую начать в 11 часов дня, а сегодня, во вторник, отслужить всенощное в комнате бывшего наследника, куда соберутся и все дети и служащие, в половине седьмого часа вечера.

Весь день сидел в своей комнате и из окна видел гуляющих в садике бывшего Государя и др. Мимо моего окна провезли в ручных креслах бывшую Государыню. Княжна Анастасия Николаевна увидела меня в окне и громко сказала матери: «Вон глядит батюшка!» Та улыбнулась, смотря вверх, и раскланялась. В половине седьмого служил в детской комнате всенощное, из комнаты бывшего наследника была раскрыта дверь в другую детскую комнату, где в кровати лежали больные княжны, Ольга и Мария, и наследник, простудившийся на канаве, где колят лед.

12 апреля. Среда. Бож. литургия совершена в назначенное время, присутствовали и молились те же лица. Ждем Керенского и боимся, как бы не пропустить его. Во дворец его ждут к 2-м часам дня. Все приняло какой-то ожидательный вид: в залах необычное оживление, чаще появляются служащие во дворце, проходят дежурные прапорщики, даже караульные-часовые-солдаты приличнее стоят и ведут себя на своих постах, певчие, протодиакон, псаломщик и я дежурием и ведем переговоры с служителями, даже бывший Государь, идя на обычную прогулку в свой садик, сделал распоряжение, чтобы его тотчас уведомили, когда придет министр. Ждем час, другой, третий, четвертый, все еще нет. Наконец, в пятом часу пронеслось слово: «Приехал». И сразу, не останавливаясь, прошел быстро в комнату Его Величества. Мы все столпились в коридоре у двери, ведущих в комнату Государя. Я подал свое заявление дворцовому коменданту.

Министра самого видеть не удостоились, но зато от коменданта, вышедшего из государевой комнаты и говорившего о нас с министром, получили радостную весть о нашем освобождении. Итак, сегодня, в среду 12 апреля, с восьми часов вечера мы свободны. Обедать не хотелось, собрали свои пожитки: книги, белье и пр. и отправили в дежурную комнату для освидетельствования, и когда все было готово, явились и сами, где были обысканы и получили разрешение остаться во дворец. Подана карета, перенесли в нее узелки и саквояж и я, возложив на себя крестное знамение, поехал домой. В 4 часа дома.

15 апреля. Поданы лошади в 6 часов вечера, чтобы ехать во дворец для служения всеобщего. Поехал с условием провести во дворце и ночь, но так как каждый приезд и выезд должен сопровождаться обыском в грязной дежурной комнате, то, после долгих совещаний для нас неизвестно с кем, дворцовый комендант сделал распоряжение под конвоем солдат выпустить нас из дворца и приехать на другой день к 10 часам утра для служения литургии. Вечерняя служба прошла в обычном порядке.

16 апреля. Служил литургию, говорил проповедь на неб[есных?] Мироносиц, присутствовали те же лица.

22 апреля и 23 апр[еля]. Тезоименитство бывшей царицы Александры Феодоровны. Еще 16 числа было сообщено, что Ея Величество просит привезти с собою на 22 апр. «Акафист», который и прочитать за всеобщим богослужением, что и было исполнено. В 6½ часов началась всеобщая служба, за которой в светлых праздничных платьях собралась вся царская семья: сын, четыре дочери и их родители и весь штат служащих. После шестопсалмия и «Малой Актении» был прочитан «Акафист Св. Велик. Георгию» и в конце особая молитва ее величеству царице Александре. На другой день к Божественной литургии в праздничных одеждах явились все те же лица. Молебен о здравии был совершен до литургии, а за литургиею вместо обычной молитвы о даровании победы была прочитана молитва к Св[ятой] м[ученице] ц[арице] Александре. Литургия закончилась словом, сказанным мною по случаю праздника. Подходивших для целования креста я поздравил, с подачею каждому просфоры, Государя с императрицей, а Государыню приветствовал с днем ее Ангела и пожелал ей душевного покоя, здравия, терпения в перенесении тяжелых дней и помощи от Господа по молитвам Святой мученицы Александры. На приветствии Императрица высказала благодарность, усиливаясь улыбнуться, но улыбка была страдальческая, болезненная. Все бывшие в храме, целуя крест, делали молчаливый поклон в ту сторону, где отдельно от всех, около ширмы, стояла царская семья. Вот и все отличие от обыденно проводимых в строгом заключении будничных дней. Грустно и тяжело до слез.

В Преполовение, 26 апреля, службы не было. 29 апреля, суббота. Обычная всеобщая и те же молящиеся, кроме бывшего наследника. Та же грусть и то ж одиночество; отрада и успокоение в молитве...

30 апреля. Служил литургию, говорил слово на слова Евангелия. «Бог есть Дух, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться». В то время, когда говорил я о душевных переживаемых страданиях, которые ставят человека, оставленного всеми, в невыразимо гнетущее состояние, — приводят в ужас, и единственное утешение он находит в молитве. В это время раздался невольный неудержимо вырвавшийся из чьей-то наболевшей груди вздох настолько сильный и громкий, что привел в удивление всех слушателей. И этот отклик душевной муки раздался с того места, где стояла одна только царская семья. После службы все приложились ко кресту.

5 мая служил всеобщую и 6 мая Божественную литургию. Пред литургиею в 10 часов был молебен. К литургии собралась вся царская семья и горячо молилась, празднуя день рождения Государя.

Объявили, что нет больше церковного вина, и я просил, чтобы достали простого виноградного красного столового вина. Принесли полбутылки какого-то вина, которое и пошло на службу. Вечером служил обычное всенощное и 7 мая, воскресенье, Божественную литургию. Молились те же лица и говорилась обычная проповедь. Вообще после каждой литургии говорю краткое поучение.

10 мая. Вознесение В 6^{1/2} часов всенощная праздничная с выносом на середину храма иконы, Лития и благословение хлебов. 11 мая в 11 часов Б[ожественная] литургия. Вся царская семья теперь, Слава Богу, поправилась и присутствует за всеми службами и внимательно слушает поучения, что видно из того, когда я начинаю говорить, все немного подвигаются вперед и стоят до конца. После службы, проходя по залу, со всеми здоровался, поздравил с праздником и сообщил о состоянии здоровья о. Александра особенно интересующимся доктору Боткину и французу.

13 мая, суббота и 14 мая воскресенье. Обычная служба в свое время. Вся царская семья 7 человек в сборе, стоят и молятся с начала до конца службы. Из свитских дам не была Нарышкина. Оказалось, что она не перенесла заключения, заболела и ее на руках вынесли из дворца и препроводили на ее квартиру в Екатерининский дворец. Приходила вся царская семья в ее комнаты попрощаться и проводить ее. Так и еще одним близким человеком стало меньше у семьи заключенного царя. 14 мая Нарышкина прислала за мною девушку с просьбою навестить ее, что и сделал я. Был у ней и 16 и 17 мая и по ее желанию помолился о ее здравии, исповедал и причастил. Она была очень рада, со слезами молилась сама и между прочим высказала, что мои слова за службами служат большим утешением для страдающей в неволе царской семьи.

20 мая. Суббота на Троицын день. Всенощная служилась более торжественно. Икону, убранную живыми цветами, вынесли на середину храма, Полиелей и благословение хлебов. С сегодняшнего дня цельные хлебцы, а равно и просфоры, будут даваться только бывшему Государю и бывшей Государыне, а детям их только по небольшому кусочку — нет муки! За богослужением были все семь человек, и, насколько было возможно заметить, более спокойные. Княжны даже переглянулись между собой и с улыбкою детства смотрели на подходящих к целованию иконы караульных офицера и солдата, не делающих поклон в сторону, где стоит вся семья бывшего царя, что делают обыкновенно все другие лица после целования иконы и благословения священника.

21 мая. Литургия началась на полчаса ранее 11 часов. Вся царская семья в полном сборе в светлых праздничных одеждах, бывший Государь и его сын в обыкновенных военных, защитного цвета рубашках с Георгиевским Крестом на груди. В алтарь принесли 25 букетов цветов из живых роз и др. для раздачи всем присутствующим во время Троицкой вечерни. Раздавал букеты сряду после литургии псаломщик. За вечернею я прочитал без пропусков все молитвы с коленопреклонением и все усердно молились. Вся служба продолжалась час три четверти. После службы меня в следующем зале ждали доктор Боткин и француз. Боткин задал недоуменный вопрос и просил объяснить: почему в последних изданиях Библии нет некоторых книг в Ветхом завете. Я объяснил, что в Ветхом завете должно быть 22 канонических книги, а остальные назидательные могли быть не помещены как только назидательные, а не канонические, т. е. не вошедшие в состав Библии. Француз желал знать о здоровье о. Александра, которого очень уважает, и генерала Петрова, руководителя воспитанием и образованием царских детей. Идя далее по залам, я увидал вдали, в конце коридора у дверей лифта стоит бывшая Государыня и как будто ждет. Я, поравнявшись с ней, остановился, делая

обычный поклон, она же, протягивая мне свою руку, с улыбкою сказала: «Поздравляю вас с праздником». Я поцеловал ее руку и пожелал ей доброго здоровья. Более говорить было нельзя, рядом стояли офицер и солдат, а там швейцар и караул. Семья бывшего царя и сам он неутомимо трудятся над землею, — вскопали в своем садике шестьдесят гряд и сами засеяли разную мелочь огородную и посадили картофель. Пример работнику мужику, получающему ныне по 12 руб. в день за копку огородных гряд.

22 мая. Духов день. Литургия была в обычное время, в 11 часов. Утренняя не служилась. За литургией присутствовали только Государыня и две княжны: Ольга и Татьяна Николаевны. Просили приехать для служения в среду ко всенощной и в четверг к литургии. Сегодня видел дворцового коменданта, который спросил, как мое здоровье и служба и успокоилась ли моя семья и духовные дети, видя меня свободным. Получил по телефону из дворца известие, что за мною будут высланы лошади к половине шестого часу, но оказалось, что и в 6 не подали их. Пошел, несмотря на дождь и грязь, пешком, да хорошо и сделал. Лошадей не прислали и после 6 часов.

24 мая за всенощной была вся царская семья и уже очень немногочисленная оставшаяся свита. Благословения хлебов не было за невозможностью доставить их. Сказали, что скоро не будет и просфор за неимением муки. Буксгевден просила помолиться о здравии ее больной матери Людмилы. Боткину передал о том, что Петрову сделали благополучно операцию в животе и не нашли раковых бацилл, и что хотя он слаб, но не безнадежен.

25 мая, день рождения бывшей Государыни. Молебны служили пред литургией, когда в церкви была только прислуга, а литургию начали в 11 часов, собралась вся царская семья, говорил обычное слово. Никаких поздравлений и церемоний, хотя бы предложили выпить чашку чая. Полная пустота. Просили сегодня же приехать во дворец отслужить панихиду по скончавшейся в Казани Людмиле Буксгевден. Выходя из дворца, сделал увещание часовым, стоящим у ворот, и заявил дежурному офицеру о неприличном их поведении. Уже не говоря о том, что часовые солдаты стоят неприлично, но еще и ругаются громко самыми скверными непечатными словами. Офицер сказал только: «Товарищи! Как не стыдно вам!» А товарищи так и остались товарищами... В 6 часов в дворцовой церкви с протодиаконем и певчими служил панихиду. Присутствовала дочь умершей и императрица с дочерьми.

27 мая. Суббота. В 6 часов служилась вторая панихида по рабе божией Людмиле Буксгевден и в половине 7-го часа обычная воскресная всенощная. Во дворец прошел чрез кухонные ворота по нижним коридорам и даже без конвоя прямо в церковь, где уже ждала фрейлина Буксгевден и просила завтра пред литургией ее исповедать и уже после литургии причастить. После всенощной по телефону дали знать, что очень больная невестка доктора Боткина просит завтра приехать к ней со Святыми Дарами, что и исполнил и причастил болящую Елену. Больную лечит сам Боткин, которого для этого выпустили из дворца. Узнал, что царских детей в настоящее время учат сами родители при помощи двух фрейлин, и особенно английским языком. Имел сегодня стычку с солдатами, лежащими на траве около Феодоровского собора. Солдат наговорил дерзостей насчет дармоедов попов и заключил свою речь словами: «Что, идешь болтать языком в церковь, только и делаете, что болтаете». Несмотря на это, солдаты признали, что топтать траву зря не следует, и мое замечание правильно. Встали и ушли.

28 мая. Воскресенье. Во дворец пропустили черным ходом. Прошел в церковь в 10 часов и исповедал Буксгевден, причем караульного солдата попросил уйти в другое зало, что тот и исполнил. В 11 часов

началась литургия, за которой не было только Алексея Николаевича. Государыня чрез камердинера спросила о здоровье о. Александра и пожелала узнать его квартиру. Просила также приехать завтра к 12 часам отслужить благодарный молебен по случаю дня рождения Татьяны Николаевны. По окончании литургии, когда все ушли из церкви, причастил Софию Буксгевден, которая так и просила причастить ее. Все ушли, а Государыня осталась в церкви и присутствовала во время причащения. Мне показалось, что Государь, имеющий бледный страдальческий вид, очень болен. Что-то волнуется его и он молча, терпеливо переносит свои страдания. Молится усердно и часто на коленях.

29 мая. Понедельник. Полчаса ждем пропуска у ворот дворца. Собираются любопытные, товарищи и праздный народ. Вышел на подъезд дежурный офицер и послал вестового сказать нам, чтобы шли к кухонным воротам. Пошли и опять ждали. Наконец, дозволили в сопровождении солдат пройти грязным коридором в церковь. Опоздали на 15 минут. Когда пришли в зало, то вся свита была уже в сборе. Тотчас же явилась и вся царская семья. Молебен продолжался двадцать минут. Поминали благоверных рабов Божиих Николая Александровича, супругу его Александру Феодоровну и чад их: Алексея Николаевича, Ольгу Николаевну, Татиану Николаевну, Марию Николаевну и Анастасию Николаевну. Многолетия не было. Подходили ко кресту дети с довольными улыбающимися лицами. Выпустили из дворца очень скоро.

3 и 4 июня. Суббота и воскресенье. Обычного приглашения служить в дворцовой церкви не было, лошади же были поданы в 6 часов вечера. Я был дома, оделся и поехал. Всенощная началась в половине седьмого часа. Присутствовала вся царская семья за службою, шедшею обычным порядком ровно час. После службы пошел домой пешком, так как неверно сказали кучеру приехать в 8 часов. В воскресенье литургия началась в свое время и шла с 11 до 12 часов дня. Были за службою и Государь, и Государыня и все пять человек детей их. Слово говорил на Евангелие об избрании первых учеников Господом Иисусом Христом, коснулся и о народном избрании Преосвященного Вениамина на Петроградскую кафедру подавляющим большинством голосов, несмотря на то, что Пр[еосвященный] Вениамин не имел еще самостоятельной епархии, а лишь только был викарием и самым младшим из кандидатов избрания. Получил приглашение завтра отслужить молебен.

5 июня. Понедельник. В 12 часов дня служил в дворцовой церкви благодарственный молебен по случаю дня рождения Анастасии Николаевны, которой исполнилось 16 лет. Вся царская семья и их свита молилась за молебном. Пред целованием креста сказал несколько слов о той радости, которую испытывают родители, имея благонаправленных, сердечно любящих, детски верующих, беззаветно послушных детей своих, и какая бывает радость у детей, живущих под бдительным уютным крылом родимых матери и отца. Прикладываясь ко кресту, Государь сказал: «Благодарю вас, батюшка, за ваше доброе слово утешения». Молебен продолжался полчаса, была прочитана молитва с коленопреклонением и упоминанием по имени всех лиц царской семьи: благоверных рабов Николая Александровича и супруги его Александры Феодоровны и чад их: Алексея Николаевича, Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, Марии Николаевны и Анастасии Николаевны, получил приглашение приехать во дворец в субботу 10 июня отслужить всенощное бдение.

10 и 11 июня. Суббота 6 часов вечера. Подъехал в карете к дворцовым воротам и попросил часового вызвать дежурного офицера для пропуска во дворец. Прошло минут пять, является офицер с двумя солдатами и требует пропускной билет. Я сказал, что до сих пор, вот

уже три месяца, меня пропускают без билета. «Нельзя, — ответил юный прапорщик, — я вас не знаю, да и кто может поручиться за вас?» «Хорошо, — сказал я, — если не пускаете, то я уеду домой. Вы об этом заявите коменданту». Тогда одумался товарищ и по телефону переговорил с адъютантом дворца. Ворота были открыты и дан пропуск. В это время приехали о. протодиакон, псаломщик и четыре певчих. И так кажинный раз, все на этом месте! За всенощной молилась вся царская семья — семь человек. Служба шла ровно час. Выпустили из дворца без затруднений.

11 июня. Воскресенье. Литургия шла обычным порядком в присутствии всей царской семьи и служащих во дворце, кроме Нарышкиной и Боткина, выбывших из дворца по болезни. По окончании литургии в 12 часов поехал в городской Екатерининский собор и принял участие в служении молебна пред чудотворным образом святителя и чудотворца Николая, принесенного торжественно, с крестным ходом, из г. Колпино в Царское Село. В среду будет день рождения великой княжны Марии Николаевны, а потому просили приехать к 12 часам дня для служения молебна.

14 июня. Среда, день рождения княжны Марии Николаевны. В дворцовой церкви служил благодарный молебен. Вся царская семья, кроме царицы, еще гуляла в своем парке, когда мы уже в облачениях стояли в церкви. Проходя по залу, все дети с улыбкою оглядывались в нашу сторону и спешили в свои комнаты переодеться и не опоздать к молебну. Ровно в 12 часов дня начался молебен в присутствии бывшего Государя, бывшей Государыни и пятерых детей. Пред целованием креста я сказал: «В воскресенье 11 июня из г. Колпино в Царское Село был торжественно, с крестным ходом, принесен чудотворный образ святителя и чудотворца Николая и поставлен в Екатерининском соборе. После службы во дворце я успел приехать в собор и принять участие во всеобщем молении пред иконою св. Николая о ниспослании, по молитвам угодника, милостей господних и плодотворного дождя на иссохшую, жаждущую землю. Горячо и усердно я молился и о честном доме сем и о живущих в нем, и о всех служащих при них... «Да, нам особенно в настоящее ужасное время нужна помощь Святителя! Нужно это правило веры в переживаемое неверное, колеблющееся безверное время. Нужен этот образ кротости и христианской любви для одичалых, надменных, озлобленных, жаждущих кровавых казней, явных и тайных врагов нашей родины. Нужно это воздержание для людей, безнаказанно захватывающих чужую собственность, чужое достояние, жадных до наживы, потерявших стыд и совесть, корыстных хищников. Святитель Николай при жизни своей был всем доступен: он был отец сирот, питатель нищих, утешитель печальных и плачущих, покровитель угнетаемых, защитник невинно осужденных и томящихся в неволе. Каков был при жизни угодник Божий, таков он и теперь. Будем же молиться ему: да испросит он от Господа Отца Небесного мир, тишину, здравие, душевный покой и водворит утраченный порядок в погибающей от крамолы и разорения стране нашей». Государь, прикладываясь ко кресту, сказал: «Благодарю вас». Заметен новый порядок: чистота на дворцовой площади, приличное стояние часовых солдат на карауле. Первый раз не пришлось стоять у ворот и ждать дежурного офицера для пропуска.

17 и 18 июня. Пока идет полный порядок. Ждать дежурного офицера не пришлось. Всенощная началась в дворцовой церкви в свое время. Молилась вся царская семья, кроме бывшего наследника Алексея Николаевича. В воскресенье за литургией присутствовала вся царская семья и слушала мое слово на Евангелие о смирении и кротости как высших христианских добродетелях и жизнь преподобного

Николы Святителя. На этой неделе праздников нет, а потому просили приехать только в субботу к половине седьмого вечера.

20 июня. Вторник. Утром в 9 часов по телефону дали знать, что к 12 часам дня будут поданы лошади для приезда во дворец, где в половине первого часа назначено служение благодарственного молебна по случаю наступления наших войск и победы, одержанной нами на Западном фронте Конюхи-Бышки. В назначенное время в присутствии всей царской семьи и их свиты был отслужен молебен с провозглашением протоиереем многолетия богохранимой Державы Российской, христианскому воинству и всем православным христианам, певчие придворные пропели «Многая лета» и «С нами Бог». Я сказал: «Слава и благодарение Господу Богу! Благоразумие взяло верх над безумием. Видно, слезные горячие молитвы верующих услышаны Отцом Небесным. Весь исстрадавшийся от страшных потрясений народ воспрянул духом. Христолюбивое воинство, осенив себя крестным знаменем, дружно ринулось на злодеев-врагов и, прорвав сильные неприятельские заграждения, одержало блистательную победу, обратив в бегство и захватив более 10 000 в плен неприятельского войска. Дай же Господи, чтобы наше победоносное начало поскорее приблизило к концу и эту страшную, кровавую мировую человеческую бойню и даровало мир, порядок и покой для всех народов».

24 июня. Всенощная в Александровском дворце служилась в обычное время и в том же порядке. Разница была только в том, что прикладываясь к Евангелию, после их Величеств шли их дети по старшинству: Ольга, Татиана, Мария, Анастасия и последним Алексей, чего не было раньше, Алексей Николаевич всегда шел первым после родителей. Особенность впрочем состояла и в том, что за мною был послан экипаж в одну лошадь, а не карета, как было до сего времени. Долго не пропускали из дворца и наконец задержали еще у ворот. Солдат, провожавший нас вместо дежурного офицера (которому я сказал: «Почему так обращаются с нами? На дожде, в холод, стой у ворот и чего-то жди, мы люди свободные и должностные»), потребовал от меня какой-то пропускной билет от военного коменданта, но когда же на это я спросил: «А у вас у самих есть таковой пропуск?», то недовольный моим ответом провожатый отдал часовым приказ задержать духовенство и, крутя руками папиросу и посплюнув ее, ушел во дворец, оставив нас стоять у ворот. Однако в это время из дворца по телефону дали знать часовому пропустить, и мы были выпущены.

25 июня. Воскресенье. Божественная литургия совершена в свое время в присутствии всей царской семьи. Говорил о Святой земле и о тех священных местах, где родился, жил и проповедовал Иоанн Креститель, день рождения которого св. церковь празднует 24 июня. Вход во дворец и выход из него прошел без недоразумений. Проходя по залам и обмениваясь несколькими фразами, заметно тягостное гнетущее настроение у живущих в заключении.

28 июня. Среда. По телефону из дворца сообщили, что будет служба сегодня и завтра, 29 числа. Лошадей подадут к 6 часам вечера. Всенощная началась в половине седьмого часа вечером. Была вся царская семья, кроме Государя, которого мы видели при входе в коридор дворца. Он перед нами вышел из своей комнаты и чрез коридор прошел на другую половину, из чего можно заключить, что ход по всем комнатам нижней половины дворца для него свободный. За службою, прикладываясь к праздничной иконе, бывший наследник шел последним, после сестер.

29 четверг. Литургия в 11 часов. Вся царская семья была в церкви. Говорил о св. апостолах Петре и Павле. Проводил ту мысль, что один из апостолов ярко горел любовью и беззаветною преданностью ко Христу, а другой не с меньшею, если не большею, горячностью пылал гневом и ненавистью к Сыну Божию; и как тот и другой, без

особой благодати Божией, оказались ничтожны к восприятию и познанию воплощенной истины. Апостол Петр после твердого исповедания веры, троекратно отрекся от Христа, а апостола Павла могло вразумить только необыкновенное чудо, совершившееся над ним для его вразумления. Литургия кончилась в 12 часов, и мы без затруднений вышли из дворца.

1 июля. Суббота. День сокращен на час времени, и часовая стрелка переведена ночью с 12 часов на 1 час вперед. Была совершена обычная всенощная, за которой молилась вся царская семья и все служащие при ней. Лошади для меня и причта были поданы с запозданием. Вход и выход оказался без всяких затруднений и часы во дворце были поставлены по новому распоряжению на час вперед.

2 июля. Воскресенье. Пред литургией в 10 часов служилась панихида по Людмиле Буксевден, 40 день со дня ее смерти, с протодиаконом и певчими. Литургия началась в 11 часов в свое время. Вся царская семья и служащие собрались к началу литургии, а бывший наследник Алексей Николаевич пришел к херувимской тихо и незаметно, отдельным ходом, прямо в алтарь и стал прислуживать в алтаре: брал от псаломщика кадило, относил его на место и вновь подавал для передачи протодиакону. Это первый раз юный любимец своих родителей обнаружил склонность принять личное деятельное участие в церковном богослужении. В конце литургии говорил на слова Евангелия: «И видя веру их, рече расслабленному: дерзай чудо». Господь исцелил расслабленного по вере, по молитвам, принесших расслабленного, который сам не мог, не в силах был молиться и просить. Вот что следует делать и нам всем, когда мы сами почему-либо не можем, не в силах, не надеемся на свои молитвы, просить других. Но кого? Кто ближе к Богу и расположеннее к нам. А кто это? Это святые угодники Божии, это люди, любящие нас, близкие к нам, родные наши и наконец те, которые самим Богом поставлены молиться о нас. Апостол Иаков говорит: «Призовите пресвитеры церковные и да молитву сотворят». Прося других, будем стараться и сами молиться за других. Чем иногда поможешь другому? Помочь хочется, помочь нужно, страдаешь, скорбишь, иногда больше скорбящего, а помочь нечем. Одна молитва даст помощь, даст жизнь и силу».

8 июля. Суббота. В 6 с половиной часов служилась обычная всенощная, за которой присутствовала вся царская семья, возвратившаяся к этому времени с прогулки. Я видел, как торопливо шли все дети и, сидящую в кресле, везли по залу царицу, рядом с нею шел царь. Всенощная продолжалась только три четверти часа и кончилась ранее обыкновенного.

9 июля. Воскресенье. От 11 часов до 12 с четвертью совершалась Божественная литургия, молилась вся царская семья и уже небольшой состав прислуги. Наследник заходил в алтарь, где ему подана была теплота и кусочек антидора. Говорил на слова Евангелия об исцелении слепцов. Нарисовав картину бедственного состояния слепца, потерявшего телесное зрение, перешел к слепоте духовной. «О, какое множество в переживаемое нами страшное время людей, ослепивших свой разум. Невольно объемлет ужас, когда видишь и слышишь, до чего может доходить человеческое ослепление! Нет той лжи, которой бы не стал выдавать за истину человек, ослепленный страстию; нет той неправды, которой бы не стал оправдывать; нет преступления, на которое он бы не решился. Голос страсти ослепляет все, не только голос благоразумия, но и голос родства крови: брат восстает на брата, сын на отца, дочь на мать. Но ужаснее всего человек-тварь восстает на Бога-творца и Промыслителя вселенной. От такого ослепления да сохранил нас Бог своею великою милостию». Просили приехать одиннадцатого июля к 12 часам дня для служения молебна. Псаломщик попросил приготовить цветы, которыми бы можно было у-

расить икону с изображением св. Ольги, но ему отказали, заявив, что теперь во дворец цветов приносить не дозволяется. Из бывших царских оранжерей цветы распродают, даже вынесли и все растения — пальмы из зал дворца и куда отправили неизвестно. Во всем идет урезка и сокращение.

11 июля, день св. Ольги. В 12 часов дня служил в дворцовой церкви молебен пред иконою св. Бл[аговерной] В[еликой] К[нягини] Ольги, принесенной из комнаты именинницы Ольги Николаевны. Вся царская семья и небольшая их свита собралась с опозданием на 5 минут. Св. икона скромно была убрана зеленью и несколькими простенькими розанчиками. Пред целованием иконы и креста я сказал: «Св[ятая] Бл[аговерная] В[еликая] К[нягиня] Ольга, память которой ныне празднуется, как известно по истории, была родом псковитянка. Случайно сделавшись супругою Великого князя Киевского Игоря, по смерти его в 962 году стала правительницей Русского царства за малолетством сына своего Святослава. Как язычница, где коварство, злоба и месть считаются явлением законным и даже героически похвальным, Ольга, по-язычески, коварно и зло, расправилась с врагами, убившими ее мужа Игоря. Но как от природы одаренная великим умом и на все доброе отзывчивым сердцем, скоро изменилась, познав чистоту Евангельского учения и христианскую любовь и по принятии крещения совершенно переродилась, сделавшись скромною, кроткою, любящею благотворительницею не только для приближенных, но и для врагов. Вот как велико и неоцененно благо Христовой веры, как счастливы мы все, что родились, крестились и воспитались христианами. О, дай же, Господи, чтобы по молитвам святой Ольги дорогая именинница наша, воспитанная благоверными родителями своими в вере православной, осталась и навсегда такою же девственно чистою, невинною, кроткою и сердечно любящею, какою она есть до сего дня». Прикладываясь ко кресту, Государь сказал: « Благодарю вас»; все остальные молча целовали крест и взаимно руку, окропляющую их святою водою. Когда выходили из алтаря, то в зале уже не было ни одного человека, и караул ушел вперед, сопровождая певчих. Бывший наследник подходит ко кресту каждый раз последним, и мне подается одна лошадь, бывшая у ктитора Феодоровского собора Д. Н. Ломана и зачисленная в достояние правительства.

15 июля. Суббота. Всенощная служилась в свое время и вся царская семья, с тем же штатом служащих во дворце присутствовала при богослужении. По окончании службы камердинер императрицы от имени Ея Величества спросил о здоровье о. Александра Васильева, где он находится и скоро ли вернется домой? Сообщил и о том, что императрица желала бы в день памяти Преподобного Серафима 19 июля отслужить Божественную литургию в дворцовой церкви, а 18 числа всенощную. На это я просил передать, что в Феодоровском соборе в этот день престольный праздник в Пещерной церкви и предположено совершить в нем торжественное соборное служение. Мне, как настоятелю собора, хотелось бы служить у себя в соборе. Но если Ея Величество желает, чтобы была служба во дворце и для этого никто не заменит, то я исполню желание Ея Величества и буду служить во дворце.

16 июля. Воскресенье. Литургия была в свое время и вся царская семья молилась; ко кресту первым после родителей подходил, как и раньше, наследник, и потом княжны. За службою смутил меня о. протодиакон, прочитавший не то Евангелие: вместо насыщения 5-ю хлебами 5 тыс. человек он читал об изгнании бесов в стране Гадаринской, и пришлось мне говорить не то, что обдумал раньше службы. Мысленно воззвал я: «Господи, вложи в недостойные уста мои слова, достойные к прославлению Святого имени Твоего». И Господь помог мне: ярко обрисовав современное положение русского народа, ложно

понявшего дар свободы и обратившего этот божественный дар в безумие, произвел анархию и унижение, до чего довел себя и один из высших духов — Денница, восставший на Бога Творца своего и в своем безумном своеволии унизивший себя до того, что решил просить как милости войти в стадо нечистых животных — свиней, окончил молитвою: «Господи, пощади нас, вразуми и научи нас творить волю не свою, а Твою Божественную». По выходе из церкви г. Бенкендорф передал мне желание императрицы, чтобы 19 июля я служил в Феодоровском соборе, во дворце же службы в этот день не будет. В субботу же, 22 июля, в день ангела Марии Феодоровны просят приехать во дворец к 6 часам вечера отслужить молебен до Всенощной.

22 июля. Суббота. В 6 часов вечера был отслужен молебен святой равноапостольской Марии Магдалины без многолетия, в присутствии всей царской семьи. Сразу же после молебна началась Всенощная, которая окончилась на четверть часа раньше обыкновенного.

23 июля. Божественная литургия была в свое время при тех же молящихся и в том же порядке. Наследник прислуживал в алтаре, а к концу литургии ушел в зал, где стояла вся царская семья, и вместе со всеми слушал мое слово о праздновании в Феодоровском соборе памяти преподобного Серафима. Я же между прочим сказал: «Приношу сердечную благодарность за то, что имел возможность совершить торжественное соборное служение всенощной и Божественную литургию в том дивном пещерном Серафимовском храме, где так много сохранилось воспоминаний и о благолепных святительских службах, и о тех великих богомольцах, которые, особенно в дни поста и покаяния, любили усердно молиться пред гробиком, бережно хранящим в себе и частицу мощей преподобного Серафима, и часть от его одежды, и кусочек его молитвенного Камня». Все слушали с вниманием и чувствовалось, что дух преподобного Серафима был среди молящихся. По окончании литургии, спускаясь вниз по лестнице, невольно и резко бросилась в глаза грязь, неряшливость и запущенность этого дивного по красоте и всегда идеально чистого царского подъезда. Вся лестница перед входом в комнаты Их Величеств загрязнена птичьим пометом, брошенными окурками папирос и неметенным сором. Самая площадь перед дворцом и дорожки, идущие кругом дворца, заросли сорною травой, газоны истоптаны часовыми солдатами.

29 июля. Суббота. В 6 часов вечера два экипажа подъезжали к дворцу, хотя и с разных сторон, но в одно время. Из одного вышел я, а из другого мои сослуживцы о. протодиакон Николай и псаломщик. Недолго простояв у ворот и дождавшись дежурного офицера, мы вошли в парк и видим, что есть — совершается что-то необычное: разметена площадь, убран сор, вычищена лестница, какое-то приподнятое настроение часовых и особенно развязное оживление на крыльце так называемых товарищей. Со слов дежурных офицеров нам стала известна и причина происходящего оживления. Назначен отъезд бывшего царя Николая Александровича и его семьи из Царского Села и все готово к отъезду, который предполагается совершить в понедельник 1 августа. Но куда? Неизвестно. Есть предположение уехать в глубь России на Волгу в г. Кострому... В зале дворца встретившие нас Бенкендорф и Оболенский сказали, что завтра, в воскресенье после Божественной литургии предполагается около двух часов дня служение молебна, для чего из Знаменской церкви будет принесена чудотворная икона, а потому нас задержат на несколько часов. Я спросил: «Какой молебен, напутственный?» На это нерешительно ответили: «Да, можно сделать так, чтобы он был и напутственным, а впрочем, делайте, как сами знаете». Вот какая неожиданность! Чье распоряжение? Какая причина? И по желанию или по принуждению это

делается? Никто сказать не может. Даже неизвестно и то, кто будет сопровождать, охранять и служить при беспомощной, увозимой из родного своего дома, может быть в даль, в глушь, еще на большую скорбь, на большие лишения, этой бывшей царственной, а ныне оскорбленной, поруганной и униженной семьи.

30 июля. Воскресенье. День рождения бывшего наследника Алексея Николаевича. По приезде во дворец в 10 часов утра прошли прямо в церковь в сопровождении дежурного караула. Приготовлений к отъезду никаких незаметно. Камердинер, пришедший от бывшей императрицы, принес небольшой пучок гвоздики и сказал: «Ее Величество просит вас положить эти цветы на образ знамени Божьей Матери, который принесут к двум часам в дворцовую церковь. Эти цветы, во время молебна полежав на иконе, должны быть возвращены Ее Величеству обратно. Она желает взять их с собою в дорогу». Сообщил и о том, что нам после совершения литургии приготовлен завтрак в покоях Марии Феодоровны, а для певчих в небольшом зале подле церкви. Больше никаких распоряжений ни от кого не получено. В 11 часов началась литургия. Как-то невольно чувствовалось, что это последняя Божественная литургия совершается в бывших царских покоях, и последний раз бывшие хозяева своего родного дома собрались горячо помолиться, прося со слезами, коленопреклоненно, у Господа помощи и заступления от всех бед и напастей. За литургиею присутствовала вся царская семья и вся их уже очень малочисленная прислуга. К 12 часам литургия кончилась. Давая целовать крест, я сказал последнее слово на чтенное Евангелие, где между прочим указал, что выше нет любви, как любовь родителей к своим детям. «Каких трудов не предпримут, каких лишений не испытают родители для своих детей, лишь бы им было хорошо. Но нигде с такою поразительною силою не выражается любовь родительская, как при болезни детей. Сколько горести слышится в словах отца: «Господи, помилуй сына моего, он тяжело страдает». Или какой раздирающий душу вопль вырвался из груди матери-хананеян: «Помилуй меня, Господи, дщи моя зле беснуется». Мать болеет сильнее дочери и просит помиловать ее — мать. Когда же милосердный Бог услышит молитву и воздвигнет от одра болящего, то кто опишет радость родителей? Дай же, Господи, чтобы и дети, испытывающие на себе добрые плоды любви родительской, могли также сказать, как сказал Святитель о своей матери: «Забвенна буди десница наша, если мы когда-либо забудем Тебя, наша дорогая Матушка». Ныне духовно праздную день рождения благоверного Алексея Николаевича, для своих пожеланий я не подберу слов, не умею выразить словами того, что желало бы сказать мое сердце. Но убежденный в истине слов. Сердце сердцу весть подает, я глубоко уверен, что и без слов мои сердечные пожелания отзовутся, проникнут в отзывчивые сердца здесь стоящих и молящихся». Бывшая царица плакала, а бывший царь, видимо, волновался. Целуя крест, Николай Александрович сказал: «Благодарю вас», все остальные подходили и целовали крест молча. Так кончилась моя последняя служба в Александровском дворце для бывшей царской семьи. После литургии пригласил лакей завтракать. Подавал он же к столу кусок какого-то жирного очень мяса с картофелем, холодные макароны, компот из чернослив, кофе, квас и по рюмке еще какого-то красного вина, по кусочку черного хлеба и очень маленькой булки. В половине второго часа, не получая никаких распоряжений, мы сами решили идти встречать икону: в облачениях, с певчими направились к главному подъезду, но оказалось, что икону несут к 4-му подъезду, запертому на замок, пошли на 4 подъезд и мы, где и остановились в ожидании открытия дверей. Минут через 10 ключи нашлись, дверь открыли и мы с пением тропаря «Необориму стену и Источник чудес» встретили показавшуюся в дверях св. икону,

сопровождаемую о. пр. Сперанским со своим диаконом. Икону торжественно пронесли по коридорам дворца и поставили, не снимая с носилок, посередине церковного зала. Тотчас же явилась вся царская семья, свита, прислуга и караул. На икону, на венчик младенца Спасителя я положил цветы гвоздики. Начался молебен. Царская семья, преклонив колена, усердно молилась, стоя на своих обычных местах. Ектений, Апостол и Евангелие и молитва читались по чину напутственного молебна, а тропарь, запевы и вторая молитва были взяты из молебна ко св. Богородице. Молебен кончился многолетием Державе Российской, Ее правительству, воинству и всем предстоящим и молящимся в храме. По окончании молебна все приблизились к иконе и, земно кланяясь пред нею, приложились к лику Богоматери. Я снял лежащие на иконе цветы и подал их бывшей императрице, целуя ее руку. После этого бывший государь молча подошел ко мне под благословение, за ним супруга его, дочери и бывший наследник. Икону подняли на руки принесшие ее солдаты и понесли через круглое зало в парк. За иконою шло духовенство, певчие, царская семья на балкон, до спуска в парк, где и остановились. Икону понесли дальше, а мы, возвращаясь в церковь, уже окончательно последний раз поклонились бывшему царю и его семье. Разоблачившись, выйдя из алтаря, мы оказались одни. Все разошлись по своим местам. Дежурный караул проводил нас до ворот парка, где ждали поданные три коляски: для меня, протодиакона с псаломщиком и четырех певчих. Так, молча, незаметно, но совесть моя чиста, я уверен, не бесследно кончилось мое пятимесячное служение в церкви Александровского дворца для заключенной семьи царственного Дома Романовых.

1 августа, без четверти в 6 часов утра дворец Александровский лишился своих жильцов — опустел... Всю ночь никто не ложился спать. Ночь прошла тревожно. К утру были поданы автомобили, и вся бывшая царская семья, измученная долгим ожиданием, со слезами простившаяся с родным домом, отправилась в дальнюю дорогу, в неизведанную глушь, в холодную Сибирь.

2 августа. Появились газетные известия о выезде семьи Романовых в Тобольск.

3 августа. Четверг. В 12 часов дня приехал ко мне на квартиру гр. Бенкендорф и привез с собою в футляре наперстный хрустальный в золотой оправе на золотой цепочке крест. Вручая крест мне, граф сказал: «Их величества, бывший Государь и бывшая Государыня поручили мне передать Вам этот крест на память от них в благодарность за вашу прекрасную усердную службу, за ваши утешительные слова и назидания, которые так глубоко проникли в их сердца и успокоительно на них действовали. Эту сердечную благодарность они выражают как от себя, так и от своих детей. Просят ваших молитв, в которых так нуждаются и надеются найти отраду и утешение». Сообщил и о том, что последняя ночь на 1 августа для всех отъезжающих очень грустно и весьма тяжело. Было сделано распоряжение собраться в дорогу к часу ночи, но утомительно пришлось ждать одетыми по-дорожному до 6 часов утра. Дня за три до отъезда было известно, что временное Правительство решило переселить бывшего царя из Царского Села. Но куда? Неизвестно. Просились на Юг, в Крым, и радовались, особенно дети, получить свободу, избавившись от строгого затвора. Но когда было сказано, чтобы запасались теплыми одеждами, к ужасу стали догадываться, что поедут на Север, а когда стало известно о дорожном запасе провизии на пять суток, то к еще большему ужасу стали предполагать о месте ссылки Тобольск. Со слезами выехали из родного дома. Вместе с ними добровольно поехали: кн. Долгоруков, доктор Боткин, француз учитель, Гендрикова, Шнейдер и няни. Весь состав с прислугою около 50 человек. Послед-

ние слова бывшего Государя были: «Мне не жаль себя, а жаль тех людей, которые из-за меня пострадали и страдают. Жаль Родину и Народ!»

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2077. Л. 1—28 об. Автограф. Подлинник.

Примечания

¹ В конце февраля 1917 г. царские дети заболели корью.

² Вырубова А. А.— фрейлина императрицы Александры Федоровны, ближайшая подруга царской семьи.

³ Нарышкина Е. А.— гофмейстерина императрицы Александры Федоровны; Долгорукая О. П.— княгиня; Гендрикова А. В.— графиня, фрейлина Александры Федоровны; Буксгевден С. К.— баронесса, фрейлина Александры Федоровны; Долгоруков В. А.— князь, генерал-майор, состоял при Николае II; Боткин Е. С.— лейб-медик; Деревенко В. Н.— доктор медицины, почетный лейб-хирург; Бенкендорф П. К.— граф, обер-гофмаршал.

⁴ Шнейдер Е. А.— гоф-лектриса Александры Федоровны.

⁵ В дневнике Николая II за 30 марта 1917 г. упомянутого об этом: «В 6 час. пошли к службе 12 Евангелий, отец Беляев молодцом прочел их один».

⁶ Ошибка А. И. Беляева. Он имел титул графа.

⁷ Жильяр П. — швейцарский гражданин, гувернер Алексея Николаевича.

ЖАРКОЕ ЛЕТО СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Документы ГКО и Ставки периода Смоленского сражения.

Июль — сентябрь 1941 г.

В историографии Великой Отечественной войны Смоленское сражение (10.07 — 10.09. 1941 г.) традиционно рассматривается как успешный результат оборонительных и наступательных операций РККА, поскольку группа немецко-фашистских армий «Центр» не смогла продолжить безостановочное продвижение к Москве. Предлагаемая вниманию читателей подборка документов и материалов знакомит с различными малоизвестными сторонами и деталями упомянутых войсковых операций. В нее помимо приказа и постановления Государственного Комитета Обороны (документы № 1 и 5) включены материалы оперативного характера — записи переговоров по прямому проводу И. В. Сталина с командованием фронтов, а также их доклады, донесения, направленные в Ставку и ГКО. Вводимые в научный оборот документы наглядно характеризуют как проблемы, возникавшие в ходе сражения, так и методы руководства войсками со стороны Ставки, ГКО и Верховного Главнокомандующего (например, документы № 1, 2, 4).

Особое место занимает документ № 10 о выходе из окружения частей 22-й армии. В нем приводятся сведения о потерях в живой силе и технике по каждой из дивизий, вышедших из окружения, причем в сопоставлении с данными списочного состава перед вступлением в бой. О неадекватной цене «успехов» свидетельствует и последний материал в подборке — донесение уполномоченного ГКО по Смоленской области о положении в освобожденных районах и в частях 30-й армии.

Документы находятся в Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ).

Публикацию подготовили С. А. МЕЛЬЧИН, Ю. В. СИГАЧЕВ, А. С. СТЕПАНОВ.

№ 1

Приказ № 02 Государственного Комитета Обороны об организации обороны г. Смоленска

16 июля 1941 г.

Москва, Кремль

Совершенно секретно

По сведениям Государственного Комитета Обороны командный состав частей Западного фронта проникнут эвакуационными настроениями и легко относится к вопросу об отходе наших войск от Смоленска и сдаче Смоленска врагу. Если эти сведения соответствуют действительности, то подобные настроения среди командного состава Государственный Комитет Обороны считает преступлением, граничащим с прямой изменой Родине.

Государственный Комитет Обороны обязывает вас пресечь железной рукой подобные настроения, порочащие знамя Красной Армии, и приказать частям, защищающим Смоленск, ни в коем случае не сдавать Смоленска врагу.

Государственный Комитет Оборона приказывает вам:

1) Немедля организовать мощную оборону Смоленска, способную отбить любые атаки обнаглевшего врага;

2) Драться за Смоленск до последней возможности, не сдавать врагу Смоленска и не отводить части от Смоленска без специального разрешения Ставки;

3) Поддержатъ оборону Смоленска активными действиями наших частей по всему Западному фронту.

Государственный Комитет Оборона возлагает ответственность за оборону Смоленска лично на Главкомзап т. Тимошенко и члена Военного совета т. Булганина.

Председатель Государственного Комитета Оборона И. Сталин

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 478. Л. 15. Подлинник.

№ 2

Запись переговоров по прямому проводу И. В. Сталина с Главнокомандующим войсками Западного направления С. К. Тимошенко о подготовке контрудара в районе г. Смоленска)

20 июля 1941 г.

Совершенно секретно

У аппарата **Сталин**. Здравствуйте. Вы до сих пор обычно подкидывали на помощь фронту по две, по три дивизии и из этого пока что ничего существенного не получалось. Не пора ли отказаться от подобной тактики и начать создавать кулаки в семь-восемь дивизий с кавалерией на флангах. Избрать направление и заставить противника перестроить свои ряды по воле нашего командования. Вот, например, нельзя ли из трех дивизий Хоменко¹, трех дивизий орловских, одной танковой дивизии, которая уже дерется под Ярцевым, и одной мотодивизии добавить, может, еще две-три дивизии из Резервной армии, прибавить сюда кавалерию и нацелить всю эту группу на район Смоленска, чтобы разбить и вышибить противника из этого района, отогнав его за Оршу. Я думаю, что пришло время перейти нам от крохоборства к действиям большими группами. Все.

Тимошенко. Я думаю, правильно будет осуществление замысла изложенного Вами, тем более последние данные говорят за то, что противник всеми своими силами танковых частей и мотодивизий на направлении Смоленск действует северо-западнее на Ярцево, и все-таки главная группа танков на Ельне, блокируя танками и мотопехотой непосредственно Смоленск. И, конечно, угроза создается Смоленску и на узком фронте непосредственно на Ярцево. Удар, рекомендуемый Вами, т. е. мощный удар именно на Смоленск, без больших обходов может решительно сказаться в нашу пользу. Все.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 482. Л. 1-2. Телеграфная лента.

№ 3

**Запись переговоров по прямому проводу
заместителя наркома обороны СССР Г. К. Жукова
с командующим кавалерией Красной Армии
О. И. Городовиковым
о подготовке конного рейда по тылам противника**

21 июля 1941 г.

Совершенно секретно

У аппарата генерал армии **Жуков**.

У аппарата генерал-полковник **Городовиков**.

Жуков. Здравствуйте, тов. **Городовиков**.

Народный Комиссар Обороны тов. Сталин приказал мне Вам передать:

1) Выпустить конницу для действия по тылам противника по маршруту, указанному в директиве*. У нас имеется большое сомнение в пропуске ее восточнее Бобруйска, так как по всем данным на фронте Бобруйск, Пропойск действуют плотные группировки противника.

2) Если не сумеете пропустить конницу за линию фронта 22.7.41, необходимо выпустить ее с таким расчетом, чтобы она прошла линию фронта перед рассветом 23.7.41.

3) Никакого особого воздушного обеспечения коннице сейчас не давать, чтобы не привлекать внимание противника к району действий конницы. Поддержку с воздуха коннице нужно будет оказывать тогда, когда противник будет ее бить с воздуха. Для этого нужно будет отработать хорошо вызов конницей истребительной авиации через промежуточные пункты связи, которые нужно эшелонировать до штаба 21 армии.

4) Ничего лишнего и тяжелого коннице с собой не брать, оставив все в районе Речицы или Гомель. Конница должна быть налегке для действия вне дорог по лесам и болотам.

5) Самолеты связи я Вам сегодня к вечеру или к утру 22.7 посажу на гомельские аэродромы. Все.

Городовиков. Здравствуйте.

Восточнее Бобруйска я совсем не собирался пропускать конницы, придерживаюсь пропуска конницы по маршруту, согласно директиве, но мне показывает сводка 21 армии о большой группировке противника юго-западнее Бобруйска, особенно в районе Глуск — 30 000 пехоты и конницы, а также южнее до Кошевичи полк пехоты. Поэтому я просил помощи в бомбардировке противника в районе Бобруйск и Глуск. Мною приняты меры, чтобы облегчить конницу от излишних грузов. Пропустить конницу 23.7 с рассветом можно с большим затруднением ввиду того, что 11 эшелонов 32 кд еще не прибыли, к утру, возможно, придут. Приму все меры для того, чтобы 23.7 конную группу с рассветом выпустить и, в крайнем случае, во что бы то ни стало постараюсь выпустить ее к исходу 23.7.

О выходе конницы, согласно директиве, юго-западнее Смоленска в данный момент затрудняюсь Вам доложить, так как по ходу действий и по обстановке на фронтах к тому времени будет видно, в каких условиях придется выходить. Основной задачей считаю использование конницы на коммуникациях Могилев, Орша. Прошу в момент пуска конницы прикажите 21 армии, чтобы она перешла в наступление в направлении Бобруйск, Глуск. Все.

* Директива не обнаружена.

Жуков. Задача Вами понята правильно. О наступлении Кузнецова² договоритесь с ним лично, передав ему, что Ставка требует от него особо активных действий, тем более в момент проскока конницы. Проход конницы рекомендую ночью — перед рассветом. Выводить конницу надо с хорошими проводниками из местных жителей-коммунистов или хорошо проверенных беспартийных, и обязательно хорошо знающих все лесные дороги, лучше всего взять проводников из числа охотников.

Самолеты связи, повторяю, пришлю сегодня к вечеру или завтра утром. На самолеты связи возложить обязанность держать связь с конницей по рубежам и по районам остановок. Донесения желательно брать кошкой. Для связи с конницей разработайте и дайте особую кодовую таблицу и отработайте карту с координатами. Через эту условную таблицу и карту с координатами держать связь и вести переговоры.

Проверьте, чтобы конница была снабжена концентратами. Предупредите Бацкевича* и командиров дивизий, чтобы они в затяжные бои с противником не вступали. При встречах с крупной группировкой противника ускользали бы от нее и действовали бы по целям и задачам, указанным в директиве. Все ли ясно?

Городовиков. Вопросы для меня понятны и ясны. Все меры мною принимаются. Что касается кодовой карты, разработанной мною в Москве с работниками Управления связи, должен был прилететь ко мне полковник Мячев, его еще нет. Вместо концентратов дают колбасу и консервы, которые вполне удовлетворяют по легкости и питанию. Прошу ускорить приезд Мячева. Все. До свидания.

Жуков. Хорошо. Мячева сейчас же высылаю. До свидания. Желаю успеха.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 482. Л. 8-10. Заверенная машинописная копия.

№ 4

Запись переговоров по прямому проводу И. В. Сталина с заместителем наркома обороны СССР Б. М. Шапошниковым о положении на Западном фронте

26 июля 1941 г.

Совершенно секретно

У аппарата **Шапошников.**

У аппарата **Сталин.** Что можете сообщить нового от армий фронта?

Шапошников. Здравствуйтесь, тов. Сталин. Докладываю: еще не получены от всех армий сводки, но могу доложить по главнейшим:

Духовщина, Ярцовская группировка, группа тов. Хоменко — сегодня, 26.7, бой вела главным образом сто седьмая танковая дивизия в районе Летемница, Корытня, Лелимово. Дивизия поддерживалась с обоих флангов частями 166 стрелковой дивизии. 107 танковая дивизия была атакована мотодивизией с юго-запада. По-видимому, 20, частью мотодивизии и до танкового полка наступало с запада на деревню Эрхов, дивизия медленно отходила назад, остановившись на линии Есенная, Лелимово, Корытня. Части собственно тов.

* Так в документе. Правильно Бацкаевич А. И.³

Хоменко сегодня, 25*, в бой не вступали, за исключением 250 стрелковой дивизии, которая южнее — селение Демехи.

Сталин. Передайте коротко о главных событиях по армиям.

Шапошников. Есть!

Для объединения действий в группе Хоменко, активизации ее действий направлен т. Еременко⁴. Группа Калинина⁵ — 91, 89 сд. наступали по западному берегу реки Вошь, продвинувшись на 15 км на запад, но контратакой танков и мотопехотой вынуждены были отойти на восточный берег реки Вошь, где и закрепились, подбив до 25 танков. При попытках противника просочиться через реку Вошь [в] группе Рокоссовского⁶ — без изменения. От 16 армии сводки еще нет, то же и от 20. По утреннему донесению 5 мехкорпус, прикрывающий Смоленск с севера, должен был выступить на деревню Вобни для охвата левого фланга 5 германской дивизии. [О] группе Качалова⁷.

Группа сегодня целый день вела бой [с] противником на фронте Фадеева Буда, Никулино — ст. Воськово, Дмитриевка. Противник задерживает продвижение частей сильным минометным огнем, огнем зарытых в землю танков. И до батальона танков было обнаружено севернее деревни Никулино. Послано приказание Качалову не бить в лоб, а обходить с фланга противника. Прорыв немцев переднего края обороны Боданова⁸ у Ельни еще не ликвидирован, так как [в] Ярцевско-Духовщинской группировке противника предположительно считаются до двух танковых и двух, а может быть и трех, мотодивизий, ввиду подтягивания все время сил противника к Духовщине, возможно ожидать удара противника на Ярцево и далее на юго-восток. Ввиду этого Главком принял решение восстановленный 44 корпус в составе 108, 64 дивизий перенести в течение 26—27 июля: 64 стрелковую дивизию — ст. Свищево и южнее, 108 дивизию — на переправу через Днепр, район Подроще, Фяльковичи, Заборье. От 13 армии, 21 армии сводок еще не поступало. Однако вызывает беспокойство отказ начштаба 15 забросить снаряды могилевскому корпусу сегодня ночью, что касается 22 армии, то 55 корпус еще не выходит из окружения. На левом фланге армии — на новой ее позиции, за рекой Ловать — противник прорвал фронт 186 стрелковой дивизии и углубился на 5-6 километров, введя в прорыв до 100 броневиков. Вот все, что пока могу доложить. Сведения по остальным армиям, я думаю, скоро получим.

Сталин. Очень плохо, что у фронта и Главкома нет связи с рядом армий, а с остальными армиями связь слабая и случайная. Даже китайская и персидская армии понимают значение связи в деле управления армией, неужели мы хуже персов и китайцев? Как управлять частями без связи? Армии обязаны давать сводки к 20 часам. Сейчас три часа [утра], а сводок еще нет. Невозможно терпеть дальше эту дикость, этот позор. Я обязываю Вас лично и Главкома заставить армии и дивизии уважать службу связи и держать постоянную связь с фронтом, вовремя передавать сводки. Либо будет ликвидировано разгильдяйство в деле связи, либо Ставка будет вынуждена принять крутые меры. Все.

Шапошников. Слушаю. Будет сделано все, чтобы выполнить Ваше указание. Докладываю, что сведения запаздывают главным образом потому, что долго собираются от полка, дивизии и от дивизии, армии. Конечно, это не оправдание, и Главнокомандующий примет жесткие меры. Все.

Сталин. Просьба ответить на вопрос: [в] чьих руках Ярцево и Смоленск?

* Так в документе.

Шапошников. По утренним данным Смоленск в его северной части и северо-западной части занимает нами до Днепра, что же касается восточной части, то на нее с севера ведется наступление. Южная часть к югу от Днепра и юго-западная заняты противником. Ярцево — часть.

Сталин. Кем ведется наступление?

Шапошников. Докладываю. 129 стрелковой дивизией, и, кроме того, привлечены с севера части 46 стрелковой дивизии. Что касается Ярцево, то оно [в] южной части нейтрально, а в северной части занято небольшими группами диверсантов, которые выбиваются из домов огнем частей т. Рокоссовского.

Сталин. Вы говорите о городе Ярцево или станции?

А станция Ярцево? Все.

Шапошников. Я докладываю о городе Ярцево. Ст. Ярцево не в наших руках. Наши части находятся на восточном берегу Воль.

Позвольте еще доложить. Сегодня противник пытался от Велижа через Ильино по дороге на Торопец переправиться через реку Западную Двину. Т. Масленников⁹ решил направить сюда усиленный батальон, однако, ввиду важности этого направления, Главнокомандующий приказал направить сюда одну стрелковую дивизию и полагал, подтянув сюда еще одну дивизию Масленникова, и оставив одну дивизию для прикрытия Торопца с запада, перейти в наступление с двумя дивизиями на юг, на Демидов. В Ставку представлен этот план на утверждение. Кроме того, Главнокомандующий приказал мне доложить, что на Торопецком направлении желательно подбросить две кавалерийские дивизии из числа готовых формирований, дабы эти дивизии использовать на открытом левом фланге 22 армии. Все.

Сталин. Немедля получите ответ на Ваши предложения. Все.

Шапошников. Слушаюсь. Все.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 482. Л. 11-32. Подлинник. Телеграфная лента.

№ 5

Постановление Государственного Комитета Обороны о реорганизации фронтов и изменениях в командном составе РККА

№ ГКО—325/СС

29 июля 1941 г.

Совершенно секретно

I.

Государственный Комитет Обороны признал необходимым:

1. Объединить части Западного фронта с частями Главнокомандования Западного направления в единый Западный фронт, а Маршала Советского Союза Зам. Наркома Обороны тов. Тимошенко С. К. считать одновременно Главкомом Западного направления и Командующим Западного фронта.

2. Генерал-лейтенанта тов. Еременко А. И. назначить заместителем тов. Тимошенко по Западному фронту.

II.

Центральный фронт подчинить непосредственно Ставке Верховного Командования.

III.

1. Объединить командование резервными армиями Вяземско-Ржевской линии в одни руки и назначить Командующим этими армиями Зам. Наркома Оборона генерала армии тов. Жукова Г. К., с упряднением обоих участков, северного и южного, и с подчинением расположенных на этой линии армий непосредственно Командующему.

2. Генерал-лейтенанта тов. Артемьева П. А.¹⁰ освободить от командования южным участком резервных армий и предложить ему приступить к исполнению обязанностей Командующего Московским округом и Командующего резервной группой Можайской линии.

3. Генерал-лейтенанта тов. Богданова И. А. освободить от командования северным участком резервных армий и назначить заместителем командующего резервными армиями Вяземско-Ржевской линии.

4. В связи с назначением генерала армии т. Жукова Командующим резервными армиями Вяземско-Ржевской линии освободить т. Жукова от обязанностей начальника Генштаба.

5. Назначить маршала Советского Союза Зам. Наркома Оборона т. Шапошникова Б. М. начальником Генштаба РККА.

6. В связи с объединением Командования Западного направления и Западного фронта передать освободившихся работников Штаба и средства связи Западного направления т. Жукову для формирования Штаба Командующего резервными армиями.

7. Назначить тт. Круглова¹¹ и Попова¹² членами Военного совета резервных армий Вяземско-Ржевской линии.

8. Впредь резервные армии Вяземско-Ржевской линии именовать Резервным фронтом, а командующего этими резервными армиями — Командующим Резервного фронта, подчиненным непосредственно Ставке.

Председатель Государственного Комитета Оборона И. Сталин

АПРФ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 8. Л. 177—178. Подлинник.

№ 6

**Запись переговоров по прямому проводу
И. В. Сталина с С. К. Тимошенко
о подготовке частей Западного фронта к обороне**

2 августа 1941 г.

Совершенно секретно

Сталин. У аппарата Нарком оборона в присутствии Ставки.

Нас интересует, заминировали ли Вы автостраду Орша — Минск, разыскали ли 53 дивизию и где она теперь находится, подходят ли на рубеж Ваши части, какие дивизии отстают, как идут работы на рубеже и, последнее, знаете ли Вы, что из частей Павлова¹³ отошло на рубеж, занимаемый Вашими частями, в каком они состоянии? Об этом нужно постоянно доносить.

Тимошенко. Материалы по устройству заграждений подвозятся. Часть взрывчатых веществ перебросили вчера на соответствующие участки для минирования. Автострада не минировается, по ней идет движение войск и тылов Западного фронта.

Второе. 53 дивизия занимает участок на Днестре: Шклов (включительно) — Могилев (исключительно). В районе Могилева начала сосредотачиваться 172 сд, вчера к вечеру выгрузилось шесть эшелонов. На участок исключительно Орша — Шклов вышли вчера передовые части 18 дивизии. Первая мотодивизия передовые части имеет на рубеже Толочин. Только что выгрузился в Смоленске головной эшелон 73 дивизии и управление 69 корпуса. Решил выгрузку 73 дивизии продвинуть на участок Орша, Красное, Гусино. Сегодня ночью прошли в Смоленск в распоряжение Ремезова¹⁴ три бронепоезда. Особый ленинградский батальон прибыл в район сосредоточения Виноградова¹⁵.

Ощущается острая нужда в дизельном топливе. Кроме того, необходимо занарядить бронебойных снарядов для артиллерии группой 145*-миллиметровых — 12 тысяч, 76-миллиметровых — 7 тысяч.

Вчера лично был у Ремезова. Установил, что Ремезов не имел еще общего решения по организации переднего края. Приказал выехать немедленно на рекогносцировку всего рубежа с артиллеристами и инженерными. Сейчас собираюсь лично еще раз выехать к нему непосредственно на рубеж.

Ощущается крайняя нужда в разведывательной и истребительной авиации. Лишен возможности вести воздушную разведку и прикрывать сосредоточение войск и крупных объектов. Прошу ускорить командирование начальника авиации группы.

До вчерашнего вечера никаких частей Павлова на наш рубеж не отходило.

Дополнительно хочу доложить о состоянии связи: в ночь на 29 противник несколько часов бомбил Смоленск, нанес повреждение узлу связи, штаб группы изолирован от армии и Москвы. Город продолжает гореть, руководство борьбой с пожарами почти отсутствует. Тот сборный батальон связи, который я имел, с большим напряжением пытается построить обходные линии вокруг Смоленска.

Необходима в отношении связи Ваша помощь. Первое: организовать формирование хотя бы одного батальона связи армейского типа и прошу распорядиться немедленно отправить из Брянска полк связи в распоряжение Ремезова. Он с войсками имеет только делегатскую связь на автомашинах.

И, наконец, вопрос о картах. Здесь полное безобразие: у Ремезова всего несколько комплектов, сейчас прибыла 73 дивизия, тоже не имеет карт. Все ли понятно?

Сталин. По поднятым Вами вопросам примем меры. Вам указание передаем: автостраду обязательно заминировать, начать немедленно минировать со стороны Минска на Оршу. Понятно ли?

Тимошенко. А как относительно шоссе Минск и Могилев, можно ли минировать и эту дорогу?

Сталин. Надо минировать и эту. Минировать в нескольких местах с тем, чтобы потом, когда надо, можно было по команде взрывать. Понятно ли?

Тимошенко. Понятно, сейчас отдаю распоряжение и выезжаю лично на рубеж к Ремезову. Прошу еще об одном маленьком вопросе. Прикажите Трубецкому¹⁶ выслать нам план перевозок войск нашей группы, а то приходится ловить эшелоны по станциям.

Сталин. Хорошо. У нас все, до свидания.

Тимошенко. Хорошо. Будет сделано. До свидания.

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 482. Л. 36—38. Телеграфная лента.

* Так в документе. Видимо, имеется в виду 45-мм.

№ 7

**Запись переговоров по прямому проводу
начальника Генштаба Красной Армии Б. М. Шапошникова
с командующим Резервным фронтом Г. К. Жуковым
о положении на Резервном фронте**

4 августа 1941 г.

Особая папка

Совершенно секретно

У аппарата **Жуков**.

Первое: в связи с тем, что 222 сд развернулась, седлая Московское шоссе, дивизия передается в подчинение 43 армии. Командарму 43 будет приказано задержать 222 сд на реке Острец и Остер с тем, чтобы не дать противнику отрезать пути отхода Качалову.

Второе: в связи с срывом наступательных действий групп Хоменко, Калинина и Рокоссовского и неудачными действиями 20 и 16 армии считаю дальнейшие действия Качалова в Смоленском направлении бесцельными, а со взятием противником Рославля положение Качалова может быть очень невыгодно; Качалов может быть окружен. Считаю необходимым левый фланг и центр Качалова немедленно оттянуть на восток и занять фронт обороны на линии Березовка, Борок, Буда, р. Острец, где и войти в связь с правым флангом 222 сд. Такое построение боевого порядка Качалова и 222 сд необходимо потому, что 53 сд занимает по фронту обороны 55 километров, по существу это не оборона, а жидкая завеса.

Третье: тылы группы Качалова и 222 сд и артиллерию считаю целесообразным начать отводить организованно эшелонами за фронт 53 сд.

Четвертое: 109 танковую дивизию по выгрузке решаю собрать в районе Кузминичи—Шуя.

Пятое: прошу немедленно дать границу между Северо-Западным фронтом и Резервным фронтом; со своей стороны считаю, что Северо-Западному фронту необходимо полностью подчинить 38 армию, на которую уже отошла 11 армия и отходит 27, штаб Северо-Западного в этом случае можно было бы перебросить на станцию Боровенка. Это вызывается тем, что Резервный фронт не имеет развитых средств связи и не сможет управлять таким отдаленным флангом.

Шестое: прошу отработать и дать нам и Западному фронту точные пути отхода каждому соединению на случай вынужденного выхода из боя соединений Западного фронта, иначе соединения Западного фронта могут смять всю оборону Резервного фронта; при этом считаю всю артиллерию, как ПТО* и корпусную, которую Западный фронт самовольно, без приказа Ставки, взял с группами Хоменко и Калинина, немедленно вернуть Резервному фронту для развертывания ее на огневых позициях. Список взятых частей передам Вам утром, таких частей самовольно взято много.

Прошу ответ Ставки на все поставленные вопросы и соображения. Все.

Шапошников. Первое: о положении Качалова и его задачи на будущее дам ответ по докладу Ставке, однако считаю, что сейчас, конечно, доводить дело до окружения нельзя, тем более, что вчера 104 танковая дивизия на его правом фланге немного подалась на-

* ПТО — противотанковая оборона.

зад, западный же фас групп вчера держался. Тылы Качалова нужно уже сейчас с Рославльского направления оттянуть на восток.

Второе: я понял, что Вы говорите о передаче Резервному фронту 34 армии Пронина¹⁷, как Вы считаете, что Резервный фронт нужно не только раздавать, но наоборот укреплять его, что Вы увидите из посланного Вам распоряжения*.

Третье: ввиду того, что занятие Рославля противником и удержание им Ельнинского выступа составляет единое оперативное поле действий, то Ставка решила передать руководство действиями всей группой Качалова и 222 сд командованию Резервного фронта, о чем уже распоряжение* послано.

Четвертое: Ставка не получила от Вас исчерпывающего донесения о ходе боевых действий под Ельней, поэтому прошу передать это в нашем с Вами разговоре, хотя бы коротко, а подробнее особой телеграммой.

Шестое: тов. Маленков¹⁸ просит сообщить, как действовали РС**

Относительно возможных путей движения на восток Западного фронта через Ваш фронт дам дополнительно по докладу Ставке.

Седьмое: Граница между Северо-Западным фронтом и Вами могла бы быть установлена только тогда, если бы Ставка решила передать 34 армию Северо-Западному фронту, поэтому на этот вопрос могу ответить лишь после доклада Ставке. Все.

Жуков. Первое: о действиях под Ельней Вам передано шифром 20.00 3.8*, сейчас не имею под рукой карты и затрудняюсь докладывать, прошу приказать срочно расшифровать и Вам доложить.

Второе: батареи РС работали исключительно хорошо и произвели ошеломляющее впечатление, но все дело в том, что мало залпов.

Третье: о подчинении Качалова и 222 сд я получил распоряжение; в первом и втором пункте своего доклада я Вам поэтому и докладывал свои соображения на утверждение, так что я не думаю раздавать фронт, но мне непонятно, что будет делать Северо-Западный фронт, который своими частями отошел в расположение 34 армии, и, видимо, туда же будет отводить 27. Мне непонятно также, как можно будет управлять таким отдаленным флангом, каким является район Старая Русса, Валдай, тем более на фронте Вязьма, Ельня называют крупные события, кроме того, прошу иметь в виду, что 34 армия вообще неуправляемая, так как она до сих пор не получила средства связи и имеет всего лишь 40 км провода. При таких обстоятельствах я прошу решения Ставки на все 6 поставленных вопросов. Тылы Качалова сейчас начну разворачивать на восток для отвода, и прикажу оттянуть левый фланг, чтобы не подставить под окружение. У меня все.

Шапошников. Первое: все Ваши поставленные вопросы доложу Ставке и тогда дам исчерпывающий ответ.

Второе: принимаемое Вами сейчас решение в отношении Качалова считаю правильным, что же касается общего его отвода, то дам ответ после доклада Ставке.

Третье: сколько Вы считаете иметь залпов для РС?

Четвертое: для ориентировки сообщаю, что 27 кд находится в Краснополье, 52 кд в районе Пожир, Федоровка. У меня все.

Жуков. Докладываю: залпов для РС требуется не менее 20, чтобы хватило на два дня боя, а сейчас даем ничтожно мало, если

* Не обнаружено.

** РС — реактивные снаряды.

бы было их побольше, я ручаюсь, что можно было бы одними РСами расстрелять противника. Кстати говоря, на наши войска они также произвели ошеломляющее впечатление, от неожиданности первые эшелоны войск при разрыве залпов стали пятиться назад. У меня все.

АПРФ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 26. Л. 4—7. Машинописная копия.

№ 8

Шифртелеграмма командования Резервного фронта И. В. Сталину об укомплектовании воинских частей*

15 августа 1941 г.

Совершенно секретно

г. Ельня

Весьма срочно

тов. СТАЛИНУ

Лично проверили все части, действующие в р-не Ельня. Во всех частях 19, 100, 102, 103, 105, 106, 107, 120 дивизиях имеется очень большой некомплект.

В среднем дивизии имеют по 1500—2000 человек. В батальонах от 40 до 100 человек.

Особенно большой некомплект в комсоставе, как правило батальонами командуют лейтенанты и мл. лейтенанты. Ротами командуют мл. лейтенанты и мл. командиры.

Имеется очень большой недостаток в пулеметчиках, минометчиках и артиллеристах ПТО. Управление комплектования для пополнения частей ничего не дает.

В р-не Ельня части прошли настоящую школу боевой закалки, и если эти части сейчас пополнить хотя бы до 75—80%, они будут ударными частями.

За время наступления на усовершенствованную оборону противника нашими частями немцам нанесено большое поражение, по неполным подсчетам с 9 по 13.7.41. на захваченной территории нами закопано убитых немцев свыше 2500 человек, взято в плен 105 человек, захвачено 16 орудий, уничтожено 25 орудий, 29 минометов, 39 станковых пулеметов, 40 ручных пулеметов, 11 броневиков, 21 танк, 36 самолетов и много другого имущества.

По показаниям пленных, 15 пд и дивизия СС немцев несут громадные потери убитыми и ранеными.

Прошу приказать Управлению комплектования вне всякой очереди дать для частей, дерущихся в районе Ельня:

- 1) 30 000 рядовых бойцов. Из них 1000 человек станковых пулеметчиков, 500 минометчиков,
- 2) 5 000 младших командиров.
- 3) 3000 средних командиров.
- 4) 100 человек старшего комсостава. Из них: 15 командиров полков.

* На документе имеется резолюция: «т. Маленкову, Щаденко¹⁹. Нужно удовлетворить по возможности. И. Сталин».

5) 300 ручных и 200 станковых пулеметов, 200 минометов, 75 45-мм орудий, 50 орудий ПА*.

6) 300 км телефонного кабеля и 50 телефонных аппаратов, главным образом для артчастей.

Жуков, Круглов

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 126—127. Подлинник.

№ 9

Шифртелеграмма командования Резервного фронта начальнику Генштаба Красной Армии Б. М. Шапошникову об усилении частей на Ржевском направлении **

31 августа 1941 г.

г. Гжатск

Совершенно секретно

Тов. ШАПОШНИКОВУ

В связи с захватом 57 танковым корпусом пр[отивни]ка Торопец и выдвигением его [в] восточном направлении необходимо как можно быстрее укрепить Ржевское направление.

31 А в своем составе имеет всего лишь три сд, две недавно сформированные со слабой артиллерией.

Все дивизии растянуты в одну линию, в среднем 50—60 км на дивизию.

49 А, прикрывающая направление слева Гжатск. Резерв за исключением I ДНО*** также не имею.

Я прошу:

1. 31 армию усилить тремя стрелковыми дивизиями и противотанковой дивизией, из них одну сд сосредоточить восточнее села Ижарово, вторую — Родванеево, Быково, Нечаево. Одну тд — районе Ржев. Назначение всей этой группы — нанесение контрудара 57 тк, проводимого в момент завязки боя с 19 сд и 247 сд.

31 А усилить одним полком ИЛ-2, одним полком ПЕ-2, одним полком истребителей.

2. 49 А усилить одной сд, расположив ее в районе Сычевка. Эта дивизия нужна для обеспечения стыка между 31 и 49 армиями.

3. 299 сд прошу передать в мой резерв для обеспечения действия 43 А, так как 43 А не имеет никаких резервов.

Жуков, Круглов

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 141—142. Подлинник.

* ПА — полковая артиллерия.

** На документе имеется резолюция И. В. Сталина: «т. Шапошникову. Поговорить с т. Тимошенко о мерах приостановки продвижения противника в районе Торопец. Ст.», и пометка Б. М. Шапошникова: «Исполнено. Б. Шп. 5/9».

*** ДНО — дивизия народного ополчения.

№ 10

**Доклад командования Западного фронта И. В. Сталину
о причинах поражения 22-й армии**

3 сентября 1941 г.

Совершенно секретноВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ СССР**Товарищу СТАЛИНУ И. В.**

22 армия перешла 21.8 с. г. в наступление — с целью сорвать подготовляемый удар.

Успешно начатое наступление армии завершилось, по недопустимой небрежности Командарма 22 Ершакова²⁰, ее поражением. Противник 22.8. нанес контрудар по левому флангу армии на участке 186 сд и в первый же день своими подвижными частями вышел в оперативный тыл 22 армии.

Брошенная после прорыва Командармом 22 Ершаковым во фланг наступающему противнику 98 сд успеха не имела.

К исходу 23.8 противник частями 19 и 20 тд вышел в район Великие Луки. За танковыми дивизиями продвигался 40 ак противника в составе 102, 255 и 256 пд, преграждая выход частей 22 армии на восток — захватом рубежа на р. Кунья. Свои действия противник прикрывал выдвиганием в восточном направлении небольших мотомехчастей.

Как выяснилось теперь, генерал Ершаков знал о намечаемой угрозе своему флангу из захваченных им плана и карты наступления немцев, однако не только сам не принял заблаговременно мер противодействия наступлению противника, но своевременно не донес об этом Командованию фронта.

В результате непринятия должных мер 22 армия к исходу 23.8 оказалась в окружении.

Военный совет фронта, учитывая отрыв пехоты противника от прорвавшихся вперед танков, поставил перед Командармом 22 Ершаковым задачу — ударом основных сил армии в восточном направлении отрезать от пехоты танки противника, и изолировав их — уничтожить.

Удар, организованный Командармом для выполнения этой задачи, вначале имел успех: противник понес большие потери и был отброшен из района совх. Ушица, но в дальнейшем ударная группа 22 армии была атакована сильными мехчастями противника и отброшена в западном направлении. Основная причина неуспеха этого удара — недостаток сил, которые привлек Ершаков для выполнения этого маневра.

После неудачной атаки на Ушица части 22 армии начали отход на северо-восток, чтобы выйти по единственно свободной лесной дороге на Озерец.

Как можно установить, с этого момента, т. е. с 26.8, Командарм Ершаков, его штаб и ряд командиров соединений совершенно утратили управление войсками, и отход принял характер неорганизованного поспешного выхода из боя. При отходе дивизии перемешались, организация частей нарушилась и в итоге в район Озерец выходили отдельные группы войск без обозов, потеряв связь с командирами частей и соединений.

В районе Озерец вышедшие группы войск 22 армии собирались и распределялись по своим частям и соединениям прибывшими на место представителями Военного совета фронта и 29 армии, с немедленным направлением частей для занятия обороны на рубеже Озерец, ст. Скворцово, оз. Кодосно, чтобы прикрыть направления на Торопец и Старая Торопа.

К началу наступления 22 армия имела в своем составе девять стрелковых дивизий и два артиллерийских полка корпусного типа. Танков в составе армии не было.

При выходе из окружения значительная часть личного состава и вооружения армии погибли.

По номерам вышли все дивизии. Отдельные группы с матчастью, одиночки-командиры и бойцы продолжают выходить из окружения по настоящий день. На 3.8 положение вышедших дивизий выглядело следующим образом:

186 дивизия имела в своем составе на 20.8. 7900 человек, 386 автомашин, 6950 винтовок, 52 станковых и 75 ручных пулеметов, 23 орудия всех калибров и 24 миномета.

На 3.9. из этой дивизии вышло 2778 человек, 2256 винтовок, 3 ручных пулемета, 4 ППД*, 1 миномет, 4 76-мм орудия и 36 автомашин.

174 стрелковая дивизия имела на 20.8. 9360 человек, 145 автомашин, 8053 винтовки, 36 станковых и 116 ручных пулеметов, 79 орудий всех калибров и 36 минометов.

На 3.9. из этой дивизии вышло 2363 человека и вынесено 1722 винтовки, 2 станковых и 7 ручных пулеметов, 13 ППД, два орудия и 85 автомашин.

179 стрелковая дивизия имела до боя 8903 человека, 96 автомашин, 6426 винтовок, 68 станковых пулеметов, 22 орудия всех калибров и 50 минометов.

На 3.9. из этого состава дивизии вышло 1617 человек с 1022 винтовками, 15 самозарядными винтовками, тремя ППД и 41 автомашиной.

214 стрелковая дивизия на 20.8. имела в своем составе 6194 человека, 222 автомашины, 5693 винтовки, 35 станковых и 49 ручных пулеметов, 41 орудие всех калибров и 39 минометов.

На 3.9. в дивизии осталось 1860 человек, 561 винтовка, 74 самозарядных винтовки, 1 станковый и 2 ручных пулемета, три ППД, два миномета и 24 автомашины.

126 стрелковая дивизия имела в своем составе 8764 человека, 62 автомашины, 7362 винтовки, 45 станковых и 76 ручных пулеметов, 17 орудий всех калибров и 35 минометов.

На 3.9. в дивизии из окружения вышло 4455 человек и вынесено 4144 винтовки, 9 самозарядных винтовок, 5 станковых и 5 ручных пулеметов, 49 ППД, 5 миномета и 22 автомашины.

48 танковая дивизия перед боями насчитывала 6574 человека, 318 автомашин, 6324 винтовки, 42 станковых и 53 ручных пулемета, 11 орудий всех калибров и 15 минометов.

На 1.9. в этой дивизии осталось 2775 человек, 2214 винтовок, 2 станковых и 3 ручных пулемета, 41 самозарядная винтовка и 72 автомашины.

В данные о боевом составе на 3.9. перечисленных выше дивизий включен боевой состав 98, 170, 112 стрелковых дивизий, личный состав и вооружение которых полностью переданы на укомплектование 174, 186, 214 и 126 стрелковых дивизий в количестве:

* ППД — пистолет-пулемет системы Дегтярева.

98 стрелковая дивизия имела в своем составе до выхода из окружения 7129 человек, 26 автомашин, 4649 винтовок, 2 станковых и 4 ручных пулемета, 5 орудий всех калибров.

Вышло из окружения и обращено на укомплектование остальных дивизий 508 человек и 310 винтовок.

В 170 стрелковой дивизии, имевшей 7824 человека, 6967 винтовок, 39 станковых и 41 ручных пулеметов, 28 орудий всех калибров и 24 миномета, после выхода из окружения осталось и обращено на укомплектование других дивизий 751 человек и 327 винтовок.

112 стрелковая дивизия была в стадии формирования и на 20.8. насчитывала в своем составе 3097 человек, 2586 винтовок, 18 станковых и 9 ручных пулеметов, 3 орудия всех калибров и 9 минометов.

В этой дивизии из окружения вышло и обращено на укомплектование остальных дивизий 362 человека и 244 винтовки.

Из окружения до сего времени не вышли: командующий 22 армией генерал-лейтенант Ершаков, член Военного совета корпусной комиссар Леонов²¹ и командир 174 стрелковой дивизии генерал-майор Зыгин²². Меры к их выводу приняты.

Выход отдельных групп и подразделений частей с материальной частью продолжается. Данные о боевом составе дивизий и потери уточняются и будут доложены дополнительно.

Командование фронтом, не имея в районе действий 22 армии свободных сил и средств для нанесения прорвавшемуся противнику удара с востока, с целью облегчения выхода 22 армии из окружения, бросило на помощь армии все силы ВВС фронта. Успешными действиями авиации противнику нанесены большие потери, чем был облегчен выход частей армии из окружения.

Более того, опасаясь прорыва противника на Торопец и с целью обеспечить быстрейший выход 22 армии на линию нашего фронта, Военный совет фронта поручил Военному совету 29 армии организовать оборону на рубеже Озерец, ст. Скворцово, оз. Кодосно — за счет всех свободных сил 29 армии. Срочно был сформирован и направлен в распоряжение Военного совета 29 армии сводный отряд из двух полков, танкового батальона и саперного батальона с 10.000 мин.

С выходом частей 22 армии, было приказано немедленно привести их в порядок и направить для занятия указанного рубежа обороны.

В помощь Военному совету 22 армии, а в последующем временно назначенному командарму 22 — генерал-майору Юшкевичу²³, были направлены ответственные командиры штаба фронта, во главе с заместителем командующего фронтом — тов. Болдыным²⁴.

По мере выяснения обстановки о состоянии вышедших из окружения частей 22 армии, на усиление 22 армии были срочно направлены — 23 орудия, 509 противотанковый полк и 6 маршевых батальонов. Но все эти ресурсы прибыли на место лишь к исходу 30.8., т. е. когда слабо оснащенные части, занимающие оборону на рубеже Озерец, Скворцово, оз. Кодосно, отошли под воздействием противника в район Торопец.

В последующих боях за Торопец и к востоку до линии р. Западная Двина части 22 армии, усиленные артиллерией, оказывали упорное сопротивление превосходящим мотомехчастям противника.

Отход частей 22 армии за линию Торопец, Старая Торопа, вынудил отвести части 29 Армии на линию р. Западная Двина — Вереса.

К исходу 3.9. 22 и 29 армии закреплялись на рубеже р. Западная Двина, отбивая попытки противника прорваться на восточный берег реки.

Выводы:

1. Быстрый выход противника в тыл 22 армии является результатом преступного невнимания Командарма Ершакова к наиболее опасному направлению на своем левом фланге.

2. Прорыву противника способствовала недопустимая бездеятельность Командарма Ершакова и его штаба, не принявших мер против намеченной противником угрозы их левому флангу даже после того, когда им из захваченных планов противника ясно было, куда противник намечает удар.

3. Невыполнение Командармом Ершаковым задачи, поставленной Военным советом фронта — разорвать боевой порядок противника и тем поставить его самого в условия окружения — является результатом того, что командующий 22 армией Ершаков не создал нужной группировки, способной преодолеть на всю глубину соприкосновение противника.

4. Неорганизованный и поспешный отход 22 армии является результатом утери управления армией со стороны командования армией, его штаба и отдельных командиров соединений.

5. Отсутствие танковых частей в составе 22 армии не позволило Командарму 22 противопоставить мотомехчастям противника равноценные силы и средства, способные сдержать быстрое продвижение мотомехчастей противника.

Командующий войсками Западного фронта

Маршал Советского Союза С. Тимошенко

Член военного Совета Западного фронта Н. Булганин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 436. Л. 10-18. Подлинник.

№ 11

**Доклад командования кавалерийской группы
Военному совету Западного фронта
«О действиях кавгруппы полковника Доватора²⁵
в период с 14.8 по 2.9.1941 г.»***

*Не позднее 6 сентября 1942 г.***

ВОЕННОМУ СОВЕТУ ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

1. Поставленную Вами задачу о действии в тылу противника, с целью парализации коммуникаций противника на участке Духовщина-Демидов, Духовщина-Белый, Русаново-Рудня, а также для выявления резервов противника в глубине, уничтожения складов, аэродромов, штабов и выявления состояния населения в оккупированных районах противником, — группа приступила к действиям с 14.8.1941 года.

Действия рассчитывались на 10-15 суток.

2. После проведения подготовительной работы, группа из района оз. Емлень, совершив 40 км марш по лесисто-болотистой местности и преодолев болото, где ранее не ступала нога человека, сосредоточилась в районе Филино, Боярщино, Колпиты.

* 6 сентября 1941 г. командованием Западного фронта доклад был послан И. В. Сталину.

** Датируется по сопроводительному письму.

16—23.8. группа вела разведку на фронте Борки — ст. Ломоносово, Устье, Рожино, Чичата, выявляя слабые участки фронта и 22.8. заняла исходное положение на южной опушке леса, что 3 км юго-восточнее ст. Ломоносово, поставив задачу прорыва фронта на участке Подвьязь, Устье и выхода в тыл противника.

3. Для действия в тылу группа была выведена в составе 50 и 53 кд — без артиллерии и тылов, имея весь состав на конях.

Боевой состав: 3460 сабель, 36 ст. пулеметов, 108 РП*, 190 ППД, 2830 винтовок.

Каждый боец был вооружен, кроме стрелкового вооружения, гранатами и двумя бутылками с горючей жидкостью.

Во выюках захвачено было с собой 300 кг тола.

Из средств связи группа располагала только 3-мя рациями 6-ПК.

4. Ход боевых действий в тылу противника:

а) После шестичасового боя, разгромив 9/430 пп, усиленный минометами и артиллерией, и преодолев сопротивление противника в лесу сев. Турнаево, группа сосредоточилась в лесу в районе Заболотная. Противник в панике бежал, оставив населенные пункты, начиная от Устья и до Черного ручья.

В течение 24-26.8 дивизии, не встречая никакого сопротивления, двигались по дорогам. Противник, оставляя заранее населенные пункты, по показанию местных жителей и пленных, говорил, что «прорывались в тыл казаки силою до 18 тысяч и нас окружают», офицеры бегут первыми. На всем протяжении населения оккупированных районов встречало нас восторженно, плакали от радости, что пришла Красная Армия, подносили бойцам и командирам подарки.

б) Выйдя в леса, юго-западнее Рибшево, в течение 26-30.8 было проведено ряд ночных налетов на штаб армии в районе Рибшево, путем устройства засад на дорогах, уничтожали транспорты противника, рвали связь и уничтожали мелкие гарнизоны, охраняющие базы и склады. Вместе с тем, выявляли и уничтожали ставленников немцев в колхозах, которые по указке немецкого командования спешат с уборкой урожая и терроризируют местное население.

в) 31.8 — 1.9.41., ведя бой с организованными отрядами противника, созданными для борьбы с нашей группой, дивизия сосредоточилась в лесу, западнее Никулино и к вечеру 1.9., уничтожив до батальона противника в засадах и на завалах в Турнаевском лесу, группа вышла из тыла в районе Устье.

5. Все боевые действия в тылу противника проходили на участке Рудня-Вердено-Котовщина-Шепырево.

В результате всех действий уничтожено, по неполным данным:

а) Офицеров	19
Солдат и унтер-офицеров	до 2500
Минометов	14
Орудий разных систем	10
Винтовок	до 1500
Радиостанций	12
Велосипедов	27
Мотоциклов	23
Автомашин разных	150
Цистерн с бензином	5
Станковых пулеметов	27
Ручных пулеметов	65
Крупнокалиберных пулеметов	4

* РП — ручной пулемет.

Пулеметов-пистолетов	15
Бронемашин	4
Танков	2
Сожжены в Гуках и Желябово два склада с боеприпасами:	
Патрон	214800
Снарядов арт.	350
Гранат	77
Телефонных аппаратов	21
Повозок	21

б) Выведена из окружения и вооружена трофейным оружием группа бойцов и командиров — до 1000 человек.

в) Отобрано — 63 лошади.

г) В тыл немцев нами проведена группа партизан — 1500 человек, под командованием батеньки Никиты.

Наши потери за всю операцию:

Убито — 50 человек.

Ранено — 246 человек. Все раненные эвакуированы.

Лошадей выведено из строя убитыми и оставленными в болотах — 108.

6. Положение населения в оккупированных районах.

Во время похода кавгруппа установила многочисленные факты и собрала многие документы, характеризующие положение населения оккупированных немцами районов и политику немцев в этих районах.

Немцы спешат убрать урожай и угнать скот. Они силой сгоняют население и перешивают железнодорожную колею. Они пытаются привести население в покорность и пряником, и кнутом. Население немцы пытаются обмануть. В деревне Димитрово и ряде других деревень они устроили двухдневный праздник «по случаю взятия Москвы». Среди населения распространяются всяческие листовки на русском языке. Есть листовка-карта, на которой изображено, что Маршал Тимошенко бежит, а немцы его бьют. Наши листовки на русском языке очень мало, их явно недостаточно.

Немцы грабят население всяческими способами. В одной из деревень они отобрали у крестьянина 8 кусков мыла, на эти 8 кусков мыла стали выменивать у других крестьян продукты, а затем другие немецкие солдаты тут же приходили и отбирали мыло и шли дальше менять на другие продукты. Так, начав с 8 кусков мыла, отобрали все село.

Немцы в селах стреляют в свиней, кур, даже в ульи пчел.

Немцы сожгли за непокорность целый ряд деревень. От Устья до Рожино сгорели почти все села. Значительная часть населения скрывается от немцев в лесах.

Во многих местах немцы угоняют население под тем предлогом, что здесь будет бой.

В некоторые села возвратились попы. Назначенные немцами старшины прислуживают им усердно.

Партизаны в районах, которые прошла кавгруппа, действуют еще плохо. В результате похода кавгруппы, партизаны снабжены теперь значительным количеством оружия и немецкого обмундирования.

7. Противник и его силы. Рейд кавгруппы, с несомненностью, установил следующее:

Противник имеет оборону только на фронте. Значительных резервов в тылу у него нет. В тылу у немцев только отдельные отдыхаю-

щие части и части, находящиеся на переформировании. Глубина оборонительной линии противника в месте, где она была прорвана, равнялась всего 3 километрам. В глубоком тылу немцы не готовят оборонительного рубежа. Танков у них недостаточно. Очевидно, не хватает бензина, если они собирают теперь у населения даже керосин.

Сила противника в том, что он умеет гибко маневрировать и перебрасывать войска с одного участка на другой.

Немцы боятся углубляться в леса, они за последнее время опасаются останавливаться на ночь и в населенных пунктах и предпочитают стоять в открытом поле, или на опушке леса.

Ночью немцы освещают деревни ракетами.

Хороши у немцев минометчики. У них много складов с минами, но стреляют они плохо*.

Немецкая пехота дерется трусливо и легко подвержена панике.

Немецкая кавалерия убегала от нас так, что мы не могли ее догнать.

8. Отдельные сообщения. В процессе боя, при выходе из окружения, были сразу ранены: командир, комиссар и начштаба одного из отрядов. Очевидно, в этот отряд, являющийся подразделением кавгруппы, прокрался какой-то враг. Меры к его обнаружению приняты.

Немцы, по сведениям имеющимся в кавгруппе, при бегстве солдат в район Устья, расстреляли каждого пятого из беглецов.

В Демидово, в лагере для пленных красноармейцев, орудует некий лейтенант из немцев Поволжья, который избивает наших пленных.

По дороге из Духовщины в Витебск партию в 1500 пленных красноармейцев охраняли всего 15 немецких солдат.

Выводы и предложения

1. Группа поставленную Вами задачу выполнила. Результаты работы группы могли бы привести к оперативному успеху всего Фронта, при наличии взаимодействия и надежной связи с армиями фронта.

2. Опыт показал, что целесообразно при кавгруппе, для действия в тылу, иметь средства борьбы с танками (противотанковые ружья, артиллерию на вьюках). Необходимо в каждом эскадроне иметь 4 миномета. Целесообразно усиливать кавгруппы мотопехотой и танками. Действия группы в тылу необходимо увязывать с авиацией.

3. Для оперативной работы при Командующем группой необходимо иметь командиров в составе 10—12 человек для оперативных поручений. Штаб как таковой — не нужен.

4. Способы борьбы в тылу особенно имеют большой эффект — действие мелких групп в засадах, организация ночных налетов, устройство завалов и минирование дорог.

Крупным соединениям без средств усиления очень трудно замаскироваться и маневрировать в тылу.

5. Противник в тылу не имеет резервов, а крупные объекты охраняются мелкими отрядами, которые подвержены большой панике.

Как правило, противник боится вести лесной бой и избегает ночных действий. В результате наших действий, противник вынужден оттянуть часть сил с фронта для организации охраны транспортов, штабов и важных военных объектов.

Большинство автотранспорта не используется из-за недостатка горючего и противник прибегает к собиранию по деревьям керосина.

* Так в документе.

6. Население оккупированных районов несет тяжести и страдает от немецко-фашистской военщины, которая открыто и нагло грабит его.

Необходимо усилить пропаганду среди населения оккупированных районов, путем сбрасывания и распространения листовок и газет.

Немцы усиленно проводят работу среди населения о том, что Красная Армия разбита и что уже взята Москва, а сами, вместе с тем, спешат с уборкой урожая и угоняют скот.

7. Очень много красноармейцев и командиров осели в деревнях, обросли бородами и работают в колхозах, не имея попытки перейти фронт.

8. Бутылки с горючей жидкостью в коннице не находят должного применения вследствие того, что при движении на лошади — бьются.

*Командующий кавалерийской
группой*

*Военный комиссар
кавгруппы*

Полковник Доватор

*Полковой Комиссар Туликов*²⁶

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 436. Л. 19—53. Машинописная копия.

№ 12

Донесение уполномоченного Государственного Комитета Обороны по Смоленской области И. С. Хохлова²⁷ в ГКО о положении в освобожденных районах и в войсках 30 армии

9 сентября 1941 г.

За последние дни я был в Бельском районе. Часть этого района недавно занималась немцами, теперь она освобождена. Район, по данным на 4.IX, очень сильно отставал с уборкой урожая. За первую декаду сентября положение выправляется, и район уборку урожая и сев закончит к 15.IX.

Положение в освобожденных сельсоветах.

Я лично был в Чичатском и Красногорском сельсоветах. Несколько сел этих с/с сожжено полностью, часть очень сильно повреждена и лишь село Чичаты, где долгое время находились штабы немецких частей, сохранено. Также сожжено несколько селений, ныне освобожденных от фашистов, в Батурином районе. Эти села представляют из себя пустыню. Все население, жившее в этих селах, вместе со скотом, под страхом расстрела, угнано в тыл к немцам. Мне удалось поговорить лишь с одной колхозницей, которая (с двумя другими колхозницами, за несколько дней до освобождения их села от немцев) сбежала от немцев. Она рассказала, что немецкие солдаты разграбили все имущество у населения, а то, что для них оказалось не пригодным, — уничтожили. Отбирали и резали скот, расправлялись с населением. Но урожай находился до занятия нашими войсками большей частью на корню и некоторая часть в снопах в поле. Несмотря на репрессии, ему не удалось заставить колхозников сжать хлеб. Теперь население (которое ушло раньше в глубь страны) начало возвращаться и приступило к уборке урожая, ему помогают в этом соседние колхозы и части Красной Армии. Об осталь-

ном населении известно лишь, что оно фашистами угнано в тыл и используется на земляных работах.

Положение красноармейцев, используемых на строительстве оборонных участков. В Холм-Жирковском районе Смоленской области работают на строительстве оборонных сооружений около 12000 человек красноармейцев, мобилизованных 7.VII.1941 г. (Черниговской, Курской, Полесской, Гомельской, Смоленской и др. областей). Эти красноармейцы вот уже третий месяц используются на строительстве и переводятся с места на место. Они большей частью приписаны к Резервному фронту (в частности, красноармейцы 5 района УПСОС* НКВД СССР приписаны к 248 сд, 49 резервной армии). На территории Смоленской области таких красноармейцев находится несколько десятков тысяч человек и они также представляют из себя резерв, из которого формируют пополнения для дивизий, ведущих борьбу на фронте. До сих пор нет хозяина, который отвечал бы за политическое воспитание и обеспечение продовольствием и обмундированием этих красноармейцев. Красноармейцы ходят в своей одежде, которая за это время изрядно износилась. Большая часть красноармейцев совершенно без обуви и ходит босиком, часть ходит в лаптях. Смотри на них, можно подумать, что это заключенные (хотя заключенные, работающие в строительных организациях НКВД, одеты и обуты). Кормят их плохо. Большой частью одним хлебом или постным супом. Военные части, к которым приписаны красноармейцы, неохотно отпускают им продовольствие, особенно жиров**. Знакомаясь с письмами подобных красноармейцев, находящихся на строительных работах, замечаешь те же недостатки, а когда из этих красноармейцев формируют маршевые части и они прибывают на линию фронта, то командирам боевых дивизий приходится переживать очень неприятные минуты. Будучи в расположении 3-го взвода, 1-й роты, 120 сп, 162 сд, находящегося на фронте, говорил с группой красноармейцев, прибывшей в 162 сд в качестве пополнения из резерва. **Что это за люди? Дисциплина слабая, красноармейцы не знают, как определить по знакам различия командиров, даже генерала. Разговаривая с генералом, держат себя за панибрата, вступают в пререкания с командирами. Политическая работа с ними не велась с момента поступления их в армию. Газеты до них не доходят, даже младшие командиры бывают с ними редко (они заявили мне: во время боя мы никогда не видим своих командиров). Кормят в этой части неважно, хотя и имеются все возможности улучшить питание. Жалуются на недостаток жиров и особенно на то, что дают мало супа (1/2 котелка на двоих). Чувствуется недовольство. А результат? В первом же бою из прибывшего пополнения в 30-ю армию три группы красноармейцев (около 30 человек) перешли к немцам. **Наступают холода, в таком виде красноармейцев оставлять нельзя.** Прошу Государственный Комитет Обороны СССР обязать командование Резервного фронта немедленно:**

- 1) Обмундировать всех красноармейцев, занятых в настоящее время на строительных работах.
- 2) Обеспечить их питанием по установленным нормам и
- 3) Проводить политическую работу среди указанных красноармейцев и самым настойчивым образом готовить из них настоящих бойцов Красной Армии.

(По указанным вопросам мне не удалось связаться с командованием Резервного фронта).

* УПСОС — Управление полевого строительства оборонительных сооружений.

** Так в документе.

В отношении недостатков, имеющихся в воинских частях, в которых я был, командование заявило, что эти недостатки ими будут немедленно устранены.

Пожелание командиров 30-й армии (команд. г-м т. Хоменко).

8.IX.41 г. я был в штабе 30-й армии. Командующий армией провел небольшое совещание, командиры высказали ряд пожеланий и просили меня передать Государственному Комитету Оборона:

1) Командование армией (мне об этом говорили командиры и член ВС других армий) не информировано совершенно о положении на других фронтах СССР и плохо информировано о положении на Западном фронте.

2) Одобряя станковый пулемет ДС, говорят, что этот пулемет очень хорош, при устранении одного недостатка, а именно: заменить полотняную ленту металлической (некоторые пулеметчики нашли немецкие металлические ленты, приспособили их и пулеметы работают прекрасно).

3) Просили организовать производство цепей для автомашин на период бездорожья.

4) Жаловались, что наши противотанковые мины имеют ряд существенных недостатков, а именно: а) мал заряд и мина мало эффективна против тяжелых танков (она не рвет даже гусеницы); б) деревянные ящики от изменения погоды, будучи в земле, деформируются и мина не действует. Так как этот вопрос специальный, я просил командира продумать этот вопрос и внести свое предложение Госуд. Ком. Оборона — он мне обещал это сделать.

Наблюдая положение на фронте, я поставил перед командирами ряд вопросов и просил их высказать по ним свое мнение:

О спецукупорке для снарядов. Немцы, как известно, применяют простую, плетеную, весьма легкую укупорку для артиллерийских снарядов. Можно ли применить ее для нашей армии? Все командиры ответили положительно для снарядов калибра от 122 мм и больше, а для меньших калибров надо, говорят, еще обсудить. Наша спецукупорка требует очень сложной работы и особенно ценных и выдержанных материалов. Я считаю, что **надо предложить артиллерийскому Управлению РККА очень быстро проработать вопрос об упрощении и удешевлении спецукупорки для артснарядов и дать заказ промышленности об ее изготовлении** (одна лишь наша промкооперация по типу немецких плетеных ящиков могла бы покрыть всю потребность Красной Армии).

Об упорядочении связи в армии.

В наших армиях связь между частями и штабом армии, как правило, очень плохая. Давая задание о проведении той или иной операции, штабы армии, дивизии и даже полков долгое время не имеют сведений, как выполнена (не говоря уже о том, как выполняется задание) эта операция (7.IX в 30-й армии должна быть проведена одна операция, а 8.IX около 12 часов дня штаб армии не знал, как выполнена эта операция). Как оправдание такого положения обычно приводится отсутствие проводов. На самом деле: 1) еще очень слаба дисциплина у командиров в отношении сообщений требуемых сведений вышестоящему штабу и 2) никто серьезно не думает о том, как лучше наладить связь, например, радио, как средство связи, не применяется совсем. Когда спрашиваешь, почему? Говорят — нет соответствующей аппаратуры, а если есть, нет кадров, которые знали бы как обращаться с этой аппаратурой, и т. д. Надо потребовать от командиров частей Красной Армии более серьезного отношения к организации связи между вверенными ему частями и большей ответственности за своевременное представление сведений вышестоящему

штабу. (Дать право командирам армий использовать для организации связи подходящее трофейное имущество. Они жалуются, что штаб фронта у них все забирает).

Командиры 30-й армии, перед которыми я ставил этот вопрос, считали правильной оценку и актуальность задачи.

О сборе металла в местах расположения фронта. Со сбором металла в прифронтовой полосе за последнее время стало лучше, но и теперь еще есть, что собирать. Я лично видел недалеко от фронта неубранных несколько тяжелых наших и немецких танков, несколько легких танков, много гильз от артиллерийских снарядов и много собранного, но еще неотправленного металла. По этому вопросу я говорил с командующим 30 армией г-м Хоменко, он дал соответствующие указания нач. тыла армии г-лу Виноградову.

Вопросы, касающиеся уборки урожая в освобожденных от фашистов селениях, о помощи в этом деле частей Красной Армии, о вывозке льна из прифронтовой полосы и другие вопросы практически разрешены с командованием армией.

И. Хохлов

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 469. Л. 48—53. Машинописная копия.

Примечания

¹ Хоменко В. А. (1899—1975) — командующий 30-й армией.

² Кузнецов Ф. И. (1898—1961) — командующий 21-й армии, затем — Центрального фронта.

³ Бацкалевич А. И. (1897—1969) — командир 32-й кавалерийской дивизии.

⁴ Еременко А. И. (1892—1970) — заместитель командующего Западным фронтом.

⁵ Калинин С. А. (1890—1975) — в июле 1941 г. командующий армейской группой резервных армий.

⁶ Рокоссовский К. К. (1896—1968) — командир 9-го механизированного корпуса, с июля 1941 г. — командующий 16-й армией.

⁷ Качалов В. Я. (1890—1941) — в июне—августе 1941 г. командующий 28-й армией.

⁸ Богданов И. А. (1897—1942) — заместитель командующего 5-й армией, командующий, заместитель командующего 39-й армией.

⁹ Масленников И. И. (1900—1954) — командующий 29-й армией.

¹⁰ Артемьев П. А. (1897—1979) — начальник управления оперативных войск НКВД, командующий войсками Московского военного округа.

¹¹ Круглов С. Н. (1907—1977) — первый заместитель наркома внутренних дел СССР, в июле—октябре 1941 г. член военных советов Фронта резервных армий, Резервного фронта.

¹² Попов Д. М. (1900—1952) — секретарь Смоленского обкома ВКП(б), член Военного совета Фронта резервных армий.

¹³ Павлов Д. Г. (1897—1941) — командующий Западным фронтом.

¹⁴ Ремезов Ф. Н. (1896—1990) — с июня 1941 г. командующий 20-й армией, с июля 1941 г. — 13-й армией.

¹⁵ Виноградов В. И. (1895—1967) — командир 7-го механизированного корпуса, с августа 1941 г. — заместитель командующего 30-й армией по тылу.

¹⁶ Трубецкой Н. И. (1890—1941) — начальник военных сообщений РККА, Управление военных сообщений Генерального штаба, репрессирован, реабилитирован в 1955 г.

¹⁷ Пронин Н. И. — в июле—августе 1941 г. командующий 34-й армией.

¹⁸ Маленко Г. М. (1902—1988) — секретарь ЦК ВКП(б), член ГКО.

¹⁹ Щаденко Е. А. (1885—1951) — начальник Главного управления формирования и укомплектования войск РККА.

²⁰ Ершаков Ф. А. (1893—1942) — в июне—августе 1941 г. командующий 22-й, затем — 20-й армиями.

²¹ Леонов Д. С. (1899—1981) — член Военного совета 22-й армии.

²² Зыгин А. И. (1896—1943) — с июня 1941 г. командир стрелковой дивизии.

²³ Юшкевич В. А. (1897—1951) — в августе—октябре 1941 г. командующий 22 армией.

²⁴ Болдин И. В. (1892—1965) — заместитель командующего Западным фронтом.

²⁵ Доватор Л. М. (1903—1941) — командующий кавалерийской группой, затем командир 3-го, 2-го кавалерийских корпусов.

²⁶ Туликов Ф. Ф. (1898—1986) — военный комиссар 3-го кавалерийского корпуса

²⁷ Хохлов И. С. (1895—1975) — в 1940—1943 гг. председатель СНК РСФСР, в ходе войны уполномоченный ГКО по Смоленской области, член Военного совета Западного фронта.

ПОСЛЕДНИЕ ПЛЕННИКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Документы из фондов ЦК КПСС о японских военнопленных

Более десяти лет, с августа 1945 г., дипломатические отношения между СССР и Японией оставались прерванными. Лишь в октябре 1956 г. в результате переговоров на высшем уровне в Москве была достигнута договоренность о нормализации отношений между двумя странами.

В настоящее время мало известно, что в ходе восстановления советско-японских отношений, наряду с территориальной проблемой, рассматривался вопрос о содержании в советском плену японских военнопленных, капитулировавшей в августе 1945 г. Квантунской армии и лиц, в той или иной мере причастных к ее деятельности. СССР интернировал тогда 600 тыс. японцев, отправив большую их часть в Сибирь. В результате, по данным японцев, по меньшей мере каждый десятый из интернированных умер там, не вынеся жестоких условий труда.

Одна из статей советско-японской Декларации 1956 г., помимо восстановления дипломатических отношений, предусматривала согласие Советского Союза освободить и репатриировать на родину всех японских граждан, осужденных в СССР как военных преступников. Еще в 1950 г. Советский Союз официально заявил, что репатриация японских военнопленных и гражданских лиц из СССР, за исключением осужденных, завершена. Однако в ходе одного из раундов переговоров, предшествующих подписанию Декларации, японская сторона заявила о необходимости до установления дипломатических отношений урегулировать вопрос об окончательной репатриации из СССР всех японских граждан без исключения. Тогда же, руководствуясь стремлением облегчить переговоры, советская делегация передала японцам списки 1016 бывших военнопленных и 357 гражданских лиц, отбывавших наказания в исправительно-трудовых лагерях. По мере отбытия срока наказания происходила их репатриация¹. Советская делегация заявила, что передаст японским властям всех оставшихся японских военных преступников сразу после восстановления дипломатических отношений. Подводя итоги урегулированию этой проблемы после московских переговоров, Президиум Верховного Совета СССР 13 декабря 1956 г. издал указ следующего содержания: «В соответствии с прекращением состояния войны и установлением мирных отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, а также руководствуясь принципами гуманности: 1. Освободить из мест заключения всех осужденных японских граждан. 2. Разрешить всем освобожденным из мест заключения японским гражданам вернуться на родину»².

До сих пор установление полномасштабных, прежде всего торгово-экономических, отношений между двумя странами упирается в ряд не полностью решенных в 50-е гг. вопросов. Некоторые факты истории, в том числе не подкрепленные документами «сибирское интернирование», отсутствие комментариев о нем, сохраняет у японцев не-

¹ По данным МВД (записка в ЦК КПСС от 29.03.55 г.), в местах заключения в СССР содержалось 1423 человека осужденных японских граждан, из них 1030 военнопленных японской армии, в том числе 29 генералов и 341 офицер. // ЦХСД, Ф. 4. Оп. 12. Д. 78. Л. 151. В архиве сохранилась также информация МВД от 10.09.55 г., которая свидетельствует, что за период с 1 января по 5 сентября того года из мест заключения было освобождено и репатриировано 124 японца. // ЦХСД, Ф. 5. Оп. 47. Д. 76. Л. 41—44.

² Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1937—1967. М. 1968. Т. 2. С. 632.

доверие к нашей стране. Несмотря на безусловную осведомленность японской общественности о перипетиях пребывания своих соотечественников в советском плену, эта проблема представляет интерес как в психологическом аспекте — в силу естественных людских чувств уважения к памяти погибших, так и в плане недостаточного ее освещения на основе советских документальных материалов. Ликвидация «белых пятен» в истории послевоенного пребывания японцев в СССР существенна и для отечественной историографии, располагающей пока минимумом источников по этому вопросу.

Введение в научно-практический оборот документов из некогда закрытых фондов, в том числе из архивов КПСС, может стать важным подспорьем в устранении одной из помех в развитии отношений между Россией и Японией. Ниже публикуются документы из фондов «Секретариат ЦК КПСС» и «Аппарат ЦК КПСС», находящихся в Центре хранения современной документации. Эти материалы относятся к заключительному этапу нормализации отношений между СССР и Японией перед подписанием совместной Декларации 1956 г. С февраля по декабрь 1956 г., в последние месяцы пребывания японских граждан из числа военнопленных в советских лагерях, малейшие изменения в условиях их содержания, пропагандистское обеспечение, этапы репатриации японцев на родину находились под строгим контролем ЦК КПСС. С поступившими письмами, предложениями, информацией по этому вопросу знакомился вкрутовую и обсуждали их на заседаниях почти все члены Президиума и Секретариата ЦК. Документы свидетельствуют, что советская сторона не в меньшей степени была заинтересована в успешном завершении репатриации японских граждан, рассчитывая подвести черту под неурегулированной со времени окончания войны проблемой. Публикуется единственная пока выявленная в архиве выписка из постановления Президиума ЦК КПСС, который решал в тот год судьбу остатков пленной Квантуанской армии. Все эти годы документ вместе с приложенным списком японцев хранился в «особой папке» в архиве ЦК КПСС.

Публикацию подготовил А. М. ПЕТРОВ.

№ 1

Записка секретаря ЦК КПСС А. Б. Аристова, в Президиум ЦК КПСС о переводе на прежнюю норму питания японцев, содержащихся в лагере № 16 *

Март 1956 г.

В соответствии с Постановлением Президиума ЦК КПСС от 30 января 1956 года Министерство внутренних дел перевело осужденных японцев, содержащихся в лагере № 16 (гор. Хабаровск), на пониженную норму питания¹.

Находящиеся в настоящее время по поручению ЦК КПСС в гор. Хабаровске тт. Бочков, Викторов и Елисеев сообщают, что после проведенной ими операции осужденные японцы сняли голодовку и стали подчиняться администрации лагеря. В результате перевода на пониженную норму питания значительная часть японцев физически ослабла, что серьезно затрудняет использование их на работе. В связи с этим тт. Бочков, Викторов и Елисеев вносят предложение перевести указанных японцев на ранее установленную норму питания.

* Имеются пометы: «Согласовано с тов. тов. Булганиным, Молотовым, Сусловым, Тов. Булганин сказал, что можно решить в оперативном порядке. А. Аристов, 14.III.56 г.».

«Министром внутренних дел СССР т. Дудоровым дано указание о переводе осужденных японцев на повышенную норму питания. А. Старцев². 16.III.56 г.».

Товарищи Дудоров и Руденко это предложение поддерживают. Считали бы возможным разрешить Министерству внутренних дел СССР перевести содержащихся в лагере № 16 осужденных японцев на прежнюю норму питания.

Просим согласия.

А. Аристов

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 47. Д. 129. Л. 34. Машинописная копия.

№ 2

Письмо Такеси Такано Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову*

20 марта 1956 г.

Секретно

От заключенного Такано Такеси,
Хабаровская тюрьма № 1

Настоящим имею честь обратиться с петицией к уважаемому Председателю Ворошилову.

Я хотел бы, чтобы Ваше Превосходительство поняли основные причины возникновения события, имевшего место 19 декабря прошлого года в Хабаровском лагере для японских военнопленных.

Лагерная администрация настолько плохо к нам относилась и прибегала к бюрократическим приемам Берия, что 800 японцев, несмотря на то, что близится час репатриации, вынуждены были пойти на такие шаги.

Я хочу сообщить, какими методами действует эта бесчеловечная лагерная администрация. В лагере больных посылают на работу. Лагерная администрация заставила 70 больных японцев пойти на работу. У больных была температура свыше 37°. В связи с этим больные обратились к врачу, однако врач заявил, что по этим вопросам обращайтесь к администрации. При этом врач и руководство лагеря заявили, что температура 37° это еще небольшая температура.

Были и такие случаи, когда больных с давлением свыше 200 ед. посылали на работу.

Вот какое бесчеловечное отношение мы испытываем на протяжении 10 лет. По этой причине физически мы очень ослабли. По сравнению с 1954 годом мы в среднем потеряли в весе по 12 кг.

Нам посылают из Японии посылки, но их не передают нам, также как и не передают писем. У нас отбирают высылаемые посылки.

На работе нас не обеспечивают инструментом, что снижает нашу работоспособность. А эти инструменты продают на рынке.

Мы на фактах убедились в том, что отношение лагерной администрации к нам свидетельствует о том, что они заботятся только о собственных интересах и что их не интересует ни государство, ни общество, ни народ.

* Имеется помета: «Разослать членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС. К. Ворошилов, 22.5.56 г.»

Уважаемый Председатель Ворошилов, мы обращаемся к Вам, как человеку, высоко поднявшему знамя мира и гуманизма, внимательно рассмотреть эти факты.

2 марта 1956 года 800 японцев объявили голодовку³, требуя прибытия в Хабаровский лагерь уполномоченного из Москвы. До этого мы неоднократно обращались с такой просьбой, но уполномоченного все нет и вопросы оставались нерешенными. Мы вынуждены прибегнуть к крайним мерам. В связи с голодовкой лагерная администрация в 5 часов утра 11 марта с. г. применила к нам насилие. Было бы полбеды, если бы против нас выступила только одна лагерная администрация. Дело в том, что против нас были вызваны пожарные части (5 пожарных машин) и пограничные войска, вооруженные винтовками и пистолетами.

Я не верю, что среди лагерной администрации имеются честные коммунисты.

Я был арестован этими людьми и посажен в заключение.

Дорогой Председатель Ворошилов, я прошу понять наше состояние и подумать о причинах, приведших к такому событию.

Я прошу о следующем:

1. Репатриировать всех японцев, подойдя к этому вопросу с позиции гуманности.

Мы в течение 10 лет честно работали и сильно подорвали свое здоровье. Наши дети, жены, отцы и братья ждут нашего возвращения. Поймите, что наши родственники принадлежат к классу трудящихся.

Поймите, что будучи трудящимися, мы должны иметь хорошее здоровье и немедленно приступить к работе после возвращения в Японию.

Больше того, если мы вернемся в Японию в таком состоянии, это послужит почвой для крупной антисоветской пропаганды. Поэтому мы просим до репатриации дать нам возможность отдохнуть.

2. Немедленно репатриировать больных, стариков и слабых людей.

3. Сконцентрировать в Хабаровском лагере всех японцев, находящихся в настоящее время в глубинных пунктах.

4. Не наказывать за указанное выше событие и не прибегать к наказаниям в будущем.

Такано Такеси

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 176. Л. 88—90. Заверенная машинописная копия.

№ 3

Записка Главной военной прокуратуры в Общий отдел ЦК КПСС об освобождении Такеси Такано

19 января 1957 г.

Сообщаю, что на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 года гражданин Японии Такано Такеси от отбытия наказания досрочно освобожден.

При этом возвращаю жалобу Такано Такеси от 20 марта 1956 года, адресованную на имя тов. Ворошилова.

Зам. Главного военного прокурора

В. Жабин

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 176. Л. 92. Подлинник.

№ 4

Информация МВД СССР в ЦК КПСС о поездке министра земледелия и лесоводства Японии Ичиро Коно в Ивановский лагерь японских военнопленных*

12 мая 1956 г.

Совершенно секретно

В соответствии с решением ЦК КПСС от 9 мая с. г. о поездке Коно Ичиро⁴ в лагерь военных преступников из числа бывших японских военнопленных МВД СССР приняло необходимые меры по организации этой поездки и докладывает о ее результатах.

10 мая с. г. в 7 часов утра Министр земледелия и леса Японии Коно Ичиро совместно с заведующим отделом кадров этого министерства Сайто, личным секретарем министра Кураути и корреспондентом японской газеты «Ёмиури» Ито в сопровождении представителей Министерства внутренних дел СССР и Министерства рыбной промышленности СССР на автомашинах выехали в лагерь МВД СССР № 48, находящийся в селе Черницы Лежневского района Ивановской области⁵.

В лагере содержится 33 осужденных военных преступника из числа бывших военнопленных японской армии, из них: 20 генералов, 10 офицеров и 3 рядовых солдата.

Кроме того, в этом лагере содержится бывший главнокомандующий Квантунской армией полный генерал Ямада Отодзо, который на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 февраля 1956 года освобожден от наказания и после выздоровления будет репатриирован при первой возможности⁶.

Все осужденные, содержащиеся в этом лагере, на работах не используются, а по желанию занимаются огородничеством и садоводством.

По прибытии в лагерь в соответствии с пожеланием Министра Коно Ичиро гости после непродолжительного отдыха встретились в парке с осужденными бывшими военнопленными японцами и имели с ними беседу в течение 1 часа 20 минут.

В начале встречи Министр Коно обратился к осужденным японцам с краткой речью, в которой он заявил:

«Я во главе японской делегации прибыл в Москву для ведения переговоров относительно рыболовства и о мерах оказания помощи пострадавшим в морских бедствиях.

Переговоры протекают успешно. На этих днях будут подписаны соответствующие соглашения. Сегодня я приехал навестить вас, а специалисты нашей делегации продолжают обсуждение деталей соглашений. Переговоры ежедневно продолжаются по 5—6 часов.

Вся делегация очень занята и поэтому я решил один, оставив остальных в Москве, навестить вас.

В части японо-советских переговоров можно сказать, что в конце июля текущего года они возобновятся и непременно завершатся успехом...

Вчера я был на приеме у господина Булганина, который в качестве подарка от СССР нашей делегации заверил, что завтра-послезавтра нам будет передан список группы японцев, которые в ближайшее время будут репатриированы...».

* С документом ознакомились и расписались на полях секретари ЦК КПСС А. Аристов, Н. Беляев, Е. Фурцева. Имеется помета: «Т. Брежнев Л. И. ознакомился».

С ответным словом выступил амнистированный генерал японской армии Ямада Отодзо.

Все заключенные окружили Коно, интересуясь деталями хода переговоров в Москве по вопросу о рыболовстве, а также перспективами советско-японских переговоров о восстановлении дипломатических отношений между Японией и СССР.

Отвечая на вопросы, Коно заявил:

«Господин Булганин, когда я был у него на приеме, любезно выслушал меня и выразил положительное мнение в части наших переговоров».

Коно и сопровождающие его лица обошли жилые комнаты и лазарет. При обходе Коно интересовался условиями содержания в лагере и, услышав похвальные отзывы осужденных японцев, выразил благодарность начальнику лагеря за хорошее, гуманное отношение к его соотечественникам. Перед выходом из зоны Коно посетил парниковое хозяйство.

Во время пребывания в лагере Коно Ичиро сфотографировался с осужденными. Основные моменты встречи Коно Ичиро с японцами были засняты на пленку корреспондентом японской газеты Ито.

По окончании встречи с осужденными японцами Министр Коно и сопровождающие его лица были приглашены на обед.

На этом обеде Коно заявил:

«Понятие «лагерь», где находятся наши осужденные соотечественники, мы в Японии представляли далеко не так по сравнению с тем, что увидели лично. Мы поражены тем, что наши соотечественники содержатся в таких хороших условиях. Мне не было заявлено ни одной жалобы».

По возвращении в Японию я доложу нашему правительству и общественности о том, как содержатся здесь наши соотечественники».

В частной беседе с представителями МВД Коно заявил, что в Японии, к сожалению, многие имеют неправильное представление о Советском Союзе.

«Меня, в частности,— заявил шутливо Коно,— уговорили взять с собой изрядные запасы теплого белья и теплых чулок в расчете на то, что эти предметы можно не найти в Советском Союзе».

Коно Ичиро поблагодарил за оказанные ему внимание и прием. В 18 часов 15 минут японская делегация выехала из лагеря в Москву.

Министр внутренних дел СССР

Дугоров

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 176. Л. 61—63. Подлинник.

№ 5

Постановление Президиума ЦК КПСС от 5—6 июля 1956 г.*

№ П27/XL

Строго секретно

О досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания японских военных преступников, осужденных судебными органами СССР

1. Принять предложение т. Руденко⁷ о досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания и репатриации в Японию 85 японских военных преступников, осужденных судебными орга-

* Имеется помета: «Гг. Ворошилову, Брежневу, Руденко, Шепилову (МИД), Петову, Коробову; Секретариату ЦК КПСС».

нами СССР, в том числе: 9 чел. в связи с заболеванием неизлечимым недугом, 8 чел., имеющих возраст свыше 55 лет, 28 чел., образующих группу демократически настроенных лиц в лагере, и 40 чел., осужденных за службу в японской армии или переводчиками в японских миссиях и отбывших за это достаточное наказание.

2. Поручить Президиуму Верховного Совета СССР досрочное освобождение этих лиц от наказания оформить Указом Президиума Верховного Совета СССР в порядке частной амнистии (список прилагается)⁸.

Секретарь ЦК

Н. Хрущев

ЦХСД. Ф. 4. Оп. 13. Д. 4. Л. 225. Выписка из протокола.

№ 6

Информация МВД СССР в ЦК КПСС о ходе репатриации японских подданных *

12 декабря 1956 г.

Секретно

Министерство внутренних дел докладывает, что, в соответствии с планом по проведению репатриации из СССР японских подданных, 8 декабря с. г. из города Иванова пассажирским поездом в город Москву были доставлены 50 подданных Японии, в том числе 21 генерал бывшей японской армии, содержащихся в лагере № 48.

Перед отправкой из лагеря все японцы были обеспечены продуктами питания на путь следования. Генералам был выдан полный комплект гражданского платья, а остальные японцы одеты по сезону в новое хлопчатобумажное обмундирование.

Утром 9 декабря с. г. на Ярославском вокзале прибывших японцев встретили работники МВД СССР, МИД СССР и представители Японии в СССР — Ниидзеки, Сигимицу, Комура и Такаяма.

В беседе с указанными представителями Японии, происходившей в специально подготовленном помещении на вокзале, репатрианты выразили удовлетворение быстрым и положительным завершением японо-советских переговоров и особенно предстоящим возвращением на родину, при этом каких-либо претензий высказано не было. Представители Японии записали фамилии японцев, следующих этой группой.

После беседы, по просьбе репатриантов, для них была организована экскурсия по городу Москве на тему «Москва — столица СССР». На двух автобусах в сопровождении экскурсоводов-лекторов Московского городского экскурсионного бюро японцы посетили Красную площадь, Московский Кремль, осмотрели панораму Центрального стадиона имени В. И. Ленина, внешний вид Московского государственного университета им. Ломоносова и ряд площадей и улиц города Москвы.

*С документом ознакомились и расписались на полях секретари ЦК КПСС А. Аристов, Н. Беяев, П. Поспелов, Е. Фурцева. Имеются пометы: «Тов. Суслов М. А. ознакомился». «Тов. Брежнев Л. И. ознакомился».

После экскурсии в ресторане Ярославского вокзала для японцев был организован обед. Затем после краткого отдыха они осмотрели несколько станций Московского метрополитена.

Японцы выразили благодарность за предоставленную им возможность ознакомления с достопримечательностями Москвы.

Вечером была произведена их посадка на поезд № 16 Москва — Хабаровск, которым репатрианты убыли в 20 часов 50 минут в город Хабаровск, куда они прибудут 19 декабря с. г. Их отправка произведена в купейном вагоне в сопровождении четырех работников лагеря, в том числе врача и переводчика. В пути следования японцам выданы постельные принадлежности и они получают одноразовое горячее питание в вагоне-ресторане, кроме сухого пайка, который им выдан в хорошем ассортименте.

По прибытии в город Хабаровск японские генералы будут размещены в гостинице, а затем 21 декабря пассажирским поездом отправлены совместно с остальными японцами, сосредоточенными в Хабаровском лагере, в порт Находку.

В городе Хабаровске для японских генералов Министерством обороны СССР намечается организовать прощальный вечер, на котором будут также присутствовать представители Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и МВД СССР генерал-лейтенант Филиппов и подполковник Никаноров.

Передача японских подданных представителям японских властей будет произведена в порту Находке 23 декабря 1956 года.

Министр внутренних дел СССР

Дугоров

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 176. Л. 215—216. Подлинник.

№ 7

Информация МВД СССР в ЦК КПСС о передаче репатриантов представителям японских властей *

24 декабря 1956 г.

Секретно

Министерство внутренних дел СССР докладывает, что в порту Находке 23 декабря с. г. 16 по 18 часов по местному времени была произведена передача представителям японских властей 1025 человек японских подданных, освобожденных из мест заключения в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 13 декабря 1956 года.

В числе переданных 20 генералов бывшей японской армии, один бывший действительный советник II ранга, начальник главного полицейского управления Маньчжоу-Го⁹, приравненный к генералу, 306 офицеров.

Среди репатрируемых имелось 61 человек больных и инвалидов.

Из 1040 человек, подлежащих репатриации японцев, один, как отбывший срок наказания, был отправлен в Японию 2 декабря с. г. совместно с 22 японцами, отбывшими сроки наказания, о которых было доложено 23 ноября 1956 года¹⁰.

* С документом ознакомились и расписались на полях секретари ЦК КПСС А. Аристов, Л. Брежнев, Н. Беляев, П. Поспелов, Е. Фурцева. Имеется пометка: «Тов. Суслов М. А. ознакомился».

Десять человек от выезда в Японию отказались в связи с тем, что у шести из них семьи проживают на территории Советского Союза, у троих — в Китайской Народной Республике и у одного — в Корейской Народно-Демократической Республике.

Изыявившие желание остаться в СССР будут освобождены со сборного пункта и направлены к месту жительства их родственников. Этот вопрос согласован с органами Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и МИД СССР.

В отношении лиц, семьи которых проживают в КНР и КНДР, вопрос о их репатриации будет решен через МИД СССР.

Два человека задержаны в связи с тем, что они являются лицами без гражданства, и вопрос о них будет решен особо.

Из числа японских генералов, следовавших из Москвы, не доезжая 80 километров до города Хабаровска, генерал-майор Кавагоэ Сигесада, 1897 года рождения, бывший начальник штаба 5-й Квантунской армии, серьезно заболел. У него произошел инфаркт-миокарда. Врачом, сопровождавшим японцев, ему в вагоне была оказана необходимая медицинская помощь; по прибытии в гор. Хабаровск большой был помещен в госпиталь, где за ним наблюдали местные врачи и один врач из числа репатрируемых японцев.

Несмотря на принятые меры, Кавагоэ 21 декабря умер и захоронен на кладбище в гор. Хабаровске.

Перед отправкой японцев из гор. Хабаровска в порт Находку репатрируемый Ямасиро Таро, 1910 года рождения, бывший чиновник полицейского пограничного отряда, находясь в вагоне, совершил покушение на самоубийство. Имея при себе отточенное полотно от ножовки, Ямасиро вонзил его себе в грудь и в тяжелом состоянии был доставлен в Хабаровскую городскую больницу, где ему была оказана необходимая медицинская помощь. По заключению врачей, рана, нанесенная им в область сердца, не является смертельной. Предполагается, что причиной, толкнувшей Ямасиро на самоубийство, явилось то, что он ранее давал показания на следствии на других японцев и боялся ответственности за это перед японскими властями. По выздоровлении Ямасиро будет репатрирован в Японию.

Со всеми репатриантами перед отправкой на родину были произведены полные денежные расчеты за работу в лагерях, выданы на руки все их личные вещи и ценности. Всем репатриантам перед отправкой на родину выдано новое обмундирование и обувь по сезону. Каждому из них была предоставлена возможность приобрести по желанию промышленные и продовольственные товары.

Всего японцами было приобретено продовольственных и промышленных товаров на общую сумму 195.900 рублей, в том числе: вина, водки и пива на 56 тысяч рублей, ювелирных изделий на 12 тысяч рублей, 110 штук часов на 33 тысячи рублей, различной советской литературы на 65 тысяч рублей, сигарет и папирос на 21 тысячу рублей.

Репатрированные японцы были освобождены от работы с 8 декабря, для них ежедневно демонстрировались кинофильмы и проводились другие культурно-массовые мероприятия. За этот период они двумя группами посетили кинотеатр в гор. Хабаровске, всем составом выезжали в театр музкомедии, совершили экскурсию по городу и посетили кладбище в гор. Хабаровске, где захоронены умершие японцы.

20 декабря японские генералы и офицеры от имени начальника гарнизона гор. Хабаровска были приглашены на прощальный вечер в Хабаровский дом офицера, где им был организован ужин и концерт. Встреча прошла в дружественной обстановке.

21 декабря репатрируемые двумя специальными эшелонами в классных вагонах были отправлены в порт Находку. В вагонах они были обеспечены комплектом постельных принадлежностей. На путь следования им выдан сухой паек на 5 суток в хорошем ассортименте.

На железнодорожных станциях по пути следования были приняты необходимые меры сохранения общественного порядка. Никаких инцидентов и недоразумений в пути не было.

Для приема и перевозки японских подданных в Японию 22 декабря в порт Находку прибыл японский пароход «Коан-Мару», на борту которого, кроме 139 человек команды, находились 9 человек представителей японских властей, 2 представителя Красного Креста и 25 корреспондентов японских газет и радио.

Вечером 22 декабря из числа команды парохода «Коан-Мару» и его пассажиров 117 человек, в том числе все корреспонденты, организовано посетили клуб рыбаков в порту Находке. Сопровождала их тов. Савченко, председатель Исполкома СОКК и КП по Приморскому краю.

Никаких эксцессов при посещении клуба не было.

23 декабря группа корреспондентов посетила в гор. Находке кладбище, где захоронены умершие японцы.

Во время прибытия поездов на территорию морского вокзала, а также в период выхода японцев из вагонов, в досмотровом зале вокзала, при выходе из вокзала и во время посадки репатриантов на пароход корреспонденты производили массовое фотографирование, свободно общались с репатриантами.

Во время передачи японцев к репатриантам обратился с приветственным словом представитель МВД СССР подполковник Никаноров, который сказал, что успешно завершённые переговоры между советским и японским правительствами привели к нормализации японо-советских отношений и установлению дипломатических отношений, благодаря чему Советское Правительство досрочно освободило японских граждан и предоставило им возможность возвратиться на родину к своим семьям. В заключение пожелал репатриантам счастливого пути и благополучного возвращения на родину.

С ответным словом от репатриантов выступил полный генерал Усирока Дзюн, который выразил признательность и благодарность Правительству Советского Союза за освобождение японцев и высказал надежду на дальнейшее укрепление дружественных отношений между СССР и Японией.

Передача репатриантов была произведена по именному списку. При передаче как со стороны репатрируемых, так и со стороны принимавших их представителей Японии, никаких претензий заявлено не было.

Акт о приеме репатриантов подписал начальник паспортного отдела МИД Японии Хиросе Тацуо.

24 декабря в 13 часов 32 минуты по местному времени пароход «Коан-Мару», на борту которого находятся репатрианты, из порта Находки убыл в японский порт Майдзуру.

Министр внутренних дел Союза ССР

Дугоров

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 176. Л. 219—222. Подлинник.

Примечания

¹ Это постановление, как и несколько не сохранившихся, но зарегистрированных делопроизводством ЦК КПСС документов, связано с отказом с 19 декабря 1955 года содержащихся в этом лагере японцев выходить на работу. В частности, 9 января зам. Главного военного прокурора Жабия, а 11 января 1956 г. секретарь ЦК КПСС Аристов

сообщали в Президиум ЦК о причинах массового неповиновения заключенных. Затем, 24 января, А. Аристов и Генеральный прокурор Р. Руденко внесли предложение о мерах воздействия на японцев. Очевидно, по этим предложениям Президиум ЦК распорядился наказать непокорных таким образом. Впоследствии, в связи с объявлением заключенными голодовки, также по решению Президиума ЦК КПСС в Хабаровск была откомандирована группа инспекторов в составе высших должностных лиц МВД, КГБ и Главной военной прокуратуры, которая и провела «мероприятия» по прекращению голодовки.

² Старцев А. А. — в 1956 г. зам. заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС.

³ Из письма другого заключенного из того же лагеря, Сэйичи Хамада, на имя К. Ворошилова видно, что японцы решили отказаться от приема пищи «в ответ на приказ начальника лагеря по вопросам питания и наказания». «С этого момента и на протяжении 10 дней (до рассвета 11 марта) японцев силой оружия выгоняли из бараков», — сообщается в этом письме. Наиболее активных участников акции протеста, в том числе авторов обоих писем, посадили в тюрьму. // ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 176. Л. 87. В ЦК КПСС об этом решении японцев 3 марта 1956 г. было доложено Министром внутренних дел СССР. 7 марта по итогам инспекции положения в лагере ЦК КПСС был проинформирован Аристовым, Дудоровым и Руденко о том, что голодовка японцев «носит характер демонстрации. Основной причиной неповиновения японцев и объявленной ими голодовки является неудовлетворение их просьб о репатриации на родину».

⁴ И. Коно находился в СССР с 29 апреля по 14 мая 1956 г., возглавляя делегацию своей страны на переговорах по вопросам рыбного промысла, в результате которых были подписаны Конвенция о рыболовстве и Соглашение по оказанию помощи людям, терпящим бедствие в море. Эти договоры являлись составной частью процесса по нормализации советско-японских отношений.

⁵ Лагерь МВД № 48, где наряду с генералами бывшей немецкой армии содержался командный состав бывшей Квантунской армии, с 1953 года неоднократно посещался с разрешения Президиума ЦК КПСС различными японскими делегациями. Размещался он в арендованных МВД помещениях дома отдыха железнодорожников.

⁶ В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС и принятым вслед за ним Указом Президиума Верховного Совета О. Ямада подлежал досрочному освобождению и репатриации в Японию с очередной партией японцев. Однако, как видно из содержания имеющейся в ЦХСД записки МВД СССР от 29 февраля 1956 г., этот вышедший по чину японский военнопленный был тяжело болен в тот момент и поэтому не транспортабелен. Тогда было дано согласие секретаря ЦК КПСС А. Аристова на задержку репатриации О. Ямада. // ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 176. Л. 27—28.

⁷ Генеральный прокурор СССР Р. Руденко 19 мая 1956 г. обратился в ЦК КПСС с запиской по этому вопросу, приложив список на 85 осужденных японских военнопленных. Предложение предварительно рассматривалось на заседании Секретариата ЦК 19 июня 1956 г., постановление которого легло в основу решения Президиума ЦК. Выписка, полученная из Президиума, была подложена в сданные в архив материалы Секретариата ЦК КПСС.

⁸ «Список осужденных японских военных преступников, которых возможно в порядке помилования досрочно освободить от отбывания наказания» не только перечисляет имена лиц, содержащихся в Хабаровском лагере, но и приводит по каждому из них сведения о том, кем, когда, по какой статье, к какому сроку наказания он осужден, а также краткое содержание обвинения. Соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР был принят 12 июля 1956 г.

⁹ Маньчжоу-Го (Маньчжурское государство) — марионеточное государство, созданное японскими милитаристами на территории Северо-Восточного Китая и существовавшее с марта 1932 по август 1945 г.

¹⁰ Судя по учетным документам бывшего Общего отдела ЦК КПСС, это могла быть датированная этим днем информация Министерства о проводимых мероприятиях по подготовке к отправке на родину японских подданных, находящихся в СССР, доложенная членам Президиума и секретарям ЦК КПСС. Документ в архиве не отложился.

НАЧАЛО «ДЕЛА» АКАДЕМИИ НАУК

Стенограмма
заседания Особой комиссии Наркомата РКИ СССР
24 октября 1929 г.

Долгое время «дело Академии наук», или «дело Платонова», трактовалось официально как «контрреволюционный заговор». Лишь в последние годы опубликованы воспоминания историка и краеведа Н. П. Анциферова (1889—1958), статьи В. С. Брачева, А. И. Горяинова, Ф. Ф. Перченка и др.¹, которые приоткрывают завесу над драматическими (а порой и трагическими) событиями, имевшими место в нашей науке на рубеже 20—30-х годов. Сфабрикованное тогда властями «академическое дело» принадлежит к тому же ряду, что и печально известные «шахтинское дело», «дело Промпартии» и др.

Планируя подробно ознакомить читателей с главными эпизодами «дела» Академии наук, журнал «Исторический архив» в настоящем номере публикует стенограмму заседания Особой комиссии от 24 октября 1929 г. Именно на этом заседании было положено начало будущему «делу».

В те годы Академия наук была вовлечена в процесс так называемой «перестройки». Она была навязана «сверху» и включала требования утилитарности научных исследований, перехода на «марксистско-ленинскую» методологию, ликвидацию автономии, что полностью ствечало партийно-государственной политике «социализации» науки и «пролетаризации» кадров. Развертывалась «чистка» сотрудников. Именно такая задача стояла перед Комиссией Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР по проверке аппарата Академии под председательством Ю. П. Фигатнера. Результаты работы комиссии не замедлили сказаться: пятая часть сотрудников (около 100 человек) была объявлена «социально чуждыми, бесполезными для социалистического строительства» и уволена по первой категории, что означало потерю научного и гражданского статуса. Особенно «неблагополучными» были признаны учреждения гуманитарного профиля. Это должно было оправдать предполагавшуюся коренную реорганизацию их (а по другим планам, постепенную ликвидацию). Для более решительных мер требовался лишь повод, и он был найден.

Согласно официальной версии, 19 октября 1929 г. в комиссию Ю. П. Фигатнера поступило заявление от ряда сотрудников Академии о местонахождении в Библиотеке АН СССР, Пушкинском доме и Археографической комиссии материалов «большого политического значения», которые якобы могли сыграть важную роль «в борьбе с врагами Октябрьской революции»². В их числе — акты отречения Николая II и Михаила Романовых, архив бывшего шефа жандармов В. Ф. Джунковского, материалы Департамента полиции. Это случилось как раз накануне возобновления чистки, так что 21 октября Фигатнер информировал комиссию о «находках» (эта часть заседания была закрытой и стенограмма не велась), а затем доложил в ЦК и ЦКК ВКП(б), СНК и РКИ СССР и ОГПУ. Таким образом, сформулированная им, как председателем комиссии, задача «создать крупное общественное мнение» вокруг чистки, «сказать, что

¹ См.: Анциферов Н. П. Из воспоминаний // Звезда, 1989, № 4; Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории, 1989, № 5; Он же. Укрощение строптивой, или Как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР, 1990, № 4; Горяинов А. И. Еще раз об «академической истории» // Вопросы истории, 1990, № 1; Он же. Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов // Советское славяноведение, 1990, № 2; Перченко Ф. Ф. «Дело» Академии наук // Природа, 1991, № 4; Он же. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. М. 1991, вып. 1 и др.

² Научный работник. 1929, № 12, с. 88.

из себя представляет Академия наук», оказалась выполненной. Оставалось выявить виновников, что и призвана была сделать Особая комиссия в составе Я. Х. Петерса, Я. С. Агранова и Ю. П. Фигатнера. Целью ее первого заседания (24 октября), как заявлял Фигатнер, было побеседовать с лицами, имевшими прямое отношение к «найденным» документам. На самом деле, это была «разведка боем». Перед нами, по существу, стенографическая запись допроса. В этом нас убеждает как состав комиссии (асы политического сыска), так и характер самого документа. Вновь и вновь ставятся одни и те же вопросы, сталкиваются мнения, сравниваются ответы, — и все начинается снова. Комиссия уверена, что архивы имеют прежде всего политическое (а не научное) значение. Отсюда вопросы о «законности» хранения материалов, о возможности «умышленного» сокрытия или даже уничтожения их, выводы о наличии «злого умысла», «заговоре молчания», имевшего целью «утаивание» не только «политически важных, но и оперативных документов». В «дело» оказались втянутыми не рядовые сотрудники Академии (именно среди них проводилась чистка), а действительные члены, ведущие специалисты, руководители Президиума — непререкаемый секретарь АН СССР С. Ф. Ольденбург и академик-секретарь Отделения гуманитарных наук С. Ф. Платонов.

Первый из них на основании доклада Фигатнера и материалов Особой комиссией был распоряжением Председателя СНК СССР А. И. Рыкова и с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) отстранен от должности. Для второго допрос 24 октября явился первым в цепи множества других и закончился арестом и ссылкой. Академик Платонов, за которым в марксистских кругах утвердилась слава «монархиста», по мнению властей, как нельзя лучше подходил на роль организатора «антисоветского заговора» в Академии. К тому же, объявленные «политически важными» документы были найдены в учреждениях, которыми руководил Платонов. Его судьбу разделили А. И. Андреев, С. В. Рождественский, А. И. Заозерский, Ф. П. Покровский, Н. В. Измайлов, В. Г. Дружинин, академики М. К. Любавский, Н. П. Лихачев, Е. В. Тарле и многие другие, главным образом историки, архивисты, этнографы, музееведы, краеведы. Пострадал (хотя и не сразу) и член-корреспондент АН СССР В. И. Срезневский.

Вслед за Особой комиссией в ведущие научные центры Академии и ее Архив были посланы специальные комиссии для изъятия «крамольных материалов» (число которых возрастало с поразительной быстротой). Это привело к разорению архивных фондов, уничтожению коллекций. Параллельно действовала комиссия по чистке кадров Академии, продолжая дальнейшее «перетряхивание» научных работников, пересматривая (и ужесточая) прежние решения. Оправдались обещания Фигатнера, что комиссия «со всей серьезностью и жестокостью» подойдет к каждому сотруднику, а в итоге, «конечно, кто-то пострадает, кому-то придется уйти с работы». Таких оказалось (по разным категориям) 2/3 общего состава³. При этом комиссия принимала во внимание прежде всего социальное происхождение и «антиобщественную» деятельность ученых.

Стенограмма заседания Особой комиссии в составе Фигатнера, Петерса, Агранова выявлена в одном из фондов Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Она содержит новые важные факты, обогащает знание общественной атмосферы тех лет, дает импульс к продолжению поиска. В стенограмме сохранены стиль и орфография оригинала.

Публикацию подготовила доктор исторических наук А. И. АЛАТОРЦЕВА.

³ Из 960 человек — сотрудников Академии было уволено по чистке 648 (Научный работник. 1930, № 1, с. 36).

**Стенограмма
заседания Особой комиссии в составе
товарищей Фигатнера, Петерса, Агранова¹**

Присутствуют: тт. Садовский, Ольденбург²

24 октября 1929 г.

БЕСЕДА С ОЛЬДЕНБУРГОМ

Фигатнер: Сергей Федорович, в связи с тем, что мы выяснили вместе с Вами в Библиотеке, Пушкинском доме, Археографической комиссии, я об этом должен был довести до сведения РКИ, поскольку наша комиссия — комиссия Наркомата³. И вот НК РКИ⁴ начал комиссию в составе — Петерса, члена коллегии РКИ, Агранова и меня. Товарищи эти вчера приехали. Как только я узнал об этом, они с Вами встретились и вот у них целый ряд вопросов, которые возникли в связи с тем, что мы нашли. Мы решили выяснить с Вами эти вопросы. Я думаю, что мы и примем такой порядок.

Агранов: У меня, Сергей Федорович, к Вам такой вопрос. Вам, как непременно секретарю, было известно, что в Рукописном отделе⁵ хранятся документы, имеющие отношение к Департаменту полиции, охранному отделению и жандармскому управлению?

Ольденбург: В 1926 г. мы сообщили комиссии Енукидзе⁶ о том, что у нас находится известное количество, — что нам было известно. Это касалось, насколько я помню, некоторых частей Департамента полиции, Джунковского⁷ и дневников Константина Константиновича⁸. У Вас копия этого письма есть?

Фигатнер: У меня письма нет.

Ольденбург: Я здесь докладывал об этом. Если Вы желаете, копию письма мы Вам представим. Письмо это посылалось в мое отсутствие, когда я был за границей. Было оно послано моим заместителем — Крачковским⁹ и в связи с этим на заседании в декабре месяце состоялось постановление: ввиду того, что Академия наук есть учреждение СССР-овское¹⁰, вопрос о передаче этих документов будет разрешен в связи с вопросом о создании СССР-овского архива.

Агранов: Речь в комиссии ЦИКа¹¹ тогда шла об архиве Джунковского и дневниках Константина Константиновича?

Ольденбург: И еще о некотором количестве документов. У меня, к сожалению, нет этого письма, но, если нужно, я могу послать за подлинным письмом.

Фигатнер: С письмом мы сможем ознакомиться после. У меня, Сергей Федорович, такой вопрос. Насколько я помню, в том письме не указывались материалы Департамента полиции, было только указано о материалах губернатора Джунковского, но нет указания о материалах, касающихся шефа жандармов?

Ольденбург: Он назван был губернатором, поскольку нам тогда казалось, что это его архив. Но тогда запросов от комиссии Енукидзе по этому вопросу нам сделано не было. Состоялось такое постановление: нам нужно ждать окончательного разрешения вопроса об образовании Централхива СССР... И затем еще. Когда весной этого года академик Платонов беседовал с Покровским и Рязановым¹², то они сказали, что, по их мнению, комиссия Енукидзе правильно решила. Поскольку ставится вопрос об образовании особого архива СССР, то желательно, чтобы документы не выдавались из всесоюзного учреждения.

Агранов: Это комиссией ВЦИК было сказано, что нельзя распылять Ваш архив и нельзя давать его?

Ольденбург: Нельзя выдавать кому бы то ни было.

Агранов: Есть ряд архивных материалов,— подавляющее большинство, — имеющих отношение к вашей Библиотеке, и Рукописному отделу. Но есть ряд материалов, не имеющих отношения к Библиотеке. Например, оперативный материал Департамента полиции не имеет отношения к ней.

Ольденбург: Вопрос был поставлен тогда комиссией Енукидзе на принципиальную почву. Я думаю, ошибка наша начинается с того момента, когда мы не приняли достаточных мер для того, чтобы выяснить совокупность всего материала, и не выявили его в порядке осведомления комиссии Енукидзе, как мы сделали по отношению к тем документам, копии которых находятся у тов. Фигатнера. Мы, конечно, признаем, что нами было сделано определенное упущение.

Агранов: Теперь вопрос о некоторой уникальности материалов, вопрос относительно хранения конверта под вымышленной фамилией¹³ — актов отречения Николая II и Михаила Романовых. Акты, которые нельзя было нигде обнаружить. Каким образом они были обнаружены здесь и как Вы отнеслись к этому?

Ольденбург: Мне не известно было, насколько я знаю, также неизвестно было и другим, что имеется материал...

Агранов: Президиуму?

Ольденбург: Да.

Фигатнер: Помните, когда мы имели беседу с академиком Платоновым¹⁴, то на этот вопрос Платонов заявил, что знал в 1927 г. и сообщил Президиуму Академии наук. Вы заявили тогда, что не помните такого случая. Платонов подтвердил, что Президиуму Академии и в том числе Вам говорил об этом.

Ольденбург: Я не помню.

Фигатнер: Это было в Вашем присутствии.

Ольденбург: Я заявил, что не помню.

Фигатнер: Он об этом довел до сведения Президиума, как только узнал?

Петерс: Это в протоколе есть?

Ольденбург: Я справлялся, в протоколах Президиума этого заявления нет. Я не решаюсь сказать, но я не помню этого. И когда увидел документ...

Петерс: Заседания Президиума стенографировались?

Ольденбург: Составлялся протокол.

Петерс: Если было сделано заявление, оно должно быть запроотолировано?

Ольденбург: Если было заявление.

Агранов: Вы считаете законным в стенах Академии наук хранить такие документы? Факт хранения в недрах Академии наук акта, имеющего величайшее значение, должен быть доложен.

Ольденбург: Я думаю, что по этим документам Президиум был обязан через комиссию Енукидзе довести до сведения. Поскольку вопрос о передаче не был поставлен, это не подлежало передаче, но, конечно, разумеется, об этом должно было быть сообщено комиссии Енукидзе.

Агранов: И Вам, Сергей Федорович, как непременно секретарю, не было известно ни от академика Платонова, ни от кого бы то ни было другого, что в конверте на имя Старицкого имелись такие документы?

Ольденбург: Мне представляется, я не могу точно припомнить, что если бы такое заявление было сделано мне, то я, как непременно секретарь, поставил бы вопрос о том, чтобы об этом документе была поставлена в известность комиссия Енукидзе.

Агранов: Вам приходилось слышать от лиц, имеющих отношение к Библиотеке, что среди материалов Департамента полиции имеются

документы об обследовании эмиссаром Временного правительства заграничной агентуры во Франции?

Ольденбург: Нет, мне никто не говорил об этом. Я вообще с этими документами не знаком.

Агранов: Допускаете ли Вы, что Вы знаете ваш аппарат? Правда, он очень большой. Считаете ли Вы возможным, что некоторые сотрудники могли, не доведя до Вашего сведения, хранить подобные документы, умышленно скрывая их от советской общественности, от советского общественного мнения? Мог ли быть здесь злой умысел?

Ольденбург: Насколько я знаю ту часть, которой имею дело, я не могу представить, чтобы кто-нибудь из них мог бы по злостному умыслу не рассказать об этом. Я вот что допускаю. Я знаю, что целый ряд лиц, относящихся к Рукописному отделу, обладает громадной ревностью. Допускаю, что, может быть, они думали, что материал будет отсюда забран. Они боялись этого. Такое чувство, мне кажется, есть у отдельных лиц, но сделано было не с целью скрывать.

Агранов: Я допускаю, что есть люди, которые ревниво относятся к хранению рукописей, также, как, например, библиотекарь Анатоля Франса¹⁵ ревниво относился к его книгам. Это своего рода фанатики. Но речь идет о документах, которые скрывают, я бы сказал, нелегальным образом. Такие документы, как отречение царя Николая и Михаила. Скрываются в конверте на имя Старицкого. Если такой документ попадает, может возникнуть, конечно, вопрос, что здесь что-то ненормальное.

Ольденбург: Они просто не разобрались в значении этих документов. Постолько-посколько по отношению к этим отречениям, которые я увидал впервые, существует мнение, что они имеются в ряде экземпляров. Они думали, что это не уникальные вещи.

Агранов: Больше экземпляров отречения [Николая] нет.

Ольденбург: Это довольно распространенное с 17 года мнение, что имеется несколько экземпляров.

Агранов: Что касается отречения Михаила Романова, то я, вообще, не слышал, чтобы было несколько экземпляров. Дата на документе Николая II, подчистка,— говорят, что это уникальный документ.

Ольденбург: Об этом документе...

Фигатнер: Об этом документе с подчисткой даты говорится у Шульгина¹⁶. Но независимо от этого у меня вопрос. Независимо от того, был один или несколько вариантов, был оригинал, подписанный Николаем II, Как же так, Сергей Федорович? Срезневский¹⁷ этот документ имел, он к нему попал, об этом не мог не знать директор Библиотеки¹⁸.

Ольденбург: Не знаю.

Фигатнер: Уж просто потому, что Срезневский передал документ Яковкину¹⁹. Как же об этом не могло не знать руководство Академии наук? директор Библиотеки? Этот документ хранился у Вас начиная с 1917 г., с июля месяца.

Ольденбург: Где хранился?

Фигатнер: Там, у Вас.

Ольденбург: Где?

Фигатнер: Это можно выяснить, но с 17 года, с июля месяца, два документа хранились в стенах Академии наук, о чем знал директор, руководитель Библиотеки.

Ольденбург: Я не знаю. Я хочу указать: мы видели в этой тетради, где шифр стоит. Но потом нам показали совершенно ничего не говорящее название пакета — Г. С. Старицкий...²⁰.

Фигатнер: Об этом знал директор.

Агранов: Я допускаю, что Вы не знали, допускаю, что кто-нибудь из низших сотрудников мог не разобраться в значимости документов. Но Срезневский, который имел у себя в распоряжении пакет, не мог не разобраться.

Ольденбург: Я думаю, что Срезневский принадлежит к числу людей, которые не разбираются, поскольку-постольку рукопись есть нечто, что он ценит выше всего. Она оказалась интересной ему, и он мог не учитывать ее совершенно политически.

Фигатнер: Академик Платонов заявил на мой вопрос, что в 1927 г., два года назад, знал об отречении. В 27 г. он был директором Библиотеки?

Ольденбург: Да.

Фигатнер: Есть заявление Платонова: он знал в 27 г. Он в Вашем присутствии сказал, что знал о двух актах.

Ольденбург: Если не ошибаюсь, он указал на Ваш вопрос, что не придавал им значения, ввиду того, что он считал их одним из вариантов.

Фигатнер: Академик Платонов, один из крупнейших историков, и чтобы не понимал, что значит отречение Михаила? Согласиться с этим нельзя. Мне лично трудно с этим согласиться.

Ольденбург: Я не могу в данном случае за него отвечать. Он сказал определенное мнение. Я держусь другого мнения по этому вопросу. Думаю, что документ имеет политическое значение.

Петерс: Допускаете ли Вы, что в недрах Библиотеки, в рукописных звеньях, могут оказаться документы, аналогичные обнаруженным или не могут обнаружиться такие документы?

Ольденбург: Надо признаться, что после того, что я здесь увидел, я не решился бы так сказать. Мы в связи со всем этим назначили со своей стороны комиссию, которой поручено детально разобраться во всех материалах. Я думаю, что ошибка наша заключается в том, что мы слишком поздно назначили комиссию. Комиссия эта будет работать под председательством академика Самойловича²¹. Я хочу указать на то обстоятельство, что за эти годы, начиная с 1917 г., колоссальное количество материала прошло через собрание Академии. Покойный академик Шахматов²² в этом отношении проявил колоссальную энергию и значительная часть тех материалов Департамента полиции, которые были у нас потом забраны и находятся в Центрархиве, были спасены академиком Шахматовым в то время, когда все эти материалы собирались сжечь. Помните, было такое большое брожение в начале революции против этих учреждений. И вот академик Шахматов спас громадное количество материалов, поступивших потом в Центрархив. Деятельностью Шахматова я объясню то, что целый ряд других материалов поступило к нам. Поскольку все первые годы мало кто вообще этим интересовался, эти документы гибли в громадном количестве. Так что в этом отношении, я должен сказать, что, если и есть серьезные упущения с нашей стороны, то только в том, что мы, дав в 1926 г. сведения комиссии Енукидзе, дальше не продолжили расследование того, что у нас имелось. Правда, надо указать и на то колоссальное напряжение, которое приходится делать в смысле сил и времени при том колоссальном количестве документов. Так что, как видите, это совсем не такая простая вещь. Но я с самого начала заявил, что мы считаем со своей стороны несомненным упущением несвоевременную информацию. Повторяю, была проделана колоссальная работа, был собран колоссальный материал. Разумеется, в этом архиве масса материала не исследована. И поэтому на Ваш вопрос я отвечаю, что никогда не поручился бы за то, что не может оказаться среди этих отдельных архивов каких-нибудь документов.

Фигатнер: Относительно тех материалов, которых коснулся Агранов. Все материалы найдены в комнате № 14, через которую проходят все вновь поступающие материалы. Материалы Департамента полиции, Охранного отделения и т. д., — все материалы найдены в той комнате, в которой все время работают.

Ольденбург: Есть кончики архива Департамента полиции, это маленькие кончики от того, что перешло в Центрархив.

Агранов: Вас можно понять, Академик Шахматов спас громадное количество документов Департамента полиции и передал в архив. И то, что есть у Вас — остатки этих архивов?

Ольденбург: И кроме того, при нем и после него поступил ряд других архивов и документов, которые хранились здесь просто для сохранности. Но я говорил, что надо было иметь возможность их учесть и о наличии их сообщить комиссии Енукидзе.

Петерс: Как Вы думаете, какие из этих материалов должны остаться в Академии и каким не место в Академии наук?

Ольденбург: Я думаю, что целый ряд материалов, который имеет чисто политический характер, который не имеет характер общекультурный, должен быть выделен в специальные архивы. Я думаю, для рационализации дела такого рода материал должен быть сконцентрирован...

Петерс: Какой?

Ольденбург: Например, социалистов-революционеров, потом там был архив кадетский, архив Богучарского²³, Перовской²⁴... Я думаю, поскольку существует Институт Маркса и Энгельса²⁵, конечно, рациональнее хранить эти документы там.

Петерс: Джунковского?

Ольденбург: Я плохо его знаю. Я теперь только ознакомился. Тов. Фигатнер указал, что архив имеет характер жандармского архива. Насколько я знаю по описи, которую видел мельком, там разнообразные материалы, которые никакого отношения к шефу жандармов не имеют. И такой материал, мне кажется, по внешнему признаку должен быть там. Мне кажется, в этом отношении у Вас более радикальный взгляд, чем мой. Я не страдаю фетишизмом. В бытность за границей я убедился в опасности фетишизма, потому что это мешает работе.

Фигатнер: Вы знаете, что при знакомстве с этим материалом мы нашли шифр охранного корпуса жандармского управления?

Ольденбург: Где?

Фигатнер: Материалы нашли в 14-й комнате. Шифры корпуса жандармов относятся к целому десятилетию XIX столетия.

Ольденбург: Конечно, хранение такой вещи должно быть не здесь. Хотелось бы знать, известно ли это было тем, которые хранили, и находились ли эти материалы среди массы других документов?

Фигатнер: Находились в комнате № 14. И не с прошлого года, а с 17 г.

Ольденбург: Т. е. с начала революции?

Фигатнер: Если хранился шифр, то по всей вероятности можно найти еще кое-что.

Ольденбург: Я думаю, что Рукописное отделение и целый ряд других учреждений должны быть самым детальным образом осмотрены. Тут никаких сомнений в этом не может быть. Я не могу не признать, что это следовало бы сделать давно. Но единственное объяснение этому может служить то, что несмотря на значительное количество работников, они чрезвычайно загружены. Ибо, например, в Библиотеку поступает свыше 150 тысяч томов в год. Таким образом, Вам ясно представится масштаб этой работы. Если мы займемся разборкой всех материалов, то это потребует приглашения целого ряда специальных людей.

Фигатнер: Есть еще вопросы? Когда мы закончим, то ознакомим с материалами, побеседуем, обсудим мероприятия, которые необходимо будет принять.

Ольденбург: Могу я предложить тов. Агранову и Петерсу вопрос, который предложил Вам, т. Фигатнер?

Фигатнер: Пожалуйста.

Ольденбург: Я сегодня узнал, что помощник заведующего секретариатом Соколовский²⁶ в эту ночь арестован.

Агранов: Причина ареста известна?

Фигатнер: Лично мне и комиссии нашей не известно.

Петерс: Мы сейчас ответить ничего не можем. Надо будет навести справку, в чем дело.

Ольденбург: У меня к Вам большая просьба. Я могу лично сам поехать к т. Мессингу²⁷, который меня хорошо знает. Но может быть Вы окажете мне содействие, поскольку я должен сказать, что мое положение, когда за три дня до сессии у меня выбывает главнейший работник, очень ответственно. Со своей стороны должен сказать, что это исключительный работник и по отношению к которому никаких сомнений не было, абсолютно не было. Я абсолютно уверен в его порядочности и исключительной работоспособности, пригодности к работе. Никаких решительных возражений по отношению к Соколовскому со стороны Фигатнера и комиссии не было.

Фигатнер: Сейчас трудно что-нибудь сказать, нужно этот вопрос выяснить.

Ольденбург: Я должен прибавить, что знаю его с начала поступления как исключительно ценного и важного работника, по отношению к нему нигде и никем не было высказано сомнений в его лояльности, порядочности.

ОПРОС СРЕЗНЕВСКОГО

Фигатнер: У нас создана комиссия по поводу тех материалов, которые были найдены, и вот у членов комиссии есть некоторые вопросы к Вам. Мы поэтому и решили с Вами побеседовать.

Агранов: У меня будет вопрос такого порядка. Считаете ли Вы, что в недрах Академии наук законно хранились документы, которые имеют отношение к Департаменту полиции, Охранному отделению? Законно ли хранился акт отречения Николая и Михаила Романовых?

Срезневский: Первое из того, что Вы называли, это не законно. Что касается Департамента полиции, то все эти материалы отданы и лишь только часть их осталась у нас.

Агранов: Куда отданы?

Срезневский: В Центрархив и оттуда — в Москву. Несколько свертков случайно остались у нас. Помнится мне, было пять или шесть свертков, которые, я считал, нужно сдать. Всегда думал это сделать и всегда это дело откладывалось.

Агранов: Почему они отстали от остальных материалов?

Срезневский: Совершенно случайно. Дело в том, что эти материалы по содержанию, по сравнению с тем, что у нас было, не представляют особенного интереса. У нас были документы очень интересные, относящиеся к Департаменту полиции и особенно — Третьего отделения.

Фигатнер: У Вас есть список того, что передано в Центрархив? Опись была сделана?

Срезневский: Нет.

Фигатнер: Вы давали без всякой описи?

Срезневский: Дело в том, что у нас целая зала была загромождена шкафами, связками этих дел...

Агранов: Что Вы скажете относительно хранения у Вас актов отречения?

Срезневский: Я нахожу, что их нужно было отдать раньше, но я не имел права этого сделать без разрешения Академии наук.

Фигатнер: От кого Вы получили их?

Срезневский: От Дьяконова.

Фигатнер: Когда?

Срезневский: Я, когда шел сюда, думал, что Вы меня будете спрашивать об этом. Помню только, что Дьяконов был вместо Шахматова²⁸...

Агранов: Это было в 1917 году?

Срезневский: Да.

Агранов: До Октябрьской революции?

Срезневский: Да. Там, я видел, как будто бы даже число написано — 3 сентября. Мне помнится Дьяконов и директор нашей библиотеки Шахматов. Мы были с ним в хороших отношениях, так что то, что я знал, знал и он, и покамест он был, я считал, что ему все было известно. После его смерти директором был назначен Никольский²⁹. Я сказал, что у меня есть акт отречения...

Агранов: Как он к этому отнесся?

Срезневский: Вот это не помню. Просто, как к акту...

Агранов: Он знал, что других оригиналов нет, кроме этого?

Срезневский: Это он знал. Да.

Агранов: Он знал, что это единственный акт отречения и что больше нет, кроме этого?

Срезневский: Наверное, не знаю, но, кажется, действительно нет.

Фигатнер: Вы ему показали?

Срезневский: Нет, не показывал.

Агранов: Но Вы сами знаете, что других подлинников нет?

Срезневский: Да.

Агранов: Он не говорил, что нужно довести до сведения каких-нибудь органов, что этот документ у Вас?

Срезневский: Каких органов?

Фигатнер: Президиума.

Срезневский: Тогда Президиума не было. Это было очень давно и не помню. Мне припоминается вот что. Я даже точно помню. Однажды (я буду говорить просто) мы шли вместе с заседания, спустились по лестнице, по которой я к Вам сейчас поднимался...

Агранов: Когда это было?

Срезневский: После смерти Шахматова, в 20—22 году. На заседании у нас был разговор о коллекциях...

Фигатнер: Что это было за заседание?

Срезневский: Не помню. Был разговор о коллекциях. И вот мы с Сергей Федоровичем³⁰ остались вдвоем, и я ему говорю: «Вы знаете, Сергей Федорович, какие акты есть (или какой акт) у меня есть?» — Он сказал: «Да, да, я знаю». Здесь последовал такой неопределенный ответ, как видите, может, правда, вследствие моего неопределенного вопроса.

Агранов: Вы не добавили, что акт Николая?

Срезневский: Нет.

Агранов: Но он понял?

Срезневский: Мне показалось, что он понял. Я понял, что он говорит об этом акте.

Агранов: Об акте отречения?

Срезневский: Я понял так. Но вместе с тем никому не говорил и не считал возможным говорить.

Агранов: А академик Платонов?

Фигатнер: После Никольского кто был?

Срезневский: Платонов. Надо разъяснить, что я ему не сразу сказал. У меня было не особенно к нему отношение. Я думал, мало ли что сделает. Я не был уверен в нем.

Агранов: Мало ли что сделает с документом?

Срезневский: Я думал, что со мной сделает что-нибудь такое...

Агранов: За хранение?

Срезневский: Да. В то время, когда он вступил на свою должность, я был болен, у меня был удар, который до сих пор чувствуется. И я уехал на лето на Кавказ. На Кавказе я получил известие, что Платонов нашел мою расписку в Пушкинском доме³¹ (как в Пушкинский дом попала — не знаю) в том, что я принял от Дьяконова эту вещь...

Фигатнер: В каком году?

Срезневский: Это было в 1925 году, я думаю.

Фигатнер: В 1925 году он нашел расписку?

Агранов: От кого приняли эту вещь — пакет на имя Старицкого, в котором лежал акт отречения?

Срезневский: От Дьяконова.

Фигатнер: Когда сдали?

Срезневский: Летом 17 г.

Фигатнер: Откуда получили документ?

Срезневский: Я не знаю. Этот акт находился в Сенате, а Дьяконов был сенатором. Старицкого я не видел.

Агранов: Кто такой Старицкий?

Срезневский: Я недавно интересовался, когда передавал директору документ в нынешнем году. Я хотел узнать, кто такой Старицкий, и посмотрел по книге 17 года «Весь Петербург». Таких инициалов не было. Если не ошибаюсь, кажется, Г. П.³². Там был один Старицкий, который служил в Госсовете...

Агранов: Но этот документ хранился не в Госсовете, а Сенатом?

Срезневский: Старицкий, может быть, имел отношение к Сенату. Я его не видел...

Агранов: Вы думаете, возможно, что такой Старицкий был в природе и академик Дьяконов получил от Старицкого? А Дьяконов не сказал источник, откуда получил?

Срезневский: Нет.

Агранов: Говорил ли о важности хранения документа?

Срезневский: Он передал мне, чтобы я хранил и никому не говорил об этом.

Агранов: Почему?

Срезневский: Я не знаю.

Агранов: Где Вы хранили его?

Срезневский: У себя в столе.

Агранов: До какого времени?

Срезневский: Все время, до последнего...

Агранов: Так в столе и лежал?

Срезневский: Да. Но у меня было сделано так, что трудно было найти. Он лежал не просто в ящике, а сверху был покрыт бумагой и под этой бумагой был акт.

Агранов: Вы его нарочно хранили так?

Срезневский: Да. Скажу Вам еще одну вещь. Я в то время был болен, уехал на Кавказ и, уезжая, я думаю, мало ли что может случиться со мной, и этот документ тогда погибнет. Поэтому я сказал своему помощнику, что у меня есть акт...

Агранов: Акт отречения?

Срезневский: Да, и что он у меня спрятан, но где именно, — не говорил.

Агранов: Кому Вы сказали?

Срезневский: Покровскому³³.

Агранов: Профессору?

Срезневский: Нет. Он работал в Библиотеке, в Рукописном отделении.

Агранов: Он знал, как выглядит этот акт?

Срезневский: Нет. Я не был уверен в том, что никто не вскроет конверт, и поэтому написал в книге условное название стола. Но, зная, что Покровский хорошо умеет читать такие шифры, я постарался сделать надпись очень мудреную, чтобы он не смог ее прочесть. Я указал на имя Старицкого и что под этим именем хранится документ, но где — не указал. Вам это интересно? Получается вроде того, что я роман рассказываю.

Фигатнер: Да, очень интересно. Продолжайте.

Срезневский: Я думал, что Платонов сообщил ему...

Фигатнер: Когда?

Срезневский: Когда я был на Кавказе, он сообщил...

Агранов: Кто сказал?

Срезневский: Платонов сказал Покровскому, который меня заменил, что у меня есть акт.

Агранов: Откуда Платонов знал?

Срезневский: Он нашел мою расписку...

Агранов: Которую Вы дали академику Дьяконову?

Срезневский: Да.

Агранов: Что Покровский ответил Платонову?

Срезневский: Он начал искать, увидел мои отметки. Начали их вместе читать и не могли прочесть. Тогда он написал мне на Кавказ.

Агранов: В письме он ясно писал?

Срезневский: Он написал № 607, который я и без того знал.

Агранов: Он не называл документ?

Срезневский: Нет. Он написал: акт, помеченный таким-то номером.

Агранов: Вы ему ответили?

Срезневский: Нет. Было уже поздно. Когда я приехал, я сейчас же обратился к Платонову. Спросил его: «Вы хотели видеть документ?» — Он ответил: «Да, да, пожалуйста, покажите мне». Не помню, сразу ли удалось мне это сделать или через некоторое время. Припоминаю, что мне не сразу удалось его заполучить к себе. Несколько раз звал его. Наконец, он пришел ко мне. Подошел к столу. Привел я его, когда никого не было...

Агранов: Нарочно привели, когда никого не было?

Срезневский: Конечно.

Агранов: Для того, чтобы не придать огласке?

Срезневский: Да. Ну и вынул этот документ. Я очень хорошо знаю, что я ему не только все рассказал, но и показал...

Агранов: Не только рассказали об источнике, но и показали акт?

Срезневский: Да.

Агранов: Как он реагировал? Он признал в нем подлинник?

Срезневский: Да. Но мне кажется, что он никак не реагировал или это человек, который просто не сразу показывает побуждения своей души. После этого я спрятал опять в тот же стол, в то же место.

Агранов: Он не рекомендовал хранить в тайне, не разглашать?

Срезневский: Конечно, да. Да, я вспоминаю, я ему хотел дать (я помню хорошо) для передачи Президиуму. Он говорит: «Нет, нет, я не хочу. Пожалуйста, оставьте у себя». — Потом этот документ так и лежал. Недавно, в позапрошлом году (1927 г.), была у нас какая-то комиссия относительно фондов³⁴. Начали меня спрашивать, какие документы я думаю передать в разные места. Я между прочим сказал, что очень хотел как-нибудь передать этот документ. Он прямо...

Фигатнер: Кому сказали?

Срезневский: Комиссии.

Фигатнер: Кто входил в комиссию?

Срезневский: Я сказал так, что только могли знать посвященные...

Агранов: Именно кто?

Срезневский: Платонов.

Агранов: Еще кто?

Срезневский: Андреев³⁵.

Агранов: Из Археографической комиссии?

Срезневский: Да.

Фигатнер: Еще кто?

Срезневский: Не помню.

Фигатнер: А откуда Андреев знал об акте отречения? Он знал?

Срезневский: Не знаю. Может быть, Платонов сказал. Может быть, и не знал.

Агранов: Вы сказали комиссии о том, как поступить с актом?

Срезневский: Да, я сказал, что хотел бы отделаться от этого документа. Я знал, что если не скажу, то знает Платонов, и сказал то же самое, что у Вас, в комиссии, говорю. Этот документ жжется. Это неприятно держать в руках.

Агранов: Как ответила комиссия?

Срезневский: Комиссия ничего не знала. Молчали.

Агранов. А Платонов?

Срезневский: Платонов сказал, что надо скорее разделаться...

Агранов: Платонов сказал, что надо отделаться от этого документа? Дальше.

Срезневский: Этот документ остался в том же месте, все время. Новый директор у нас был временно.

Фигатнер: А старый директор — Рождественский³⁶?

Срезневский: Новый директор — Жебелев, после Платонова. Но я ему не сказал.

Агранов: Он не знал?

Срезневский: Не знал. У него было странное отношение...

Агранов: Кто был после Жебелева?

Срезневский: Рождественский. Рождественский сказал...

Агранов: Показали?

Срезневский: Он долгое время был заместителем, и я думал, что он мог знать от Платонова, т. к. он его близкий человек. Но он не знал.

Агранов: Что он сказал?

Срезневский: Он испугался.

Фигатнер: Что он сказал?

Срезневский: Сказал: «Уж Вы берегите его».

Агранов: После Рождественского никому не говорили?

Срезневский: Яковкину. Яковкин недавно спросил: «Нет ли документа, который я считаю наиболее важным?» Он не знал.— Я говорю: «Есть. Я думал Вам сказать сегодня». Накануне он был, но меня не было в Библиотеке. Да, был праздник, воскресенье... День у меня был свободный и вместо меня был кто-то другой, если не ошибаюсь,— Покровский.

Фигатнер: Какой Покровский? Ф[едор] П[авлович]?

Срезневский: Да. Он повел его и знакомил.

Агранов: Очертите весь круг лиц, которые были посвящены в факт хранения документов?

Срезневский: Я Яковкину говорил, спрашивал разрешение прийти к нему в кабинет. Я пришел к нему и сказал о двух архивах, т. е. об одном документе и архиве. Сначала сказал про архив...

Агранов: Про какой архив?

Срезневский: Я считал важным архив митрополита Арсения Станицкого³⁷.

Агранов: Почему?

Срезневский: Потому, что Археологическая комиссия в прошлом году хотела от него отделаться. Я так к нему и подходил.

Агранов: Содержание этого архива Вам известно?

Срезневский: Нет, совсем неизвестно. Я ему сказал об этом архиве. Он как-то к этому легко отнесся: «Ну, хорошо». — Потом я говорю ему, что у меня есть акт. — Он спросил: «Какой?» Это получилось вроде того, что было, когда я явился с ленинским паспортом³⁸: ужасное впечатление произвело...

Агранов: Кто же знал? Очертите круг лиц.

Срезневский: Знал умерший Дьяконов, Шахматов...

Агранов: В каком году умер Дьяконов?

Срезневский: В 18—19 гг.³⁹, Шахматов — в 20-м году. Затем знал Никольский, Платонов. Должен сказать, что знал об этом и Сергей Федорович. Мне кажется, что он, конечно, знал. Потому что, когда узнал Платонов, то он заявил (не знаю кому, но знаю), что Сергей Федорович знал со слов Платонова.

Фигатнер: Это когда было?

Срезневский: В 1925 году, пожалуй, в 26 г. Таким образом, Ольденбург знал и от меня, но во всяком случае от Платонова. Платонов мне говорил: «Об этом знает Сергей Федорович Ольденбург». — Я сказал: «Он знает от меня». — Платонов: «Когда я говорил, он от Вас ничего не слышал».

Агранов: Вам Платонов сказал, что «когда я говорил с Сергей Федоровичем Ольденбургом, он сказал, что от Вас не знает»?

Срезневский: Я был уверен, что он знает.

Фигатнер: В каком году был разговор?

Срезневский: В 26 г.

Петерс: Почему Вы прямо не сказали?

Срезневский: Я считал, что я сказал. Я сказал, что у меня документ.

Агранов: Я записал: Рождественский знал, Андреев...

Срезневский: Про Андреева я не знаю.

Агранов: Яковкин?

Срезневский: Да и Покровский.

Агранов: Как имя и отчество?

Срезневский: Федор Иванович⁴⁰. Когда я сказал, Рождественский просто проглотил...

Агранов: Вы сказали, что он испугался и сказал: «Храните». Кроме этих лиц, Вы посвященными никого не считаете?

Срезневский: Я так думаю...

Фигатнер: Вы на комиссии сказали, что когда Вы говорили Андрееву, было впечатление, что знает и Платонов, и Андреев?

Срезневский: Когда сказал Андрееву про документ, он улыбнулся. У меня создалось впечатление, что он знает. Но я не знаю, когда Платонов сообщал Ольденбургу. Не знаю, был ли кто-нибудь еще. Был тут Президиум, а может быть вдвоем?

Фигатнер: Вы не знаете, было ли это на Президиуме или вдвоем?

Агранов: А Платонов подтвердил тайное хранение этого документа?

Срезневский: Как же. Я дал, а он мне сказал: «Возьмите и берите».

Агранов: Ответьте по совести на вопрос. Вы, умудренный опытом, имеете отношение к архивным документам, Вы получили от Дьяконова документ и наказ — тайно хранить и беречь. А отдавали ли отчет в том, что эти документы имеют громадное государственное значение и что их нужно представить Советской власти?

Срезневский: Конечно, да.

Фигатнер: Почему у Вас не хватило решимости обойти непосредственное начальство, поскольку оно уклонилось от сдачи документа Советской власти, и самому сдать?

Агранов: Вы руководствовались в смысле подчинения, субординации, но представьте, что есть вещи, которые в некоторых случаях могут повлечь за собой наказуемость. Вы понимаете политическую необходимость такого шага, как хранение такого документа?

Петерс: У Вас получается что-то вроде заговора. У Вас у самого впечатление, что этот документ жжет руки. Вы считали, что здесь есть какая-то тайна?

Срезневский: Нет, как раз наоборот.

Петерс: Создалось впечатление, что это какая-то тайна, что это документ, о котором нельзя говорить громко, нельзя сказать в помещении. Вы сами точно не знаете, сказали ли кому-нибудь или не сказали?

Агранов: Почему Вы не переступили границ субординации и не довели до сведения Советской власти?

Срезневский: Я думал, что могу таким образом подвести своих сочленов. Я в Академии так привык. Мне казалось, что я подведу членов Академии, если доведу до сведения сам, обойдя их.

Агранов: Чем Вы могли их подвести? Вы боялись общественного скандала?

Срезневский: Конечно, да. Если это можно было бы сделать вначале, — другое дело.

Агранов: Значит, Вы считали, что с этим запоздали? Что потом уже было поздно сообщать?

Срезневский: Да.

Петерс: Но стоял ли у Вас вопрос так, что Вы, запутавшись, могли этот документ уничтожить?

Срезневский: Я не привык уничтожать...

Петерс: А не могло здесь создаться такое положение?

Срезневский: У меня? Нет. Я думал над этим, хотел как-нибудь передать этот документ, но это было невозможно.

Агранов: Вы думали о том, как бы сдать его незаметно?

Срезневский: Да. Но это было невозможно.

Агранов: Не обращались к Вам какие-нибудь люди из старой дворцовой знати, аристократии с вопросами об этом документе, о месте его хранения, выдаче?

Срезневский: К кому обращались?

Агранов: К Вам.

Срезневский: Нет, не обращались. Никто ни о чем не говорил.

Петерс: У Вас нет еще где-нибудь таких документов?

Срезневский: Такого нет.

Петерс: А вообще документов, которые нужно сдать?

Срезневский: Кое-что может быть есть, хотя вряд ли.

Фигатнер: Всеволод Владимирович⁴¹, Вы в 1917 г. принимали участие в получении материалов, когда в Департаменте полиции их уничтожали? Вы часть спасали. Кто, кроме Вас, делал это?

Срезневский: Знаете, тогда ведь было время, когда мы собирали под свою ответственность...

Фигатнер: Из теперешних работников Академии наук, кто принимал участие? Андреев принимал?

Срезневский: Нет, он тогда не служил в Академии.

Фигатнер: Кто из сотрудников принимал участие?

Срезневский: Я не могу сказать. Были служители Академии, но они все умерли. Видите ли, мы нашли санки, дровни и на дровнях ездили. Это близко к охране, на набережной.

Петерс: Вывозили документы?

Срезневский: Да, вывозили. Кажется, и я вез.

Петерс: Почему Вы хотели иметь документы охраны?

Срезневский: Их жгли ужасно. Все выбрасывалось из окон и нам было досадно, что исчезает много ценного. Служащие охраны хо-

тели сжечь те документы, которые связаны с их именами. Мы хотели собрать как можно больше документов. Когда вот эту связку с портретом я нашел во дворе охраны, я хотел поставить солдат, чтобы они не пускали людей на сожжение документов. Потом я поехал на автомобиле в Таврический дворец собрать там войско, чтобы привести для охраны. Это был особенный период.

Агранов: А скажите, пожалуйста, значит Вы считаете, что из всех документов, имеющих особо одиозный характер, самыми одиозными являются эти два акта отречения?

Срезневский: Да.

Фигатнер: Больше вопросов нет? Вы свободны.

ОПРОС КУБАСОВА⁴²

Фигатнер: В связи с тем, что здесь было обнаружено, коллегия РКИ назначила специальную комиссию (помимо Правительственной⁴³ в составе т. Петерса, Агранова и меня. У них есть желание задать Вам кое-какие вопросы.

Агранов: Скажите, пожалуйста, т. Кубасов, Вы давно работаете в Академии?

Кубасов: Да, с 26 г.

Фигатнер: А до этого?

Кубасов: Как только я окончил курс, был два года аспирантом и затем сразу поступил сюда.

Фигатнер: Вы мне говорили, что имели возможность в дореволюционное время быть знакомым с библиотекой Департамента полиции?

Кубасов: Дело в том, что я был заведующим Государственным книжным фондом, не оставляя службы в Академии наук. Был туда командирован. Я был основателем Книжной палаты⁴⁴ вместе со Щеголевым⁴⁵.

Агранов: А Вы сейчас что делаете?

Кубасов: Я веду Пушкинским домом.

Агранов: К Рукописному отделению Академии наук имели отношение?

Кубасов: Нет, не имел. Но постоянно приглашался на совещания, занимался всякими литературными вопросами.

Агранов: Вы были осведомлены о том, что в Рукописном отделении Библиотеки хранятся акты отречения Николая и Михаила Романовых?

Кубасов: Этого я не знал. То, что хранились дневники Константина Константиновича, это я знал и претендовал на них. Я их рассматривал как литературные труды. Сергей Владимирович⁴⁶ Рождественский под большим секретом сообщил, что в Библиотеке имеются дневники Константина Романова, имеющие большое литературное значение. Я тогда и сказал: как бы нам перетащить их к себе.

Агранов: Почему он рассказал Вам под большим секретом?

Кубасов: Чтобы это дальше не распространилось. Потому что, насколько я слышал, на все материалы, касающиеся этих документов, право собственности оспаривается между Академией наук и Централархивом.

Агранов: Разрешите еще вопрос. Вы о хранении актов отречения не знали?

Кубасов: Нет, не знал.

Агранов: Вы узнали, когда они были обнаружены?

Кубасов: Я не помню, кто сказал.

Агранов: Как относитесь к факту хранения? Законно хранились эти документы или нет? Если незаконно, с какой целью хранились?

Кубасов: Я могу высказать свое мнение. Я давно знал. Я близко соприкоснулся с документами и с делами, узнал, что идет большая распря, иначе я не могу назвать, по вопросу о хранении такого рода документов. Кажется, был декрет секретный⁴⁷ об изъятии. Я не помню, как назывался, но о материалах, имеющих большое политико-общественное значение. И тогда мне говорили, что это большой вопрос.

Агранов: Я буду говорить о материалах, которые предусмотрены декретом, о специфических материалах, которые должны храниться в надлежащих местах и которые являются достоянием победоносной Октябрьской революции.

Кубасов: Ясно. Мое мнение такое же.

Агранов: Знали ли Вы о хранении двух актов? Из опросов некоторых работников Академии наук явствует, что возбуждался вопрос перед комиссией ВЦИКа о том; куда деть архив Джунковского и некоторые другие архивы. Вы сказали, что не имели понятия?

Кубасов: Я честно говорю, не имел.

Фигатнер: Кто возглавляет из академиком Пушкинский дом официально?

Кубасов: Тут получается сложное положение, потому что Павел Николаевич⁴⁸ Сакулин, который был назначен сессией, говорит, что пока исполняет обязанности.

Фигатнер: Пушкинский дом имеет отношение к Академии наук?

Кубасов: Имел.

Фигатнер: Когда?

Петерс: До назначения Сакулина?

Фигатнер: Академик Платонов по вопросу об этом документе не имел разговора?

Кубасов: В течение зимы я говорил, как быть с Джунковским? И когда Джунковский этим летом приезжал...

Фигатнер: Он был? Зачем?

Кубасов: Я скажу. Надо сказать честно. Я считал, что архив его не относится к нашим материалам, даже приказал выбросить, чтобы на территории Пушкинского дома не был. Он приехал. Я сказал Платонову: «Допустить или нет? Он просит заниматься». Потом Платонов приказал допустить. Что он (Джунковский) делал — неизвестно.

Петерс: И что унес — неизвестно?

Кубасов: Я не знаю.

Агранов: Где он работал с архивом?

Кубасов: Там же, в гараже.

Фигатнер: Когда это было?

Кубасов: Это было летом, чуть ли не в июле месяце. Боюсь сказать, чтобы не соврать.

Фигатнер: Приблизительно в июле месяце этого года?

Кубасов: Да.

Фигатнер: Долго продолжалась эта работа?

Кубасов: Нет, не долго.

Фигатнер: Ключи от гаража у кого были?

Кубасов: У нас в Пушкинском доме. Он приходил и брал ключи.

Агранов: Вы не замечали, выносил ли он документы?

Кубасов: Я не замечал.

Агранов: Но он имел полную возможность унести, если бы захотел?

Кубасов: Не думаю.

Фигатнер: Кто-либо присутствовал при его работе?

Кубасов: Нет.

Фигатнер: А когда Джунковский приходил в гараж, он оставался там один?

Кубасов: Насколько мне помнится, некоторые ящики чуть ли не переносили в Пушкинский дом.

Фигатнер: Кто переносил?

Кубасов: Не могу сказать.

Фигатнер: Из служащих? Кто открывал ящики?

Кубасов: Не могу сказать, я был так перегружен, что не мог заметить. Должен сказать, что я всегда отрицательно к этому относился. Это было для меня одиозное дело.

Фигатнер: Он долго работал?

Кубасов: Нет, недолго. С неделю.

Фигатнер: А до 29 г., за время Вашей работы, он приезжал еще?

Кубасов: Нет, не помню этого.

Петерс: Откуда Вы узнали, что он приехал?

Кубасов: Он пришел к нам.

Петерс: Значит, он знал, что его архив там хранится?

Кубасов: Да.

Петерс: Вы не знаете, как этот архив попал?

Кубасов: Во времена, которые я называю мифическими для Пушкинского дома. Кто-то что-то привозил, главным образом Котляревскому⁴⁹. Подробностей не знал даже его старший ученый хранитель — Модзалевский⁵⁰. Насколько мне припоминается, как будто бы все это шло через Котляревского...

Фигатнер: Кроме Джунковского, кто-нибудь приходил в архив, который имеется у Вас?

Кубасов: За этот год?

Фигатнер: За время Вашей работы?

Кубасов: Нет.

Фигатнер: А до этого?

Кубасов: Не могу сказать.

Агранов: Считаете ли Вы уместным или допустимым, что Джунковский, бывший шеф корпуса жандармов, имел возможность работать над архивом жандармского управления, который находился в кладовой Пушкинского дома?

Кубасов: Я ответил, что считаю это дело таким, за которое не хотел брать на себя ответственность. Пусть эту ответственность берет дирекция. Обыкновенно разрешение даю я, но в этом случае не рискнул.

Петерс: За это время какие-нибудь архивы вывозились?

Кубасов: Никаких архивов вообще не вывозили за время моей работы. Ни один человек, кроме Джунковского, над архивом не работал.

Агранов: Опись документов, вещей Джунковского была? Составлена до этого года или раньше?

Кубасов: Нет, она всегда лежала в Пушкинском доме.

Агранов: Значит, сличение по ней может показать, что взяли и что осталось?

Кубасов: Я не знаю, насколько она соответствует действительности.

Фигатнер: Эта опись была составлена до прихода Джунковского?

Кубасов: Да, уже много лет. Но ручаться за то, что она соответствует действительности, не могу.

Петерс: Почему Вы об этом никому не заявляли?

Фигатнер: Я здесь работаю месяца три. Мы как будто бы с Вами сразу установили хорошие отношения. Почему Вы мне не говорили? Вы у меня были несколько раз. Если Вы не хотели говорить об этом комиссии, Вы должны были сказать мне. Наши отношения давали мне право рассчитывать на это.

Кубасов: Я знал, что этот материал находится у Вас, но я никогда ни разу не смотрел ни одного документа.

Фигатнер: У Вас имеются документы. Джунковский приехал работать сюда...

Кубасов: Юрий Петрович, Вам прекрасно известно, что у нас находится.

Фигатнер: Мы впервые слышим, что Джунковский был летом.

Петерс: Мне пришлось Джунковского судить. Я задавал вопросы. Джунковский ездил разбирать конфликт между бакинскими предпринимателями и рабочими. На суде сослался на это: будто бы решил в пользу рабочих. Вы не сказали, что Джунковский был здесь, а когда мы спрашивали, что в этом ящике, никто не знал. Когда стали рыться, оказывается здесь портреты, снимки и т. д.

Фигатнер: Кто-либо бывал в гараже, из ваших сотрудников?

Кубасов: Когда я вступил в обязанность, просил заведующих отделами как можно быстрее разобрать все хвосты и залежи. И эта зима прошла в этой работе.

Агранов: У нас имеются сведения, что после приезда Джунковского есть освобожденные ящики?

Кубасов: Я не могу сказать твердо.

Петерс: По-моему, все, что есть лучшего, выбрано. Это сразу видно, т. к. они находятся в таком состоянии...

Кубасов: Я думаю, если академика Платонова спросить, он скажет.

Агранов: А если бы Джунковский потребовал выдачи документов? Вы бы выдали?

Кубасов: Нет, это делается только с разрешения директора.

Агранов: Вы знали, что Джунковский роется в архиве?

Кубасов: Знал, но на законном основании. На Ваш вопрос должен сказать: у меня такое отношение к директору: что нам прикажут, то и сделаем.

Петерс: При чем тут отношение? Вы же сами говорили, что эти документы не на месте. Почему Вы не говорили, что там архив жандарма, что туда может прийти человек, который возглавлял корпус жандармов, рыться в этом архиве?

Фигатнер: Он же мог уничтожить документы.

Петерс: Этот архив имеет для революции значение. Там могут быть провокаторы указаны. Его материалы могут облегчить работу по истории... И все-таки, когда Вам предложили, Вы подчинились глупому и незаконному требованию. Вы считали, что обязаны подчиниться начальству. Но если начальство предлагает незаконные вещи?! А если бы Вам предложили убить, Вы тоже подчинились бы?

Кубасов: Конечно, нет.

Фигатнер: У меня к Вам еще один вопрос. Я просил, чтобы Вы ознакомились с материалами. Нет там еще чего-нибудь? Сделали Вы это?

Кубасов: Там найдена неприятная вещь — погоны великого князя.

Фигатнер: А кроме этого?

Кубасов: Найдено еще штук 50 писем к Котляревскому.

Фигатнер: Если Вы еще что-нибудь найдете, кроме этого, Вы составите список и сообщите нам.

Кубасов: Ладно.

Фигатнер: Больше вопросов нет? Вы свободны.

ОПРОС ИЗМАЙЛОВА ⁵¹

Фигатнер: Здесь заседает Правительственная комиссия, выделенная специально в связи с тем, что в Рукописном отделении Академии наук, Пушкинском доме найдены кое-какие материалы, имеющие об-

щеполитическое значение. У нас есть к Вам несколько вопросов, связанных с этим. Разрешите их задать?

Измайлов: Пожалуйста.

Агранов: В каком отделении Академии наук Вы работаете?

Измайлов: В рукописном Пушкинского дома.

Агранов: Давно?

Измайлов: С 1920 г.

Петерс: А до этого где работали?

Измайлов: В одном из отделений Центрархива.

Петерс: Когда Вы вообще стали заниматься архивным делом?

Измайлов: Со времени окончания университета, с 18 г.

Петерс: А до этого учились?

Измайлов: Да.

Агранов: Вам было известно, что летом этого года бывший шеф жандармов Джунковский являлся в Пушкинский дом и получил разрешение от академика Платонова и Кубасова на работу над своими материалами?

Измайлов: Было известно, конечно.

Петерс: Вы присутствовали?

Измайлов: Да.

Агранов: Когда он разбирал?

Измайлов: Нет, тогда не присутствовал.

Агранов: Ни разу не были?

Измайлов: Иногда заходил к нему.

Фигатнер: Где он работал?

Измайлов: В помещении Пушкинского дома.

Фигатнер: В доме или гараже?

Измайлов: Ему приносили материал из гаража и он работал у нас.

Фигатнер: Он давал опись и ему по описи приносили?

Измайлов: Нет, по ящикам.

Фигатнер: Кто приносил?

Измайлов: Дворники.

Фигатнер: Кто давал распоряжение о приносе материала?

Измайлов: Кубасов и я.

Фигатнер: Ему приносили ящики. Дальше. Кто присутствовал, когда открывали ящики?

Измайлов: Ящики не были заколочены.

Фигатнер: Никто не присутствовал, когда приносили ящики?

Измайлов: Все время кто-нибудь присутствовал.

Петерс: Опись материалов, которые приносили, делали или нет?

Измайлов: Он не уносил материалы, а просматривал.

Агранов: У Вас есть гарантия, что он не уносил?

Измайлов: Когда он уходил, всегда кто-нибудь присутствовал.

Агранов: Он долго работал?

Измайлов: Около недели. Он просил материалы, делал выписки. Он работает сейчас инструктором. Он собирался давно приехать, писал зимой и спрашивал, может ли приехать работать.

Фигатнер: А Вы по его просьбе направляли материалы в Москву?

Измайлов: Нет.

Фигатнер: А присутствовал кто-либо, когда он вынимал материалы из ящиков?

Измайлов: Все время — нет. Он просматривал материалы.

Петерс: Давал перепечатывать?

Измайлов: Нет, сам делал выписки.

Фигатнер: В течение недели каждый день работал?

Измайлов: Около этого.

Агранов: Кто давал разрешение на работу?

Измайлов: В общем порядке обсуждалось в Высшем совете Пушкинского дома о возможности его работы.

Фигатнер: Кто входит в совет?

Измайлов: Дирекция.

Фигатнер: Кто?

Измайлов: Академик Платонов, Кубасов, хранитель отделения — я, Беляев и Рейнбот⁵².

Фигатнер: Он подал заявку?

Измайлов: Он подал заявку и потом прислал письмо.

Петерс: Кому?

Измайлов: Кажется, Платонову или Кубасову. Когда приехал из Москвы, подал заявление.

Фигатнер: Что просил?

Измайлов: Допустить к работе над своим архивом.

Фигатнер: Обсуждалось на Совете?

Измайлов: Обсуждалось первое письмо и по письму разрешили.

Фигатнер: Постановление запротоколировано?

Измайлов: Да.

Фигатнер: Когда это было?

Измайлов: Зимой, в начале зимы 29 г.

Фигатнер: Зимой? Значит, Вы предполагаете, что в январе-феврале обсуждался вопрос и комиссия дала разрешение? и после...

Измайлов: Он потом приехал. Он долго не приезжал, хотел приехать зимой, но приехал позже, в июне.

Фигатнер: Разрешение получил зимой, а приехал в июне?

Измайлов: Подал анкету, как полагается каждому.

Фигатнер: Вы не знаете, что-либо взял?

Измайлов: Я знаю — нет.

Фигатнер: Если бы я пришел в Пушкинский дом и просил работать над материалами Пушкина, Грибоедова? Вы бы дали материал? И после, когда бы я возвратил материал, Вы проверили бы?

Измайлов: Да.

Фигатнер: Когда Джунковский возвратил ящики, Вы проверяли, что он сдает? Вы могли дать одно, получить другое?

Измайлов: Подробно не проверяли.

Фигатнер: Например, там должны быть его дневники с начала его службы по 18 год⁵³. Как думаете, он мог взять тетрадь и положить ее в карман?

Измайлов: Я не обыскивал. В таком количестве материала трудно, конечно, проверять каждый раз и каждый день.

Петерс: Если бы я просил разрешения работать над архивом Джунковского, Вы разрешили?

Измайлов: Как частному лицу? Не знаю.

Петерс: Он для Вас не частное лицо? Материал, который им создан, это не его материал. Это материал шефа жандармов.

Измайлов: Это не государственный материал, а личный — его.

Петерс: Вы помните, где работаете или нет? Что значит «его материал»? Это материал шефа жандармов. Материал, в котором хранится целый ряд таких вещей, к которым на пушечный выстрел нельзя подпускать частное лицо. Вы не подпускаете, а шефа жандармов считаете возможным допустить?!

Агранов: Я хотел задать тот же вопрос. Как Вы допустили постороннее лицо к работе в Пушкинском доме? Вы сказали, что допустили постольку, что это его материал?

Петерс: Вы на государственной службе или частной?

Измайлов: На государственной.

Петерс: Значит, государственные законы имеют к Вам какое-нибудь отношение?

Измайлов: Несомненно. Но допуск к этим материалам зависит не от меня.

Петерс: Но Вы ведь тоже принимали участие?

Агранов: Когда в Пушкинском доме обсуждался вопрос о допущении его к работе, Вы ведь знали, что он бывший шеф жандармов? И вот, в Советской стране, в г. Ленинграде, Вы допустили такую одиозную фигуру, врага революции, врага рабочего класса, человека, который всегда был врагом! Вы допустили его работать над собственным архивом!

Фигатнер: Некогда ему принадлежащий, но являющийся в настоящее время достоянием государства.

Агранов: Вопрос этот на Вашем совете как-то проходил под этим углом зрения? Ставили ли Вы вопрос, допустимо ли предоставление Джунковскому такой возможности или Вы об этом не говорили? Просто Джунковский обратился — и ему разрешили?

Измайлов: У нас этот вопрос обсуждался.

Петерс: Кто высказывался против из присутствовавших?

Измайлов: Сейчас не могу Вам этого сказать.

Фигатнер: Но сомнений у Вас не было?

Измайлов: По-видимому, некоторые разговоры об этом были.

Петерс: У кого?

Измайлов: У присутствующих членов совета.

Петерс: У кого, например?

Измайлов: У всех, у нас.

Фигатнер: Если были сомнения, надо было этот вопрос поставить.

Измайлов: Он был поставлен и решен положительно.

Агранов: Передо мной акт, находящийся в архиве, дело № 2. В этом акте сказано: «Мы, нижеподписавшиеся...» (читает). Стало быть, явная пропаша части описи. Значит, пропала и часть документов. Вот результат деятельности Джунковского!

Фигатнер: Мы получили список архива: один, начиная с 19 г.

Измайлов: Один полный, другой — не полный.

Фигатнер: Мы не знаем о том, полный или нет.

Измайлов: Нужно сличить.

Фигатнер: Здесь 172 стр., а тут — 379. Значит, тут одна только часть?

Петерс: Это выборка из полной описи?

Агранов: Значит, полной описи нет?

Измайлов: Вот полная опись.

Фигатнер: Это не оригинал, потому что нет подписи, засвидетельствовавшей, что это оригинал. А эта является оригиналом, поскольку имеется печать Джунковского.

Измайлов: А здесь его подпись.

Фигатнер: Оригиналу с подписью кончается на стр. 172. Это ведь свежий почерк. Это не те чернила, которые имеются вот здесь. Написано: «Джунковский. 1919 г.». Чернила свежие.

Измайлов: Чернила не свежие.

Фигатнер: Вы считаете, что эти чернила употреблялись 11 лет назад?

Измайлов: Хорошие чернила могут сохраниться и столько. Во всяком случае, это написано до того, как эта опись попала в Пушкинский дом.

Фигатнер: Нас интересует следующий вопрос. Как могло случиться (здесь имеются документы, говорящие о его деятельности до 18 года, имеющие чрезвычайно крупное значение), что разрешили прийти ему и не проверили после его ухода, все ли материалы остались в ящиках, не унес ли он чего-нибудь? Можете ли Вы заверить нас, что ни одной бумажки из архива не унесено? Можете ли дать

гарантию в том, что этот список полный, коль тут имеется разница в 200 с лишним номеров? Была подпись и отрезана. Почему здесь нет подписи, если на каждой бумажке есть подпись Джунковского?

Измайлов: Я не могу знать, потому что у меня не было в руках описи.

Фигатнер: Как Вы думаете, кроме этих материалов, которые выяснены, нет ли других материалов в Пушкинском доме?

Измайлов: Мелкие материалы есть. Я занимаюсь составлением списка. Есть, например, переписка Константина Романова, архив Кони⁵⁴, Котляревского...

Фигатнер: Вы работаете здесь с 20 года. Скажите, какие-либо архивы были возвращены обратно? Сданы на время и потом отданы?

Измайлов: На моей памяти есть один архив — Щеголева.

Агранов: Когда он обратился к Вам с просьбой вернуть его обратно?

Измайлов: Это было года 3—4 назад.

Агранов: Большое количество документов?

Измайлов: Нет.

Фигатнер: У Вас была опись?

Измайлов: Нет. Это хранилось у Модзалевского.

Фигатнер: Вы содержание не знаете?

Измайлов: Частная переписка Щеголева.

Фигатнер: Так и называлась?

Измайлов: Да.

Фигатнер: А кроме Щеголева, еще было что-нибудь?

Измайлов: Больше ничего.

Фигатнер: Нет ли у Вас каких-нибудь материалов, кроме тех, которые сейчас выяснены?

Измайлов: Крупного вообще нет.

Фигатнер: Может быть, у кого-нибудь на дому, на квартире есть?

Измайлов: Не могу сказать, но у наших сотрудников такие материалы вряд ли имеются.

Фигатнер: Больше вопросов нет? Вы свободны.

[ОПРОС С. Ф. ПЛАТОНОВА]

Фигатнер: Сергей Федорович, в связи с теми материалами, которые обнаружены сейчас в Библиотеке, Пушкинском доме, Археологической комиссии, распоряжением НК РКК создана специальная комиссия в составе трех человек — Петерс, Агранов и я. Комиссия прибыла и сейчас имеет желание поставить Вам некоторые вопросы.

Агранов: У меня вопрос вот такой. Скажите, пожалуйста, когда Вам стало известно, что в Рукописном отделении Академии наук хранятся подлинники акты отречения Николая и Михаила Романовых?

Платонов: Точной даты не могу сказать, но думаю, вероятно, 1927 г.

Агранов: От кого впервые стало известно?

Платонов: Я скажу. Это история довольно случайная. Я сделался директором Библиотеки в 25 г. Ничего об этом не знал. Незадолго до своей кончины Модзалевский передал четвертушку бумаги (на каком-то бланке) о том, что сенатор Дьяконов и Старицкий передают через Котляревского (покойного) Академии два акта на хранение в Библиотеке. Т. к. Рукописное отделение было под моим начальством, я отправился к Срезневскому (к начальнику отделения), предъявил бумагу и сказал: «У Вас?» — Говорит: «Да». — «В описи есть?» — «Есть». Я не знаю, цела ли книга и имели ли Вы ее? Был пакет Старицкого, № 607 и был сбokus четырехугольник (диагональ и какой-то значок). Говорю: «Что это?» — «Это обозначение, что мы по-

лучили». — «Покажите». Он показал, и я приказал хранить эту чет-вертушку вместе.

Агранов: Вы сказали Ольденбургу, что хранятся такие акты?

Платонов: Да, но должен сказать, не придавал значения уникального, потому что из литературных источников знал, что несколько раз переделывался текст.

Агранов: По воспоминаниям Шульгина известно, что подлинник, на котором подписывался Николай, имел подчистку.

Платонов: Я не заметил. Должен сказать, не придавал значения.

Агранов: Вы сказали, в 1926 г.?

Платонов: Не помню: в 26 или в начале 27 г.

Агранов: Никакого распоряжения не давали?

Платонов: Нет.

Фигатнер: Только Ольденбургу сказали?

Платонов: Ему только.

Фигатнер: Я ставил вопрос (когда мы с Вами имели беседу), Вы сказали, что сообщили Президиуму.

Платонов: Не помню. Может быть.

Агранов: Скажите, Старицкий — это не мифическая личность, а действительно сенатор?

Платонов: Да, сенатор Временного правительства⁵⁵. Дьяконов — академик Дьяконов, кажется, был директором одного из отделений Библиотеки.

Агранов: Почему Вы считаете необходимым дальнейшее сохранение тайны этого документа и оставление его в пакете, где написано: «от Старицкого»?

Платонов: Не считал нужным придавать огласке в силу общего распоряжения, которое действовало и действует сейчас.

Фигатнер: На основании постановления комиссии?⁵⁶

Платонов: Да.

Агранов: Вы сообщили комиссии, какие документы у Вас имеются?

Платонов: Да, комиссии был сообщен перечень документов. Для меня это была вещь довольно тяжелая. Дело в том, что это было в 26—27 г. Я убедился, что в Рукописном отделении царит большой беспорядок..

Агранов: Какой беспорядок?

Платонов: Например, этот документ был тоже записан неправильно. Затем, целый ряд было замечено других неправильностей со стороны Срезневского. Это было как раз в тот период, когда такого материала у меня накопилось много. Если бы я был в Ленинграде тогда, когда шло это дело (сообщение Совнаркому о том, что у нас есть⁵⁷), тогда другое. Но, насколько я знаю, в это время здесь не было даже Ольденбурга. Меня тоже не было. Я об этой бумаге не знал довольно долго. Если бы я знал, я этого не допустил. Это, конечно, большая неисправность. Учреждение показало суммарно общее количество материала. Библиотека в отдельности не показала. Под влиянием таких впечатлений я попросил назначить ревизию Рукописного отделения. Она была сделана. Документ о ней находится в архиве Библиотеки. Эта ревизия раскрыла некоторые неисправности и повела за собой ряд практических мероприятий и предложений. Кое-что из материалов мы сочли возможным отдать владельцам, кое-что решили присоединить к фонду Библиотеки.. Мы начали раскрывать архив Берга⁵⁸. Все это было представлено Президиуму как результаты ревизии. Президиум согласился с выводами комиссии. Это было сообщено в Библиотеку и осталось без внимания.

Петерс: В протоколах Президиума это есть?

Платонов: Я думаю, есть.

Фигатнер: Когда было?

Платонов: 26-й, начало 27 г. Я просил вторичную ревизию. Такая ревизия была, и надо сказать, что мы констатировали неисполнение. И в результате решения опять остались неисполненными.

Фигатнер: Почему?

Платонов: Ведь за всем не усмотришь... На третий год должность в академической Библиотеке не взял, т. к. чувствовал, что бессилён убрать того, кто являлся причиной беспорядка.

Фигатнер: Кто был причиной беспорядка?

Платонов: Срезневский.

Агранов: Я согласен, что Срезневский и тот, кто, подписав документ, допустили неправильность...

Платонов: Один Срезневский.

Агранов: Явно незаконную. Но Вы отдавали отчет, что скрывать документ государственной важности от Советской власти нельзя?

Платонов: Как скрывать?

Агранов: В пакете на имя неизвестного Старицкого. Совершенно недопустимо. Как же Вы оставили документ?

Платонов: Извините, у меня другая точка зрения. Академия в течение этих лет сохранила очень много материала. Она действительно сохранила очень много. Нет доказательств, что она утерья хотя бы один документ. Это я говорю уверенно.

Агранов: Я это не говорил.

Платонов: Мы смотрели так: у нас надежное место хранения...

Фигатнер: Но хранятся акты отречения.

Платонов: Я свою точку зрения сказал. Эти акты мне представлялись не уникальными. С другой стороны, у нас не было представления о том, что эти бумаги имеют актуальное значение на данный момент и на будущее.

Фигатнер: Отречение Михаила — в одном экземпляре. Для нас нет сомнения, что другого [отречения] Николая не существует. Написанный рукой Михаила документ — уникальный.

Платонов: Мы знаем, что у него (Николая) были колебания. Я решительно готов не принять этого выражения: «скрывать документ». Академия наук не скрывала.

Петерс: Но Вы знали, что идет поиск этого документа?

Платонов: Я не знал.

Агранов: Вы могли считать документ не уникальным, но оставить его, документ исторической важности, без имени, в пакете, в ящике стола Срезневского...

Платонов: Он оставался в описи.

Фигатнер: Он вошел за № 607?

Агранов: Почему не легализовать акт отречения Николая II?

Платонов: Но никакого умысла не было и не могло быть.

Агранов: Представьте, мы имели показания лиц, которых опрашивали сегодня и которые говорят, что это умышленно скрывалось.

Платонов: Решительно протестую!

Агранов: Я не говорю о том, что Вами, но факт тот, что этому документу придавалось какое-то особое значение и не было никакого желания к его огласке. Такие настроения существовали?

Петерс: Стремилась, чтобы это знал небольшой круг лиц?

Платонов: В пределах Библиотеки?

Петерс: Нет, в пределах Академии.

Платонов: На это ничего не могу сказать.

Агранов: Документ этот был передан Старицким и Дьяконовым через Котляревского к Срезневскому?

Платонов: Да, я могу для доказательства, что мы ничего не скрывали, сослаться на то, как мы передавали карточный каталог Третьего отделения⁵⁹. Нам не поступило в течение этих лет ни одного замечания о том, чтобы что-нибудь утаено. Не знаю, знаете ли Вы, но на основании карточек всегда можно узнать, что скрыто. И вот ни одного замечания о том, что что-нибудь утеряно или скрыто, не было. Здесь у нас остались пачки документов, которые рабочие просто забыли, но ничего не было скрыто. Вы мне раскрываете такую точку зрения, которая мне не была известна,— то, что правительство эти документы искало.

Агранов: Я не так говорил. Дело в том, что документы, которые оказались здесь, не находятся в распоряжении тех хранилищ, которым дается по праву их хранить.

Платонов: Никто из Управления делами Совнаркома не делал нам замечания о том, что у нас имеются интересные документы и что они не возвращены.

Фигатнер: Вы в 26 г. у покойного академика⁶⁰ Модзалевского видели расписку о том, что Дьяконов передал этот документ Срезневскому?

Платонов: Я этой четвертушки в точности цитировать не могу, потому что она у меня была полчаса.

Фигатнер: Кто до Вас стоял во главе Библиотеки?

Платонов: Академик Никольский.

Фигатнер: Академик Никольский знал об этом?

Платонов: Не знаю.

Фигатнер: А до Никольского?

Платонов: Дело в том, что Библиотека была разделена до него на два отделения. В одном работал Шахматов, в другом — Дьяконов, но как они чередовались, я не знаю.

Фигатнер: Академик Шахматов знал об этом?

Платонов: Не знаю.

Агранов: Я хотел задать вопрос относительно архива Джунковского, который хранится в Пушкинском доме. Джунковский сам обращался к Вам с просьбой о допуске его к архиву?

Платонов: Да, являлся два раза.

Агранов: Когда?

Платонов: Последний раз зимой. Он вообще часто мелькал в Ленинграде. Поэтому не могу поручиться, может быть, он был даже и весной этого года...

Фигатнер: А до этого тоже бывал?

Платонов: Он часто бывал.

Агранов: Ему было дано разрешение на разработку архива?

Платонов: Он допускался к занятиям. Это было условие, по которому он в 1923 г. передал архив.

Фигатнер: Архив был передан в 18 г.⁶¹.

Платонов: Не знаю. Мне эта история известна с весны 24 г. или в начале 24 г. Котляревский был за границей. Вместо него не было никакого заместителя. С Модзалевским произошла неприятность: вследствие некоторого доноса о том, что он что-то казенное продал, Модзалевский был арестован и, когда его освободили, он заявил, что очень просит назначить какого-нибудь академика директором. Это было в феврале-марте 24 г. Меня просили взять на себя эту работу временно, до возвращения Котляревского. И на первых порах мне Модзалевский сказал, что у него есть архив, сданный на временное хранение, который должен быть передан в Библиотеку.

Фигатнер: Вам было известно содержание архива?

Платонов: Не известно. Архив был в шкафу.

Фигатнер: Кто переложил в ящики?

Платонов: По приказанию Котляревского. Он вернулся в 1924 г. из-за границы. Это было в начале лета, с первыми пароходами он вернулся и умер весной 1925 г. Модзалевский показал и говорит: «Архив, с которым я не знаю, что делать. Он должен идти в Библиотеку, а застрял, потому что в старом помещении Библиотеки не было места».

Агранов: Вы знаете цену архивных и исторических документов. Считаете ли Вы уместным (если считаете, то почему), что допустили шеф-жандарма Джунковского к разработке архива, имеющего отношение к его деятельности?

Платонов: Это было тогда, когда он приезжал. Он обращался...

Фигатнер: Сколько раз был допущен?

Платонов: По-моему, два раза.

Агранов: Почему разрешили?

Платонов: Не знаю.

Петерс: У Вас не обсуждалось?

Платонов: Нет.

Петерс: У Вас нет ученого или научного совета?

Платонов: Есть, но есть правило о том, что лица допускаются к занятиям только с разрешения директора.

Фигатнер: Кто дал разрешение?

Платонов: Формально Джунковскому должны дать разрешение за подписью директора.

Фигатнер: Кто давал?

Платонов: Может быть и я.

Фигатнер: Два раза было?

Платонов: Два раза, но первый раз не помню, когда.

Фигатнер: Где работал?

Платонов: В помещении для занятий.

Фигатнер: Ему материалы туда приносили?

Платонов: Насколько помню, да.

Фигатнер: Ему приносили материалы. Что он делал?

Платонов: Не знаю.

Фигатнер: Может быть, он брал, чтобы работать дома?

Платонов: Думаю, нет, т. к. материалы должны предъявляться старшему хранителю.

Фигатнер: Вы проверяли, он мог взять?

Платонов: Не думаю, все-таки надзор за читальным залом есть.

Агранов: Сергей Федорович Ольденбург тоже не придавал значения сообщению, что в Академии наук находится акт отречения?

Платонов: Нет. Я повторяю, это было совершенно не нашего сознания, что эти документы могут интересоваться, как имеющие значение для настоящего и будущего. Мы смотрели на них исключительно как на исторические документы. Я думаю и теперь, что они никакого значения не имеют.

Агранов: Если других документов в природе нет...

Петерс: Историческое значение... не имеют?

Агранов: Революция смела и устранила...

Платонов: Смела. Эти документы мы сберегли и вы их получили.

Агранов: Срезневский нам заявил, что он понимал незаконность хранения...

Платонов: У нас не было случаев пропажи хотя бы одного документа.

Петерс: Это трудно доказать. Человек работал, а что он уносил с собой — Аллах его ведает.

Фигатнер: Часть описи его документов отрезана. Есть акт о том, что конец этого документа уничтожен.

Платонов: Но опись на этом кончается и в экземпляре Пушкинского дома.

Фигатнер: Но на описи Джунковского нет соответствия номеров.

Агранов: Никто не обращался к Вам с просьбой о том, чтобы материалы послать в Москву?

Платонов: Нет.

Агранов: Джунковскому материалы на руки не выдавались?

Платонов: Нет. Он что-то брал.

Агранов: Вы думаете, что он кое-что взял?

Платонов: Да, но законным путем. Он ставил такие условия. Вы говорили, что это дело началось с 18 г. Это дело началось с 15 г., когда он уехал на Кавказ.

Агранов: Когда он передал архив?

Платонов: Это было до меня.

Петерс: В 19 г. Джунковского судили, приговорили к концентрационным лагерям до конца гражданской войны. А государственное учреждение, оно обязано было сообщить, что здесь имеется такой архив.

Платонов: Я не был тогда академиком.

Петерс: Но и для Вас приговор остается в силе. Он был приговорен как шеф корпуса жандармов, он скрыл от государства ряд документов, которые никоим образом не могут быть рассмотрены, как его личные документы. Это есть документы шефа жандармов, а не документы Джунковского. Следовательно, эти материалы должны были попасть в наши архивы, чтобы они могли быть использованы по назначению. А Вы смотрели на это так: Джунковский передал и ставит условия...

Платонов: В суждение тут я не вхожу. В 1919 г. я не был академиком...

Петерс: Но Вы здесь заведовали этим делом давно, знали, когда его судили. И вот, по Вашим словам, получается, что рассматривая этот архив как личные дела, Вы — человек в этом отношении очень грамотный, — знаете, кому такие документы принадлежат. Может ли это быть частной собственностью?

Платонов: Об этом я судить не могу, потому что Джунковский мне был известен не как подсудимый, а как человек, пользующийся правами гражданства. Живет на собственной квартире, дает уроки (преподавал физкультуру в школе), никто ему не препятствует в передвижении. Он пользуется всеми правами и так на него смотрела Академия. Я суда над Джунковским не знаю. Знаю, что он был в Смоленске в тюрьме. Оттуда его Рязанов вызвал в Москву в связи с процессом по делу прокуратора Малиновского⁶². Благодаря Рязанову⁶³, Джунковский получил политическое оправдание и то, что он был осужден, — мне неизвестно. Я знаю, что политический арест был снят. Я считаю, что его можно считать полноправным гражданином.

Фигатнер: Вы предполагаете, что кое-какие документы он взял с собой?

Платонов: Я боюсь сказать это.

Петерс: Я не говорю, что он незаконно ходит на свободе, но я ставлю вопрос так: он не может претендовать на эти архивы как свои личные дела.

Платонов: Я считаю, что мы получили архивы. Я был прикосновенен к этому делу с лета 1925 г. по 1928-й. Если унес из Пушкинского дома, то это было после того, как я отказался от Пушкинского дома и Библиотеки.

Фигатнер: Больше вопросов нет.

[ОПРОС И. А. КУБАСОВА]

Фигатнер: Что Вы нам хотели сообщить?

Кубасов: Дело в том, что уже после того как Джунковский уехал, заведующий Рукописным отделением Николай Васильевич Измайлов представил рапорт Платонову.

Фигатнер: Это было когда?

Кубасов: 3 июля (читает акт). Я взял его и положил, т. к. наступило лето. Никого не было. И когда вернулся Беляев, прочитал визу и просмотрел ящики, в которых находились портреты и другие документы...

Фигатнер: Где это находилось?

Кубасов: Там, в гараже.

Фигатнер: Джунковский унес что-нибудь с собой?

Кубасов: Там написано, что изъято...

Фигатнер: Кем?

Кубасов: Джунковским.

Фигатнер: Это было когда составлено?

Кубасов: Февраль 18 г.

Фигатнер: Из этой описи подлежат изъятию следующие номера (читает).

Кубасов: Из этой описи надлежит исключить следующие номера (читает). Эти дела изъяты.

Фигатнер: Он их изъяз?

Кубасов: Да.

Фигатнер: Что они из себя представляли? Неизвестно?

Кубасов: Здесь есть (читает).

Фигатнер: Кто ему разрешил, сохранился ли такой документ?

Кубасов: Не думаю.

Фигатнер: Словесно ему разрешили или письменно?

Кубасов: Тут есть виза нашего Измайлова.

Фигатнер: А на наш вопрос, уносил ли Джунковский с собой материалы, знали ли об этом? — Измайлов ответил, что не знал.

Петерс: Он вообще ответил, что ни одного документа Джунковский не уносил.

Фигатнер: Сколько раз Джунковский был здесь?

Кубасов: Чуть ли не каждый год он бывал здесь, боюсь сказать точно, когда. Помню, что видел его один раз в прошлом году. Я захотел сказать об этом. Теперь на Ваш вопрос: «Почему я не говорил?» Я был глубоко убежден, что Вам Ольденбург рассказал. Это такая старая и больная у нас история, что все о ней знают.

Фигатнер: Все, за исключением меня.

Кубасов: Вся Академия пропитана этим. Я не хотел давать разрешения. Я считал, пусть директор берет на себя ответственность за это.

Агранов: Вы молчали, потому что считали, что директор берет на себя ответственность?

Кубасов: Конечно, в этом вопросе — да. Я в этом деле не дал своей визы, нет ни одной бумаги, связанной с Джунковским, мною подписанной.

РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 35. Л. 21—52. Неправленная машинописная копия.

Примечания

¹ Фигатнер Ю. П. (1889—1937) — член Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР, член ВЦИК, ЦИК СССР. Репрессирован.

Петерс Я. Х. (1886—1938) — член коллегии ОГПУ СССР, ЦКК ВКП(б), ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован.

Агранов Я. С. (1893—1938) — член коллегии ОГПУ СССР. Репрессирован.

² Садовский Ю. В. — инспектор НК РКИ, член Центральной комиссии по чистке государственного аппарата НК РКИ СССР, секретарь комиссии по чистке аппарата АН СССР, сотрудник ОГПУ.

Ольденбург С. Ф. (1863—1934) — востоковед, академик АН СССР, непреходящий секретарь Академии (1904—1929).

³ Комиссия НК РКИ СССР по проверке аппарата Академии наук СССР начала свою работу с конца июля и продолжила ее (с перерывом) до конца 1929 г. В функции комиссии входила проверка сотрудников академических учреждений (кроме действительных членов). В составе комиссии — члены коллегии НК РКИ и сотрудники ОГПУ (Фигатнер, Разоренов, Садовский), члены секции научных работников Всероссийского союза работников просвещения (П. М. Никифоров, Ф. В. Кипарисов), представители местного Академии (В. И. Шауро, П. И. Воробьев), представители от рабочих Путиловского и Балтийского заводов (Иванов, Козлов). От АН СССР были включены академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, В. Л. Комаров.

⁴ Особая комиссия в составе Я. Х. Петерса, Я. С. Агранова и Ю. П. Фигатнера была послана (после шифровки Фигатнера) НК РКИ по согласованию с ЦК ВКП(б), СНК и ОГПУ СССР.

⁵ Речь идет о Рукописном отделе (отделении) Библиотеки АН СССР.

⁶ «Комиссия Енукидзе» — одно из названий «Комиссии по содействию работам Академии наук». Она была создана в 1925 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) для контроля за повседневной деятельностью Академии. В состав комиссии были включены представители от ЦК ВКП(б), СНК СССР, Наркоминдела, Наркомпроса и Госплана. Даже в официальных документах комиссия именовалась по-разному: комиссия Политбюро, комиссия Совнаркома, комиссия ЦИК, чаще — «комиссия Енукидзе» (по имени ее председателя).

Енукидзе А. С. (1877—1937) — секретарь Президиума ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован.

⁷ Джунковский В. Ф. (1865—1938) — бывший шеф Петербургского губернского жандармского управления, командир корпуса жандармов, товарищ министра внутренних дел. В 1915 г. назначен командиром 8-й Сибирской стрелковой дивизии и послан в действующую армию. Уезжая на Кавказ, Джунковский оставил свой архив и архив рода Джунковских (один из дворянских родов России, вел свое существование с конца XVII в.) на хранение в Пушкинском доме. В архиве находились его дневник, личная переписка, документы, относящиеся к его служебной деятельности.

⁸ Константин Константинович Романов (1858—1913) — сын великого князя Константина Николаевича, с 1889 г. президент Петербургской Академии наук, поэт. Умирая, завещал свои дневники Академии с запрещением их использования в течение 90 лет. После «находки» их комиссией Ю. П. Фигатнера выдержки из дневников были опубликованы в журнале «Красный архив» (1931).

⁹ Крачковский И. Ю. (1883—1951) — востоковед, академик АН СССР. В 20-е годы академик-секретарь Отделения гуманитарных наук (ОГН), неоднократно замещал С. Ф. Ольденбурга на посту непреходящего секретаря Академии.

¹⁰ С. Ф. Ольденбург имеет в виду факт признания в 1925 г. Академией наук высшим научным учреждением СССР. В 1926 г. «комиссия Енукидзе» приняла постановление (после настоячивых просьб со стороны руководства Академии наук) о временной приостановке передачи принадлежащего академии имущества (и архивных материалов) другим учреждениям. Тогда же Президиум Академии передал в Отдел научных учреждений при СНК СССР (рабочий орган «комиссии Енукидзе») перечень архивных материалов, в числе которых были указаны архив В. Ф. Джунковского, Департамента полиции и многие другие. Более того, в Академии существовали (хотя и неполные) описи. Так что о каком-то «сокрытии» не могло быть и речи. Академия просто «задыхалась» от обилия коллекций, которые она получала от владельцев и спасла сама в 1917 г. Небольшой штат архивистов и теснота помещений затрудняли работу. Кроме собственно Архива АН СССР, архивные материалы хранились в Рукописном отделе Библиотеки.

¹¹ Правильно: «комиссия ЦИК СССР». См. прим. 6.

¹² Платонов С. Ф. (1860—1933) — историк, академик АН СССР, академик-секретарь ОГН (март—ноябрь 1929 г.), председатель Археографической комиссии (1918—1929), директор академической Библиотеки (1925—1928), Пушкинского дома (1925—1928).

Покровский М. Н. (1868—1932) — историк, академик АН СССР. В 20 — начале 30-х гг. заместитель наркома просвещения РСФСР, председатель Центрархива, Коммунистической академии, Общества историков-марксистов, директор Института красной профессуры и т. д.

Рязанов (Гольдендах) Д. Б. (1870—1938) — академик АН СССР. В 1921—1931 гг. — директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

Встреча состоялась в период работы мартовской (1929) сессии Академии.

¹³ Акты отречения Николая II и Михаила Романовых хранились в конверте, на котором стояло имя Г. Е. (в стенограмме ошибочно Г. С.) Старицкого, брата жены академика В. И. Вернадского (1863—1945).

¹⁴ Беседа Фигатнера с Платоновым и Ольденбургом состоялась 21 октября 1929 г., сразу после «находки» конверта с актами отречения Романовых.

- ¹⁵ Франс Анатоль (1844—1924) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии.
- ¹⁶ Шульгин В. В. (1878—1976) — политический деятель. После Октябрьской революции эмигрировал, впоследствии вернулся в СССР, был репрессирован. Автор воспоминаний «Дни», «1920-й год».
- ¹⁷ Срезневский В. И. (1969—1936) — филолог, специалист в области рукописной книги, член-корреспондент АН СССР. В 20-е годы — старший ученый хранитель Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Репрессирован.
- ¹⁸ Не ясно, о каком директоре Библиотеки Академии наук спрашивает Ю. П. Фигатнер: в 1925—1928 — это С. Ф. Платонов, после его отказа от должности общее собрание рекомендовало на пост директора историка-античника, академика С. А. Желбелева (1867—1941), но фактически и. о. директора в течение ряда месяцев 1929 г. был старший ученый хранитель БАН, библиограф Ф. П. Покровский. В октябре 1929 г. он был смещен и и. о. директора стал приглашенный первоначально на должность помощника директора) И. И. Яковкин. Его переход в Академию наук состоялся благодаря рекомендации Секции научных работников, тогда как С. Ф. Платонов предлагал кандидатуру профессора Д. Н. Егорова — известного библиографа и организатора библиотечного дела.
- ¹⁹ Именно И. И. Яковкин передал сведения о хранении актов отречения Ю. П. Фигатнеру, с которым активно сотрудничал. Используя полученную от В. И. Срезневского информацию о наиболее интересных материалах Рукописного отдела, Яковкин в ходе «дела» поставил вопрос о его увольнении. Вскоре после этого Срезневский был арестован и репрессирован.
- ²⁰ Правильно: Г. Е. Старицкий — см. прим. 13.
- ²¹ Самойлович А. Н. (1880—1938) — востоковед, академик АН СССР. В 1929 г. заместитель академика-секретаря ОГН. Репрессирован.
- ²² Шахматов А. А. (1864—1920) — филолог, специалист по древнерусскому летописанию, академик Петербургской Академии наук. До своей кончины возглавлял Русское отделение академической Библиотеки (фактически, был одним из директоров). Западноевропейское отделение возглавлял М. А. Дьяконов (1855/1856—1919) — историк, академик Петербургской Академии наук.
- ²³ Богучарский Б. (Яковлев В. Я.) (1861—1915) — историк, издатель, собиратель архивных материалов. Его собственный архив был передан на хранение в Академию наук.
- ²⁴ Перовская С. Л. (1853—1881) — член партии Народная воля.
- ²⁵ Институт К. Маркса и Ф. Энгельса существовал с 1921 по 1931 г. Директором его был Д. Б. Рязанов (см. прим. 12). В 1931 г. объединен с Институтом В. И. Ленина (ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)).
- ²⁶ Соколовский Г. Н. — старший помощник заведующего секретариатом АН СССР. В 1931 г. приговорен к расстрелу, заменено 10 годами лагерей.
- ²⁷ Мессинг С. А. (1890—1946) — член коллегии ОГПУ СССР.
- ²⁸ Срезневский не прав: А. А. Шахматов и М. А. Дьяконов заведовали Библиотекой вместе. См. прим. 22.
- ²⁹ Никольский Н. К. (1863—1936) — библиограф, специалист по рукописным книгам, академик АН СССР. В 1921—1924 гг. — директор БАН.
- ³⁰ В. И. Срезневский говорит о Сергее Федоровиче Ольденбурге. См. прим. 2.
- ³¹ Пушкинский дом — основан в 1905 г., научный центр и хранилище рукописей русских писателей. В настоящее время называется Институтом русской литературы РАН, находится в Санкт-Петербурге.
- ³² Правильно: Г. Е. Старицкий. (См. прим. 13). Его отец — Е. П. Старицкий (1825—1899) — был сенатором, членом Государственного совета.
- ³³ Речь идет о Ф. П. Покровском. См. прим. 18. К этому времени был арестован, в дальнейшем репрессирован.
- ³⁴ Одна из многочисленных комиссий, которая была направлена Президиумом АН СССР для выяснения состояния архивных «завалов» и хода работы по описанию коллекций.
- ³⁵ Андреев А. И. (1887—1959) — историк, археограф, перед арестом в 1929 г. — ученый секретарь Археографической комиссии. Возвращен из ссылки в 1935 г.
- ³⁶ Рождественский С. В. (1868—1934) — историк, член-корреспондент АН СССР, заместитель С. Ф. Платонова по Библиотеке (Срезневский ошибается, называя его директором). В ноябре 1929 г. Рождественский был уволен, в декабре арестован, умер в ссылке.
- ³⁷ Арсений (Станицкий А. Г.) (1862—?) — митрополит Новгородский, историк церкви.
- ³⁸ Эпизод с ленинским паспортом раскрыть не удалось.
- ³⁹ М. А. Дьяконов умер в 1919 г. См. прим. 22.
- ⁴⁰ Ошибка в стенограмме: Федор Павлович Покровский. См. прим. 18.
- ⁴¹ В тексте ошибка: Срезневский Всеволод Измайлович.
- ⁴² Кубасов И. А. — старший ученый хранитель Пушкинского дома, в августе 1929 г. был назначен временно исполняющим обязанности ученого секретаря (после увольнения комиссией Фигатнера Б. И. Каплана). На момент допроса фактически замещал и. о. директора П. Н. Сакула (1868—1930), литературоведа, академика АН СССР. Пос-

ледний был рекомендован директором Пушкинского дома после отказа от должности С. Ф. Платонова.

⁴³ Ю. П. Фигатнер имеет в виду две комиссии: «специальную» — Особую комиссию в составе Фигатнера, Петерса, Агранова; «правительственную» — Комиссию НК РКК СССР по проверке аппарата АН СССР.

⁴⁴ Всесоюзная книжная палата — центр государственной библиографии и статистики печати в СССР, основана в 1917 г. как Российская Книжная палата в Петрограде, в 1920 г. переведена в Москву.

⁴⁵ Щеголев П. Е. (1877—1931) — историк, литературовед, издатель журналов.

⁴⁶ Правильно: Васильевич. См. прим. 36.

⁴⁷ И. А. Кубасов ссылается на декреты СНК и ВЦИК РСФСР «О сосредоточении в Центрархиве РСФСР находящихся в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы республики за время с 1917 г.» от 2 августа 1923 г. и «О сосредоточении в Центрархиве РСФСР архивов семьи Романовых» от 12 сентября 1923 г. Нарушение этих декретов правительственные органы (в лице Особой комиссии) и инкриминировали руководству Академии наук.

⁴⁸ Правильно: Павел Никитич Сакулин. См. прим. 42.

⁴⁹ Котляревский Н. А. (1863—1925) — литературовед, академик Петербургской Академии наук. В течение ряда лет (до своей смерти) возглавлял Пушкинский дом.

⁵⁰ Модзалевский Б. Л. (1874—1928) — литературовед, член-корреспондент АН СССР, старший ученый хранитель Пушкинского дома.

⁵¹ Измайлов Н. В. — старший ученый хранитель Пушкинского дома, входил в состав, возглавлял Рукописное отделение. В 1929—1934 гг. находился в заключении.

⁵² Беляев М. Д. и Рейнбот — ученые хранители Пушкинского дома.

⁵³ Фигатнер ошибается. В этом фонде не было документов позднее 1915 г.

⁵⁴ Кони А. Ф. (1844—1927) — юрист и общественный деятель, почетный академик Петербургской Академии наук.

⁵⁵ С. Ф. Платонов ошибается: сенатором был отец — Е. П. Старицкий. См. прим. 32.

⁵⁶ Имеется в виду постановление «комиссии Енукидзе» 1926 г. См. прим. 6.

⁵⁷ Это сообщение было сделано в 1926 г. Список содержал перечень архивных материалов, попадавших под действие уже упоминавшихся декретов СНК и ВЦИК РСФСР от 2 августа и 12 сентября 1923 г. (см. прим. 47). Президиум АН СССР обещал и впредь сообщать (и частично делал) комиссии о новых находках подобных документов; фактически информация носила неполный характер, о чем и призналось руководство Академии. Вина за это была возложена на Ольденбурга как постоянного секретаря (был снят с должности), но главным образом на Платонова.

⁵⁸ Ошибка в стенограмме: речь идет об архиве К. М. (К. Э.) Бэра (1792—1876), академика Петербургской Академии наук, одного из учредителей Русского географического общества.

⁵⁹ Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии — орган политического надзора и сыска в России в 1826—1880 гг.

⁶⁰ Правильно: у члена-корреспондента АН СССР. См. прим. 50.

⁶¹ Фигатнер неверно указывает год передачи архива Джунковского (1915). См. прим. 7.

⁶² Малиновский Р. В. (1876—1918) — член РСДРП, тайный агент царской охранки. В ноябре 1918 г. состоялся процесс, на котором в числе свидетелей выступил Джунковский. Верховный трибунал ВЦИК приговорил провокатора к расстрелу.

⁶³ Д. Б. Рязанов в это время возглавлял Главное управление архивным делом — ГУАД.

НОВОЧЕРКАССКАЯ ТРАГЕДИЯ, 1962

Открываемую в этом номере журнала рубрику «Спротивление» редакция намерена сделать постоянной. Уже выявлено немало материалов, развенчивающих миф о «нерушимом единстве партии и народа». Это документы не только об уже известных выступлениях крестьян против насильственной коллективизации, о диссидентском движении в СССР, о восстаниях заключенных в сталинских лагерях, но и о массовых протестах рабочих.

В ряду политических событий того периода истории нашей страны, который принято называть «хрущевской оттепелью», расстрел рабочих в Новочеркасске в июне 1962 г. занимает особое место. Массовые проявления недовольства среди рабочих и репрессии против них были и раньше, и позднее, например, среди рабочих-строителей Карагандинского металлургического завода 1—3 августа 1959 г., возмущенных безобразным питанием, отсутствием элементарных жилищных условий. Но события в Новочеркасске имеют особое значение. Залпы в Новочеркасске озаменовали провал сельскохозяйственной политики КПСС уже через год после принятой третьей Программы КПСС, обещавшей скорое изобилие «нынешнему поколению советских людей».

Весной 1957 г. Н. С. Хрущев провозгласил лозунг: «Догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения». Был намечен конкретный срок осуществления этой задачи — 1960 г. Этот курс был утвержден на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, стал официальным для всего пропагандистского аппарата. Принципиально важным было то, что предполагалось выполнить эту задачу почти исключительно за счет развития общественного, колхозно-совхозного производства. Более того, во второй половине 50-х гг. происходит насильственное перераспределение ресурсов в сельском хозяйстве, новый этап «раскрестьянивания» крестьян, лишения их средств производства — земли и скота.

Поистине катастрофический характер имело постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 20 августа 1958 г. «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Ограничивая остатки личных хозяйств, руководство КПСС настойчиво требовало расширения производства зерна, мяса, молока в совхозах и колхозах. В краях и областях страны начались безудержные приписки, злоупотребления. Их масштабы привели к необходимости принимать многочисленные решения, осуждающие, в частности, партийно-хозяйственное руководство Ставропольского края (в 1959 г.), Курганской, Свердловской, Омской областей, Краснодарского, Хабаровского краев (в 1960 г.), Кировской области и Татарской АССР — в 1961 г.

Вместе с тем к началу 60-х гг. стала ясна не только несбыточность планов довести производство сельскохозяйственной продукции до европейских и американских стандартов, но началось сокращение душевого потребления мяса, молока, масла. Возникла необходимость вводить рационирование продуктов. К этому выводу пришли и авторы постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 12 октября 1961 г. «О ресурсах продуктов животноводства для снабжения населения в 4 квартале 1961 г.».

Решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о повышении цен на мясо, молоко и масло, по свидетельству аппарата КГБ, немедленно повлекло выступления в Риге, Киеве, Челябинске, призывы к забастовкам раздавались в Иванове, Магнитогорске, Владимирской области, Тамбове, Челябинске, Донецке, Ленинграде. Очевидным свидетельством провала всей внутренней политики Хрущева стали события в Новочеркасске. Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что они стали одной из причин, толкавших партийный аппарат избавиться от ставшего непопулярным во всех слоях общества руководителя партии и правительства.

Публикуемые документы высвечивают события с одной стороны — авторами их были партийные работники или высокопоставленные сотрудники КГБ. И они были озабочены не столько анализом причин, которые привели к массовым выступлениям, сколько тем, чтобы с выгодной стороны показать свою роль в ликвидации «беспорядков», снять с себя ответственность, выстроить тенденциозную, но выгодную для КПСС версию событий. Отсюда возникают поиски среди организаторов выступлений «уголовных элементов», противопоставляемых «сознательным рабочим». Но в документах не отмечено ни одного случая грабежа, попыток захвата чужой собственности. Несмотря на отдельные эксцессы, участники выступлений не стремились к насилию. Власти смогли предъявить лишь два обвинения в попытках завладеть оружием. При этом один из осужденных решительно отверг его в ходе судебного заседания, а другой был убит и потому не мог ни признать этого обвинения, ни отвергнуть его. Видимо, понимая шаткость версии случившегося как действий «хулиганствующих элементов», властями было сделано все возможное, чтобы скрыть происшедшее, в том числе и кладнокроевое убийство десятков человек. Даже трупы расстрелянных рабочих были захоронены тайно на различных кладбищах Ростовской области. Но память об этих событиях сохранилась, а публикуемые документы позволяют показать их в деталях.

Документы находятся в Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ).

Публикацию подготовили доктор исторических наук Р. Г. ПИХОЯ, кандидаты исторических наук Н. А. КРИВОВА и С. В. ПОПОВ. В подготовке примечаний принимала участие Н. Я. ЕМЕЛЬЯНЕНКО (г. Ростов-на-Дону).

№ 1

Информация

заместителя Председателя КГБ при СМ СССР

**П. И. Ивашутина в ЦК КПСС о реагировании населения
на постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 31 мая 1962 г.***

1 июня 1962 г.

Особая папка

№ 1050

Совершенно секретно

Докладываю о реагировании населения на решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о некотором повышении цен на мясо, мясные продукты и масло¹.

В целом по стране населением это решение воспринято правильно. Основной смысл высказываний лиц, одобряющих данное мероприятие Советского правительства, сводится к тому, что будут снижены цены на рынке и при наличии мясных и молочных продуктов в магазинах повысится обеспеченность ими населения.

Во второй половине 1 июня эти настроения во многих городах страны (Ленинград, Новосибирск, Казань, Днепропетровск, Киев, Минск, Горький и др.) стали преобладающими.

Особенно одобряется решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР сельским населением страны.

Положительно также советские граждане высказываются по поводу самой формы обращения к народу с откровенным объяснением причин, вызвавших необходимость повышения цен.

* На бланке КГБ при СМ СССР. На полях документа имеются визы М. А. Сулова, О. В. Куусинена, Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, Д. С. Полянского, А. И. Микояна, Л. Ф. Ильичева, А. Н. Косыгина, Н. М. Шверника.

Многие студенты Киевского государственного университета, например, заявляют, что обращение ЦК КПСС к народу² — хорошая форма и многим местным руководителям следует с этого брать пример.

Вместе с тем имели место и нежелательные проявления.

Так, рабочие сталелитейного цеха Электровозостроительного завода в гор. Новочеркасске³ (около 200 человек) в 10 часов утра прекратили работу и потребовали повышения расценок. Несмотря на проводимую разъяснительную работу, в 11 часов, во время обеденного перерыва, они направились к заводууправлению с целью изложить те же требования. По дороге к рабочим присоединилась толпа и около заводууправления сосредоточилось до 1000 рабочих завода, который по существу прекратил работу.

В 12 часов дня хулитаны из этой толпы, разобрав забор, преградили им путь пассажирскому поезду, следовавшему из Саратова в Ростов. Они высадили машиниста поезда, отказавшегося давать сигналы тревоги, и стали делать это сами. Вскоре у поезда собралось до 2000 человек. На вагонах поезда появились надписи: «Мяса, масла, повышения зарплат!». До 16 часов толпа почти не расходилась и выставленными пикетами преграждала движение поезда. Около 16 часов поезд удалось вывести на станцию Локомотивстрой, в трех километрах от завода.

В результате разъяснительной работы партийного актива и коммунистов после 16 часов мелкими группами толпа начала расходиться, но затем вторая смена завода также прекратила работу. Часть рабочих разошлась по домам, другие присоединились к бастующим.

Разъяснительная работа продолжается. Однако начали действовать хулиганские элементы. Они избili двух рабочих и призывают совершать погромы. Приняты меры к наведению порядка.

В ряде городов отмечены случаи появления отдельных антисоветских листовок и надписей.

В частности, в гор. Москве на одном из домов по улице Горького преступником была наклеена листовка с надписью: «Сегодня повышение цен, а что нас ждет завтра?».

На Сиреневом бульваре наклеена листовка с призывом к рабочим «бороться за свои права и снижение цен».

На платформе станции Победа Киевской железной дороги учинена надпись с клеветническими измышлениями в адрес Советского правительства и требованием снизить цены на продукты.

В гор. Донецке на телеграфном столбе была приклеена листовка с надписью: «Нас обманывали и обманывают. Будем бороться за справедливость».

Аналогичного содержания надпись была обнаружена на заводе шахтного оборудования в гор. Днепропетровске.

Появление антисоветских листовок зафиксировано также в гг. Павлово-Посаде и Загорске Московской области и одной листовки в Ленинском районе гор. Ленинграда.

Рабочий предприятия п/я № 20 в гор. Выборге Карпов, 1935 года рождения, беспартийный, в 8 часов прикрепил к себе на грудь надпись: «Долой новые цены». Он пытался пройти с этой надписью по городу. Однако вскоре был задержан военнотружущим.

Имеют место также антисоветские высказывания.

В гор. Тбилиси, например, ряд лиц высказывались в том духе, что принятое решение якобы свидетельствует о крахе экономической политики.

Рабочая завода «Сиблитмаш» в гор. Новосибирске Мешкова, 1937 года рождения, заявила, что «надо поднимать рабочих на протест против новых цен», она получила отпор со стороны актива.

В аналогичном духе высказывались отдельные лица в городах Ленинграде, Днепропетровске и Грозном.

Зафиксированы различного рода обывательские суждения. Основной смысл этих суждений сводится к тому, что, может быть, следовало бы сохранить цены и снизить зарплату высокооплачиваемым лицам, отказаться от помощи слаборазвитым, социалистическим странам или найти какие-то другие пути решения этой проблемы.

Комитетом госбезопасности усилена работа по выявлению враждебных элементов и предотвращению антиобщественных проявлений.

*Заместитель Председателя
Комитета госбезопасности*

*П. Ивашутин*⁴

АПРФ. Ф. 3. ОП. 58. Д. 211. Л. 89—91. Подлинник.

№ 2

Информация Председателя КГБ при СМ СССР В. Е. Семичастного в ЦК КПСС о реагировании населения на постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 31 мая 1962 г.*

2 июня 1962 г.

Особая папка

№ 1351—С

Совершенно секретно

В дополнение к ранее представленной информации докладываю поступившие в Комитет госбезопасности данные о реагировании населения на решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о некотором повышении цен на мясо, мясные продукты и масло.

Нежелательные проявления продолжают иметь место в гор. Новочеркасске на электровозном заводе. Примерно к трем часам ночи 2 июня после вмешательства воинских частей толпу, насчитывавшую к тому времени около четырех-пяти тысяч человек, удалось вытеснить с территории завода, и постепенно она рассеялась. Завод был взят под военную охрану, в городе установлен комендантский час. Двадцать два зачинщика были задержаны, но после опросов двадцать из них освобождены, с тем чтобы не вызвать лишних осложнений. Два зачинщика содержатся под стражей в гор. Шахты. Спокойная обстановка сохранялась до 7.30 часов.

К восьми часам первая смена, за исключением трех цехов, приступила к работе, но затем под влиянием дезорганизаторских элементов прекратила ее (сначала два цеха, а затем и остальные, кроме инструментального, ремонтно-механического и электроцехов).

К 9 часам толпа до пяти тысяч человек собралась у заводоуправления и около тысячи человек — на территории завода и вновь начала митинговать. В это же время прекратили работу около 400 рабочих завода Нефтемаш⁵. Они покинули предприятие, заявляя, что не могут работать под дулами пушек, а сто человек из них прорвались на территорию завода № 17 и там нашли поддержку среди некоторых рабочих.

* На бланке КГБ при СМ СССР. На полях документа имеются визы М. А. Сулова, О. В. Куусинена, Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, Д. С. Полянского, А. И. Микояна, Л. Ф. Ильичева, А. Н. Косыгина, Н. М. Шверника.

В 9 часов 50 минут все волынщики (около 5000 человек) покинули территорию заводов и двинулись в сторону гор. Новочеркаска, просочившись через первый танковый заслон. Впереди основной колонны они несут портрет В. И. Ленина и живые цветы.

В других районах страны обстановка спокойная. Многие советские люди одобрительно отзываются о решении партии и правительства, говорят, что это нужное и хорошее мероприятие.

Слесарь депо станции Курск Токарев во время чтения обращения ЦК КПСС и Совета Министров СССР к советскому народу подчеркнул: «Хорошее мероприятие. Главное у нас — дешевые хлеб, сахар, мука, крупа и другие продукты. Что же касается увеличения цен на масло и мясо, то это временное явление. Когда их в стране будет больше, цены сразу снизят».

Мастер завода передвижных агрегатов Евдокимов (Курск) заявил: «Очень хорошо, что наше правительство не скрывает от народа временных трудностей. Когда мы поднимали промышленность, упустили вопросы развития сельского хозяйства. Надо было бы давно провести это мероприятие, тогда не было бы разрыва в ценах».

Рабочая московского метро Костромицкая подчеркнула: «Эта жертва не так велика. Можно поступиться и еще кое-чем, лишь бы не было войны».

Начальник отдела предприятия п/я 1497 Бурачков сказал: «Это нужное дело, так как необходимо поднять благосостояние крестьян».

Уборщица Зиброва (Москва) отметила: «Такое мероприятие правительства, видимо, вызвано сложной обстановкой. Значит, так нужно. То я покупала килограмм колбасы, буду покупать меньше. От этого не умрем».

Курьер вагонного завода (Торжок) Виноградова заявила: «31 мая, услышав о предстоящем повышении цен на продукты, я очень расстроилась. Но прослушав обращение к народу, поняла, что это необходимо. То, что намечено, будет, в конце концов, способствовать улучшению жизни народа». При этом Виноградова выразила свое удовлетворение тем, что партия и правительство «по-простому, откровенно обратились к народу и разъяснили положение с продуктами».

Работники станции Калинин Зверев, Бачкова, Иванова и ряд других в беседе между собой высказались в том духе, что им жить будет труднее, но это ничего, лишь бы не было войны.

Наряду с этим имеют место политически не правильные, обывательского и враждебного характера высказывания.

Дежурная по перрону Павелецкого вокзала Михайлова говорила: «Неправильно было принято постановление о запрещении иметь в пригородных поселках и некоторых селах скот. Если бы разрешили рабочим и крестьянам иметь скот и разводить его, то этого бы не случилось, мясных продуктов было бы сейчас достаточно».

Бригадир механической мастерской Всесоюзного электротехнического института имени Ленина Зонов сказал: «Индивидуальных коров порезали, телят не растят. Откуда же будет мясо? Тут какой-то просчет».

Аппаратчик Московского завода утлекислоты Азовский заявил: «Наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим нечего есть. Вот теперь за счет рабочих хотят выйти из создавшегося положения».

Заслуженный артист РСФСР Заславский⁶ сказал: «Мы от этого мероприятия не умрем, но стыдно перед границей. Хоть бы молчали, что мы уже обгоняем Америку⁷. Противно слушать наш громкоговорятель целый день о том, что мы, мы, мы. Все это беспредельное хвастовство».

Преподавательница английского языка Белиловская отметила: «Не знаю, что мне говорить членам кружка, где я провожу занятия. Все

время в беседах со слушателями я опиралась на нашу чудесную программу, говорила о непрерывном росте благосостояния трудящихся. Что же я буду говорить теперь? Мне просто перестанут верить».

Старший инженер Главмоспромстройматериалы Местечкин заявил: «Все плохое валят на Сталина, говорят, что его политика развалила сельское хозяйство. Но неужели за то время, которое прошло после его смерти, нельзя было восстановить сельское хозяйство? Нет, в его развале лежат более глубокие корни, о которых, очевидно, говорить нельзя».

Работница Ивановского хлопчатобумажного комбината Жаворонкова в разговоре с ткачихами призывала: «Хватит заниматься разговорами. Надо организовать и остановить станки».

Работающие конструкторами на Магнитогорском металлургическом заводе Симонова и Андреева высказались в том смысле, что если бы рабочие по примеру Запада забастовали, то сразу бы отменили повышение цен.

Швея трикотажной фабрики «Спартак» (Владимирская область) Елисеева призывала рабочих бунтовать. Присутствовавшие рабочие дали ей должный отпор.

В Тамбове, Челябинске, Донецке имели место случаи распространения листовок и учинения надписей с призывами против Советского правительства.

В Октябрьском районе Ленинграда было обнаружено 9 плакатов антисоветского содержания.

Председатель Комитета госбезопасности В. Семичастный⁸

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 92—95. Подлинник.

№ 3

**Информация
председателя КГБ при СМ СССР В. Е. Семичастного
в ЦК КПСС о дополнительно поступивших в КГБ
при СМ СССР данных о реагировании отдельных лиц
на постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 31 мая 1962 г.***

2 июня 1962 г.

Особая папка

№ 1358—С

Совершенно секретно

Докладываю о дополнительно поступивших в Комитет госбезопасности данных о реагировании отдельных лиц на решение о повышении цен.

В ночь на 2 июня на железнодорожных путях станции Челябинск было разбросано девять листовок с текстом: «Долой позорное решение правительства. С 4-го забастовка».

* На бланке КГБ при СМ СССР. На полях документа имеются визы М. А. Сулова, О. В. Куусинена, Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, Д. С. Полянского, А. И. Микояна, А. Н. Косыгина, Н. М. Шверника.

2 июня в гор. Могоча (Читинская область) обнаружено пять листовок, содержащих выпад против одного из руководителей партии и правительства.

Аналогичного содержания была учинена надпись на стене в помещении КБ-1 (гор. Москва).

Наряду с этим имеют место подстрекательские и злобные антисоветские высказывания со стороны отдельных лиц.

Рабочий Петровск-Забайкальского металлургического завода (Читинская область) Тимофеев при обсуждении обращения ЦК КПСС и Совета Министров СССР заявил группе рабочих в количестве 100 человек: «Нужно иметь автомат и перестрелять всех...»

Сотрудник аэропорта Внуково Лапин сказал: «Нужно собраться на Красной площади и потребовать отмены постановления о повышении цен на продукты».

Помощник машиниста станции Нижний Тагил Мазур в присутствии большого скопления рабочих говорил: «Условия жизни ухудшаются, зарплату снижают, а цены повышают. При нынешнем правительстве хорошего ждать нечего. Необходимо сделать забастовку и потребовать улучшения жизненных условий». Рабочие дали достойный отпор Мазуру.

Работница торгового киоска на станции Хабаровск Сазанова в разговоре с другими гражданами заявила: «Вы — коммунисты, что же молчите? Власть народная, давайте делайте переворот!»

Рабочий военностроительного подразделения (гор. Грозный) Касаев, говоря о повышении цен, сказал, что «нужно поднимать бунт».

Инспектор по кадрам объединения «Машприборинторга» (гор. Москва) Романова сказала: «Это возмутительный факт, продолжение истории с займами⁹. Государство обдирает народ. Мало того, что подорожали товары широкого потребления, повышаются еще цены и на продовольствие. Я думаю, что непременно будут иметь место забастовки рабочих на крупных предприятиях в Ленинграде и Москве».

Инженер завода имени Фрунзе (гор. Пенза) Гуков заявил: «В Америке два миллиона голодных, а у нас будет их 200 миллионов. Кормим всех друзей, а себя прокормить не можем».

Шофер строительной организации Архангельской области Колесник говорил: «Жизнь становится все хуже и хуже. Правильно сделает Кеннеди, если сбросит на Советский Союз атомную бомбу».

Старший техник предприятия почтовый ящик 2429 (гор. Москва) Булычев сказал: «Как же верить теперь нашим официальным заявлениям, если на лекции о международном положении лектор говорил нам о том, что слухи о повышении цен в СССР — это враждебная пропаганда, распространяемая радиостанцией Би-Би-Си, а оказалось, что Би-Би-Си была права».

Председатель Комитета госбезопасности

В. Семичастный

№ 4

**Информация
Председателя КГБ при СМ СССР В. Е. Семичастного
в ЦК КПСС о враждебных проявлениях
в отдельных районах страны
в связи с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР
от 31 мая 1962 г.***

3 июня 1962 г.

Особая папка

№ 1364—С

Совершенно секретно

В дополнение к ранее представленной информации докладываю поступившие в Комитет госбезопасности данные о враждебных проявлениях в отдельных районах страны в связи с решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР о некотором повышении цен на мясо, мясные продукты и масло.

1 июня в Риге Мизитис, 1922 года рождения, ранее привлекавшийся к уголовной ответственности, собрав у памятника В. И. Ленина толпу в несколько десятков человек, выкрикивал антисоветские измышления. Мизитис арестован.

В рабочем поселке судостроительного завода (г. Херсон) 2 июня обнаружен лист металла размером 25×36 сантиметров, толщиной 5 миллиметров, на котором электросваркой большими буквами сделана надпись: «Граждане, не покупайте мясных изделий до кризиса». На обороте листа таким же способом учинена злобная надпись в адрес одного из руководителей партии и Советского правительства.

1 июня в гор. Киеве обнаружены две антисоветские листовки, содержащие призыв к организации митингов протеста против постановления о повышении цен.

Утром 2 июня на заборе в гор. Измаиле была найдена листовка с призывом к рабочим и служащим бастовать против повышения цен.

Вечером 2 июня на телеграфном столбе в гор. Чусовой (Пермская область) обнаружена листовка с надписью: «Кушайте суп с опилками, закусывайте углем».

На одном из заборов в Минске 2 июня была учинена надпись клеветнического содержания.

Антисоветская надпись была сделана также 3 июня на цокольной части одного из жилых зданий в гор. Красноярске.

Ночью 2 июня на окраине гор. Рассказово (Тамбовская область) на асфальтовой дороге обнаружены четыре надписи злобного антисоветского характера в адрес одного из руководителей партии и правительства.

В ремонтном цехе Тамбовского паровозного депо рабочий Плотников ночью 1 июня надписал мелом на прикрепленной к стене металлической табличке, призывающей соблюдать правила техники безопасности: «Требуем повышения зарплаты».

1 июня студент первого курса Московского химико-технологического института имени Менделеева Пшыбыш на листе бумаги написал: «Забастовка! Денег нет. Жрать не на что. В институт не иду». Этот

* На бланке КГБ при СМ СССР. На полях документа имеются визы М. А. Суслова, О. В. Куусинена, Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, Д. С. Полянского, А. И. Микояна, Л. Ф. Ильичева, А. Н. Косыгина, Н. М. Шверника.

лист он прикрепил на стене общежития (Балтийский переулок). В беседе с работником КГБ Пшыбышш заявил, что он это сделал необдуманно и раскаивается.

Имели место также факты распространения отдельных антисоветских листовок в Ленинск-Кузнецке (Кемеровская область) и в гор. Хмельницком.

1 июня слесарь литейного цеха завода имени Октябрьской революции (гор. Минск) Комоцкий склонял рабочих своей смены прекратить работу. При этом он заявил: «Надо бить коммунистов, они довели до такого состояния, что начали повышать цены на продовольствие». Присутствовавшие рабочие дали должный отпор Комоцкому.

31 мая шлифовщик предприятия № 69 Чуркин (гор. Горький) на реплику рабочего Рыльского о возможном повышении цен в присутствии рабочего Петрова заявил: «Я считаю, что если так будет, то надо всем рабочим написать плакаты и пойти к обкому партии». Петров поддержал Чуркина, сказав: «Хочешь, не хочешь — пойдешь, ведь зарботки снижают, а жить надо».

В группе рабочих одного из стройуправлений треста «Химстрой» (гор. Кемерово) при обсуждении обращения ЦК КПСС и Советского правительства раздавались выкрики: «Все продукты раздают другим странам, а свои рабочие голодают. Надо пойти к первому секретарю обкома партии и выразить протест против этого решения».

Слесарь Ново-Вятского домостроительного комбината (Кировская область) Пеньков высказал террористическую угрозу в отношении одного из руководителей партии и Советского правительства.

Управлением Комитета госбезопасности Одесской области получены данные о том, что некоторые грузчики Ильичевского порта настроены не разгружать иностранные пароходы. Приняты необходимые меры.

В цехе № 10 завода имени Калинина (гор. Пермь) отдельные лица подстрекали рабочих не выходить в понедельник на работу. Работница этого цеха депутат Городского Совета Боброва заявила: «Нигде нет правды. Никому из начальства верить нельзя».

Органами госбезопасности приняты меры к выявлению авторов антисоветских листовок и надписей, документации факторов враждебных проявлений и привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших такие действия, а также к предотвращению нежелательных антиобщественных действий.

Председатель Комитета госбезопасности В. Семичастный

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 98—100. Подлинник.

№ 5

Выступление секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС Ф. Р. Козлова¹⁰ по местному радио Новочеркаска 3 июня 1962 г.

Дорогие товарищи!

Граждане города Новочеркаска!

По поручению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства мы прибыли в ваш город для того, чтобы на месте выяснить обстоятельства, вызвавшие беспорядки и нарушения нормальной жизни города.

Можете быть уверенными, товарищи, что мы разберемся в причинах, которые привели к такому серьезному положению. Но уже сейчас можно сказать, что подстрекателями беспорядков являются хулиганствующие элементы, действия которых осложнили обстановку и привели к весьма нежелательным последствиям. Честные советские люди не могут выступать застрельщиками погромов на предприятиях и в учреждениях, нападать на представителей Советской власти и общественных организаций, останавливать поездку на железной дороге, призывать и даже принуждать рабочих бросать свою работу, нарушать жизнь города.

Разве не очевидно, что такие действия направлены против интересов народа и государства. Они являются грубым нарушением советских законов. Так поступают только люди, которые преследуют не благо народа, а иные — корыстные цели, или люди, поддавшиеся на удочку провокаторов.

Возникает вопрос: как могло случиться, что некоторая часть рабочих, главным образом с электровозостроительного завода имени Буденного, бросила работу и приняла участие в организации беспорядков? За кем пошли эти рабочие?

Вчера мы приняли группу представителей, выделенных вами, беседовали с ними. Они поставили вопрос о порядке в городе и на предприятиях. Они согласились с нами, что необходимо незамедлительно восстановить нормальный порядок. Они попросили нас выступить по местному радио и выразить наше отношение к беспорядкам, которые чинят хулиганствующие элементы. Товарищ Микоян¹¹, как вам известно, выступал вчера по радио и разъяснял наше отношение к беспорядкам и призывал к тому, чтобы разойтись по домам и приступить к работе, нормализовать положение в городе. Большинство жителей с пониманием отнеслось к этому призыву, многие люди, находившиеся на улицах, слушали это выступление. Однако провокаторские элементы мешали этому, свистели и кричали, пытались перерезать провода радиотрансляции. После выступления товарища Микояна большая часть граждан, находившихся на улицах, разошлась по домам. Но хулиганы и провокаторы продолжали вносить дезорганизацию в нормальную жизнь населения.

После беседы с нами ее участники вернулись на улицу и пытались рассказать собравшимся о встрече с нами. Однако хулиганы не давали им возможности говорить.

Группа представителей, которую мы принимали, заявила, что прекращение работы на заводе Буденного и участие рабочих этого предприятия в беспорядках объясняется недостатками в нормировании труда, в работе торговой сети, а также повышением розничных цен на мясо и мясопродукты.

Конечно, недостатки в нормировании труда, в организации торговли продуктами питания могут быть, но разве это является основанием для дезорганизации производства и жизни города?

Мы ответственно заявляем, что тщательно разберемся на месте с недостатками в установлении расценок на этих предприятиях, примем меры к улучшению торговли продуктами питания и товарами широкого потребления.

Что же касается повышения цен на мясо и мясопродукты, то мы должны заявить, что это постановление Центрального Комитета партии и Советского правительства было совершенно необходимым и будет неуклонно проводиться в жизнь.

Теперь уже хорошо известно, что рабочий класс Москвы и Ленинграда, Горького и Свердловска, Донбасса и Сибири, Средней Азии и Прибалтики, всех больших и малых промышленных районов

страны, все советские люди встретили с пониманием и полностью поддерживают указанные мероприятия партии и правительства.

Мы с удовлетворением отмечаем, что большинство рабочих и служащих, студенты и преподаватели Новочеркаска также правильно поняли политику нашей партии и правительства. Они не поддержали дезорганизаторов, не пошли за ними. И только некоторая часть рабочих завода имени Буденного не разобралась в сущности проводимых мероприятий и поддалась на удочку нечестных элементов¹².

Вчера в Москве в своей речи, которая передавалась по радио¹³, Н. С. Хрущев с большой убедительностью, с присущей ему прямоотой объяснил, почему партия и правительство приняли решение о повышении цен на мясо и мясные продукты.

Конечно, очень приятно подписать постановление о снижении цен — это вызвало бы только похвалу и одобрение действий правительства. Нелегко и неприятно принимать постановление о повышении цен на мясо и мясные продукты, зная, что это решение не вызовет восторга у горожан.

Прежде чем принимать такое решение, ЦК и правительство не один раз обдумали и взвесили все обстоятельства, связанные с повышением цен, учитывали, что эта мера вызовет некоторые издержки в бюджете городского населения. Словом, мы принимали это решение с болью в сердце. Однако партия и правительство пошли на этот шаг. Почему? Потому что эти мероприятия партии и правительства — это единственно правильный путь, обеспечивающий подъем животноводства в стране, изобилие сельскохозяйственных продуктов.

Это мероприятие продиктовано заботой об улучшении благосостояния народа. Для того, чтобы завтра иметь в достатке мясо, масло, молоко, для того, чтобы завтра жить лучше, сегодня приходится идти на известные издержки.

Для подъема животноводства, для мощного развития сельского хозяйства нужны средства и немалые. Они нужны для усиления механизации, повышения производительности труда и снижения себестоимости продуктов сельского хозяйства. Они нужны, чтобы повысить материальную заинтересованность колхозников и рабочих совхозов в результатах своего труда.

Где же взять эти средства? Сократить вложения в нашу промышленность и строительство жилищ? Но промышленность и жилищное строительство — это основа основ развития всего нашего народного хозяйства и роста благосостояния народа. Разве можно разрушать эту основу? Ни один честный человек не пожелает этого. Только враги Советского Союза хотели бы видеть нашу страну ослабленной, неспособной постоять за свою честь, свободу и независимость.

Вы знаете, товарищи, что высокоразвитая промышленность — это основа оборонного могущества нашего государства, прочности его вооруженных сил, готовых в любую минуту дать сокрушительный отпор любому агрессору.

Мы не можем забывать тех тяжелых жертв, которые принесла нам фашистская агрессия в период Великой Отечественной войны. Мы не можем забывать о том, что империалисты снова грозят советскому народу войной, которая может принести действительно неисчислимые жертвы.

Разве можем мы в этих условиях сокращать ассигнования на нашу промышленность и на нашу оборону? Для того, чтобы сохранить мир, для того, чтобы советские люди пользовались благами мира и спокойно трудились во имя своего счастья, нужно не ослаблять наших усилий как по развитию промышленности, так и по укреплению обороны.

Товарищи! Если партия и правительство не примут меры по укреплению сельского хозяйства в настоящее время, то наши трудности будут возрастать и могут привести к тяжелым последствиям. Поэтому необходимо провести мероприятия, связанные с повышением цен, но эти меры временные и они в ближайшие год-два принесут хорошие результаты и мы добьемся в нашей стране изобилия продуктов питания, снижения цен и повышения жизненного уровня.

Решить эту задачу мы можем и должны общими усилиями каждого рабочего и служащего, каждого колхозника и колхозницы, усилиями всех советских людей.

Некоторые несознательные рабочие вашего города, поддавшись на провокации хулиганствующих элементов, бросили работу, дезорганизуют жизнь города, приносят ущерб государству. Мы хотели бы напомнить вам, дорогие товарищи, что предприятия, на которых вы работаете — это ваши предприятия, государство, в котором вы живете — это ваше государство. Вы приносите своими несознательными действиями ущерб своему государству, а, стало быть, самим себе. Можно ли дальше терпеть такие безобразия, можно ли мириться с тем, чтобы небольшие группы хулиганов, пьяниц и провокаторов вели за собой некоторое число людей, видимо, не понявших, на какой опасный путь толкают их подстрекатели беспорядков? Нет, нельзя мириться с этим.

Отдельные люди, потерявшие контроль над своими поступками и действиями, создали такую обстановку произвола и беззаконий, когда власти вынуждены были ввести в город воинские части, объявить комендантский час и другие серьезные меры охраны общественного порядка.

Как можно в наших условиях подлинно всенародной социалистической демократии, в условиях, когда так велика роль всех общественных организаций рабочего класса, путем выкриков, анархических действий говорить о важных политических вопросах?

В таких условиях кроме разжигания ненужных страстей и незаконных поступков, позорящих достоинство советского человека, ничего хорошего нельзя достигнуть.

Сила советского рабочего класса в его организованности, в его дисциплинированности, в его преданности делу строительства коммунизма. У нашего рабочего класса есть свои общественные организации, есть свое государство, есть своя родная партия, вся деятельность которой направлена на счастье и благо народа.

Вчера и сегодня мы побывали на предприятиях¹⁴, на которых рабочие добросовестно трудятся, выполняют производственный план. На предприятиях и на улицах города мы беседовали с рабочими, жителями Новочеркасска. Подавляющее большинство из них с пониманием относится к мероприятиям партии и правительства и осуждает действия людей, которые дезорганизуют нормальную жизнь города.

Товарищи, необходимо покончить с беспорядками в городе, приступить к работе на своих предприятиях. Надо решительно призвать к порядку, изолировать и обуздать провокаторские элементы, полностью восстановить нормальную жизнь в городе и работу всех предприятий и учреждений.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза выражает уверенность, что рабочий класс, все трудящиеся города Новочеркасска покажут в этот ответственный момент понимание обстановки, необходимость выполнения требований и указаний властей о наведении порядка в городе.

Центральный Комитет партии призывает коммунистов, комсомольцев, рабочих, служащих, женщин и молодежь, всех жителей города к честному труду, к порядку и организованности.

Необходимо кончать с дезорганизацией порядка в городе, не осложнять обстановку, разойтись всем по домам и предприятиям, приступить завтра к работе. Нормальный порядок в городе, несмотря ни на что, будет восстановлен.

За работу, товарищи!

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 101—107. Подлинник.

№ 6

Информация заместителя Председателя КГБ при СМ СССР П. И. Ивашутина в ЦК КПСС о массовых беспорядках в г. Новочеркасске*

7 июня 1962 г.

Особая папка

Совершенно секретно

Докладываю, что с 1 по 3 июня 1962 года на Новочеркасском электровозостроительном заводе, а затем в г. Новочеркасске происходили массовые беспорядки, возникшие во время опубликования Обращения ЦК КПСС и Совета Министров СССР в связи с повышением закупочных и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло.

Указанные события возникли при следующих обстоятельствах: 1 июня 1962 года в 7-30 утра группа формовщиков сталелитейного цеха завода в количестве 8—10 человек начала обсуждать решение Правительства о повышении закупочных и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло.

Находившийся в цехе заведующий промышленным отделом обкома КПСС тов. Бузаев¹⁵ стал разъяснять рабочим Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР. К этой группе подошли другие рабочие, оставив свои участки работы. Их собралось около 20—25 человек.

Начальник цеха тов. Чернышков, подойдя к рабочим, стал призывать их закончить обсуждение в рабочее время и приступить к работе. Однако последние его не послушали и вышли из цеха в заводской сквер, где продолжали активные дискуссии, носившие уже провокационный характер.

К рабочим, находящимся за пределами цехов, пришел директор завода тов. Курочкин¹⁶ и начал уговаривать рабочих разойтись по своим местам.

Рабочие других цехов завода, узнав о выступлении тов. Курочкина, начали бросать работу и подходить к месту беседы.

Собравшиеся в сквере рабочие высказывали в адрес дирекции ряд претензий о ненормальных условиях труда в цехе, об отсутствии на заводе техники безопасности, о плохих бытовых условиях и низких заработках. Беседа между рабочими и директором проходила очень напряженно, с отдельными хулиганскими выкриками и оскорблениями.

Следует отметить, что на заводе до указанных событий имели уже место факты, когда некоторые рабочие кузово-сборочного цеха

* На бланке КГБ при СМ СССР. На документе имеется помета: «Козловым устно доложено Президиуму ЦК 10 июня 1962 г.».

приходили на завод, но в течение трех дней не приступали к работе, требуя от дирекции улучшения условий труда. Из-за плохой техники безопасности на заводе были случаи отравления 200 рабочих в обмоточно-изоляционном цехе.

В начале 1962 года администрацией завода пересматривались нормы выработки, в результате чего у некоторой категории рабочих понизилась заработная плата до 30%.

Учитывая, что пересмотр норм выработки проводился в разное время (февраль — апрель месяцы), рабочие сталелитейного цеха накануне происходящих событий получили пониженную зарплату и были недовольны этим. В это же время нужной партийно-воспитательной и разъяснительной работы не велось.

О таком неблагоприятном положении — об условиях труда и состоянии заработной платы — на электровозостроительном заводе было известно парткому завода и Новочеркасскому горкому КПСС. Однако, как выяснилось позже, Новочеркасский горком КПСС не оценил создавшейся на заводе обстановки, вовремя не довел до сведения партийного и комсомольского актива о предстоящем повышении цен на отдельные виды продуктов, в связи с чем заводской актив не смог сразу решительно воздействовать на зачинщиков и локализовать начавшиеся беспорядки.

Установлено, что директор завода тов. Курочкин мало заботился о нуждах рабочих, грубо вел себя в коллективе, бюрократически относился к людям, что также способствовало обострению обстановки на заводе.

Тов. Курочкин, во время этих событий, находясь в заводском сквере среди рабочих, не сумел добиться взаимопонимания, вырвался из толпы и ушел в заводоуправление. После ухода директора среди собравшихся рабочих начали раздаваться призывы идти к заводоуправлению. В 11 часов, во время обеденного перерыва, формовщик Удовкин забежал в цех и на листе бумаги написал подстрекательский лозунг. Находившиеся там коммунисты пытались отобрать у него указанный лозунг, но он его изорвал и сжег.

В это же время на территории завода образовалась группа рабочих более ста человек, которая пошла к заводоуправлению. К ним стали присоединяться рабочие других цехов, вышедшие на перерыв. Когда указанная группа рабочих проходила мимо заводоуправления, токарь кузнечного цеха Черных вышел с провокационным лозунгом: «Мяса, молока, повышения зарплаты».

В 11-30 большая толпа людей подошла к заводоуправлению, провралась через проходные двери и вышла на площадь у завода.

В это время на заводе находились секретари горкома КПСС, парткома завода и сотрудники УКГБ, которые пытались воздействовать на недовольных лиц через коммунистов завода и передовых рабочих, но успеха не имели.

На площади у заводоуправления собралась уже толпа в 300—500 человек. Группами они возбужденно обсуждали вопросы о новых ценах на отдельные продукты и о сниженных расценках на выпускаемую заводом продукцию.

Среди собравшихся стали распространяться различные слухи, были подстрекательские и хулиганские возгласы, свист. Собравшиеся перед заводоуправлением рабочие стали вызывать директора завода, выкрикивая различные оскорбления в его адрес. На металлической опоре был вывешен плакат: «Мяса, молока, повышения зарплаты». Обстановка на заводе продолжала накаляться.

После 12 часов проходящий пассажирский поезд Саратов — Ростов толпой был остановлен и движение поездов на этой линии на продолжительное время было прекращено. Ворвавшиеся в будку ма-

шиниста бунтовщики стали подавать гудки, что еще больше усилило приток массы рабочих с завода и прилегающего поселка на помощь.

К этому времени на завод приехали секретарь обкома КПСС тов. Маяков¹⁷, председатель Ростовского облисполкома тов. Заметин¹⁸, председатель совнархоза тов. Иванов¹⁹ и с группой сотрудников УКГБ зам. начальника управления тов. Лазарев²⁰.

На площади собралось более 4000 человек, большинство цехов завода работу прекратили.

В 13 часов возле остановленного поезда продолжалось бурное обсуждение вопроса о повышении цен. Отдельные коммунисты и рабочие, высказывавшиеся за прекращение беспорядков, грубо отталкивались в сторону. В толпе стали появляться пьяные и хулиганствующие лица. С фасада заводоуправления хулиганами на глазах у собравшихся людей был сорван портрет.

Главный инженер завода тов. Елкин²¹ пытался забраться в будку машиниста и прекратить гудки паровоза, но его стащили с лестницы и побили.

В 14—16 часов основная масса толпы находилась на железнодорожном полотне у остановленного поезда.

На тендере паровоза кто-то из числа антисоветски настроенных лиц мелом учинил враждебную надпись.

Прибывшая в 14-40 на завод группа чекистов с начальником областного управления КГБ²² совместно с отдельными коммунистами, комсомольцами, дружинниками и сотрудниками милиции в штатской одежде приняла меры к тому, чтобы расчленив толпу, оттеснить ее от железнодорожного полотна и пропустить поезд.

Принятые меры позволили провести поезд на небольшое расстояние, однако трусость машиниста и затем срыв стоп-крана хулиганствующими элементами не дали возможности пропустить состав. Толпа под влиянием наиболее оголтелых лиц вновь заняла ж. д. путь, по которому движение поездов было невозможным.

Только в 16 часов удалось вытеснить хулиганов из состава, убрать с крыш вагонов и увести поезд в обратном направлении на ст. Локомотивстрой.

К этому времени на завод прибыл первый секретарь обкома КПСС тов. Басов²³.

В 16-20 хулиганствующие элементы переместились к заводоуправлению и, будучи еще более озлоблены, распоясавшись, стали избивать активистов и лиц, пытавшихся уговорить рабочих прекратить беспорядки.

Отдельные руководящие областные и городские партийные работники, прибывшие на завод, находились в кабинете директора в заводоуправлении, не выходили к рабочим и никаких решительных действий, направленных к установлению порядка, не принимали.

Хулиганствующие элементы все более и более нагнали. Кто-то потребовал администрацию. Толпа с криками и свистом ринулась во внутренний двор заводоуправления и через дверь со стороны завода прорвалась к кабинету директора, где находились руководящие партийные и советские работники.

Под различные выкрики толпа требовала выступления их перед собравшимися рабочими на площади.

К 16-30 на балконе заводоуправления были установлены громкоговорители. К микрофону подошли первый секретарь обкома КПСС тов. Басов, председатель Ростовского облисполкома тов. Заметин, первый секретарь Новочеркасского горкома КПСС тов. Логинов²⁴ и директор завода тов. Курочкин.

Толпа замолкла. Собравшиеся ждали выступления. Однако после первых фраз тов. Басова, когда он начал излагать суть Обращения ЦК КПСС, начались выкрики: «Обращение мы читали, сами грамот-

ные, а ты нам скажи, как дальше будем жить, нормы снизили, а цены повысили».

Подошедшему к микрофону затем тов. Заметину выступить не дали, а после того, как начал выступать тов. Курочкин, в стоявших на балконе полетели камни, металлические предметы и была брошена бутылка.

Хулиганы пробрались на балкон и пытались воспользоваться оставленным микрофоном, но не сумели этого сделать, так как провода во-время удалось перерезать. Группы хулиганов проникли в заводоуправление, разыскивая руководящих работников.

Находящиеся в это время среди толпы сотрудники госбезопасности выявляли зачинщиков и негласно их фотографировали.

После этого около двух часов никаких решительных мер по наведению порядка не принималось, на заводе продолжались бесчинства и избияния отдельных коммунистов.

О создавшейся чрезвычайной обстановке было доложено в Президиум ЦК КПСС.

В 18—19 часов была предпринята попытка установить порядок на заводе силами милиции. Прибывший на завод отряд милиции в форме в количестве 200 человек был смят и бежал, а три милиционера избиты.

Проходивший по железной дороге тепловоз был остановлен, и хулиганы начали подавать тревожные гудки.

К исходу дня 1 июня, в 20—21 час, к площади у заводоуправления прибыли 5 автомашин с солдатами и 3 бронетранспортера. Толпа побежала им навстречу, преградила дорогу и остановила эти машины.

В связи с тем, что военное командование в своих действиях проявило нерешительность, офицеры и солдаты указанного воинского подразделения, направленного на завод, в создавшейся обстановке под напором толпы растерялись и действия их были парализованы.

Хулиганские элементы стали всячески издеваться и оскорблять военнослужащих.

На один из бронетранспортеров беспрепятственно влез один из преступников и призывал продолжать беспорядки, а солдат — присоединиться к ним. После этого под свист, выкрики и насмешки толпы машины с солдатами развернулись и уехали обратно.

На площади началось сборище. Выступавшие предлагали продолжать волынку, не расходиться, выделить делегацию к органам власти, которая предъявила бы требования о снижении цен на мясо, мясопродукты и масло и о повышении зарплаты.

Беспорядки все время продолжались. Посланную на завод для выяснения обстановки военную автомашину с рацией толпа перевернула, при этом у одного из солдат была сломана рука.

Через некоторое время к месту сборища вновь было направлено усиленное воинское подразделение, которое толпой было окружено, а затем под свист и хулиганские выкрики отправлено обратно.

Сборища и бесчинства возле завода продолжались. Наиболее активные участники беспорядков призывали направить делегации на другие заводы города с призывом прекратить работу.

В тот же вечер группа наиболее злостных хулиганов в количестве примерно 150 человек направилась на электродный завод²⁵, где взломала ворота, ворвалась на территорию завода и стала принуждать рабочих остановить производство. Однако коммунисты и передовые рабочие электродного завода дали им надлежащий отпор.

Когда группа хулиганов явилась в смесительно-прессовый цех электродного завода и пыталась дезорганизовать его работу, рабочий-коммунист тов. Вьюненко заявил: «Убирайтесь вон из цеха, не допущу здесь бесчинства. Если вы немедленно не уйдете, я не пожалею себя и

взорву цех вместе с вами». После такого заявления рабочего хулиганы немедленно бежали из цеха.

Скопление людей на электровозостроительном заводе продолжалось до глубокой ночи, пока на его территорию не были введены войска.

Следует отметить, что в первый день беспорядков имели место факты избийений коммунистов, сотрудников милиции, офицеров и солдат Советской Армии.

Хулиганы нападали на танки, портили приборы, забрасывали камнями, в результате чего некоторые танкисты были ранены.

С утра 2 июня рабочие пришли на завод к 7 часам, но к работе не приступали и начали группироваться у цехов, оживленно обсуждая происходившие накануне события.

Приступивший к работе электроцех, инструментальный и другие цеха были блокированы хулиганствующими элементами, которые силой выводили рабочих из цехов и заставляли присоединяться к ним.

В 8 утра рабочие сталелитейного цеха направились к новому машинному цеху, а затем пошли в сторону заводоуправления. К ним примкнул ряд рабочих кузовного и других цехов. Сорвав дверь с ворот заводоуправления, толпа двинулась на площадь. В это время проходил железнодорожный поезд. Из толпы к нему бросились хулиганы, остановили его и начали подавать тревожные сигналы.

Движение по железной дороге 2 июня было прекращено. Под влиянием подстрекателей и провокаторов толпа, достав красные знамена и портрет Ленина, в сопровождении детей и женщин направилась в город.

Командование СКВО²⁶ приняло меры по ограждению пути на мосту через реку Тузлов, Несмотря на то, что на мосту в трех местах было сделано ограждение из танков, автомашин и солдат, возмущенная толпа легко прошла через мост и продолжала следовать в город. Шествие продолжалось по ул. Московской через центр города, к горкому КПСС.

По пути в город к ним присоединилась большая группа любопытных, главным образом из числа молодежи, среди которой были уголовные элементы, которые своими провокационными действиями разжигали и накаляли обстановку.

Органы милиции, зная о наличии в городе большого количества лиц, ранее судившихся за уголовные преступления (на 1 июня их было 1586 человек), не приняли своевременно мер, исключаящих их активное участие в беспорядках.

Когда толпа подошла к горкому партии, наиболее озверевшие хулиганы и зачинщики начали бросать камни, палки в двери и окна, сломали сопротивление охраны и проникли во внутрь здания, выбили окна, испортили мебель, срывали портреты и уничтожали их, избивали партийных и советских работников и сотрудников КГБ, находившихся в помещении.

Несколько хулиганов пробрались на балкон и в провокационных целях вывесили красное знамя и выставили портрет В. И. Ленина. Начались выступления активных участников бесчинств с требованием о снижении цен на продукты питания и повышении зарплаты. Некоторые из них выступали по 2—3 раза. Их выступления сопровождалось криками, скандированием, угрозами в адрес коммунистов оскорблениями солдат, в которых бросали палки и камни, и призывами к ним и офицерам примкнуть к преступникам. Одновременно с этим большая группа устремилась к зданию аппарата УКГБ и горотдела милиции.

Вскоре начали раздаваться дикие крики, свист, в окна и двери полетели камни. Несколько человек из собравшихся стали требовать выдачи каких-то арестованных. Затем разъяренные хулиганы взло-

мали входную дверь в милицию и ворвались на первый этаж. Другие стали перелазить через крышу и забор и проникать во двор.

В ходе оказанного им сопротивления и предотвращения захвата секретных документов и оружия произошла рукопашная схватка.

Некоторые хулиганы при нападении были вооружены ножами и палками. Один из ворвавшихся в здание преступников набросился на солдата, выхватил у него автомат и пытался стрелять из него. В связи с этим по нападавшим преступникам был открыт огонь. Часть прорвавшихся лиц была захвачена, остальные из помещения бежали. После того, как попытки захватить аппарат КГБ и милиции не удалось, толпа отошла и направилась снова к горкому КПСС. К этому времени здание горкома было освобождено от хулиганов и оцеплено воинским подразделением. Толпа снова предприняла попытку нападения на солдат с целью их обезоружить.

В связи с этим военнослужащими, находившимися на посту по охране здания горкома КПСС, было применено оружие.

После ликвидации массовых беспорядков подобрано 20 трупов, из них две женщины, которые захоронены в разных местах области. Раненых и получивших увечья насчитывалось около 40 человек, из которых 3 человека умерло.

Для прекращения массовых беспорядков в город были дополнительно введены войска и установлен комендантский час.

Позже по радио было передано выступление А. И. Микояна. В это время хулиганы, преимущественно из молодежи, выкрикивали враждебные и хулиганские лозунги, оскорбляли военнослужащих и требовали снижения цен на мясо и масло.

Особенно большие сборища были у горкома КПСС, аппарата КГБ и милиции. Но с введением комендантского часа участники беспорядков с помощью войск и милиции были разогнаны.

3 июня рано утром отдельные ремонтные рабочие электровозостроительного завода вышли на работу. Затем группами по 2—3 человека некоторые из них стали выходить с завода. В пути к ним присоединялись еще группы по 10—15 человек, которые пешком и автомашинами направлялись в город. К 8 часам утра против здания горотдела милиции и аппарата УКГБ, а также у горкома партии снова стали скапливаться толпы людей. К 9 часам у милиции было около 150 человек. В это время одна женщина начала истерически кричать, что якобы убили ее сына, и это привлекло внимание многих людей, которых собралось на улице до 500 человек. Возбуждение толпы возрастало, она вплотную приблизилась к ограждению солдат, требуя освобождения арестованных.

Для того, чтобы отвлечь внимание толпы и оказать на нее воздействие, были установлены громкоговорители в кино-театре «Победа» и переданы по трансляции записанные накануне на пленку речь тов. А. И. Микояна и приказ командующего округом²⁷ о введении комендантского часа.

С 12 часов дня в городе развернулась активная массовая агитационная работа, которую проводили коммунисты, дружинники, актив из числа рабочих.

В 15-00 по радио выступил тов. Козлов Ф. Р. Его речь была выслушана с большим вниманием. Это явилось переломным моментом в настроении людей, которые постепенно начали расходиться. Однако еще слышались отдельные злые выкрики и угрозы.

К 17 часам в городе был восстановлен порядок.

3 июня Ф. Р. Козлов и А. И. Микоян посетили завод синтетических продуктов²⁸ и провели совещание актива коммунистов электровозостроительного завода.

В связи с введением комендантского часа в ночь с 3 на 4 июня было задержано и проверено около 240 человек.

4 июня электровозостроительный завод приступил к работе. В цеха пришли почти все рабочие и работа проходила нормально. Ночная смена выполнила производственный план на 150%. Обстановка в городе нормализовалась, жизнь стала входить в обычную колею, большинство граждан правильно восприняли обращение представителей ЦК КПСС и Советского правительства.

Рабочие и жители города осуждали провокационные преступные действия участников беспорядков и стали принимать меры по оказанию помощи органам власти в восстановлении порядка.

Повысилась роль коммунистов, общественности, милиции и дружинников.

Необходимо отметить, что в наиболее напряженный период происходивших событий большинство коллективов предприятий продолжали работу и успешно выполняли производственные планы.

Рабочие ряда заводов давали достойный отпор провокаторам и хулиганам, пытавшимся вовлечь их в беспорядки. Так, на завод синтетических продуктов, являющийся коллективом коммунистического труда, утром 2 июня ворвалась группа хулиганов с завода нефтяного машиностроения и пыталась проникнуть в газораспределительную станцию с целью прекращения работы завода и вовлечения его рабочих в шествие к горкому партии.

Рабочие этой станции, возглавляемые передовиками производства тт. Кошкаревым и Зосиным, воспрепятствовали их действиям. Отпор группе хулиганов дали также рабочие парокотельной и турбокомпрессорной станций. В 21 цехе тов. Кузнецова своим примером и достойным отпором подстрекателям оказала положительное воздействие на товарищей. Работница цеха № 3 тов. Власова при попытке оторвать ее от работы заявила подстрекателям: «Вы идите и ешьте мясо, а я войны не хочу!» Не примкнули к провокаторам, несмотря на посылавшиеся к ним «делегации», коллективы предприятий станкостроительного завода²⁹, постоянных магнитов³⁰, завода им. Никольского³¹, керамических труб³² и сельхозмашиностроения³³.

Выступление секретаря ЦК КПСС Ф. Р. Козлова перед коллективом завода им. Никольского было выслушано с большим вниманием. Они заклеили позором лиц, спровоцировавших массовые беспорядки в городе Новочеркасске.

В последующие дни, 5—6—7 июня, были приняты меры к окончательной нормализации жизни города и работы предприятий. Отменен комендантский час, из города выведены прибывшие войска. Восстановлено движение автотранспорта. На заводах, в учреждениях и учебных заведениях по итогам решения городского партийного актива прошли собрания, на которых осуждены преступные действия хулиганских элементов, спровоцировавших беспорядки. Устранен ряд недостатков, имевшихся в торговле, улучшено снабжение населения продуктами питания.

На электровозостроительном заводе проведены некоторые организационные мероприятия, в частности, рабочие положительно восприняли назначение новым директором завода тов. Аброскина³⁴.

Принимаются меры по очищению города и заводов от уголовных элементов, участвовавших в бесчинствах.

За время, прошедшее с момента возникновения беспорядков, задержано подозреваемых и опознанных лиц, принимавших в них участие — 146 человек.

В числе арестованных — Борисов, 1937 года рождения, слесарь «Югогазпроводстрой». В 1953 году был судим за хищения к двум годам ИТЛ. Борисов принимал участие в бесчинствах. 3-го июня, находясь в толпе, высказывал террористические намерения в адрес одного из руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. Он вошел в состав группы, пытавшейся посетить в Новочеркасске

членов Президиума ЦК КПСС. Вел провокационные, подстрекательские разговоры. В ходе следствия Борисов дал признательные показания о своих террористических намерениях и другой преступной деятельности.

Шуваев — 1937 года рождения, повар школы-интерната № 2 г. Новочеркасска. 2 июня Шуваев находился в сборище у здания аппарата КГБ и горотдела милиции, был злобно настроен, призывал толпу вешать коммунистов. Агитировал солдат повернуть оружие против своих офицеров.

Кувардин — 1928 года рождения, ранее судимый, без определенных занятий. Принимал активное участие в нападении 2-го июня на горком КПСС. Ранее Кувардин был известен органам как антисоветски настроенная личность, он пытался установить связь с американским посольством в Москве и др.

Работа по выявлению, опознанию и задержанию активных участников массовых беспорядков **продолжается.**

Имеется в виду в г. Новочеркасске над наиболее активными участниками бесчинств провести открытый судебный процесс.

*Зам. Председателя Комитета
Госбезопасности при Совете
Министров СССР*

Ивашутин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 138—149. Подлинник.

№ 7

Информация Председателя КГБ при СМ СССР В. Е. Семичастного в ЦК КПСС об обстановке в Новочеркасске*

12 июня 1962 г.

Особая папка

№ 1455—С

Совершенно секретно

Докладываю, что обстановка в Новочеркасске полностью нормализовалась и город живет обычной жизнью. Все предприятия, в том числе электровозостроительный завод, работают бесперебойно, выполняют и перевыполняют планы. Улучшилось снабжение населения продуктами.

Положительно повлияли на настроение рабочих и остальных жителей города посещения электровозостроительного завода и других предприятий членами Президиума ЦК КПСС, собрание партийного актива Новочеркасска и последующие собрания на предприятиях и в учреждениях, на которых резко осуждались преступные действия антиобщественных элементов.

Рабочие одобрительно отзываются о назначении директором электровозостроительного завода т. **Аброскина**, который ранее работал директором этого завода и пользовался уважением рабочих. Они довольны тем, что новая администрация завода приняла энергичные меры к устранению недостатков в организации труда, быта и общественного питания рабочих.

* На бланке КГБ при СМ СССР. На полях документа имеются визы М. А. Сулова, О. В. Куусинена, А. И. Микояна, Д. С. Полянского, А. Н. Шелепина.

9 июня рабочие сталелитейного цеха, где началась волынка, и других цехов электровозостроительного завода обратились с письменными и устными заявлениями к администрации с просьбой разрешить им работать в воскресенье, 10 июня, с тем чтобы искупить вину за имевшие место беспорядки. Эта инициатива была одобрена, но рабочим разъяснено, что воскресенье является днем отдыха и его следует использовать по назначению.

Отдельные участники беспорядков, раскаявшись в своих поступках, являются с повинной. Например, 9 июня райотдел милиции Октябрьского поселка посетили учащиеся электромеханического техникума **Васильев** и **Дорогавцев**, оба члены ВЛКСМ, где осудили свое поведение и просили дать им возможность загладить вину.

Комитетом госбезопасности в связи с массовыми беспорядками в Новочеркасск, Ростов, Шахты и Таганрог было командировано 140 оперативных и руководящих работников во главе с заместителями председателя Комитета тт. **Ивашутиным** и **Захаровым**³⁵. Для выявления и пресечения возможных случаев проникновения за границу нежелательных сообщений через радиолюбителей в Новочеркасск и Шахты направлено 5 машин радиоконтрразведывательной службы с радиоприемной и пеленгаторной техникой.

Органами госбезопасности по состоянию на 12 июня выявлено свыше 150 наиболее активных участников беспорядков. Их преступная деятельность документируется с целью привлечения к ответственности. 53 человека из этого числа уже арестовано. Среди них:

Борисов В. П., 1937 года рождения, слесарь «Югогазпроводстрой», в прошлом привлекался к уголовной ответственности, во время беспорядков высказал террористическую угрозу в адрес одного из руководителей КПСС и Советского правительства.

Кувардин В. Г., 1928 года рождения, без определенных занятий, имевший судимость, принимал активное участие в нападении на горком партии. В органы госбезопасности поступили данные о его антисоветских настроениях и намерении установить связь с посольством США в Москве.

Отрошко А. М., 1939 года рождения, монтер линейного технического участка бассейнового управления пути. 2—3 июня он особенно активно бесчинствовал и пытался склонить солдат Советской Армии к неповиновению своему командованию, требовал отвода войск и провоцировал толпу к бесчинствам. Ранее в кругу своих знакомых высказывал антисоветские измышления.

Шуваев В. Г., 1937 года рождения, работал шеф-поваром в столовой школы-интерната, призывал к расправе над советско-партийным активом и офицерами Советской Армии. Высказывал намерение принять личное участие в насильственных действиях. При задержании у него был изъят тесак.

Мокроусов Б. Н., 1923 года рождения, обрубщик станкостроительного завода, входил в состав так называемых делегатов к членам Президиума ЦК КПСС. Во время захвата здания горкома партии антиобщественными элементами выступал перед ними с балкона с провокационными призывами.

За последние дни отмечены отдельные случаи враждебных проявлений.

Среди писем граждан обнаружен анонимный документ под названием «Первый ультиматум», подписанный «Народный комитет». В нем предъявлялось требование допустить родственников к раненым, сообщить место захоронения трупов и содержалась угроза, что в случае невыполнения этого требования будет сообщено иностранцам. Найдена антисоветская листовка в одном из цехов электровозостроительного завода. Установлено, что автором ее является **Богатырева В. М.**, 1941 года рождения, токарь-револьверщик указан-

ного цеха. В этом же цехе обнаружена надпись, содержащая угрозы в адрес начальника цеха; на стене была наклеена антисоветская листовка. На арке по улице Герцена в Новочеркасске была учинена надпись «Да здравствует забастовка!».

Не установленные авторы и исполнители анонимных документов и надписей разыскиваются.

В Новочеркасске убито и умерло от ран в больницах 22 человека. 87 человек посетили больницы города в связи с ранениями и травмами, полученными ими во время беспорядков. Подавляющее большинство этих лиц — молодежь в возрасте 18—25 лет.

Председатель Комитета госбезопасности В. Семичастный

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 199—202. Подлинник.

№ 8

Информация Председателя КГБ при СМ СССР В. Е. Семичастного Н. С. Хрущеву об убитых во время массовых беспорядков в Новочеркасске*

14 июня 1962 г.

Особая папка

№ 1475—С

Совершенно секретно

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Докладываю Вам данные на лиц, убитых во время массовых беспорядков в Новочеркасске. Всего убито 23 человека, из них 18 опознано, личности 5 человек не установлены. Убиты:

Лиманцев Ф. Г., 1917 года рождения, рабочий планово-распределительного бюро сборочного цеха электровозостроительного завода. Он возглавил погром в горкоме партии, призывал граждан идти в горотдел милиции освобождать арестованных.

Федорков В. Ф., 1927 года рождения, рабочий Новочеркасского городского комбината бытового обслуживания. Во главе большой группы лиц ворвался в горотдел милиции, держа в руках древко са-модельного флага.

Тимофеев Ю. Ф., 1940 года рождения, слесарь сборочного цеха электровозостроительного завода.

Драчев В. С., 1941 года рождения, рабочий электровозостроительного завода, ранее судимый.

Вершеник П. Я., 1944 года рождения, токарь новомашинного цеха электровозостроительного завода.

Слепкова Е. И., 24 лет, слесарь электровозостроительного завода.

Гриценко В. Н., 1941 года рождения, слесарь электровозостроительного завода.

Карпенко В. К., 1944 года рождения, фрезеровщик электровозостроительного завода.

* На бланке КГБ при СМ СССР. На документе имеется помета: «Указание т. Н. С. Хрущева: «Ознакомить вкруговую членов Президиума ЦК КПСС и Секретариат ЦК КПСС. 15.06.62» (Подпись неразборчива).

Под пометой имеются визы: Полянского Д. С., Косыгина А. Н., Воронова Г. И., Суслова М.А., Брежнева Л. И., Куусинена О. В., Микояна А. И., Ильичева Л. Ф., Шелепина А. Н., Кириленко А. П., Гришина В. В.

Келеп К. К., 1916 года рождения, временно не работал.

Линник В. П., 1937 года рождения.

Константинов В. В., 1940 года рождения, учащийся технического училища № 7.

Авдеев В. И., 1932 года рождения, токарь завода «Гормаш»³⁶.

Соловьев В. И., 1940 года рождения, учащийся школы механизации сельского хозяйства.

Дьяконов А. Н., 1915 года рождения, заведующий складом завода «Гормаш».

Грибова А. Д., 1922 года рождения, парикмахерша городского комбината бытового обслуживания.

Зверева А. М., 1941 года рождения.

Хитов А. М.

Терлецкий М. Х.

Захоронение трупов произведено на пяти кладбищах области.

Органами госбезопасности совместно с органами прокуратуры и милиции проводятся мероприятия по выявлению наиболее активных участников беспорядков и аресту их. Всего арестовано 49 человек. Среди них:

Макроусов Б. Н., 1923 года рождения, обрубщик станкостроительного завода, в 1942 году был судим за дезертирство, а затем трижды за побеги из лагерей. В 1955 году судим за хищение на 7 лет лишения свободы, но условно досрочно освобожден. Являлся активным организатором нападения на горком партии. Одним из первых ворвался в здание, выступал с балкона и призывал бесчинствующую толпу к активизации действий. Будучи в составе делегации, в беседе с руководителями партии и правительства вел себя дерзко, допускал враждебные выпады и прямые угрозы в их адрес.

Борисов В. П., 1937 года рождения, слесарь «Югогазпроводстроя», в 1953 году был судим за хищение. Являлся активным участником массовых беспорядков, в ходе которых выкрикивал террористические призывы в адрес одного из членов Президиума ЦК КПСС, а впоследствии обменивался мнениями с другими участниками беспорядков о необходимости выйти в эфир с целью сообщить о беспорядках в Новочеркасске.

Коротеев В. Д., 1939 года рождения, в 1958 году судим за квартирную кражу, а в 1960 году — за мелкое хулиганство. До ареста работал художником сталелитейного цеха электровозостроительного завода, 1 июня он вместе со слесарем того же завода **Черных** изготовил и вынес в толпу бесчинствующих лиц у заводоуправления провокационный плакат: «Мяса, масла, повышения зарплаты». **Черных** также арестован.

Зайцев А. Ф., 1927 года рождения, объездчик совхоза, в 1952 году судим за хищение и в 1960 году — за хулиганство, алкоголик. Являясь активным участником массовых беспорядков, нес впереди бесчинствующей толпы флаг, призывал к свержению Советского правительства, бросался под танк.

Щербан Г. М., 1935 года рождения, токарь завода «Нефтемаш». Призывал к беспорядкам рабочих указанного завода, а также завода № 17, где сорвал флаг и с ним шел в составе участников беспорядков к горкому партии. Одним из первых ворвался в здание горкома и ораторствовал с балкона.

Левченко Е. П., 1935 года рождения, охранница СУ-31, в 1959 году судима за хищение. 2 июня она одной из первых ворвалась в здание горкома КПСС, выступала с балкона с провокационными заявлениями о том, что якобы в милиции избивают задержанных, привела толпу к зданию КГБ и милиции и спровоцировала нападение.

Кузнецов М. А., 1930 года рождения, слесарь электродного завода, в 1950 году судим за хищение. 2 июня как участник беспорядков выступал с танка на площади у горкома КПСС и призывал толпу к бесчинствам.

Служенко И. П., 1932 года рождения, грузчик треста очистки. 1 июня призывал рабочих электровозостроительного завода продолжать беспорядки. Предложил послать делегации на другие заводы, провокационно заявлял при этом, что рабочие «Ростсельмаша»³⁷ забастовали. Угрожал расправой тем, кто приступит к работе, выкрикивал угрозы в адрес КПСС и Советского правительства.

Десятников А. Е., 1939 года рождения, ученик токаря электровозостроительного завода, 1 июня совместно с другими участниками беспорядков сорвал портрет главы Советского правительства.

Отрошко А. М., 1939 года рождения, монтер технического участка. Среди своего окружения допускал враждебные высказывания. В момент массовых беспорядков требовал от офицеров отвода войск, оскорблял военнослужащих, призывал солдат выступить против офицеров.

Аналогичную деятельность против солдат и офицеров Советской Армии в момент массовых беспорядков вели:

Шуваев В. Г., 1937 года рождения, повар школы-интерната.

Зенцов В. Т., 1939 года рождения, рабочий участка гидромеханизации.

Бугайчук П. И., 1937 года рождения, слесарь электровозостроительного завода.

Катков Г. Г., 1926 года рождения, тракторист электродного завода.

Черепанов В. Д., 1933 года рождения. Он не только выступал с призывами, но и принимал участие в избивании солдат.

В числе арестованных также:

Ларенков Г. Г., 1938 года рождения, без определенных занятий. В момент беспорядков оба они вместе с другими хулиганствующими элементами ворвались в горотдел милиции, где били стекла и совершали иные погромные действия.

Сиуда П. П., 1937 года рождения, слесарь-сборщик электровозостроительного завода, являлся активным участником массовых беспорядков у здания заводоуправления и размахивал веревкой над головой главного инженера завод т. **Елкина** в момент его выступления.

Миронов А. П., 1933 года рождения, токарь электровозостроительного завода. Участвовал в нападении на горком КПСС 2 июня и выступал с балкона здания с требованием отмены решения правительства о повышении закупочных и розничных цен на мясо и масло. После ликвидации беспорядков бежал в Смоленск, где был установлен и арестован.

По состоянию на 11 июня по подозрению в активном участии в массовых беспорядках задержано 85 человек. Оформляется арест ряда из них. В их числе:

Долговязов О. С., 1944 года рождения, грузчик завода «Спецэлеватормелмаш». 2 июня принимал активное участие в массовых беспорядках, бесчинствовал в здании горкома КПСС, сорвал со стены портрет и бросил его с балкона на улицу в толпу.

Гончаров Г. А., 1940 года рождения, слесарь тележечного цеха электровозостроительного завода. 1 июня в числе первых ворвался в здание заводоуправления и применил физическое насилие к мастеру цеха т. **Насонову**. 2 июня вместе с другими возглавил толпу, направлявшуюся с завода в город.

Сотников С. С., 1937 года рождения, токарь, член КПСС, начальник штаба народных дружин. Ходил по заводам «Нефтемаш» и электродному и призывал рабочих поддерживать беспорядки. Пред-

ложил отключить газ на электровозостроительном заводе, митинговал и призывал выйти 2 июня на «демонстрацию» в город.

Одновременно докладываю, что в информации, которая поступила по линии Ростовского обкома КПСС в отношении **Хайтовича**, допущена ошибка. Заведующий отделом обкома т. **Толстопятенко** сообщил, что **Хайтович** выступал с балкона с призывами к бесчинствам. Последующей проверкой установлено, что **Хайтович Г. И.**, 1900 года рождения, уроженец Кишинева, бывший преподаватель истории и политэкономии горного техникума, пенсионер, член КПСС с 1919 года, действительно выступал с балкона, но с патриотической речью. Оказалось, что т. **Толстопятенко**, находясь в отдалении, не расслышал этого выступления и сделал неверное предположение. Инструктор горкома комсомола т. **Лемешко** заявил, что **Хайтович** говорил в патриотическом духе и он уговаривал его прекратить выступление, так как из толпы раздавались голоса учинить расправу над ним. Это же подтвердил военнослужащий сверхсрочной службы **Полежаев**, подчеркнув, что **Хайтович** выступил с патриотических позиций, призывал решать вопросы другими методами.

Следствие по ряду дел на активных участников беспорядков из числа враждебных элементов ведется органами госбезопасности, некоторые дела на хулиганствующие и другие антиобщественные элементы ведут органы милиции под надзором прокуратуры. Имеется в виду в отношении наиболее активных и злобных организаторов бесчинств и подстрекателей провести в Новочеркасске открытый судебный процесс с вынесением им сурового приговора в соответствии с законом.

Работа по выявлению организаторов и активных участников беспорядков продолжается.

12 июня на электровозостроительном заводе в тележечном и кузнечном цехах проведены общие собрания (присутствовало около 700 человек). Коллективы указанных цехов осудили имевшие место беспорядки. В последние дни состоялись собрания и на других предприятиях, на которых осуждены враждебные действия хулиганствовавших элементов и примкнувшей к ним части несознательных рабочих. На собраниях рабочие и служащие выступали с требованиями очистить город от уголовно-преступных элементов.

Председатель Комитета госбезопасности В. Семичастный.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 211. Л. 204—210. Подлинник.

Примечания

¹ Речь идет о постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 мая 1962 г. В соответствии с ним с 1 июня 1962 г. повышались в среднем на 35% закупочные цены на скот и птицу, животное масло и на сливки. Одновременно повышались и розничные цены на мясо и мясные продукты в среднем на 30—31%, а также на сливочное масло на 25% (см.: Правда. 1962. 1 июня). Чтобы сгладить неблагоприятное впечатление от вздорожания продуктов питания, этим же постановлением объявлялось о снижении цен на сахар и на ткани из вискозных волокон и шестяной пряжи.

² Имеется в виду «Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР ко всем рабочим и работникам совхозов, советской интеллигенции, ко всему советскому народу», опубликованное 1 июня 1962 г. в центральных газетах и зачитанное в тот же день по всесоюзному радио (см.: Правда. 1962. 1 июня).

³ Новочеркасский электровозостроительный завод им. С. М. Буденного (ныне — головное предприятие производственного объединения того же названия) — крупнейший машиностроительный завод в г. Новочеркасске. Основан в годы второй пятилетки. В годы Великой Отечественной войны был разрушен. После войны в короткое время восстановлен и с 1947 г. начал производство магистральных электровозов, а также промышленных электровозов для внутривозовского транспорта. В начале 60-х гг. технический уровень завода был весьма низок, что существенно отражалось на заработках рабочих. Перед самым повышением цен на заводе был произведен «пересмотр

норм», в результате которого резко (до 30%) снизились заработки рабочих. Был высок уровень производственного травматизма. В 1962 г. на заводе работало 13 тысяч рабочих (в 1992 г.— 10230).

⁴ Иваштутин П. И. (р. 1909) — в 1962 г. заместитель председателя КГБ при Совете Министров СССР. По поручению Президиума ЦК КПСС и руководства КГБ возглавил группу чекистов, направленную 2 июля 1962 г. в г. Новочеркасск в связи со вспыхнувшей на электровозостроительном заводе забастовкой. Весной 1963 г. был переведен на работу в Генеральный штаб, где возглавлял Главное разведуправление.

⁵ Новочеркасский завод нефтяного машиностроения был построен в 50-х гг., выпускал аппаратуру для нефтеперерабатывающих заводов, а также оборудование для пищевой промышленности — установки для обработки растительных масел. В 1962 г. на заводе было около 2600 рабочих, многие из которых приняли активное участие в выступлениях 1—3 июня 1962 г. в Новочеркасске.

⁶ О ком идет речь, не установлено. В карточках наградных отделов Верховного Совета РФ и Министерства культуры РФ среди заслуженных артистов республики нет человека с такой фамилией или артистическим псевдонимом.

⁷ Имеются в виду широкоэшелетельные заявления Н. С. Хрущева, сделанные в 1957 г., о том, что наша страна способна в несколько лет превзойти США по производству мяса и масла на душу населения. В 1962 г. об этом обязательстве официально уже не вспоминали.

⁸ Семичастный В. Е. (р. 1924) — председатель КГБ при Совете Министров СССР, член ЦК КПСС.

⁹ Имеется в виду постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 апреля 1957 г. «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза». В соответствии с ним прекращались массовый выпуск и размещение государственных займов. Вместе с тем погашение уже размещенных займов отсрочивалось на двадцать лет — до 1977 г. (см.: Правда, 1957. 20 апреля). К этому времени на руках у населения находилось облигаций на сумму в 258 миллионов рублей (в масштабах цен на 1961 г.). Все это вызвало негативную реакцию, возмущение людей, инстинктивно чувствовавших, что будут обмануты. Повышения цен в 60-х и 70-х гг. в значительной мере обесценили займы, погашение которых началось с середины 1970 гг.

¹⁰ Козлов Ф. Р. (1908—1965) — секретарь ЦК КПСС, член Президиума ЦК КПСС. Вместе с А. И. Микояном (см. прим. 11) был командирован в г. Новочеркасск 2 июня 1962 г. в связи с выступлениями новочеркасских рабочих. Его выступление транслировалось по местной радиосети Новочеркаска 3 июня в 15 ч. В нем Козлов почти дословно повторил доводы, приведенные в «Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР» (см. прим. 2), использовал даже все характерные для этого документа риторические приемы. Следует, однако, отметить, что при всей демагогичности обращения и речей Н. С. Хрущева, соответствующих передовых статей газет ни в одном из этих материалов не содержалось обещание в скором времени снизить цены на продовольствие, которое дал в своем выступлении по радио Козлов, очевидно, рассматривая его как «ложь во спасение».

¹¹ Микоян А. И. (1895—1978) — первый заместитель председателя Совета Министров СССР, член Президиума ЦК КПСС. Со 2 июня 1962 г. был командирован вместе с Ф. Р. Козловым в Новочеркасск в связи с начавшимися там выступлениями рабочих.

¹² В действительности в выступлениях приняла участие не только значительная часть коллектива электровозостроительного завода, но и рабочие многих других предприятий города.

¹³ Имеется в виду речь Н. С. Хрущева на митинге советской и кубинской молодежи 2 июня 1962 г. Несмотря на явно неподходящие для этого места и повод, глава советского правительства и руководитель партии подробно остановился на повышении цен на продукты. Не упоминая конкретно о выступлениях новочеркасских рабочих, оратор обрушился на «антиобщественные элементы, которые мешают нам жить», на «рвачей, лодырей и преступников», вспомнил в связи с этим о гражданской войне в России, в ходе которой «пришлось бороться с несогласными, с теми, кто был против революции». Отметив, что несогласие есть и сегодня, Н. С. Хрущев призвал воздействовать на тех, «кто не понимает необходимости проводимых партий и правительством мер» (См.: Правда, 1962. 3 июня). Речь транслировалась по всесоюзному радио и на следующий день была опубликована во всех центральных газетах.

¹⁴ Ф. Р. Козлов и А. И. Микоян встретились с партийным активом Новочеркасского электровозостроительного завода им. С. М. Буденного и побывали на Новочеркасском заводе синтетических продуктов, коллективу которого незадолго до этого было присвоено звание «коллектив коммунистического труда» и обстановка на котором была относительно спокойна.

¹⁵ Бузаев Я. К. (р. 1911) — зав. промышленно-транспортным отделом Ростовского обкома КПСС.

¹⁶ Курочкин Б. Н. (р. 1917) — в 1962 г. директор Новочеркасского электровозостроительного завода. Ранее был главным инженером, заместителем директора этого предприятия. В связи с выступлениями рабочих завода в июле 1962 г. решением секретариата ЦК КПСС был отстранен от должности и исключен из партии решением бюро Ростовского обкома КПСС.

¹⁷ Маяков Л. И. (1914—1992) — со 2 января 1961 г. второй секретарь Ростовского обкома КПСС.

¹⁸ Заметин И. И. (р. 1919) — с января 1961 г. председатель исполкома Ростовского областного Совета, член бюро обкома, депутат Верховного Совета СССР.

¹⁹ Иванов В. А. (р. 1910) — председатель Ростовского совнархоза. Позднее — генеральный директор комбайностроительного объединения Ростсельмаш.

²⁰ Лазарев И. И. (р. 1916) — зам. начальника управления КГБ по Ростовской области.

²¹ Елкин С. Н. (р. 1922) — гл. инженер Новочеркасского электровозостроительного завода им. Буденного.

²² Речь идет о Тупченко Ю. П. (р. 1928) — с октября 1959 по 1968 г. начальник управления КГБ по Ростовской области.

²³ Басов А. В. (1912—1990) — в 50-е гг. был директором Новочеркасского зооветеринарного института, затем секретарем Ростовского обкома КПСС, курировавшим вопросы сельского хозяйства, с 1955 по 1960 г. — председатель Ростовского областного исполкома. С 1961 по 1962 г. — первый секретарь Ростовского обкома КПСС, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР. Летом 1962 г., после событий в Новочеркаске, был освобожден от должности первого секретаря обкома и направлен на дипломатическую работу.

²⁴ Логинов Т. С. (р. 1920) — с декабря 1960 г. по январь 1963 г. первый секретарь Новочеркасского горкома КПСС.

²⁵ Новочеркасский электродный завод — построен в 50-е гг. Выпускал электроды большого диаметра, в том числе для металлургии, а также химическую аппаратуру из графита и графитопласта. В 1962 г. на заводе трудилось около 3 тысяч человек.

²⁶ СКВО — Северо-Кавказский военный округ. Штаб и управление округа находились неподалеку от Новочеркасска, в г. Ростове-на-Дону.

²⁷ Командующим войсками Северо-Кавказского военного округа с 1958 по 1968 г. был генерал армии И. А. Плиев (1903—1979). Сразу после новочеркасских событий он был назначен на пост командующего группой советских войск на Кубе.

²⁸ Новочеркасский завод синтетических продуктов — одно из новых предприятий города. В 1962 г. выпускал синтетические заменители пищевых продуктов для химической и парфюмерной промышленности. В начале 60-х гг. был хорошо оснащен современным оборудованием, средствами автоматизации. Успешно выполнял производственную программу. На заводе работало несколько тысяч человек.

²⁹ Новочеркасский станкостроительный завод — выпускал металлорежущие станки, а также товары народного потребления. В 1962 г. коллектив завода насчитывал около 1000 человек.

³⁰ Новочеркасский завод постоянных магнитов (ныне Производственное объединение «Магнит»), построен после войны. Выпускал магнитные сплавы, магниты для промышленных целей. На заводе работало около тысячи рабочих.

³¹ Новочеркасский завод им. Никольского — старейший машиностроительный завод Новочеркасска. Основан в конце XIX в. Выпускал горно-шахтное и геологическое оборудование. В 60-х гг. на заводе работало около тысячи человек.

³² Новочеркасский завод керамических труб (ныне — завод керамических изделий) — в начале 1960 гг. выпускал керамические трубы для коммунального хозяйства. На предприятии трудилось около 200 человек.

³³ Новочеркасский завод сельскохозяйственного машиностроения (завод «Спецэлеватормельмаш») — выпускал технику для погрузо-разгрузочных работ для зернотоков и элеваторов.

³⁴ Аброскин П. И. (1910—1970) — в 50-х гг. директор Новочеркасского электровозостроительного завода им. С. М. Буденного. Позднее был на ответственной работе в Ростовском совнархозе и в Госплане РСФСР. После освобождения от должности директора завода Б. Н. Курочкина (см. прим. 16) утвержден руководителем этого предприятия. Позднее вернулся на работу в Госплан.

³⁵ Захаров Н. С. (р. 1909) — с декабря 1961 по июль 1963 г. заместитель председателя КГБ при Совете Министров СССР.

³⁶ Завод Гормаш — речь идет о заводе им. Никольского.

³⁷ Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения «Ростсельмаш» — предприятие по производству зерноуборочных комбайнов в г. Ростове-на-Дону (ныне — Ростовское производственное комбайностроительное объединение «Ростсельмаш»). Завод был основан в 1926 г., строительство первой очереди предприятия завершено в 1930 г. В 1962 г. производил самоходные комбайны СК-4.

(Окончание следует)

РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В СССР

Статистический отчет Совета по делам религий
при Совете Министров СССР за 1984 год

Одной из примет нашего времени стал значительный рост числа верующих, сопровождающийся увеличением интереса к различным вопросам истории религии и церкви в России.

К таким вопросам можно отнести и проблему взаимоотношений церкви и государства, вернее, отношений органов государственной власти к религии и церкви. Тем более, что их характер за последние годы претерпел значительные изменения. Основу новой политики государства в этой области составили принципы соблюдения прав человека, свободы совести, вероисповедания. Религия стала рассматриваться как неотъемлемый элемент российской истории и культуры, один из существенных факторов, влияющих на ее развитие, а верующие утратили облик потенциальных идеологических противников государства.

В свете этого история отношений органов государственной власти с религиозными объединениями верующих приобретает особое звучание. В условиях недавнего прошлого эти отношения отнюдь не исчерпывались конституционной формулой об отделении церкви от государства. Вопреки декларированному принципу различные государственные органы осуществляли бдительный надзор за деятельностью всех конфессий, существовавших на территории Советского Союза. Одним из таких органов был Совет по делам религий при Совмине СССР. В качестве главной задачи ему вменялся контроль за соблюдением действовавшего в те годы законодательства в области религии.

В соответствии с существовавшим в те времена порядком Совет по делам религий регулярно отчитывался о своей деятельности перед ЦК КПСС. Такие отчеты, носившие секретный характер, направлялись его председателем «в порядке информации» в Отдел агитации и пропаганды ЦК партии. Там в свою очередь на их основе готовились аналитические записки для доклада высшему руководству партии и государства.

В данном номере «Исторического архива» читателям предлагается ознакомиться с секретным статистическим отчетом Совета по делам религий, подготовленным одним из его подразделений — отделом статистики и анализа по состоянию на 1 января 1985 г. В основу отчета легли сведения, представленные уполномоченными Совета при различных конфессиях. В обеих частях отчета — аналитической записке и статистических таблицах — приводятся данные по многим сторонам жизни религиозных объединений, от их количественных характеристик (число объединений верующих и служителей культа по конфессиям и регионам страны) и подробной информации о финансово-хозяйственной деятельности до регистрации видов обрядности и классификации поступивших в Совет и его уполномоченным писем, заявлений и жалоб.

Публикуемый материал извлечен из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД).

Публикацию подготовили кандидат исторических наук Н. А. КРИВОВА, Ю. В. СИГАЧЕВ, доктор исторических наук А. А. ЧЕРНОБАЕВ.

№ 1

**Письмо председателя Совета по делам религий
К. М. Харчева в ЦК КПСС — о направлении
статистического отчета**

7 мая 1985 г.

№ 134с

Секретноэкз. № 1

В соответствии с договоренностью с Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС направляем в порядке информации статистический отчет «Религии и церкви в СССР», подготовленный Советом по делам религий при Совете Министров СССР.

Приложение: № 402с, на 82-х листах, только в адрес*.

Председатель Совета по делам религий при СМ СССР К. М. Харчев

№ 2

**Статистический отчет за 1984 год Совета по делам
религий — Религии и церкви в СССР****

7 мая 1985 г.***

№ 402с

Секретно

Москва

экз. № 1

Анализ статистической отчетности уполномоченных Совета показал, что в целом по стране за последние пять лет наблюдалось сокращение сети религиозных объединений, уменьшение числа служителей культа, снижение количества крещений и отпеваний, сокращение числа нарушений законодательства о культах, писем, заявлений и жалоб.

Однако растет число крещений совершеннолетних, поступление денежных средств в религиозные объединения большинства конфессий.

Ниже приводятся статистические данные за 1984 год в сопоставлении с 1979 и 1983 гг. и пояснительная аналитическая записка, позволяющая наиболее полно судить о происходящих в религиях процессах и тенденциях.

I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

На 1.01.1985 года в стране действовало 15202 религиозных объединения. Из них: 12438 зарегистрированных и 2764 незарегистрированных. По отношению к 1983 году общее число религиозных объединений уменьшилось на 1,2%, причем сеть зарегистрированных объединений увеличилась на 0,4%, а незарегистрированных сократилась на 7,7%.

* На письме имеются следующие пометки: «В Отделе пропаганды ЦК КПСС ознакомился. Зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС В. Зарубин. 21 апреля 1986 года»; «В архив (подпись неразборчива) 21.4.86 г.».

** Заголовок документа.

*** Датируется по сопроводительному письму.

Анализ статистических данных показывает, что наблюдается тенденция к прекращению деятельности незарегистрированных религиозных объединений. Только за 1984 год прекратили свою организованную деятельность 237 таких объединений, а за пять лет — 1395 объединений. Из них: мусульманские религии — 356, евангельских христиан-баптистов — 247, пятидесятников — 183, лютеранской церкви — 120, русской православной церкви — 105, адвентистов 7-го дня — 70, иеговистов — 42 и т. д.

За истекшие пять лет общая сеть религиозных объединений сократилась на 775 единиц, или на 4,8%, против 1979 года.

За этот же период Советом было зарегистрировано 795 религиозных объединений различных направлений: русской православной церкви — 23, евангельских христиан-баптистов — 257, лютеранской церкви — 141, пятидесятников — 133, адвентистов 7-го дня — 82, мусульманской религии — 57, католической церкви — 38, меннонитов — 25, старообрядческой церкви — 22 и др. Большое количество религиозных объединений было зарегистрировано в областях: Российской Федерации — 281, Казахской ССР — 242, Украинской ССР — 171.

За последнее пятилетие Советом сняты с регистрации как распавшиеся и прекратившие свою деятельность 201 зарегистрированное религиозное объединение, в том числе: русской православной церкви — 141, евангельских христиан-баптистов — 39 и др.

Таким образом, за последние пять лет зарегистрировано и взято на учет 821 религиозное объединение, сняты с регистрации и прекратили организованную деятельность 1596 объединений. Этому способствовала работа, проделанная Советом и его уполномоченными по упорядочению сети религиозных объединений.

Однако, процесс упорядочения сети религиозных объединений не везде происходит равномерно. Успешно решается этот вопрос в республиках Прибалтики, где число незарегистрированных объединений составляет менее 4,0% от общего количества объединений, в ряде областей Российской Федерации (Ярославской — 2,3%, Псковской — 3,0%, Московской — 3,0%, Костромской — 8,0%, Ленинградской — 11,1%, Курской — 11,6%, г. Москве — 8,1%), в некоторых областях Украинской ССР (Хмельницкой — 2,6%, Черниговской — 3,1%, Сумской — 33,2%, Херсонской — 3,4%, Полтавской — 6,4%, Ворошиловградской — 7,4%, Кировоградской и Николаевской по 8,0%), в отдельных областях Белорусской ССР (Гродненской — 6,2%, Витебской — 7,3%, Брестской — 8,2%).

В большинстве же республик, где вопрос упорядочения сети религиозных объединений решается медленно, процент незарегистрированных религиозных объединений остается еще высоким. По данным уполномоченных Совета, более 30% незарегистрированных объединений действуют на территории Узбекской ССР, Молдавской ССР, Казахской ССР и в ряде областей РСФСР, а в Киргизской ССР — 42,1%, Таджикской ССР — 48,4%, Армянской ССР — 54%.

Недостаточно ведется работа по упорядочению сети религиозных объединений в таких конфессиях как: пятидесятники, молокане, мусульманская религия, меннониты, где процент незарегистрированных объединений составляет соответственно 71,0; 61,7; 51,7; 41,8. Остается еще большая сеть незарегистрированных объединений в следующих конфессиях: сторонники т. н. «Совета церквей», иеговисты, ипх-ипц*, адвентисты-реформисты, где процесс распада происходит медленно.

* Истинно-православные христиане, истинно-православная церковь.

Наряду с упорядочением религиозной сети, в некоторых республиках и областях должное внимание уделяется освоению недействующих культовых зданий, а также сносу пришедших в аварийное состояние церквей, не представляющих исторической и архитектурной ценности. Так, за последние четыре года Советом вынесено решение на снос 300 культовых зданий, в основном находящихся на территории областей Украинской ССР (Одесской — 45, Хмельницкой — 35, Ровенской — 24, Винницкой — 21, Волынской — 20 и др.).

В то же время Советом в 1984 году, по представлению уполномоченных, были приняты постановления о строительстве 9 культовых зданий, а также о приобретении и реконструкции 49, в 1983 году соответственно 3 и 36.

В стране, наряду с незарегистрированными религиозными объединениями, действуют 332 учтенных «святых» места. За последнее пятилетие их число сократилось в 2 раза (было 690). Это произошло, в основном, за счет Азербайджанской ССР, где в 1979 году действовало 341, а сейчас действующих только 30. По сообщению уполномоченного Совета, остальные «святые» места прекратили свою активную деятельность. «Святых» мест в Российской Федерации — 76, Туркменской ССР — 71, Узбекской ССР — 67, Таджикской ССР — 36 и в других республиках страны — 52. Более 70% «святых» мест, от общего их количества, относятся к мусульманской религии.

На 1.01.85 года в стране продолжают действовать 16 монастырей русской православной церкви с количеством монашествующих 1060 человек. Из них: 4 — мужских, 10 — женских и 2 — смешанных. Большинство из монашествующих (38%) в возрасте старше 60 лет и до 25% в возрасте 50—59 лет.

Основная часть монастырей — 9 расположена в областях Украинской ССР: Закарпатской, Одесской, Ровенской, Черкасской, Тернопольской и в г. Киеве; по одному — в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, 2 — в РСФСР: Псковской и Московской областях, а также в Гродненской области Белорусской ССР и в Молдавской ССР. Кроме того, имеется монастырь армянской церкви, 2 буддийских дацана, функционирует 16 высших и средних духовных учебных заведений с общим количеством слушателей 1665 человек, 12 производственных мастерских, 6 всесоюзных религиозных центров и 125 епархиальных управлений различных религий.

II. СЛУЖИТЕЛИ КУЛЬТА

1. Зарегистрированные служители культа.

В 1984 году количество зарегистрированных служителей культа составило 17966 человек. В их числе 6978 в религиозных обществах Украинской ССР и 5723 — в РСФСР. На эти две республики приходится 12701 служитель культа или 70,7%, пять лет назад этот процент был равен 72,3. Число зарегистрированных служителей культа продолжало увеличиваться, однако к 1984 году прирост оказался меньше, чем в предыдущие годы и составил по сравнению с 1983 годом 1,3% при общем увеличении с 1980 года на 13,4%. По отношению к 1983 году уменьшилось число служителей культа в Украинской ССР — на 0,2%, в Белорусской ССР — на 1,9% в Азербайджанской ССР — на 5,8%, а также в Грузинской, Литовской, Латвийской и Эстонской союзных республиках.

По сравнению с 1983 годом число служителей культа возросло в Казахской ССР на 11,6% и Киргизской ССР — на 75,8%, а по отношению к 1980 году увеличение составило соответственно в 2,4 раза и в 2 раза. За истекший год незначительное увеличение служителей культа наблюдается в РСФСР, Таджикской, Армянской, Молдавской и Узбекской ССР.

Увеличение числа служителей культа с 1980 года произошло в русской православной церкви — на 525 человек, в мусульманской религии — на 558 человек, у евангельских христиан-баптистов — на 533 человека, у пятидесятников — на 176 человек, адвентистов 7-го дня — на 164 человека, у лютеран — на 130 человек, а кроме того, в грузинской православной церкви, армянской, методистской церквях, буддийской религии, у молокан и меннонитов. Общее увеличение составило 2199 служителей культа.

В то же время по ряду конфессий произошло уменьшение на 78 человек: в католической церкви — на 36 человек, в старообрядческих церквях — на 37, а также в иудейской религии и реформатской церкви.

В 1984 году в среднем по всем конфессиям на 100 религиозных обществ приходилось 144 служителя культа, а в 1980 году — 133. Выборочно* по отдельным конфессиям «обеспеченность» религиозных обществ служителями культа выглядит следующим образом:

Конфессия Число служителей культа на 100 зарег. рел. обществ

Год	РПЦ	католическая церковь	лютеранская церковь	старообрядческие церкви	мусульманская религия	ЕХБ	пятидесятники	АСА
1980	133	90	57	88	280	149	130	147
1984	143	84	65	74	394	160	140	168

Как видно из таблицы, «обеспеченность» религиозных обществ служителями культа стала выше. Особенно это заметно в мусульманской религии, где продолжается дополнительная регистрация служителей культа с целью уменьшения влияния незарегистрированных мулл, количество которых более чем в два раза превышает число зарегистрированных.

В сектантских обществах, кроме зарегистрированных служителей культа, действует большое число постоянных проповедников. Так, в 2294 обществах ЕХБ выявлено 4601 проповедник, в 235 обществах пятидесятников — 597, адвентистов 7-го дня — 654 проповедника в 342 обществах.

2. Незарегистрированные служители культа.

Число незарегистрированных служителей культа все еще остается значительным (5558 человек в 1984 г.), хотя и сократилось по сравнению с 1980 годом почти на одну треть.

В 1984 году наибольшее число незарегистрированных служителей культа учтено по мусульманской религии — 3114, что составило 56 процентов от их числа по всем конфессиям. У евангельских христиан-баптистов — 692 человека, в т. ч. 452 из числа сторонников т. н. Совета церквей; пятидесятников — 595, иеговистов — 428, священников-униатов — 252. Итого по перечисленным пяти конфессиям учтено 5081 человек или 91,4% от общего числа незарегистрированных служителей культа всех конфессий.

По сравнению с 1980 годом увеличение числа служителей культа произошло в Украинской ССР — на 8,8%, в Молдавии — на 72,6% (хотя в последние два года роста не наблюдалось), в Таджикистане — на 3,3% (по сравнению с 1983 годом роста также не было). Наибольшее число незарегистрированных служителей культа действует в Российской Федерации — 1627, в Украинской ССР — 876, Казах-

* В таблице указаны конфессии, в которых насчитывается свыше 100 религиозных обществ (прим. документа).

ской ССР — 793, Узбекской ССР — 548, Таджикской ССР — 471, в Киргизии и Туркмении — соответственно 364 и 320. На республики Средней Азии и Казахстан приходится 2436 незарегистрированных служителей культа, или 45%.

III. РЕЛИГИОЗНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В 1984 году совершено обрядов: крещений — 780603, венчаний — 99698, отпеваний очных — 391159, заочных — 813997, конфирмаций — 25748.

В целом по стране, по сравнению с прошлым годом, количество крещений сократилось на 3,0%, венчаний — на 5,9%, а отпеваний — увеличилось на 2,7%. По сравнению с 1979 годом, число крещений уменьшилось на 6,7%, число венчаний и отпеваний несколько возросло, соответственно на 0,5% и 1,7%.

Результаты анализа статистических отчетов уполномоченных Совета показали, что уровень основной религиозной обрядности за последние 5 лет существенных изменений не претерпел.

При общей тенденции снижения числа крещений в целом по стране, в некоторых республиках наблюдается его рост. Так, по сравнению с 1983 годом, число крещений увеличилось в Латвийской ССР на 4,1%, Эстонской ССР — на 5,9%, Грузинской ССР — на 19,9%, Таджикской ССР — на 16,4%, Туркменской ССР — на 29,0%.

Наибольшее число крещений совершается в областях Российской Федерации (53,0%). За последние пять лет доля РСФСР возросла на 1,5%. В Украинской ССР, за этот же период, число крещений сократилось на 44000. Соответственно сократилась и доля Украинской ССР в общем количестве крещений по стране с 26,5% в 1979 г. до 22,8% в 1984 году.

Доля крещений по республикам приведена в таблице (данные в %).

Годы	1979	1983	1984
РСФСР	52,0	53,2	53,5
Украинская ССР	26,5	23,3	22,8
Белорусская ССР	3,9	4,0	3,8
Казахская ССР	3,9	4,5	4,6
Литовская ССР	2,2	2,5	2,6
Молдавская ССР	4,8	5,1	5,1

Из таблицы видно, что доля обряда крещения по союзным республикам остается, в целом, стабильной.

Высоким остается процент крещений в отдельных регионах страны. Например: в Молдавской ССР в 1984 году он составил 44,4% от числа родившихся, в Чувашской АССР — 49,7%, в Белгородской области — 43,5%, в Воронежской — 41,4%, в Одесской — 42,1%. Однако за последние пять лет число союзных, автономных республик и областей с процентом крещений 40 и выше сократилось с 13 до 7, с процентом крещений 30—40 — с 24 до 16.

Например: в Волынской области процент крещений в 1979 году составлял — 52,8, а в 1984 г. он сократился до 34,6, в Сумской соответственно 41,6 и 21,4, в Брянской — 36,2 и 23,2.

Основная часть всех крещений — 711176 приходится на долю русской православной церкви, которая составляет 91% от числа крещений по всем конфессиям. В то же время число крещений в русской православной церкви ежегодно сокращается, и за 5 лет уменьшение составило 7,6%. У евангельских христиан-баптистов число крещений сократилось на 16,4%.

В ряде конфессий наблюдается рост числа крещений. Так, число крещений увеличилось в грузинской православной церкви — на 10,7%, в католической церкви — на 2,5%, в лютеранской церкви — на 4,3%, у меннонитов — на 52,1% и адвентистов 7-го дня — на 13%.

При общей тенденции числа крещений продолжается рост крещений детей школьного возраста и совершеннолетних. Так, в 1979 г. детей школьного возраста было окрещено 36046, в 1984 г. — 37490, т. е. увеличение составило 4%; совершеннолетних — 38868 и 49237 человек, больше на 26,7%. Рост числа крещений детей школьного возраста наблюдался в Белорусской ССР — на 39,3%, Грузинской ССР — на 24,5%, Латвийской ССР — в 3 раза, Таджикской ССР — в 2,8 раза; совершеннолетних — в Азербайджанской ССР — на 90,2% и Латвийской ССР — на 81,3%, в областях Российской Федерации — на 31,8%, Казахской ССР — на 72,1%.

На долю русской православной церкви приходится 92% крещений детей школьного возраста и 77% совершеннолетних: за последние 5 лет в церквях этой конфессии число крещений детей школьного возраста возвратилось на уровень 1980 года (несколько больше 34 тыс. детей), а число крестившихся совершеннолетних пока продолжает увеличиваться, хотя и медленнее, чем в предшествовавшее пятилетие. Так, если за период 1975—79 гг. рост составил свыше 50%, то в следующие пять лет (1980—84 гг.) — 25,6%. То есть темпы роста снизились в среднем в 2 раза. По некоторым союзным республикам* изменение в числе крещений детей школьного возраста и совершеннолетних в русской православной церкви выглядят следующим образом:

Годы	Число крещений детей школьного возраста		«+» «—» в %	Число крещений совершеннолетних		«+» «—» в %
	1979	1984		1979	1984	
Всего по СССР	33762	34295	+1,6	27762	37990	+36,8
РСФСР	25672	26725	+4,3	21934	29817	+35,9
Украинская ССР	1944	1392	—28,4	1623	2525	+55,6
Белорусская ССР	152	219	+44,1	25	117	+в 4,7 раза
Молдавская ССР	508	126	—в 4 раза	86	36	—в 2,4 раза
Узбекская ССР	871	761	—12,6	553	571	+3,3
Киргизская ССР	1299	1249	—3,8	630	587	—6,8
Таджикская ССР	148	419	+в 2,8 раза	104	92	—11,5
Казахская ССР	2647	2844	+7,4	1711	3688	+в 2,2 раза
Эстонская ССР	158	201	+27,2	247	152	—38,5

Как видно из таблицы, относительно небольшой рост числа крещений детей школьного возраста произошел в Российской Федерации и Казахской ССР, а значительный — в Белорусской, Таджикской и Эстонской союзных республиках. Существенное же снижение произошло в Молдавской и Украинской ССР и некоторое снижение в Узбекской и Киргизской союзных республиках.

* По остальным республикам, не указанным в таблице, число крещений школьников и совершеннолетних незначительно (прим. документа).

В отношении крещений совершеннолетних картина иная. Резкое снижение произошло в тех союзных республиках (Молдавская, Эстонская), где абсолютные цифры крещений совершеннолетних небольшие. Некоторое снижение произошло также в Киргизской и Таджикской республиках. Основной прирост крещений совершеннолетних дали области Казахской, Украинской союзных республик и Российской Федерации.

Венчание

В 1984 г. число венчавшихся было несколько больше, чем в 1979 г. (на 0,5%, или на 466 пар), однако по сравнению с 1980—83 годами оно снизилось на 5—6%.

Процент венчаний от числа вступивших в брак в 1984 г. составил в среднем по стране 3,8, в 1979 г.—3,4%. Однако на более высоком уровне процент венчаний остается еще в Молдавской и Литовской союзных республиках, в Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской АССР и Львовской области. В этих районах страны почти четвертая часть молодых людей, вступающих в брак, пользуется услугами церкви. Также относительно большое число церковных браков совершается в Узбекской ССР — 16,9%, Армянской ССР — 8,4%, Таджикской ССР — 6,9%, Киргизской ССР — 5,8%; в ряде областей Украинской ССР; Закарпатской — 11,5%, Ровенской — 9,8%, Иваново-Франковской — 8,8%, Черновицкой — 8,2%; по РСФСР: в Мордовской АССР — 8,5%, Чувашской АССР — 7,5%, Горьковской области — 5,7%, в Брестской и Гродненской областях Белорусской ССР — свыше 5%.

Отпевание

Самой распространенной формой религиозной обрядности в стране остается отпевание. За истекшие 5 лет количество отпеваний в целом по стране увеличилось на 1,7%. Однако, несмотря на это, в связи с увеличением числа умерших за этот же период на 8,7%, процент отпеваний к числу умерших сократился на 3,7 по сравнению с 1979 годом и составил 40,7%. Сокращение произошло в большинстве союзных республик: РСФСР, Украинской, Молдавской, Азербайджанской и др. Увеличение же произошло в ряде республик и областей Российской Федерации, Украинской ССР и Белорусской ССР. Это: Чувашская АССР — 67,6%, области: Оренбургская — 71,9%, Ивановская — 78,0%, Владимирская — 67,2%, Кировская — 66,5%, Горьковская — 62,3%, Калининская — 62,6%, Иваново-Франковская — 69,6%, Львовская — 65,7%, Сумская — 64,8%, Тернопольская — 62,9%, Брестская — 69,7%. Количество областей с процентом отпеваний выше 65 из года в год сокращается и в 1984 году их осталось 9, вместо 16 в 1979 году.

(Окончание следует)

П. Н. МИЛЮКОВ

ПРИ СВЕТЕ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

Публикуемая рукопись брошюры лидера кадетской партии П. Н. Милюкова на протяжении десятилетий хранилась в специальных архивных фондах и была недоступна ни широкому кругу исследователей, ни тем более читателей. О ее существовании знал лишь узкий круг архивистов и историков. Между тем эта работа как по своему творческому замыслу, так и по информационной насыщенности является уникальным, хотя и до конца не завершенным исследованием, посвященным комплексному освещению истории кадетской партии на всем протяжении ее деятельности в России и до 1921 г. — в эмиграции. Идея написания подобной брошюры возникла у Милюкова после раскола среди парижских кадетов в 1921 г. и создания под его руководством самостоятельной демократической группы. Судя по прямому указанию автора, содержащемуся в тексте рукописи, ее написание относится к 1925 г. Однако Милюков, по еще не выясненным до конца причинам, прервал работу над рукописью как раз на этапе формирования республиканско-демократической группы. Выясняя причины этого, хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, центр тяжести замысла брошюры состоял прежде всего в том, чтобы раскрыть преемственность «лучших традиций партии» между кадетами, действовавшими с 1905 по 1920 гг. в России, и вновь возникшей республиканско-демократической группой в Париже. При этом акцент делается на ознакомление нового поколения, которое «выросло среди смуты гражданской войны, которое не пережило лично всего новейшего революционного периода русской истории и не успело узнать о нем в школе и из чтения книг», с предшествующим опытом деятельности кадетской партии, прежде всего в России. С точки зрения этого стратегического замысла история кадетов вплоть до 1921 г. получила в рукописи подробное освещение. Автор сконцентрировал внимание главным образом на переломных, сущностных моментах деятельности партии, имеющих принципиально важно значение для понимания ее идеологии, стратегии и тактики. Именно это Милюков считал наиболее важным для политического воспитания молодых кадетов, которые, по его предположению, могли связать свою судьбу с республиканско-демократической группой.

Во-вторых, Милюков, подойдя к разделу, посвященному собственно истории раскола, прекрасно понимал, что брошюра не может претендовать на подробное описание деятельности группы, которая только в июне 1924 г. получила официальное название республиканско-демократической. Будучи опытным историком-аналитиком и искусным политиком, Милюков решил не спешить с прогнозами относительно дальнейшей судьбы созданной им группы. Именно поэтому, на наш взгляд, он отложил работу над завершением брошюры, к которой, к сожалению, больше не возвратился. Вместе с тем Милюков в принципе не отрицал возможности продолжения работы над рукописью и ее последующего издания. Об этом свидетельствует посылка им рукописи на рецензию Н. И. Астрову, который подготовил на нее развернутый отзыв с постраничными замечаниями.

Несмотря на незавершенный характер, рукопись представляет собой ценное исследование по истории кадетской партии. Сравнительный анализ ее текста с опубликованными работами Милюкова, включая его «Воспоминания», с которыми лишь недавно была ознакомлена широкая научная общественность нашей страны, свидетельствует о самостоятельном и самоценном характере брошюры. Публикация рукописи позволяет значительно расширить представления о деятельности кадетской партии на всем протяжении ее существования. Если воспоминания Милюкова доведены до июльских событий 1917 г., то данная работа как бы продолжает начатое исследование и знакомит читателей с деятельностью кадетов после большевистского переворота, во время гражданской войны и в начальный эмигрантский период. Более того, последующая публикация протоколов республиканско-демократической группы позволит, в свою

очередь, компенсировать и недостающий раздел в брошюре Милюкова. Читатели журнала получают, таким образом, возможность познакомиться с историей кадетской партии на всем протяжении ее существования в России и эмиграции.

Публикуемая рукопись хранится в Государственном архиве Российской Федерации в фонде П. Н. Милюкова. Она представляет собой машинописный текст, имеющий небольшой дефект: отсутствуют две страницы, посвященные кратко изложению событий с июня по август 1905 г. При подготовке рукописи к печати сохранены авторские названия разделов. Фактический и цифровой материал, цитаты выверены по источникам. Слова, сокращенные автором, расшифрованы публикаторами в квадратных скобках.

Публикацию подготовили кандидат исторических наук Н. И. КАНИЩЕВА, К. Г. ЛЯШЕНКО, доктор исторических наук В. В. ШЕЛОХАЕВ.

ПРИ СВЕТЕ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ И ЕЕ РЕСПУБЛИКАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время очень распространена мысль, что старые политические партии эпохи самодержавия отжили свой век и должны быть заменены новыми. В этой мысли — большая доля истины, но не вся истина. Как ни коротко было время существования русского народного представительства (1906—1917 гг.), но это представительство не могло существовать без партий. Партии возникли, организовались и на четырехкратных выборах в [осударственную] Думу объединили около себя русскую общественность не случайно. Общественность распределилась слева направо по партиям, не только соответственно **идеям**, но и соответственно **интересам** всего государства и отдельных социальных групп. Если первые (идеи) могли быть чересчур отвлеченны, то вторые (интересы) были вполне реальны. Революция покончила, несомненно, с партиями, защищавшими идеи отжившего самодержавного режима и интересы прежнего правящего и привилегированного класса. Надо сказать, впрочем, что и до революции эти **правые** партии были созданы в значительной степени **искусственно**, при непосредственном воздействии правительства, которое и помогало им всячески на выборах. Другое дело — партии **демократические**, поставившие себе задачу обслуживать интересы народных масс, и защищать идеи нового государственного и общественного устройства. Если не совершенно такие, то подобные партии будут особенно нужны в новой, послереволюционной России. И для этих партий, хотя бы они были совершенно новы по своему личному составу, политический опыт, приобретенный их предшественниками в борьбе за народ и за новую Россию, не может быть бесполезен. Особенно необходимо напомнить об этом опять новому поколению, которое выросло среди смуты гражданской войны, которое не пережило лично всего новейшего революционного периода русской истории и не успело узнать о нем в школе и из чтения книг. В этом недавнем прошлом есть многое, что необходимо знать теперешнему поколению, хотя бы для того, чтобы не повторять старых ошибок. Мы смеем думать, что и личный состав сохранившихся после революции демократических партий может при скудности наших общественных сил, в значительном количестве погибших после большевистского переворота, пригодиться при создании новых партий.

Республиканско-демократическая [р. д.] группа партии народной свободы в значительной части состоит из деятелей, работавших в пар-

тии со времени ее основания (14—18 октября 1905 года)¹. Она сохраняет в своей идеологии лучшие традиции партии, характеризующиеся самым ее названием. Именно **демократическим** тенденциям партии принадлежала большая роль в политических событиях и в деятельности первого русского представительства XX века². В том же демократическом духе должна быть изменена теперь, в соответствии с новейшими событиями, и прежняя программа партии. Окончательная ее переработка, конечно, должна быть делом или партийного съезда или будущих учредителей новой партии, которая ее заменит. В ожидании этого момента, р. д. группа успела уже сыграть руководящую роль в распространении республиканско-демократических идей и в создании р. д. группировок среди эмиграции. В своем органе «Последние Новости»³, издаваемом в Париже с 1921 г. под редакцией председателя группы, группа пропагандировала свои программные и тактические взгляды. Она не спешила расширять свой состав, но и не закрывала входа в него тем, кто разделял программу и тактику партии и соглашался подчиниться ее дисциплине. О теперешнем состоянии р. д. группы и ее отдела в эмиграции читатель узнает в конце этой брошюры⁴. Но мы считаем необходимым начать наш рассказ, по выказанным уже соображениям, с краткого напоминания о том, что сделала партия народной свободы за двенадцать лет своего существования до февральской революции 1917 г. Наш очерк, по необходимости, будет заключать в себе лишь самое существенное для понимания политической физиономии партии. Это изложение поможет устранить многочисленные нападки справа и слева, которые вызывали сперва чересчур популярное, потом чересчур раскритикованное — и во всяком случае извращенное в своем первоначальном смысле — имя «кадет» («к. д.» — конституционалист-демократ, второе название партии). Около этого имени не прекращались споры, что само по себе указывает на видную роль, сыгранную партией к. д. в новейшей русской истории.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (К. Д.).

Когда, на съезде 14—18 октября 1905 г.⁵, т. е. в самые дни появления манифеста 17 октября, формально организовалась партия народной свободы («конституционно-демократическая»), составные элементы для нее были уже давно готовы. За исключением членов социалистических партий, с одной стороны, и противников ограничения самодержавия, с другой, в подготовке к созданию первой открытой конституционной и демократической партии России участвовал весь остальной широкий фронт русской общественности. Естественно, что в пределах этого широкого фронта имелись весьма различные оттенки взглядов на задачи политического освобождения России и на саму тактику освобождения. С самого начала наметились два центра движения: земский и интеллигентский. Во главе земской группы стояли ветераны конституционного движения в земстве 70-х годов: И. И. Петрункевич⁶, Ф. И. Родичев⁷, к которым примкнули более молодые земцы: Ф. Ф. Ольденбург⁸, Петр Д. Долгорук⁹ и др. Интеллигентское течение было представлено социалистами, не связывавшими себя партийной дисциплиной, как группа Богучарского¹⁰, Прокоповича¹¹, Кусковой¹², Пешехонов¹³, Лутугин¹⁴, Фальборк¹⁵, Чернолуцкий¹⁶. Посредниками между той и другой группой являлись кн. Д. И. Шаховской¹⁷, Ф. Ф. Кошкин¹⁸, П. Н. Милоков¹⁹, П. Б. Струве²⁰, В. Е. Якушкин²¹ и др.

Уже летом 1901 г. было намечено в земской среде создание заграничного органа «Освобождение»²². В марте 1902 г., на частных совещаниях земцев с интеллигентной был обсужден проект программы органа, а 18 июня вышел первый номер «Освобождения», редактирование которого было поручено П. Б. Струве. Таким образом, печатный орган явился раньше организации. Но в апреле 1903 г., при новой встре-

че земцев с интеллигенцией в Петербурге, решено было приступить к созданию политического «Союза Освобождения»²³, что и было осуществлено на съезде в южной Германии, в ряде заседаний в Рогентвилле, Рудольфцелле и Констанце²⁴. В сентябре, на земском съезде в Харькове²⁵, намечено создание отделов «Союза» по всей России.

В «Союзе Освобождения» интеллигентский элемент сразу получил перевес над земским, и дальнейшая деятельность «Союза» носила определенно левый характер. Но рядом с «Союзом» организовалась отдельная и группа «земцев-конституционалистов», первый съезд которых в начале ноября 1903 г. в Москве положил начало ряду т[ак] наз[ываемых] «новосильцевских» съездов (собиравшихся в доме Новосильцева²⁶, на Никитской).

Начало 1904 года было также и началом окончательной организации обеих указанных групп. На учредительном съезде 3—5 января представители «Союза Освобождения» от двадцати городов, после горячих споров, утвердили программу «Союза». Ее основными чертами были: 1) «на первом плане» — «уничтожение самодержавия и установление в России конституционного режима...» «в духе широкого демократизма»; 2) защита интересов трудящихся масс и 3) право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. С другой стороны, 23 февраля съехался новосильцевский съезд «земцев-конституционалистов»²⁷, решивший не входить формально в «Союз Освобождения», но тесно связанный с ним персонально и идейно.

Правительство начало преследовать, арестовывать, ссылая, не утверждать в земских должностях и лишать прав членов обеих организаций. Но убийство Плева²⁸ (15 июля 1904 г.) положило конец этим преследованиям. Сосланные вернулись, и началась новая полоса оживленной политической работы. В августе 1904 года земцы решили созвать съезд для подачи конституционного адреса государю. Этот съезд сперва предполагался в ноябре в Москве, но преемник Плева, Святополк-Мирский²⁹ дал понять земцам, что съезд может быть разрешен в Петербурге. Однако, 1 ноября съезд был запрещен, и съехавшимся земцам пришлось заседать частным образом, за «чашкой чаю». 6—8 ноября³⁰ были обсуждены и приняты 11 тезисов адреса, заранее составленных в Москве В. Е. Якушкиным. При этом наметились первые разногласия. Правое крыло, во главе с председателемствовавшим Д. Н. Шиповым³¹, не хотело идти на конституционные ограничения верховной власти (Н. Н. Львов³² заявлял: «Принцип монархизма стоит незыблемо...; созыв учредительного собрания при существовании сильной власти невозможен»). Напротив, «освобожденцы» настаивали на том, чтобы конституция была составлена на учредительном собрании, выбранном при условии предварительного введения политических свобод и полной амнистии. Единогласие на съезде не было достигнуто: Шипов с 27-ю единомышленниками не приняли § 10-го (конституционного) тезисов³³, но большинство съезда (108) было на стороне более решительной формулы.

«Союз Освобождения», не принимавший официального участия в ноябрьском земском съезде, однако, еще 20 октября решил воздействовать на съезд в смысле открытого заявления конституционных требований, а затем заняться пропагандой этих требований в земствах и в стране и приступить к организации «союзов» лиц свободных профессий (адвокатов, инженеров, писателей и т. п.), чтобы объединить их затем в один «союз союзов»³⁴: первый суррогат открытой политической партии. После ноябрьского съезда «Союз» организовал банкеты³⁵ для повсеместного оглашения резолюции съезда. За первым банкетом 20 ноября в Москве, под председательством Короленко³⁶, последовали банкеты в Москве, Харькове, Саратове, Ростове-на-Дону, Киеве, Одессе и т. д.

Новая бессильная попытка репрессий в декабре 1904 года, затем «красное воскресенье» 9 января 1905 года, наконец указ сенату 18 февраля 1905 года³⁷ о «привлечении достойнейших к предварительной разработке законодательных предположений», однако же «при сохранении незыблемости основных законов». Такова новая [...] ³⁸ общественных достижений на рубеже двух годов. Не смущаясь правительственными колебаниями, обе организованные группы энергично приступили к продолжению своей работы. На очереди была теперь детальная выработка основных конституционных актов и важнейших законодательных мероприятий на случай более решительных уступок со стороны власти, которых добивались обе организации. В конце февраля земцы-конституционалисты, на совещании в Москве, выработали основы избирательного закона (всеобщее избирательное право, причем меньшинство стояло за двухстепенные выборы) и поставили на очередь аграрный вопрос (принят принцип «обязательного выкупа из частновладельческих земель необходимых прирезок»). На совещании 22—26 апреля 1905 года земцы окончательно установили принцип отрицания сословности представительства, прямых выборов и «особого представительства от демократизированных органов самоуправления» (вторая палата). Тут же принято было и учредительное собрание, под названием: «первое представительное собрание для установления государственного правопорядка». Д. Н. Шипов со своей группой отделились: для них был достаточен «государственный земский совет» для «предварительной разработки» законопроектов, вносимых затем «особым правительственным учреждением в окончательной форме на рассмотрение государственного земского совета». Их удовлетворяло также представительство от реорганизованных земских учреждений.

Поражение при Цусиме дало новый толчок для давления на правительство. Д. Н. Шипов созвал последний «коалиционный» съезд 24—26 мая³⁹, пославший депутацию в июне к государю (известная речь кн. С. Н. Трубецкого)⁴⁰. В дальнейшем, пути земцев-конституционалистов и земцев-монархистов [...] ⁴¹.

[пос]тоянное общение с органами «крестьянского союза»⁴² и содействовать всеми мерами учреждению мелких крестьянских союзов на платформе, соответствующей основным положениям «С[оюза] О[свобождения]», и посылке этими союзами делегатов на всероссийский съезд крестьянских союзов (учредительный съезд всероссийского) крестьянского союза состоялся в Москве 31 июля — 2 августа 1905 года. На нем присутствовало свыше 100 представителей из 28 губерний и 25 представителей интеллигенции).

На съезд 12 октября⁴³, вследствие всеобщей забастовки, вынудившей правительство дать манифест 17 октября, могла приехать только часть ожидавшихся участников. Тем не менее именно ввиду манифеста нельзя было далее откладывать создания политической партии, — тем более, что все элементы для нее, как видел читатель, были уже вполне готовы.

ОБРАЗОВАНИЕ ПАРТИИ И ЕЕ ПЕРВЫЕ ШАГИ

П. Н. Милюков уже во вступительной речи 14 октября 1905 года на учредительном съезде партии мог следующим образом определить характер партии, как он сложился в итоге политической борьбы первого пятилетия XX века. «...тесная связь образующейся партии с предшествовавшим ей общественным движением составляет главное основание ее теперешней силы: с этим же связаны, однако, и некоторые слабые стороны партийной жизни..., все были согласны в... стремлении к **политическому** «освобождению»... Мало-помалу... выяснилось, что их связывает... не одна борьба за конституцию, но что при всех различиях в оттенках, все активно борющиеся группы **наст-**

роены демократически. Социальные реформы — аграрные, рабочие, финансовые — выяснились, как та живая цель, то содержание, к осуществлению которого русское освободительное движение хотело идти путем политической реформы... эта окраска исключала, справа и слева, группировки на определенном классовом начале: конституционно-демократическое течение фактически отмежевалось, с одной стороны, от чистой классовой доктрины пролетариата, с другой, — от общественных элементов, надеющихся со временем создать политические группы аграриев и промышленников... Справа... против нас выставляют принципы единства России и неприкосновенности частной собственности, — как будто, мы отрицали единство и частную собственность: ни того, ни другого к. д. партия, разумеется, не отрицает, но она является **непримиримым противником бюрократической централизации и министерства...** Между нами и нашими — мы хотели бы сказать, не противниками, а союзниками слева, также существует... грань... Мы не присоединяемся к их требованиям демократической республики и обобществления средств производства. ...одни..., потому что считают их (эти лозунги — П. М.) вообще неприемлемыми, другие — потому, что считают их стоящими вне пределов практической политики... Сохраняя связь с интеллигентскими традициями, мы делаем **первую попытку** претворить интеллигентские идеалы в осуществимые практические требования и взять из литературных деклараций все, что может быть введено в политическую программу..., наша программа является, несомненно, наиболее левой из всех, какие предъявляются аналогичными нам политическими группами западной Европы. Этот характер программы может быть не оценен по достоинству в момент такого высокого напряжения общественных сил, какой мы сейчас переживаем, — но он, без сомнения, будет оценен впоследствии».

Выбранная партией центральная позиция с некоторым уклоном влево, соответственно ходу общественной борьбы, имела в виду объединить общественные силы в борьбе за непосредственно достижимое. Но это объединение не удалось. Позиция партии подверглась резкому обстрелу и слева, и справа. Справа, при поддержке гр. Витте⁴⁴ против нее была выдвинута довольно искусственно созданная партия «октябристов»⁴⁵, лидер которой, А. И. Гучков⁴⁶, своими заявлениями на сентябрьском съезде⁴⁷ против польской автономии поставил свою кандидатуру в вожди националистов. Создана была целая клеветническая популярная литература против партии к. д. Ее обвиняли в намерении расчленить Россию и ввести республику, хотя именно примирение русской интеллигенции с польской, финляндской, украинской и др. впервые вводило желания национальностей в приемлемые для обеих сторон рамки, вполне совместимые с единством России, и хотя уже сентябрьский съезд постановил, что конституция, которую выработает учредительное собрание, должна быть «утверждена государем». Этими же правыми настроениями объясняется выход из партии кн. Е. Н. Трубецкого⁴⁸, давший повод П. Н. Милюкову в печатном ответе ему (в «Русских Ведомостях») ⁴⁹ точнее определить отношение партии к монархии.

«Я понимаю, — писал П. Н. Милюков, — что можно быть индивидуалистом или коллективистом по **убеждению**, потому что тут речь идет о целом мировоззрении... Но я отказываюсь понять, и особенно отказываюсь понять в устах специалиста по государствоведению, что значит быть «монархистом» или «республиканцем» по убеждению. Я всегда думал, ... что современная философско-политическая мысль стоит на признании принципа **относительности** достоинств и недостатков той или другой формы правления». Кн. Трубецкой считал, что монархичность партии есть «единственный шанс» для «успеха среди народных масс». П. Н. Милюков отвечал ему, что этот шанс — в том,

что к. д. партия есть партия **демократическая**. На упрек в социалистичности партии П. Н. Милюков возразил: «ничего специфически социалистического не введено партией в ее программу..., но может ли кн. Трубецкой определить точную границу, где кончается влияние социалистических идей на политические и социальные взгляды русской интеллигенции?» Наконец, на обвинение в том, что партия остается «звентуально-революционной», ответ был: к. д. партия «есть по существу партия парламентская... но... попробуйте отнять у нас завоеванное,— и мы снова все сделаемся революционерами». Так определилась граница партии направо.

Гораздо опаснее для успеха первой русской революции были разногласия левых, т. е. социалистических течений с партией народной свободы. Левые настроения были сильны и в самой партии; но здесь они встречались с практической подготовленностью земцев и с политической осведомленностью университетской интеллигенции. Решимость партии — направить начинавшуюся жизнь в русло реальных отношений — казалась социалистической интеллигенции, при тогдашнем максималистском ее построении, уже какой-то изменой принципам демократизма. Реальное соотношение сил, даже и без этих внутренних споров, менялось не к выгоде русской общественности. Мир с Японией, возвращение войск из Маньчжурии, успех правительственного займа за границей — все это усиливало позицию правительства. А общественность в то же время ослабляла себя коренными разногласиями в тактике. Единый до 17 октября фронт русской общественности распался почти тотчас, после опубликования манифеста. Левая общественность рассчитывала поднять население для активной борьбы с правительством и вынудить у последнего капитуляцию перед полной интеллигентской программой. На меньшем, чем созыв учредительного собрания на основе т[ак] наз[ываемой] «четырёххвостки», при вполне осуществленных политических свободах и без предрешения формы правления, левая общественность не хотела мириться. А к. д. партия призывала к конституционной борьбе **внутри** несовершенного законодательного учреждения. Пути общественности при такой разнице тактики расходились. Левое крыло «Союза Освобождения» (Лутугин, Прокопович, Кускова и др.) откалось войти в партию к. д. на учредительном съезде. Образованный в мае 1905 года «Союз Соезов», ведший под председательством П. Н. Милюкова сравнительно умеренную линию после ареста его первого состава, в день издания «Бульгинской» Думы⁵⁰, на квартире Милюкова, склонился на сторону открытой революционной борьбы. Но и он скоро был отодвинут на второй план «Советом рабочих депутатов»⁵¹, органом пролетарской революции. В Совете появились фигуры Троцкого⁵² и Парвуса⁵³, провозгласивших «перманентную» революцию вплоть до победы пролетариата. Промелькнул и Ленин. Революционные вожди злоупотребили формой всеобщей забастовки, удавшейся 17 октября, но провалившейся при двукратном повторении⁵⁴. А в декабре они позвали население Москвы на баррикады. Тщетно П. Н. Милюков неоднократно предупреждал печатно, что эта тактика ведет к провалу не только левого, но и всего общественного движения.

В декабре 1905 года П. Н. Милюков писал в «Свободном Народу»⁵⁵, № 1: «Нашим крайним партиям мы говорим: ...у нас есть общие цели с вами,... но вы себя изолируете и сами роете себе яму, ставя революции недостижимые цели, разнудывая ее стихийные силы и объявляя революцию непрерывной. Никакие ссылки на исключительные условия революционного периода, переживаемого нами, не могут освободить вас от признания законов истории — хотя бы в том виде, как признала их доктрина экономического материализма... Помните, что напряжение борьбы бывает тем недолговечнее, чем оно

сильнее; ...и что только то переживает настоящий момент, что можно будет поставить под охрану нового закона. На создание этого закона и права, а не на увековечение революции, должны быть дружно направлены все творческие революционные силы».

Как только гр. Витте увидал, что национальные задачи борьбы заменились классовыми, он без малейшего труда арестовал совет рабочих депутатов⁵⁶, а московское декабрьское восстание было подавлено. Вместе с этим сильно ослаблена была и позиция конституционно-демократическая. Сам гр. Витте подвергся ожесточенным нападкам организовавшегося дворянства. Он принужден был, прежде всего, удалить своего министра Н. Н. Кутлера⁵⁷, который готовил, по его поручению, проект решения аграрного вопроса в духе к. д. А затем, ненавидимый царем за октябрьский манифест, Витте должен был уйти и сам, уступив свое место Горемыкину⁵⁸, который заранее соглашался разогнать еще не собравшуюся государственную думу, если она поставит на очередь радикальное решение аграрного вопроса. Судьба первой думы была, таким образом, предрешена еще перед выборами. С другой стороны, левая общественность, уже разбитая по существу, решила бойкотировать самые выборы в первую думу...

Положение партии народной свободы становилось очень трудным. Призывая к конституционной борьбе, она не имела исходной опорной точки для этого рода борьбы: не имела настоящей конституции. Гр. Витте, конечно, не мог принять принципиальной позиции партии: созыва учредительного собрания на всеобщем избирательном праве для выработки конституции. Но он не мог принять и совета П. Н. Милюкова⁵⁹ — просто издать октроированную, но **настоящую** демократическую конституцию: по его признанию, царь не хотел ограничивать своей власти. «Основные законы», опубликованные 23 апреля 1905 года⁶⁰, были полны уловок, сохранявших неограниченность верховной власти и делавших в значительной степени фиктивными уже сделанные уступки. Только сплоченная воедино общественность могла принять бой на этой почве со сколько-нибудь вероятным расчетом на успех. Но этого единого фронта в начале 1906 года уже не существовало.

Левая общественность поняла свою ошибку, когда в ее отсутствие выборы в первую думу дали, при невмешательстве правительства, надеявшегося получить послушное крестьянское большинство — многочисленную и сплоченную группу членов партии народной свободы (но не большинство). Этот триумф партии далеко еще не был, однако, залогом успеха. Сознывая чрезвычайную хрупкость нового законодательного учреждения, партия должна была приготовиться действовать в думе с величайшей сдержанностью. Но, с другой стороны, вся психология момента и все лозунги левых течений были против этой сдержанности. В докладе на партийном съезде⁶¹, за неделю до созыва думы, П. Н. Милюков так характеризовал это положение. «Победа обязывает, говорили нам справа и слева. Работать с правительством или бороться с правительством до народовластия?» **Партия определенно наметила себе свой путь между двух крайностей...** всеобщее избирательное право,.. коренная земельная реформа, справедливые требования национальностей...» Для всего этого надо остаться в думе как можно дольше. А для этого надо действовать **«в рамках учреждений 20 февраля»**. Не избегать конфликта во что бы то ни стало, но стремиться к тому, чтобы конфликт был возбужден не думой, а теми, кто посягнет на «осязательное, важное и полезное для народа», что дума умеет сделать до конфликта. Крестьянские члены думы очень скоро освободятся от непрошенных опекунов справа и пойдут вместе с партией к. д., в рядах которой уже и теперь немало депутатов от крестьянства. Вместе с партией будут действовать национальные группы. Нужно помнить, что **не** переуст-

ройство всего учреждения думы и совета и не выражение народного негодования против администрации или открытая борьба с ней, а именно проведение аграрной реформы и нового избирательного закона есть ближайшая задача думы.

Таков был план партии народной свободы при вступлении в думу. Осуществить его не удалось не столько потому, что настроение в самой партии мало благоприятствовало сдержанной тактике, но, главным образом, потому, что партии пришлось бороться не только направо, но и налево. Слева шли определенно-революционные настроения и сладить с ними — настолько, чтобы обезвредить давившую на правительство справа дворянскую реакцию,— не удалось.

ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ В ПЕРВЫХ ДВУХ ДУМАХ

Партия к. д. в первой Г[осударственной] Думе имела 184 члена⁶², что составляло 38% всего состава думы. Другими словами, большинство она могла составить только вместе с другими оппозиционными партиями, т. е. прежде всего с «трудо­вой группой»⁶³ (85 членов, или 18%) и с социалистами (26 членов, или 5%). Между тем социалисты сразу начали борьбу за влияние на «трудо­виков» и за замену парламентской тактики — революционной. Уже 4 мая «Дело Народа»⁶⁴ предлагало «поднимать Ахерон»⁶⁵. Больше­вистский петербургский комитет социал-демократической партии восстал против меньше­вистского ЦК и решил, что дума «непригодна для революции», «бес­сильна», «нерев­олюционна и неспособна к решительной борьбе». Тогда же решено было отколоть трудо­виков от «либеральных партий» и внушить им «более решительную и последовательную политику», а именно — «требовать от думы» «открытого обращения к народу» с заявлением о своем бессилии, после чего «народу придется самому взять все это — дело идет к **решительной борьбе вне думы**».

А, с другой стороны, в то же время в «Правительственном Вестнике»⁶⁶ печатались телеграммы от «союза русского народа»⁶⁷, от отделов «русского собрания»⁶⁸ и «монархической партии»⁶⁹ с требованиями «убрать думу» и с обещаниями, что «весь русский народ» поддержит царя. Таким образом, из двух крайних органов одинаково призывали к революционным действиям против думы и новых основных законов и к непосредственной схватке красных и черных. 10 мая орган партии к. д. «Речь»⁷⁰ характеризовала сложившееся положение так. «Трудность положения парламентских партий в такое время, как наше, заключается в том, что, призывая крайние левые партии перейти к парламентским формам борьбы, мы и сами не можем еще считать эти формы окончательно завоеванными русской жизнью... элемент неопределенности есть в самом положении..., и... ответственность за... могущие произойти осложнения, разумеется, лежит не на партии народной свободы, а на тех, от кого зависит продлить или, напротив, сократить переходный характер момента... Логика всех революций вытекает из... неспособности старого порядка добровольно и вовремя уступить» и «невозможности для... народных страстей сразу успокоиться и добровольно согласиться на компромисс... Если бы мы могли верить в... цель (социалистических партий — П. М.)..., мы... считали бы водворение парламентского строя помехой... Но нам такие надежды и перспективы кажутся утопическими. Программа преобразований, выдвинутая настоящим парламентским большинством, кажется нам максимумом того, что, вообще, может быть достигнуто в области политической и социальной реформы в настоящее время. Вот почему... все общественные усилия всех партий должны быть направлены не на взаимную борьбу, а на достижение этого ближайшего результата. Расшатывая изо всех сил общественное доверие к думе..., наши левые партии... подрывают тот сук, на кото-

ром они же хотят удобнее усесться...», с другой стороны, на «дважды безответственных советников короны и падает главная ответственность за то роковое непонимание, за то непонятное ослепление,.. с которыми они пропускают, может быть, последний благоприятный момент, чтобы избежать новых катастроф...». Так, 1906 год прообразовал 1917. Монархия, неспособная воспользоваться блестящим составом народного представительства первой думы, в которой комиссаром народа с короной был еще возможен, сама шла навстречу своему падению.

«Обращение к народу»⁷¹, на котором настаивали социалисты, действительно состоялось — и послужило поводом роспуска думы, 20 июня 1906 года появилось правительственное сообщение по аграрному вопросу, предreshавшее исход ее законодательной работы. 27 июня был принят запрос по этому поводу 116 депутатов, и деп[утат] В. Д. Кузьмин-Караваев⁷² предложил ответить на правительственную провокацию «сообщением» населению. Опасность такого «сообщения» для дальнейшего существования думы была очевидна. Кузьмин-Караваев всегда был противником лидеров партии народной свободы и в своих политических блужданиях не раз перескакивал через голову партии справа налево. Заметив опасность, руководители партии пытались сделать «обращение», по возможности, сдержанным и отмежеваться от возможных левых толкований его. При голосовании «обращения» (7 июля) трудовики, поэтому, воздержались. Комментируя это голосование и отвечая на упреки противников, «Речь» в самый день роспуска думы (9 июля) писала: «Акт, предпринятый по почину лица, чуждого партии народной свободы, и больше всего пропагандировавшийся трудовой группой, вызвал обличения, как специальная политическая махинация господствующей партии». Это, конечно, было неверно.

Роспуск государственной думы, как мы видим, решен был еще до ее созыва. Это решение было одним из мотивов ухода гр. Витте. Единственным способом избежать роспуска, который, при создавшемся конфликтном положении, являлся неизбежным, при нормальном функционировании представительных учреждений было бы создание правительства, ответственного перед большинством [Государственной] думы. Как известно, попытки некоторого предварительного нащупывания почвы для создания такого кабинета и были сделаны. С ведома государя, Д. Ф. Трепов⁷³ имел свидание с П. Н. Милюковым, П. А. Столыпиным⁷⁴, беседовал с ним и Д. Н. Шиповым, Ермолов⁷⁵ вел беседу с Милюковым в присутствии С. А. Муромцева⁷⁶, намечавшегося в премьеры, и т. д. Но все эти попытки лишь обнаружили ту пропасть, которая продолжала отделять правительство от общественных деятелей. Д. Н. Шипов, как не представлявший большинства, корректно отказался от предложения, условия П. Н. Милюкова были доложены государю Столыпиным, как ведущие к «гибели» России, а С. А. Муромцев официально «призван не был». Голоса «объединенного дворянства»⁷⁷ и «союза русского народа», которому государь обещал, что самодержавие будет, «как встарь» и «солнце правды воссияет», — были гораздо сильнее не только голосов, к. д., но и голосов более либеральных министров. И разгон думы был решен: аграрное «обращение» послужило лишь удобным поводом для давно задуманного шага.

На несколько дней роспуск думы снова объединил всю русскую общественность. Тактическим шагом, на котором произошло это объединение, был знаменитый Выборгский манифест⁷⁸. Идея манифеста, призывавшего население до назначения срока созыва новой думы к отказу в платеже податей и поставке рекрут, принадлежит партии народной свободы. В представлении партии это была угроза исключительно на случай несозыва думы или изменения избирательного

закона. **И эта цель была достигнута:** правительство не уступило правам партиям ни в том, ни в другом **из опасения** народного движения. Призыв к населению, в глазах партии народной свободы был логическим **конституционным** последствием **неконституционного** характера роспуска первой думы, без назначения срока выборов в следующую думу. Прецеденты такого шага партия находила не только в английской конституционной теории, но и в подобном же шаге венгерской оппозиции, вследствие разногласий с правительством по вопросу народного образования. Инициаторы манифеста, решенного в ночь на день роспуска думы, прекрасно понимали, что они рискуют, в случае более чем вероятной неудачи, потерей избирательного права. Но они считали своей обязанностью, как народных избранников, принести эту жертву, чтобы до конца защитить народные интересы имеющимися в их распоряжении средствами.

Было тут и другое соображение. При повышенном настроении среди членов Гос[ударственной] думы и при предполагавшемся тогда отношении народа к факту разгона думы можно было ожидать — и само правительство ожидало — ряда вооруженных столкновений. Манифест, задуманный партией народной свободы, предупреждал возможное кровопролитие и отсрочивал начало активного сопротивления до осеннего набора, т. е. до момента, когда могли бы выясниться шансы успеха. Когда выяснилось, что шансы сопротивления весьма слабы — и когда, с другой стороны, появился указ о выборах во вторую думу на основе **прежнего** избирательного закона, партия на специальном съезде⁷⁹ отменила для своих членов действие Выборгского манифеста.

Расчеты левых партий шли гораздо дальше. Они только мирились с Выборгским манифестом и приняли в нем участие потому, что он объединил **всю** думскую оппозицию. Но в то же время они пошли намеченным ими ранее революционным путем и подняли восстание в Свеаборге и Кронштадте⁸⁰. Вступить на этот путь к. д. партия категорически отказалась, когда, тотчас после заседаний в Выборге, это было ей предложено на съезде в Териоках⁸¹.

Как и предсказывала партия к. д., правительство вышло победителем из этой борьбы. Последствия этой победы для самой партии не замедлили сказаться. Партия попала в положение гонимой. Ей было дважды отказано в «легализации». Ее бюро в Москве, Воронеже, Саратове подверглись обыскам, началось изгнание земских служащих, неутверждение в земских должностях, высылки из губерний, привлечение к суду по 129 статье. 120 выдающихся членов партии были привлечены за подписание Выборгского манифеста и не могли уже участвовать в следующих выборах. Муханов⁸², Павел Долгоруков⁸³, Сабуров были лишены придворного звания. Правительство приняло усиленные меры для проведения на выборах в думу кандидатов правительственных партий. Чтобы парализовать аграрные проекты думы, были проведены в порядке исключительного законодательства (87 статья) аграрные декреты в дворянском духе⁸⁴.

Страна ответила на все эти меры, послав во вторую думу еще более радикальное представительство. Этому, впрочем, в отдельных случаях, содействовало само правительство и правые. Пуришкевич⁸⁵ недаром провозгласил на дворянском съезде⁸⁶ перед выборами, что специальной задачей выборов должна быть, ввиду **опасности умеренной думы**, борьба с кадетами. «Пусть лучше, — говорил он, — останутся в большинстве крайние левые, преобладание коих поведет к роспуску думы. Так решает союз русского народа. Кадеты умнее; срывать с цепи они во второй думе не будут». И доклад бюро дворянского съезда 14 ноября 1906 года гласил: «Вопрос о роспуске второй думы сомнителен, ибо еще неизвестно, будет ли у правительства достаточный

для того повод. Возможно, что дума, наученная опытом прошлого, будет вести себя так корректно и прилично, что **не к чему будет придираться...**». Чего доброго, прибавлял Шарапов⁸⁷ к этим словам докладчика Зыбина⁸⁸, «дума станет постоянным учреждением». Вот чего все-го больше боялись крайние правые.

Опасения правых, благодаря к. д., в значительной степени оправдались. Правда, члены партии во второй думе составляли уже едва четвертую часть [II] думы (117 членов), т. е. 24%, однако, на второй день их было уже 124. Число крестьян в к. д. фракции за время существования второй думы поднялось с 12 до 34, т. е. почти утроилось. Число трудовиков во второй думе поднялось с 85 до 97 (20%), социалистов — с 26 до 85 (18%). Опасность полного крушения думы была, однако же, настолько ясна, что выставленный к. д. лозунг «бережения думы» невольно стал лозунгом и других групп, особенно депутатов-крестьян. Подводя итоги деятельности партии к. д. во второй думе, П. Н. Милюков писал: партия продолжала неустанную борьбу, которую еще в 1-ой думе она «вела против игры в «полновластную» думу, против резолюций прокламационного характера, против бессильных попыток расширить права думы фактическим захватом, против злоупотреблений запросами и против бесконечных словоизлияний думских ораторов. Принятием (во 2-ой думе — П. М.) нового наказа⁸⁹, гораздо более строгого и точного, определением общей программы законодательных работ, «канализацией» вопросов — всем этим прежним злоупотреблениям и недостаткам положен конец. Во вторую думу народные представители вошли с более точным учетом сил, с более строгим выбором очередных задач, — но и с громадным наследством желаний, требований, надежд, возложенных народом на первую думу... Надо было выбирать между риском потерять думу или риском потерять популярность... Чего же мы достигаем?.. Отрицательно мы характеризуем размер минимальных требований, необходимых для успокоения страны. Положительно, мы подчеркиваем объективную обязательность уступки. Но мы ничего не добьемся? Ничего не добьются без нас и наши антагонисты...».

Чего хотели крайние партии? Отвечая международному социалистическому бюро⁹⁰, уже после роспуска думы, П. Н. Милюков так формулировал ответ. Они хотели, «чтобы бессильная в собственных делах дума превратилась во всесильное правительство и стала во главе несуществующего в стране движения». Хотели «провести декреты от организации автономных коммун с законодательными правами относительно коренных вопросов социальной реформы; ...передать думе права исполнительной власти и разослать ее членов по всей России для организации этих местных ячеек»; променять «свою реальную власть в вопросах законодательства на платонические отказы правительству в деньгах и армии»... Меньшевики на Лондонском съезде⁹¹ дали, в сущности, такую же оценку полной невозможности затевать конфликты в думе, когда нет соответственного подъема в стране.

О том, что теряют левые партии с потерей второй думы, П. Н. Милюков предупреждал их еще 28 марта 1907 года в публичной лекции. «Те, которые каждую минуту подвергают опасности думу, должны помнить, что **они рискуют не только одной этой думой, но и избирательным законом**: тем, что третья дума не соберется в этом составе. И те, кто потерял надежду на «активные выступления», должны помнить, что **то, что они потеряют теперь, наверстать не так легко**».

Не нужно было быть пророком, чтобы предвидеть это последствие соединенной тактики революционеров слева и справа. По словам отчета П. Н. Милюкова о деятельности парламентской фракции, «обе крайности... с думской кафедры зывали к непосредственному вмешательству народа — одни для восстановления самодержавия, другие для

осуществления народовластия. Обе, для выполнения своих целей, нуждались в обращении к реальной физической силе., обе ...подкапывали даже и то значение, которое начинал было приобретать в умах наш новорожденный и далеко еще несовершенный конституционализм. Опасность со стороны реставраторов самодержавия, несомненно, усиливала революционное настроение, а проявления революционализма давали пищу заговору против конституции». Две пятых состава второй думы каждую минуту «готовы были ежеминутно сойти с почвы конституции и закона»... В результате «вместо борьбы оппозиции (насчитывавшей в этой думе 68%: цифра почти не уступавшая **численности** оппозиции первой думы — 69%) за власть получилась... борьба представительства за существование».

Что касается, в частности — возможности изменения избирательного закона, ее могли легко предвидеть все те, кто следил за деятельностью «съездов уполномоченных дворянских обществ». Дворянство боролось против сравнительно либерального избирательного закона 11 декабря 1905 г.⁹² с самого его появления. На съезде 21 мая 1906 года дворянские делегаты, кроме адреса государя против аграрных проектов думы (сыгравшего роль в роспуске первой думы), поставили также вопрос о поправках к избирательному закону. На 14 ноября 1906 года они созвали второй, экстренный съезд, который уже перед выборами во вторую думу требовал немедленного изменения избирательного закона. Но тогда еще не прошел страх перед возможностью народных движений. После неудачи правительства на выборах положение изменилось. Союз русского народа, больше всего боявшийся, как мы видели, умеренности партии народной свободы, перешел в открытое наступление против думы. Заранее было условлено, что когда появится знак черного креста на столбцах «Русского Знамени»⁹³, все отделы союза русского народа (их числилось 205)⁹⁴ должны «тотчас же начать обращаться с телеграммами к государю императору и требовать немедленного роспуска думы и изменения во что бы то ни стало избирательного закона». Черный крест появился 16 марта, в день убийства союзниками депутата Йоллоса⁹⁵, ближайшего товарища депутата Герценштейна⁹⁶, убитого после роспуска первой думы (оба были к. д.). В думе начался ряд выходов правых, пытавшихся поймать думу на оскорблении величества. Граф Витте теперь печатно подчеркивал, что государь «самодержавный», а Пуришкевич обвинял председателя думы Ф. А. Головина (к. д.)⁹⁷, что он позволил одному депутату сказать, что «самодержавия больше не существует». Уверенность заговорщиков в успехе была такова, что в конце мая Пуришкевич прямо заявил в интервью, что, самое большее, через две недели дума будет распущена.

Развязка наступила, как только было готово новое избирательное «положение» (называть его «законом» нельзя, ибо оно было издано в порядке государственного переворота, с прямым нарушением основных законов 20 февраля 1906 года⁹⁸, по которым без согласия думы избирательный закон 11 декабря 1905 года не мог быть изменен). В поводах к роспуску не было недостатка. Полиция давно знала, что члены думы, социалисты, разбегавшись на пасхальные каникулы, агитировали за народное восстание. Была пущена в ход маленькая провокация, чтобы добыть доказательства их агитации в войсках. 2 июня **вся** с[оциал]-д[емократическая] фракция, без исключения, была привлечена к суду. Не только огульность обвинения и слабость доказательств, но просто наказ думы требовал передачи правительственного предложения в комиссию для предварительного рассмотрения. Комиссия собралась и приступила к рассмотрению дела немедленно. Но правительство не желало дожидаться и истолковало передачу в комиссию, как отказ думы в выдаче обвиняемых членов ее. Предвидя немедленный роспуск, думское большинство под влиянием к. д. решило до кон-

ца демонстрировать свою корректность и в последнем заседании отказалось провести предложение левых — в полтора часа отвергнуть бюджет и отменить правительственные аграрные декреты, изданные по 87 статье. Этим дума наглядно опровергла обвинение в своей революционности **в целом**.

3 июня 1907 года вторая дума была распущена и в тот же день издан заготовленный товарищем министра вн[утренних] дел Крыжановским⁹⁹ избирательный закон. Желания дворянства были осуществлены. Новый избирательный закон давал дворянству безусловный перевес в думе и для достижения этой цели вводил чрезвычайно сложную, многостепенную систему выборов по «куриям», которая давала громадное преимущество дворянству и зажиточному купечеству над средним городским сословием, рабочими и крестьянством. Представителей крестьян и рабочих в последней стадии выбирали дворяне — землевладельцы и зажиточные горожане. Представительство России становилось, таким образом, фиктивным и превращалось в представительство правящего класса. Положение 3 июня привело Государственную думу в полную гармонию с реформой земств гр. Толстым¹⁰⁰ в 1890 году. Этим, несомненно, закреплялось существование думы, переставшей составлять исключение в системе старорежимных учреждений. Но, с другой стороны, дума отрывалась от страны и переставала служить предохранительным клапаном от насильственных переворотов. Именно положение 3 июня 1907 года обессилило Государственную думу при ее встрече с революцией 1917 года. Не предупредив новой революции, существование бессильной думы, однако, в известном смысле, ее ускорило, так как даже бессильная дума сделалась рупором народных желаний. А отношение к думе власти продолжавшей претендовать на неограниченность, развратило и настроило оппозиционно даже и умеренные элементы общественности.

АГРАРНЫЙ ПРОЕКТ ПАРТИИ К. Д.

Прежде чем перейти к деятельности партии в двух последних думмах, необходимо остановиться на той стороне ее деятельности, которая дала ей наибольшее право на название демократической и наиболее привлекла к ней внимание крестьянского населения. Партия народной свободы выставила проект разрешения аграрного вопроса¹⁰¹, который хотел соединить преимущества социальной справедливости и строгой законности. Для своего времени этот проект был наиболее радикальным из осуществимых и наиболее осуществимым из радикальных. Его достоинства, быть может, стали еще ясней теперь, когда, хотя аграрный вопрос и разрешился в том направлении, которого желала партия н. с., но разрешился хаотическим порядком, без тех гарантий, которые должен был дать закон, без соблюдения законных прав обеих сторон, без охранительных мер для нового распределения земли и, следовательно, без ручательства за прочность этого распределения.

Внимательное отношение партии к аграрному вопросу, как наиболее существенному из всех, сказалось, как в решимости поставить этот вопрос на очередь немедленно, не дожидаясь созыва учредительного собрания, так и в продолжительной работе над партийным законопроектом. «Доктринерские соображения (левых — П. М.), чтобы отложить решение земельного вопроса до правильно избранной думы... — говорила «Речь» 21 апреля 1905 года (по поводу третьего съезда партии), — бледнеют... перед подлинным голосом земли. ...теперь, более, чем когда-нибудь, мы считаем невозможной никакую отсрочку в постановке аграрного вопроса». Партия знала опасность, которой подвергает думу острая постановка аграрного вопроса: но в этом случае

она решила «не останавливаться перед возможностью разрыва с правительством».

Программа решения аграрного вопроса была уже разработана в общих чертах «Союзом Освобождения». Эта программа была не только принята на учредительном съезде партии к. д., но даже несколько радикализована (именно к принципу отчуждения частновладельческих земель прибавлено: «в потребных размерах»). Некоторые члены партии шли еще далее и требовали указания на передачу «всей обрабатываемой или подлежащей обработке земли в руки трудящихся»; другие желали признания руководящего принципа «национализации». Но так далеко партия не пошла. Третий съезд партии (апрель 1906) согласился лишь расширить понятие «земельного фонда» с временной посредствующей меры до постоянного государственного учреждения: земельный фонд становился неприкосновенным и раздавался лишь в долгосрочное **пользование**. Этот принцип был введен и в проект 42-х членов первой думы, внесших аграрный проект: но, именно поэтому, он и внесен был не от имени всей фракции, а только от имени подписавших его членов. Принцип «национализации» земли был во всяком случае не принят и здесь. «Речь» писала по этому поводу (№ 57): «провозглашение принципа «национализации земли»... было бы равносильно формальному отрицанию частной собственности на землю: такая формула вызвала бы протест не только со стороны принципиальных сторонников частной собственности, но и со стороны **могущественного тяготения в сторону частной собственности в среде даже и самих крестьян-землевладельцев...** при первой попытке провести принцип полной национализации в жизнь, тотчас же обнаружилась бы та огромная пропасть, которая отделяет отвлеченный принцип от его практического осуществления... Крестьянин... не потерпит сколько-нибудь серьезного вмешательства в сферу своих собственных земельных отношений... **флаг «национализации»... очень скоро придется спустить, как только мы столкнемся с собственностью крестьянской.**

В этом духе намечалось решение и в подкомиссии первой думы, под председательством М. Я. Герценштейна. Там была принята формула: «основания, на которых земли государственного земельного фонда будут передаваться земледельцам, будут установлены законом **по получении с мест** необходимых сведений, **согласно с местными условиями** землевладения и землепользования». Это возвращало проект к. д. к первоначальному тексту. Перед внесением во вторую думу проект подвергся новой переработке и впервые принял вид детально разработанного законопроекта, а не одних только общих положений. Работа эта производилась под председательством А. А. Муханова при участии таких знатоков вопроса, как присоединившийся к к. д. бывший министр Н. Н. Кутлер, земский деятель Черненко¹⁰², ученые-экономисты А. А. Кауфман¹⁰³, А. А. Чупров¹⁰⁴ и А. А. Корнилов¹⁰⁵. Для выяснения местных условий были устроены специальные областные съезды: в Москве, по центральным промышленным губерниям (24—27 ноября 1906), в Киевской губернии, в Петербурге (съезд земских статистиков разных губерний в конце декабря). После окончательного обсуждения собранных данных в заседаниях партийной аграрной комиссии (11—13 февраля 1907) в Петербурге, наконец, составлен был законопроект, рассмотренный центральным комитетом партии и принятый без существенных изменений партийной фракцией второй думы. За подписью 38 депутатов он внесен 19 марта 1907 года во вторую думу (в аграрной комиссии второй думы из 94 членов было только 11 к. д. Работа шла медленно и не закончилась ко времени роспуска). Здесь были уже указаны подробно нормы наделения, категории населения, которые получали землю, категории подлежащих передаче земель, приемы земельной оценки. О государственном земельном фонде этот проект вовсе не упоминает: земли передаются в **посто-**

явное пользование трудящихся (вместо «срочного» пользования под контролем государственных органов) — на тех же основаниях, как и надельные земли при освобождении крестьян в 1861 г. «Временное пользование не удовлетворяет народных желаний и не будет соответствовать нынешнему народному правосозданию», — полагала партия народной свободы. Как сказано раньше, проект партии народной свободы обратил на себя внимание крестьянства. В обеих первых думмах, пока крестьяне сами выбирали депутатов из своей среды, крестьянские депутаты частью входили в состав фракции народной свободы. Фракция эта приняла ближайшее участие и в организации особой трудовой группы крестьянских депутатов. Но очень скоро из-за влияния на крестьянство началась борьба. Первоначально правительство думало удержать крестьянских депутатов в повиновении у себя, поселило крестьянских депутатов первой думы в особом помещении и устроило особое наблюдение за ними. Это была ставка гр. Витте на «серенького». Тотчас, однако же, оказалось, что ставка эта бита. Крестьяне разбрелись по партиям и подверглись усиленной обработке социалистов-народников, которые усиленно настраивали их против партии народной свободы. В конце концов крестьяне должны были, однако, убедиться в достоинствах аграрного проекта партии и в преимуществах ее осторожной тактики. К концу существования второй думы, утомившись от роли непримиримой оппозиции, которую их заставляли играть, крестьянские депутаты устроили ряд совещаний с фракцией к. д., значительно сблизились с ней и, как указано, число крестьян в самом составе фракции утроилось. Даже и после изменения избирательного закона, пока была малейшая возможность, крестьяне остались верны партии народной свободы на всем севере России, на северо-востоке ее и в Сибири (крестьяне юго-востока пошли за с. р-ами, крестьяне юго-запада очутились в зависимости от правых националистических партий). С своей стороны, и партия не переставала защищать интересы крестьянства, видя в этом одну из основных задач своего демократизма.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ В ТРЕТЬЕЙ (1907—1912) И ЧЕТВЕРТОЙ (1912—1917) ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ

Избранная по положению 3 июня 1907 года, под непосредственным давлением правительства на выборах, третья дума была «помещичьей». (Гр. Витте выражался резко: он называл ее «лакейской»). Центральной партией в ней (122 члена) явился «союз 17 октября», поддержанный правительством и монархическими организациями, часть которых с Пуришкевичем во главе была приобретена за «темные деньги» в пользу «представительного строя». Связующей идеей нового правительственного большинства от Пуришкевича до А. И. Гучкова была идея «национализма». Ее выразителями в правой части думы (93 члена «национальной» фракции и 52 правых; сюда присоединились и 22 правых октябриста)¹⁰⁶ были гр. Вл. Бобринский¹⁰⁷ и П. Н. Крупенский¹⁰⁸, оба непосредственно зависимые от правительства. Даже и центральные октябристы заявляли устами С. И. Шидловского¹⁰⁹, что «для них **обязательно** работать с правительством». Таким образом, распустивши вторую думу, П. А. Столыпин получил свое послушное большинство, не враждебное представительному строю и даже с легким налетом конституционализма в центре. Его задачей становилась борьба против аграрных стремлений крестьянства и против национальных стремлений окраин. Конечно, при этом все законные стремления крестьянства и национальностей подводились под понятие «революции». Не только социалисты и трудовики (имевшие в тре-

твѣй думѣ по 14 представителей), но и партия народной свободы считались носителями революционных тенденций, которые предстояло искоренять. Партия народной свободы, как особенно опасная, подверглась особенному гонению и нападкам: ее всячески старались уличить в единомыслии и солидарности с крайними левыми и, как очистительной жертвы, требовали от нее формального «осуждения террора». Не ответственная за революционную тактику левых, с которой она, как мы видим, боролась в первых двух думах, партия, однако же, вовсе не хотела становиться в покаянную позу за чужие грехи. Отгесненная на положение чистой оппозиции, она по необходимости становилась ближе к левым, разделяя с ними и часть отрицательных задач, и положение преследуемой партии. Она особенно избегала при таком положении, всяких проявлений солидарности с правительством, вступившим в полосу столыпинских смертных казней (заклейменных знаменитым выражением Ф. И. Родичева: «столыпинский галстук»).

Положение фракции н. с. в первые месяцы третьей думы было чрезвычайно тяжелое. Выступления членов фракции сопровождались намеренным шумом и оскорбительными возгласами с мест. Каникулярная поездка П. Н. Милюкова в Америку была истолкована, как агитационный шаг против России, и правительственное большинство дважды вышло из залы заседаний во время его речи. Никаких положительных шагов фракция не могла предпринять, и принуждена была ограничиваться критикой правительственных законопроектов, послушно проводившихся правительственным большинством. Так, фракция, в лице А. И. Шингарева¹¹⁰ и П. Н. Милюкова, энергично защищала интересы крестьянства против аграрной политики П. А. Столыпина, направленной на искусственное разрушение общины в пользу наиболее сильных элементов крестьянства, из которых имелось в виду создать новое землевладельческое сословие, близкое к помещику и заинтересованное в защите приобретенной земельной собственности от новых революционных покушений. Как сказано выше, фракция прекрасно понимала значение крестьянской частной собственности и считалась с историческим процессом, ведущим к постепенной замене общинных форм землевладения и землепользования индивидуальными. Но она считала, что в разных частях России процесс этот достиг разных ступеней развития, и не хотела навязывать крестьянам формы землевладения сверху, с явным ущербом для рядовой крестьянской массы и с выгодой только для немногих. Крестьяне поняли позицию партии народной свободы, что было видно из того, что со всех сторон России и из Сибири потянулись к фракции крестьянские ходяки, пытавшиеся отстоять общинные земли от захватов столыпинских клиентов. Конечно, все усилия фракции ни к чему не привели, кроме частичных поправок в законопроекте. Начатый обсуждением 23 октября 1908 года декрет 9 ноября 1906 года принят был 8 мая 1909 года в качестве закона¹¹¹.

Не менее энергично фракция боролась в 1909—1910 гг. против ультранационалистических законопроектов, направленных к уничтожению финляндской государственности. Ораторы фракции неоднократно предупреждали большинство, что его агрессивно-националистические тенденции поведут к усилению сепаратистских настроений среди национальностей российского государства. Все предупреждения были бесполезны. Законопроект об общеимперском законодательстве Финляндии был проведен с такой спешностью, которая перешла все границы приличия, несмотря на все доказательства фракции, что закон «не нужен, опасен, противоречит закону и праву, вреден для государственных и национальных интересов». Столь же безуспешны были протесты фракции против двух конкретных законопроектов о Финляндии и против антисемитских демонстраций правительственного большинства.

Однако ряд причин постепенно усилил положение фракции народной свободы даже и в этой «думе 3 июня». Прежде всего большинство не могло отрицать значения деловой работы членов фракции (в особенности А. И. Шингарева) в бюджетной и других комиссиях, осведомленных выступлений П. Н. Милюкова по вопросам внешней политики и т. д. Затем, октябристский центр сам неожиданно попал в положение оппозиции, решившись прикоснуться к чувствительному для правительства вопросу о национальной обороне. Фракция народной свободы была оскорбительно и демонстративно отстранена от комиссии государственной обороны, как «неспособная сохранять государственные тайны». Но собственно борьба октябристов под предводительством А. И. Гучкова против беспорядков в армии и флоте, их демонстративный отказ в кредите на четыре новых броненосца, повлекли за собой «сторожевой окрик» Столыпина, заявившего в Государственном Совете (13 июня 1908), что есть «демаркационная линия», которую не позволено переступать ни своим, ни чужим.

Во вторую сессию 1908—1909 гг. плохо налаженное единомыслие большинства рвется по всем швам и внутренние противоречия псевдоконституционализма окончательно выступают наружу. После рождественского съезда «объединенного дворянства» правые партии вновь переходят в наступление против думы, требуя нового изменения избирательного закона и возвращения к старому строю. Октябристов объявляют «младотурками». В ожидании вероятного падения Столыпина (март — апрель 1909, его поездка в Крым)¹¹² уже готовится новый «умеренно-правый» центр под водительством П. Н. Балашева¹¹³. Летом 1909 г. Столыпин, по выражению «Нового времени»¹¹⁴, «осторожно отодвигается от октябристов», демонстративно именуя новый строй «чисто русским государственным устройством, отвечающим историческим преданиям и народному духу». Думская работа октябристов по обороне кончается высочайшим неутверждением их проекта морских штатов и опубликованием правил 24 августа 1909 года о порядке применения ст. 96 основных законов в смысле ограничения прав думы в военных вопросах¹¹⁵. А. И. Гучкову приходится поддержать запрос социалистов о незакономерности издания этих «правил», вторгавшихся в сферу законодательной компетенции думы, и 22 февраля 1910 г. он решается сделать тревожное признание: октябристы «и в стране и здесь» чувствуют себя «несколько **изолированными**». Действительно, дополнительные выборы в Москве, в Петербурге и Одессе, в которых прошли в думу члены партии народной свободы, показали, в какую сторону идут общественные настроения. И Гучков в той же речи 22 февраля счел нужным предостеречь правительство: состояние «прискорбной необходимости» исключительного режима прошло, и нет «препятствий, которые оправдывали бы замедление в осуществлении гражданских свобод...» **«мы ждем»**.

Это октябристское «мы ждем» повисло в воздухе. Октябристам пришлось капитулировать перед вновь появившейся «русской национальной фракцией», составившейся из националистов, умеренных правых, правых октябристов и крайних правых и представлявшей внушительную группу в 151 член. Конец сессии 1909—1910 гг. прошел в националистических демонстрациях. Это отразилось падением интереса к думе в стране и дальнейшим ростом оппозиционных настроений. Октябристы почувствовали, что в ожидании приближавшихся выборов в четвертую думу им надо спасать остаток политической репутации. Ибо надеяться и на этот раз на поддержку правительства им уже не приходилось.

Этим объясняется ряд оппозиционных выступлений октябристов в думе во время сессии 1911 г. (21 января, 24 февраля, 26 февраля). Во время прений по бюджету министр[а] внутр[енних] дел С. И. Шидловский прямо заявил, намекая на знаменитую фразу Столыпина: «спер-

ва успокоение, потом реформы» — что не только нет «успокоения», но что правительство «сеет новую смуту» и «администрация есть первый революционер», систематически преподающий «школу» беспартийности и произвола. Столкновение думы с государственным советом по законопроекту о западном земстве разрешается Столыпиным в явно антиконституционной форме роспуска думы на три дня (12—14 марта) для проведения закона по 87 статье, т. е. в порядке чрезвычайного внедумского законодательства. Эта последняя капля переполняет чашу, и А. И. Гучков покидает пост председателя Гос[ударственной] думы. 15 марта фракция народной свободы вносит запрос о закономерности указа 14 марта и в первый раз в третьей думе октябристы вместе с оппозицией принимают 27 апреля большинством 202 голосов против 82 формулу недоверия, выработанную при участии фракции народной свободы и признающую акт правительства незаконным, а объяснения Столыпина — неудовлетворительными. Правда, тотчас после этого новый председатель думы М. В. Родзянко¹¹⁶ соглашается с правительством относительно спешного окончания сессии думы к 15 мая, как раз тогда, когда Столыпин обязан был внести проведенный по 87 статье законопроект в Г[осударственную] думу.

Убийство Столыпина в Киеве (скончался 5 сентября) полагает конец той политической комбинации, уже сильно надорванной, на которой строилась деятельность большинства третьей думы. Наследник Столыпина, В. Н. Коковцев¹¹⁷, провозглашает в Киеве, что «довольно националистической реакции, теперь нужно примирение». Но он бессилен переменить курс внутренней политики и конец третьей думы протекает в остро-националистических тонах.

Выборы в четвертую думу летом 1912 года прошли под сильнейшим правительственным давлением. Заместитель Крыжановского А. Н. Харузин¹¹⁸ усердно подражал своему предшественнику. Бывшие депутаты усиленно «разъяснялись», внесение в избирательные списки всячески затруднялось, масса избирателей, особенно евреи, была лишена избирательных прав, выборщики тасовались по «куриям», как где было выгоднее для власти, невыгодные выборы отменялись, с непослушными выборщиками производились расправы. Но при изменившемся общественном настроении не помогли правительству даже и лазейки, оставленные положением 3 июня. Правда, октябрьский центр правительству удалось разгромить. В землевладельческих куриях администрация в союзе с духовенством усердно истребляла «левых октябристов». С другой стороны, и в городах, — где прорвалось общественное негодование, — октябристы терпели поражения от партии народной свободы. В итоге вместо 133 октябристов прошло лишь 98. Но не удалось создать и сильного правого крыла. По приказу Саблера¹¹⁹ решено было провести 150 священников от журий мелких собственников. Но тут уже запротестовало дворянство. Решено было приказать духовенству проводить кандидатов, которых укажет начальство. Всего попало в думу 185 членов правого крыла, делившихся на три группы (правых, националистов и умеренных правых, «груша центра»). Левое крыло насчитывало в четвертой думе 152 члена (59 членов партии народной свободы, 48 прогрессистов, 15 социалистов, 9 трудовиков, 15 польского кола, 9 мусульман). При обостренных отношениях между правым крылом и октябристами, **прочного большинства у четвертой думы не было**, и это отразилось на всей ее судьбе.

Осенняя сессия 1912 г. началась с выбора в председатели М. В. Родзянко — на этот раз голосами **октябристов вместе с оппозицией** при протесте националистов. И выбранный председатель в отличие от прежнего своего поведения заявил, что он «всегда был и будет убежденным сторонником представительного строя на **конституционных** началах». Такое начало четвертой думы было очень показательным,

Даже и Коковцев, который в третьей думе произнес свою знаменитую фразу, «слава Богу, у нас нет парламента», на этот раз заговорил о «строго-правовых основах, установленных манифестом 17 октября». Формула перехода, внесенная прогрессистами и принятая 132 голосами октябристов и оппозиции против 78 правых, выражала «уверенность, что нормальная законодательная деятельность возможна только при совместной работе правительства и законодательных учреждений в направлении **искренного** осуществления начал, возвещенных Высочайшим манифестом 17 октября 1905 г....». Подчеркивая значение этой формулы, фракция народной свободы на этот раз сочла своевременным внести в Гос[ударственную] думу составленные для первой думы законопроекты партии о свободе печати, совести, союзов и собраний. Этим она вынудила думу приступить, наконец, к законодательному осуществлению неосуществленных начал манифеста 17 октября. Все эти проекты были признаны думой «желательными» и переданы в комиссию. «Нежелательным» было признано только законодательное предложение партии к. д. о всеобщем избирательном праве и отвергнуто после продолжительных прений (27 февраля, 8 и 13 марта 1913 года), правым большинством 206 против 126. Однако по смете министерства внутр[енних] дел была принята опять левым большинством следующая формула октябристов: мин[истерство] вн[утренних] дел, «сохраняя после водворения спокойствия в стране действие исключительных положений, возбуждает в населении общее **недовольство** и вполне справедливые чувства **возмущения...** сильная власть может быть сильна, только опираясь на закон..., Министерство препятствует водворению в России правового порядка... и тем **усиливает в стране оппозиционное настроение...** способом применения действующих законов по отношению к отдельным национальностям» оно «разъединяет русских граждан... Дума... настаивает на скорейшем осуществлении широких реформ...». Фракция к. д. голосовала при этом впервые **против** смет мин[истерства] вн[утренних] дел и юстиции.

Правительство ответило на оппозиционное настроение большинства четвертой думы возобновлением похода против думы при участии правых. Уже при самых выборах имелось в виду создать правое большинство, которое пошло бы на добровольное сокращение прав думы. Но мы видели, что эта затея провалилась. П. Н. Крупенский собрал в свою группу предполагавшегося «центра» только 32 депутата. Тогда борьбу против думских прав взял на себя само правительство. В. Н. Коковцов для этой задачи не годился. На его место был «вытащен из нафталина» (30 января 1914 г.) Горемыкин. Началась систематическая кампания ограничительных толкований прав думы в области законодательной инициативы, запросов, неприкосновенности депутатского слова. Н. А. Маклаков¹²⁰ и И. Г. Щегловитов¹²¹ демонстративно проявляли свою близость к правым переворотчикам внутри Г[осударственной] думы.

Эта кампания сплотила левое большинство в Г[осударственной] думе. Во время прений по бюджету мин[истерства] вн[утренних] дел октябрист гр. Капнист¹²² заявил: «мы принуждены стать в... оппозицию... поневоле». И после этого заявления впервые в думе нашлось большинство для отказа в отдельных бюджетных ассигнованиях в виде политического протеста.

С начала 1914 года запахло приближением войны. В «Биржевых Ведомостях»¹²³ появилась статья, приписывавшаяся Сухомлинову¹²⁴: «Россия хочет мира, но готова к войне». «Речь» спрашивала по этому поводу 28 февраля: «не отличалось ли наше военное ведомство таким же оптимизмом, накануне нашего последнего разгрома» (японской войны). 1-го марта состоялось, в кабинете председателя думы совещание по вопросам обороны с участием Горемыкина и Сухомлинова.

Ответы обоих министров, особенно последнего, произвели на членов думы удручающее впечатление. Здесь было указано со стороны оппозиции на связь вопросов обороны с внутренней политикой. 26 апреля фракция к. д. решила распространить свою тактику голосований против бюджета также и на т[ак] наз[ываемую] «большую программу» вооружений, предпринятую по настоянию фракции. Но, предвидя неправильные толкования этого вопроса, П. Н. Милюков объяснил, что здесь имеется в виду вовсе не ослабление средств русской обороны, а политическое требование ухода данного кабинета или немедленной перемены его тактики. Возражая уже не в первый раз против националистических бряцаний оружием (А. И. Шингарев окрестил это бряцание крылатым названием «барабанного патриотизма»), П. Н. Милюков 10 мая 1914 г. предупреждал думу: «...дух авантюры нас охватывает..., я высказываю опасение, как бы и последнее ведомство, оставшееся европейским (мин[истерством] иностр[анных] дел — М. П.)... не потеряло возможности вовремя остановить гибельное движение... к новой катастрофе».

Как известно, эти предостережения фракции оказались тщетными. Воинствующий национализм во внутренней политике причудливо перепелся с национализмом во внешней политике. Думские националисты еще в третьей думе сделали из славянского вопроса свою особую специальность. Без всякого понимания сущности славянских взаимоотношений они, однако, усердно «барабанили» на старые славянофильские мотивы. Действительные ошибки нашей дипломатии во время нашей аннексии Боснии и Герцеговины, потом во время Балканских войн 1912—1913 гг., облегчали их дело. Участие в «неославянском» движении и съездах усилило в них славянофильский романтизм. Гр. В. Бобринский связался непосредственно с русофильскими антиавстрийскими течениями. Все это лишило наших националистов хладнокровия и независимости суждения как раз тогда, когда интересы России повелительно требовали этих качеств, после сараевского убийства¹²⁵. Самые элементарные соображения должны были побудить их сделать выбор между внутренней и внешней войной, но никак не пытаться вести обе войны сразу. Вся идеология начинавшейся мировой войны была совершенно чужда нашим националистам. Они это поняли, когда было уже поздно. Но в момент решения все эти соображения были забыты. Националисты бросились в пропасть войны и увлекли с собой всю Россию.

Перед лицом врага положение оппозиции круто изменилось. Фракция народной свободы сразу поняла это и явилась в Г[осударственной] думе первой провозвестницей того, что у наших союзников получило название «священного единения» (Union sacrée).

На другой же день по объявлении войны Германией центральный комитет партии народной свободы выразил «твердую уверенность, что их политические друзья и единомышленники... до конца исполнят свой долг российских граждан... Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства,— говорил ЦК,— отложим... внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия... Пусть... защитники наши не обращаются с тревогой назад...»

В последовавшем затем заседании Госуд[арственной] думы 26 июля заявление фракции ярко выделилось в общем хоре голосов, спешивших заявить о готовности служить родине в минуту грозной опасности. «...Мы ведем борьбу,— говорил П. Н. Милюков, объясняя от имени фракции смысл и цель войны,— за освобождение нашей родины от иноземного нашествия, Европы и славянства от германского преобладания, всего мира от невыносимого гнета постоянно растущих вооружений... мы не ставим условий и требований, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника».

Правительство не сумело воспользоваться этим первоначальным патриотическим порывом. Оно прежде всего попыталось употребить его для того, чтобы отделаться от думы. После короткой сессии дума была распущена, и созвать ее предполагалось через год с лишком, — в ноябре 1915 года. Вероятно, предполагалось, что война к этому времени кончится. Но против такой отсрочки уже восстала вся дума. Делегаты почти всех фракций, от А. Н. Хвостова¹²⁶ до П. Н. Милюкова, отправились к Кривошеину¹²⁷ и добились согласия на созыв думы «не позже 1 февраля». В промежутке пошли слухи о существовании записки Н. А. Маклакова, советовавшей государю заключить мир с Германией.

Правая националистическая внутренняя политика продолжалась. Перед открытием сессии, назначенным на 27 января 1915 г., дума пригласила кабинет на закрытое заседание 25 января, в котором члены фракции к. д. П. Н. Милюков и А. И. Шингарев изложили все сомнения, волновавшие общество. Были затронуты национальные вопросы, польский, еврейский, украинский, отношение власти к общественному единению и т. д. Оппозиция требовала смены министра вн[утренних] дел, расширения свободы печати, амнистии. В открытом заседании 27 января общественный порыв сменился «патриотической тревогой». Приехавшие с фронта депутаты Пуришкевич, Демидов¹²⁸, впервые открыли глаза думе на недостаточность военного снабжения. Дума почувствовала свой долг перед страной — восполнить правительственные недочеты. Фракция нар[одной] своб[оды] возобновила свой обет «свято хранить духовное единство, залог победы».

Общественное настроение еще более сгустилось, когда во второй половине апреля 1915 г. началось отступление из Галиции и неприятель впервые вступил в русские пределы. Члены оппозиционных фракций стали настаивать на скорейшем созыве думы, отложенном до срока «не позднее ноября», с тем, чтобы на этот раз сессия думы была длительной. Требование это было поддержано 27 мая промышленным съездом, 29 мая московской и петербургской городскими думами, 30 мая соединенным заседанием главных комитетов городского и земского союза, 5 июня — совещанием городских голов и уполномоченных губернских земств и, наконец, съездом городских голов. Заговорила и русская общественность о необходимости своего участия в снабжении армии. При таком настроении конференция партии народной свободы, собравшаяся 6—8 июня, подготовила предложение о длительной деятельности Г[осударственной] думы и о создании министерства, пользующегося доверием населения. Совет старейшин Гос[ударственной] думы собрался 10 июня и настоял на обращении Родзянко к Горемыкину с требованием о немедленном созыве думы. Начались длительные переговоры с правительством, старавшимся избежать политических прений при открытии думы. Наконец, решено было избежать назревшего конфликта, удалив перед сессией думы наиболее ненавистных министров. Маклаков был заменен Щербатовым¹²⁹, Сухоминов — Поливановым¹³⁰, Саблер — Самариным¹³¹, Щегловитов — А. А. Хвостовым¹³². Сессия думы открылась 19 июля под лозунгом **«организация страны для победы»**. Фракция народной свободы подготовила проект внепартийной минимальной программы наиболее неотложных внутренних реформ.

Декларация Горемыкина не только не удовлетворила этим требованиям, но и раздражила всю думу. Даже гр. Бобринский требовал теперь «патриотического скептицизма» по отношению к предложениям правительства. Внесенная им формула прямо заявляла, что «привести к скорой победе может лишь единение со всей страной **правительства, пользующегося полным ее доверием**». Общественные требования становились, таким образом, требованиями всей государственной думы. Желая создать общий думский фронт, фракция народной свободы от-

казалась поддержать заведомо неприемлемое для верховной власти требование прогрессистов о правительстве, **ответственном перед Гос[ударственной] думой**. Фракция мотивировала это тем, что во время войны она не борется за партийные лозунги и что июньская конференция партии уже выдвинула лозунг «министерства, пользующегося доверием страны», принятый с тех пор всеми общественными организациями. Единство настроения всей думы выразилось в выборе 21 июля председателем комиссии Госуд[арственной] обороны члена фракции к. д. А. И. Шингарева. При этом было решено путем опроса ведомств по определенной программе выяснить в комиссии картину действительного положения армий с тем, чтобы представить ее государю от имени думы. 28 июля в закрытом заседании Поливанов объявил о назначении верховной следственной комиссии для расследования злоупотреблений, вызвавших военные неудачи. 1 августа дума приняла законопроект о преобразовании открытого еще в мае «особого совещания по надзору за казенными заказами». О настроении общего недоверия к правительству свидетельствует произнесенная в эти же дни речь А. Н. Хвостова, предупредившая известную речь 1 ноября П. Н. Милюкова. «Население, может быть, ошибочно, говорит, — заявлял министр, вкравшийся в доверие императрицы, — **продались и предались**».

Правые попробовали было прекратить сессию думы фактически, путем разъезда ее членов. Но «Речь» напечатала список 80-ти членов думы, взявших отпуска, — и разъезд прекратился. Вслед затем фракция народной свободы предложила другим фракциям выработать общую программу неотложных очередных законопроект. Здесь зародилась, в совещаниях 5 и 6 августа, идея «прогрессивного блока»¹³³, обсужденная затем 11 августа в совещании с членами Гос[ударственного] Совета. В последовавших соединенных заседаниях членов обеих палат 17, 19 и 22 августа была выработана и 25—26 августа опубликована программа блока. Дума здесь предлагала верховной власти минимальные условия, на которых могло быть восстановлено единение общественности с властью. Вот содержание этой последней платформы, имевшей целью мирный выход из чрезвычайно тревожного положения.

«Только сильная власть может привести к победе», — говорил прогрессивный блок. Но «такой может быть, лишь власть, опирающаяся на народное доверие и способная организовать активное сотрудничество всех граждан». Следовали 9 пунктов: о создании правительства, пользующегося доверием страны и согласившегося с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы, об изменении приемов управления, об амнистии по политическим и религиозным преступлениям, о возвращении административно-высланных, прекращении преследований за веру, разрешении русско-польского вопроса («автономия»), «вступлении на путь» отмены ограничений в правах евреев, о примирительной политике в финляндском вопросе, о восстановлении (запрещенной) «малороссийской печати, восстановлении деятельности профессиональных союзов, прекращении преследований представителей рабочих и восстановлении рабочей печати, наконец, о скорейшем проведении ряда законопроект, в том числе об уравнивании крестьян в правах с другими сословиями, о введении волостного земства, об изменении земского и городского положения 1890 и 1892 гг., о введении земства на окраинах, о кооперативах, об отдыхе торговых служащих, об улучшении материального положения почтово-телеграфных служащих, об утверждении трезвости и т. д. Эту программу подписали от имени соответствующих фракций гр. В. Бобринский, Вл. Львов¹³⁴, И. Дмитриков¹³⁵, С. Шидловский, И. Ефремов¹³⁶ и П. Милюков.

Создание прогрессивного блока в разгар войны с целью сохранения внутреннего мира в стране и примирения населения с дина-

стей было высшей точкой, какой достигли две последние думы в своем большинстве. Но важный политический смысл всей этой работы, в которой фракция н[ародной] св[ободы] сыграла руководящую роль, не только не был понят при дворе: он не был даже замечен, как свидетельствует опубликованная переписка императрицы с Николаем II¹³⁷. В этой среде продолжали говорить о самодержавной власти царя, о необходимости для него «ударить кулаком» и показать свою непреклонную волю и т. д. Деятельность думы подводилась под понятие личной интриги против «нашего друга» (Распутина)¹³⁸, и Думу настойчиво предлагалось распустить, а наиболее видных депутатов сослать в Сибирь или «повесить», обвинив их в государственной измене. При таком настроении, в котором легкомыслие соперничало с невежеством, открывалась широкая возможность для борьбы правых кругов против думы, а Горемыкина — против более либеральных министров.

Среди правых кругов появление прогрессивного блока вызвало страшное волнение. Уже 10 августа в печати появилось известие, что для противодействия прогрессивному блоку П. Н. Дурново¹³⁹, И. Г. Щегловитов, Марков 2-ой¹⁴⁰ и П. Н. Балашев образуют «черный» блок в законодательных учреждениях. Одновременно начата была энергичная агитация монархических организаций, напоминавшая 1907 год, за роспуск Г[осударственной] думы. 22 августа совет объединенного дворянства послал Горемыкину письмо своего председателя А. П. Струкова¹⁴¹, в котором заявлялось, что «левые речи (членов думы)... являются предвестниками новых смут с целью изменения государственного строя России». Кабинет разделился: меньшинство высказалось (26 августа) за роспуск думы, большинство устроило 27 августа совещание с представителями блока и, после подробных объяснений по всем пунктам программы блока, предложило довести о желаниях блока до сведения государя. 28 августа Харитонов¹⁴² доложил в совете министров о результатах совещания, а 29 августа Горемыкин выехал в ставку к государю, чтобы предупредить намеченную большинством кабинета уступку прогрессивному блоку.

Надо прибавить, что в этот момент положение осложнилось вопросом о принятии государем звания верховного главнокомандующего. Решение это, принятое под влиянием Распутина и императрицы, повергло в панику даже и правые круги. Министры Кривошеин, Сазонов¹⁴³, Поливанов и Щербатов пытались в заседании совета в Царском Селе отговорить царя, ссылаясь на то, что его отъезд из столицы вызовет тревогу в стране. Но царь «остался при своем решении». Тогда восемь министров, как раз те, которые сочувственно относились к прогрессивному блоку, подписали письмо к царю, в котором выражали опасение, что отстранение в[еликого] к[нязя] Николая Николаевича¹⁴⁴ грозит России, царю и династии тяжелыми последствиями. Они заявляли, что, при своем полном разномыслии с Горемыкиным, они теряют веру в возможность с сознанием пользы служить царю и родине. 22 августа царь уехал в ставку. По свидетельству В. И. Гурко¹⁴⁵, в решении царя сыграло «роковую» роль письмо Струкова.

25 августа П. Н. Милюков в Гос[ударственной] думе предупреждал об опасности роспуска думы. Он ссылаясь при этом на ряд писем к нему крестьян, рабочих, офицеров, солдат и провинциальных обывателей, свидетельствовавших о крайне тревожном настроении в стране. Но решение о роспуске было принято царем. 31 августа Горемыкин вернулся из ставки с готовым решением и сообщил министрам, что дума будет распущена 3-го сентября.

Ответом были заявления съездов всероссийских городского и земского союзов — 7-го сентября. Земский союз свидетельствовал,

что «общественное сознание глубоко потрясено» и что «надвигающаяся опасность от губительного разрушения внутреннего единства» может быть устранена «лишь обновлением власти, которая может быть сильна только при условии доверия страны и единения с законным ее представительством». Городской съезд требовал, чтобы «на смену нынешнего правительства были призваны люди, облеченные доверием народа» и чтобы «творческая работа народного представительства была восстановлена немедленно». Председатель думы, тщетно просивший об аудиенции, отправил в ставку письменный доклад о положении.

Все было напрасно. На решающем заседании 16 сентября, под непрерывным давлением писем царицы, Горемыкинская политика одержала верх. В ближайшие дни (26 сент.) ненавистные и подозрительные министры, враги «нашего друга» Самарин, Щербатов, Кривошеин, были удалены. На министерских постах появились роковые имена — А. Н. Хвостова, Штюрмера¹⁴⁶, Протопопова¹⁴⁷. На съезде правых партий в Петрограде 21 ноября Щегловитов говорил о «змее, запевшей соловьем» (прогр[ессивный] блок), и противоположил манифест 17 октября, как «потерянную грамоту», грамоте Михаила Федоровича 1613 г.¹⁴⁸ 24 ноября появился указ об отсрочке созыва думы и Гос[ударственного] Совета до окончания работ по бюджету. В тот же день к. д. и октябристы предложили установить для окончания бюджетных работ ближайший срок, 15 декабря.

С решения совета министров 16 сентября в ставке¹⁴⁹ нужно вести историю русской революции. С этого момента революция стала неотвратима, и сознание этого постепенно распространилось в широких общественных слоях. Общественное настроение передвинулось сразу влево, и Госуд[арственная] дума при этом повороте уже потеряла руководящее значение. Ее час прошел.

Депутаты прогрессивного блока совершили в первой половине 1916 г. официальную поездку в союзные страны, Англию, Францию, Италию, и по возвращении П. Н. Милюков в заседании военно-морской комиссии 19 июня 1916 г. доложил в присутствии всего кабинета о настроении европейского общественного мнения, в частности, по польскому вопросу. Но как раз этот вопрос царь предполагал теперь решить в смысле противоположном широкой автономии, и на этом разногласии состоялась отставка мин[истра] ин[остранных] дел Сазонова. Его заменил безграмотный царедворец Штюрмер, и это назначение окончательно подорвало престиж России среди союзников.

После трагических и драматических событий 1915 г. дума в 1916 г. вяло продолжала коммиссионную работу по наиболее невинным пунктам блоковой программы. Полууступки Думе — в виде отставки Горемыкина, замененного Штюрмером, и посещения Думы государем — уже не имели значения. С начала июня до 1-го ноября Дума была распущена. Но за этот промежуток общественное настроение продолжало сгущаться. О предстоящей революции говорили уже везде. И первое же заседание возобновленной сессии думы [1] ноября послужило, даже независимо от ее воли, искрой, вызвавшей взрыв.

Прогрессивный блок выступил на этом заседании с своей декларацией, в которой сохранял свои позиции. П. Н. Милюков в речи¹⁵⁰, которую, — конечно, неправильно, — принято называть началом революции, поставил дилемму о «глупости или измене» правящих кругов и указал на роль придворного кружка, злоупотребляющего расположением императрицы. Милюкова поддержали В. В. Шульгин¹⁵¹, требовавший объяснений, и В. А. Маклаков¹⁵². Все эти речи были запрещены к печати, но распространились в миллионах копий по стране, включая и армию. Впечатление было настолько сильно, что пра-

вительство отказалось от мысли о предании Милюкова суду, и после второго заседания думы заменило Штюрмера А. Ф. Треповым. В подобную минуту такое назначение могло быть принято, только как новый вызов. Левые фракции встретили появление Трепова на думской кафедре продолжительной обструкцией.

Взрыв готовился и в другой среде, далекой от оппозиции Г[осударственной] думы, но несравненно более близкой к верховной власти. В среде ближайших родственников царя поняли опасность для династии, которой не хотела понимать ни императрица, фактически уверовавшая в безграмотные пророчества «друга», ни находившийся под ее безусловным влиянием государь. В кругу великих князей, после бесплодных попыток подействовать убеждением на Николая II, созрел план — силой освободиться от Распутина и тем положить конец его гипнозу. Еще во время сессии думы, при непосредственном участии в[еликого] к[нязя] Дмитрия Павловича¹⁵³ и женатого на в[еликой] к[няжне] Ирине Феликса Юсупова¹⁵⁴, произошло убийство Распутина. Дума встретила этот акт со смешанным, и скорее с гадливым, чувством. Те, кто понимал истинные причины надвигающейся революции, понимали и то, что устранение Распутина не изменит ни в чем существенном положения. Его могла изменить в этот момент только искренняя решимость царя примириться с народом окончательным отказом от самодержавной власти. Но на это не шел ни царь, ни наиболее влиятельное «правлящее» сословие — высшее дворянство. И после выяснения бесплодности убийства Распутина, мысли многих стали сосредоточиваться на идее дворцового переворота.

Противники партии народной свободы обвиняют ее в том, что она готовила революцию. Весь предыдущий рассказ опровергает это нелепое обвинение. Партия с самого своего возникновения до революции 1917 г. искала мирного исхода из длившегося конфликта между короной и страной. Но непонимание и упорство царственной четы и интересы правящего сословия противопоставили этим усилиям глухую стену. История четырех дум наглядно демонстрировала перед всем народом союз монархии и дворянства и поставила перед страной и династический и классовый вопрос одновременно. Партия народной свободы была бессильна перед этими стихийными процессами. Она не могла сдержать и те разрушительные силы, которые разнуздали затянувшаяся и неудачная война. Отказ царя от компромисса, предложенного прогрессивным блоком, окончательно лишил все умеренные течения влияния на события.

В составе фракции народной свободы, правда, была небольшая группа (во главе с Н. В. Некрасовым¹⁵⁵, который во время революции ушел из партии), которая была склонна поиграть с идеей революции. И эта группа стояла ближе к другим левым течениям, но преобладающее большинство, во главе с председателем фракции, П. Н. Милюковым, строго держалось парламентской тактики. Еще более нелепо обвинение, будто для того, чтобы произвести революцию, члены партии вошли в сношения с английским послом Бьюкененом¹⁵⁶. Сам Бьюкенен в своих «мемуарах» опроверг это обвинение и рассказал о своих попытках раскрыть глаза царю на надвигающуюся опасность. Подобным попыткам члены фракции содействовали, когда представлялась возможность, путем осведомления влиятельных иностранцев о положении России: но единственная цель при этом была — найти способ повлиять на царя.

В кругах более правых — и далеких от партии народной свободы — намечались и более решительные попытки. Одна из них принадлежала Гучкову и ген. Крымову¹⁵⁷, другую связывали с именем ген. Алексеева¹⁵⁸. Шли разговоры этого рода и в среде офицерства. Но обо всем этом до фракции доходили лишь глухие слухи. Созна-

вая неизбежность революционного взрыва, некоторые члены фракции вместе с представителями других прогрессивных течений обсудили положение и приняли некоторые решения, чтобы не быть застигнутыми врасплох. В нескольких совещаниях было намечено, в случае отречения царя, регентство в[еликого] к[нязя] Михаила¹⁵⁹. Намечен был и приблизительный состав кабинета. Но, когда действительно началась революция, выполнение этих решений было крайне затруднено коварным шагом царя, не потерявшего надежды вернуться к власти: он устранил наследника Алексея и передал Михаилу верховную власть (а не регентство). Защищать монархию пришлось одному П. Н. Милюкову¹⁶⁰. Монархические круги обнаружили величайшую трусость и растерянность.

Надо прибавить, что солдатское восстание в Петрограде застигло врасплох не только умеренные и прогрессивные круги, но и социалистические партии. В этом смысле нельзя сказать, чтобы революция 1917 г. была создана и левыми. Правда, их пропагандой она была в значительной степени подготовлена. Очень скоро они начали пытаться взять революционное движение в свои руки. Но в дни революции, пришедшей и для них неожиданно, они вполне признавали, что руководить революцией они не могут и что для ее успеха необходимо оставить власть в руках прогрессивно-буржуазных кругов, чтобы иметь время организовать то, что получило у умеренных социалистов название «революционной демократии».

Партия народной свободы сознавала всю опасность крутого разрыва с политической символикой прошлого. Убеждая в[еликого] к[нязя] Михаила Александровича принять переданную ему царем власть, П. Н. Милюков предупреждал, что иначе революционное правительство не сможет удержать в руках власть и в России водворится хаос безвластия. Отказ великого князя сам по себе открывал дорогу крайнему течению, поддержанному в эту минуту струсившими вождями правых партий. Ответственность фракции за дальнейший ход революции была уже в значительной степени снята с нее этим отказом перепуганных людей последовать совету ее председателя.

ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ ВО ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Однако же, фракция была далека от мысли сложить с себя ответственность за дальнейшее. Ей не приходилось приспособляться к программе, выдвинутой февральской революцией, — как пришлось более правым течениям. Эта была — ее собственная программа. Фракция не одобряла революционной **формы** переворота, но она всецело разделяла **мотивы** его. Революция покончила с дворянским самодержавием, против которого партия боролась с момента своего возникновения. Она открыла путь к всенародному решению дальнейшей судьбы России, к систематической перестройке ее на широкодемократических началах, к окончательному разрешению аграрного вопроса, на котором споткнулось и застопорилось все русское законодательное творчество. Довести Россию благополучно до учредительного собрания: в этом фракция народной свободы видела главнейшую задачу временного правительства.

Но эту задачу приходилось решать при чрезвычайно трудных условиях. Затянувшаяся война не только истощила материальные ресурсы России, но и подорвала моральное состояние народа. В армии уже до революции проявилось крайнее утомление войной, дезертирство, нежелание идти на фронт. Левая (а отчасти и неприятельская) пропаганда скорейшего мира и немедленного захвата «земли и воли»

нашла самую благоприятную почву. В стране все элементы власти были настолько тесно связаны с развалившимся режимом, что как-то автоматически ступшевались и исчезли в первые же дни революции. В довершение всего, политический и социальный максимализм левых кругов, — даже и сравнительно умеренных, — был враждебен вообще всякому проявлению власти. На радостях первых дней по поводу бескровной победы создалась опасная иллюзия, что мир и порядок в стране может быть достигнут путем простого обращения к доброй воле населения — с призывом спокойно ждать момента, когда воля народная сама проявит себя в законно-избранном учредительном собрании на основе самого демократического избирательного закона. Партия народной свободы с самого начала революции и до самого октябрьского переворота не уставала твердить, что всего этого не достаточно. Она доказывала, что в эпоху революции еще больше, чем в обстановке нормальной мирной жизни, необходима твердая и сильная власть. Она старалась убедить, что идея такой власти не только не противоречит идее революции, но составляет единственное ручательство в том, что завоевания революции будут сохранены. Этого рода заявлениями переполнены решительно все выступления партии эпохи февральской революции*.

Но не во власти партии было провести в жизнь свои взгляды. Уже и при первом, несоциалистическом, составе временного правительства партия не имела того влияния, которое ей иногда приписывают. Характерным образом, напуганные переворотом представители правых кругов в этом правительстве зачастую оказывались ближе к левому флангу правительства, чем к его центру. Министерство внутренних дел находилось в руках лица, хотя и имевшего в глазах всей России моральное право возглавлять первую революционную власть, но не обнаружившего в новом для него положении ни достаточно воли, ни достаточно предусмотрительности, чтобы удержать руководство кабинетом в своих руках. Кн. Г. Е. Львов¹⁶¹ не принадлежал к партии к. д. (за исключением коротких промежутков) и не был связан ее дисциплиной. Из членов партии Н. В. Некрасов определенно тянул влево и вошел в состав негласного «триумvirата» (Керенский¹⁶², Терещенко¹⁶³), взявшего в свои руки инициативу, выскользнувшую из рук кн. Львова. Первый состав правительства довольно успешно боролся с претензиями совета рабочих и солдатских депутатов разделить с ним власть («двоевластие») и с попытками разложить армию («или армия или революция» — был лозунг крайних левых). Но долго эта борьба тянуться не могла. Кто-нибудь должен был взять верх. В этот момент вмешательство делегированных в Россию союзных социалистов, пытавшихся опереться на совет солд[атских] и раб[очих] депутатов, дало окончательный перевес левому течению. На очередь встал вопрос о вступлении в кабинет социалистов, посланных советом раб[очих] и солд[атских] депутатов и ответственных перед ним. Это означало капитуляцию власти перед левыми течениями. Не считая возможным, при этом условии, нести ответственность за правительственную работу, председатель фракции П. Н. Миллюков перед обновлением состава правительства ушел из него. Этот уход (2 мая 1917) знаменует собою момент, когда партия народной свободы формально сняла с себя ответственность за политическое руководство революцией.

Это не значит, однако, чтобы члены партии отказались вообще сотрудничать с революционным правительством. Они остались в правительстве — в роли своего рода «спецов» при Керенском, все более стремившемся воплотить в себе всю власть и сделаться единст-

* Сноска автора: «Примечание. Читатель может найти их в «Истории второй русской революции» П. Н. Миллюкова».

венным политическим символом. Социалисты, вошедшие в правительство, скоро убедились в невозможности и опасности проведения в правительстве всей левой тактики и попытались идти на компромисс. Но эта попытка одинаково их обессилила, и в правительстве, где они играли второстепенную роль, и в совете, где конкуренты слева (большевики) скоро провозгласили их изменниками. Таким образом, обновившись в составе с целью удовлетворить левых, правительство стало не сильнее, а слабее первого.

Состав кабинета возобновлялся после того еще два раза; и с каждым разом престиж власти падал все ниже и ниже. Первое коалиционное (с социалистами) правительство под влиянием союзников поставило свою карту на успех нового наступления на фронте,— и партия к. д. всячески его в этом поддерживала. Но «главноуправляющее» Керенского не могло уже поднять упавшего духа армии, окончательно разложенной большевистскими агентами,— и наступление провалилось. После этого большевики открытым восстанием на улицах Петрограда (4 июля) впервые поставили свою кандидатуру на власть. С другой стороны, выпадавшую из рук правительства власть пытались подхватить правые офицерские круги. Диктатура Ленина или диктатура Корнилова¹⁶⁴: так стал вопрос в августе—сентябре 1917 г.

Партия, уже потерявшая окончательно надежду на успех Керенского (ближе знавшие Керенского не имели этой надежды в начале), тем не менее считала необходимым поддерживать единственную власть, спасавшую революцию от уклона в ту и другую крайность. Но она делала это, скрепя сердце. На московском совещании¹⁶⁵ П. Н. Милюков, перечислив ошибки и капитуляции временного правительства, тем не менее, закончил, согласно желанию партии, выражением доверия Керенскому. Но он выразил сомнение, чтобы глава правительства сумел этим доверием воспользоваться. Сочувствие к Корнилову росло в рядах партии. Но члены партии, ближе знавшие обстановку, в которой готовилось Корниловское движение, не могли возлагать надежду на это движение — и не солидаризировались с ним. В решительные дни Корниловского восстания П. Н. Милюков сделал отчаянную попытку примирить Керенского с Корниловым и выдвинуть кандидатуру ген. Алексеева в премьеры, но, конечно, эта попытка немедленно разбилась о самолюбие Керенского.

По мере развития этих событий партия народной свободы все более отходила от первых ролей в правительстве. Ушел А. И. Шингарев, в связи с мероприятиями «триумвирата» по украинскому вопросу¹⁶⁶. Ушли в Корниловские дни Кокошкин и Юренев¹⁶⁷.

Однако, когда выяснилось отчаянное положение Керенского перед возраставшими требованиями левых (на «демократическом совещании»), к. д. еще раз протянули Керенскому руку помощи и дали своих членов в его последний кабинет: Н. М. Кишкина¹⁶⁸, А. В. Карташева¹⁶⁹, С. А. Смирнова¹⁷⁰. Они при этом поставили свои всегдашние условия: сильную правительственную власть, независимость правительства от органов т[ак] наз[ываемой] «революционной демократии», восстановление дисциплины в армии, отказ от левой программы в социально-экономических вопросах. Они помогли Керенскому осуществить его последний «предпарламент», «Совет Республики», без слишком явного перевеса левых. Однако, и в возможность создать в этом представительном органе государственно-настроенное большинство партия не верила и идти на уступки левых для этой цели не хотела. На партийном съезде к. д. новый министр к. д. Кишкин свидетельствовал о полной атрофии воли у Керенского. Центральный Комитет партии решил тогда сделать последнюю попытку, поддержать падавшую власть Керенского, организовав ежедневные совещания членов ЦК с министрами к. д. Главной работой в этих со-

вещаниях было (при посредстве вошедшего в партию А. И. Коновалова¹⁷¹) поддержание воли к власти у Керенского и принятию им военных мер на случай нового, на этот раз уже более опасного, большевистского восстания в Петрограде. Но все усилия к. д. и на этот раз оказались тщетны. Керенский с непростительным легкомыслием отлагал все решительные меры, пассивно дожидаясь того момента, когда из области подготовки восстание перейдет в область совершившихся преступных действий. Одновременно с этим, и «Совет Республики» оказался, несмотря на все усилия к. д., который тут начали поддерживать кооператоры (Н. В. Чайковский¹⁷², Е. Д. Кускова), совершенно неспособным поддержать правительство. Левые социалистические партии предпочитали и тут метод бесконечных переговоров партийных комитетов — методу прямого действия, монополизированному большевиками, которые искусно использовали в своих целях сложившуюся атмосферу «революционной легальности». Керенский ждал поддержки от своих, ждал результатов этих переговоров, — и вместо них получал лишь двусмысленные резолюции и формулы перехода. А тем временем большевики почти открыто вели и закончили все приготовления к перевороту 25 октября.

В день бегства Керенского из Зимнего дворца власть перешла к к. д.: заместителю Керенского А. И. Коновалову и Н. М. Кишкину, в руки которого перешло устройство военной обороны. До последней минуты Кишкин не терял надежды отсидеться. Но не от воли партии к. д. зависело поддержать в эту последнюю минуту падающую власть временного правительства. В лице министров — к. д. оно могло только умереть с достоинством.

ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Ф. 680. Л. 10—64.

Примечания

¹ Автором допущена неточность: учредительный съезд Конституционно-демократической партии заседал в Москве с 12 по 18 октября 1905 г.

² Имеется в виду I Государственная Дума, созданная 27 апреля 1906 г.

³ Газета «Последние Новости» выходила в Париже с апреля 1920 г. под редакцией М. Л. Гольдштейна. С 1 марта 1921 г. перешла к кадетской группе, а ее редактором стал П. Н. Милюков.

⁴ На освещении этих сюжетов рукопись П. Н. Милюкова обрывается.

⁵ См. примечание 1.

⁶ Петрункевич И. И. (1843—1928) — один из лидеров земского движения, член Совета «Союза Освобождения», один из основателей кадетской партии, бессменный член ее ЦК. С ноября 1909 г. до 1915 г. — председатель ЦК. Депутат I Государственной Думы. С 1919 г. — в эмиграции. Почетный председатель партии. Не поддержал «новую тактику» П. Н. Милюкова.

⁷ Родичев Ф. И. (1854—1933) — общественный и политический деятель, присяжный поверенный. Член «Союза Освобождения», участник земских съездов 1904—1905 г. С января 1906 г. член ЦК кадетской партии. Депутат I—IV Государственных Дум. В годы гражданской войны — член бюро Национального Центра, работал в Особом Совещании при ген. А. И. Деникине. В результате раскола Парижской группы кадетов в июле 1921 г. остался в старом комитете и был избран товарищем его председателя.

⁸ Ольденбург Ф. Ф. (1861—1914) — земский деятель. В 80-е — начале 90-х гг. гласный Тверской губернии. Состоял членом кружка «Беседа».

⁹ Долгоруков Петр Д. (1866—1945) — князь, общественный и политический деятель, брат Павла Долгорукова. Один из основателей кружка «Беседа» (1899), «Союза земцев-конституционалистов», «Союза Освобождения». С I съезда кадетской партии член ее ЦК.

¹⁰ Богучарский (Яковлев) В. Я. (1861—1915) — историк, публицист, общественный деятель. Участвовал в создании журнала «Освобождение», один из организаторов и член Совета «Союза Освобождения».

¹¹ Прокопович С. Н. (1871—1955) — экономист, публицист и политический деятель. Член Совета «Союза Освобождения». На I съезде кадетской партии был выбран в состав ее ЦК, однако отказался войти в него.

¹² Кускова Е. Д. (1869—1958) — публицист, общественная и политическая деятельница, жена С. Н. Прокоповича. В 1905 г. — одна из организаторов и руководителей Союза Союзов. На I съезде кадетской партии была избрана в ЦК, но из-за разногласий с руководством по программным и тактическим вопросам отказалась вступить в партию.

¹³ Пешехонов А. В. (1867—1938) — статистик, публицист, политический деятель. С конца 90-х гг. один из основных теоретиков неонародничества. Член Совета «Союза Освобождения», был в числе организаторов «банкетной кампании». В дальнейшем теоретик и один из руководителей трудовой народно-социалистической партии.

¹⁴ Лутугин Л. И. (1864—1915) — общественный деятель, геолог. Член Совета «Союза Освобождения», один из организаторов и руководителей профессионально-политических союзов, член Центрального бюро Союза Союзов.

¹⁵ Фальборк Г. А. (1864—1942) — общественный деятель, писатель. Входил в «Союз Освобождения», один из основателей Комитета грамотности, член Вольного Экономического Общества. Совместно с В. И. Чарнолууским организовал статистическое обследование народного образования, охватившее всю Россию.

¹⁶ Чарнолууский В. И. (1865—1941) — земский деятель, писатель. Член Совета «Союза Освобождения». Входил в руководство Петербургского Комитета грамотности, член Вольного Экономического Общества.

¹⁷ Шаховской Д. И. (1861—1939) — князь, общественный и политический деятель. Входил в кружок «Беседа», в «Союз земцев-конституционалистов», один из организаторов и членов Совета «Союза Освобождения». С момента основания кадетской партии бессменный член ее ЦК.

¹⁸ Кокоскин Ф. Ф. (1871—1918) — общественный и политический деятель, юрист, публицист. Входил в кружок «Беседа», «Союз земцев-конституционалистов», «Союз Освобождения». Участвовал в составлении «освободительного» проекта русской конституции. Активный деятель «Организационного бюро», созавывшего и руководившего работой земских съездов. С момента создания кадетской партии — член ее ЦК, участвовал в выработке партийной программы. Депутат I Думы. В 1917 г. занимал пост государственного контролера во Временном правительстве.

¹⁹ Милюков П. Н. (1859—1943) — общественный и политический деятель, историк, публицист. Сотрудник журнала «Освобождение», член «Союза Освобождения», председатель Союза Союзов. Был в числе основателей кадетской партии, член ее ЦК. В марте — октябре 1907 г. и с 1915 г. — председатель ЦК, признанный лидер кадетов. Возглавлял кадетскую фракцию в III и IV Думах. В 1917 г. — министр иностранных дел во Временном правительстве. В 1918 г. отстаивал «немецкую ориентацию» в борьбе с большевизмом. В 1920 г. в Париже выдвинул «новую тактику», обосновывающую видоизмененные формы борьбы с Советской властью. При расколе Парижского Комитета возглавил Демократическую группу.

²⁰ Струве П. Б. (1870—1944) — экономист, публицист, философ, общественный и политический деятель. Редактор журнала «Освобождение», один из создателей «Союза Освобождения». Член ЦК кадетской партии, Депутат II Думы. В июне 1915 г. вышел из ЦК. В 1919 г. — член Политического совещания при ген. Н. Н. Юдениче. В 1920 г. — министр иностранных дел Южно-русского правительства ген. П. Н. Врангеля.

²¹ Якушкин В. Е. (1856—1912) — историк, публицист, общественный деятель. Член «Союза Освобождения». Его проект, обсуждавшийся на Петербургском земском съезде 6—9 ноября 1904 г., отражал основные пункты программы, опубликованной в № 1 журнала «Освобождение».

²² «Освобождение» — еженедельный журнал либеральной интеллигенции. Выходил в Штутгарте — Париже в 1902—1905 гг.

²³ «Союз Освобождения» — нелегальное политическое объединение либеральной интеллигенции, группировавшейся вокруг журнала «Освобождение», действовало в России в 1904—1905 гг. Союз организовывал банкетную кампанию, земские съезды, выступал за создание профессионально-политических союзов.

²⁴ Подготовительный съезд «освобожденцев» проходил в окрестностях Шафгаузена (Швейцария) на берегу озера Констанц 20—22 июля 1903 г., его участники с целью конспирации провели 3 заседания в различных курортных местечках.

²⁵ Харьковский съезд состоялся 15—17 сентября 1903 г. под прикрытием всероссийской выставки животноводства. На нем было решено выработать и разослать для предварительного ознакомления в местные кружки «освобожденцев» проекты программы и устава.

²⁶ «Союз земцев-конституционалистов» — нелегальная политическая либеральная организация, объединявшая земцев — сторонников конституции. I съезд проходил 8—9 ноября 1903 г. в московском доме земца Ю. Н. Новосильцева, предоставлявшего помещение и для последующих съездов (отсюда их второе название — «новосильцевские»). Программа, принятая на I съезде, включала требования конституционной монархии, политических свобод и законодательного собрания. На V съезде (9—10 июля 1905 г.) Союз принял решение о создании партии и образовал комиссию для работы над ее уставом и программой.

²⁷ Съезд 23 февраля 1904 г. подтвердил свое намерение проводить в земских собраниях конституционные требования, но выступил против включения земцев в

«Союз Освобождения», полагая, что это может оттолкнуть тех, кто не желает работать в нелегальной организации.

²⁸ Плева В. К. (1846—1904) — с апреля 1902 г. министр внутренних дел. Выступал против земств, пытался вмешиваться в их деятельность. Убит бомбой, брошенной эсером Е. С. Созоновым.

²⁹ Святополк-Мирский П. Д. (1857—1914) — князь, с августа 1904 г. министр внутренних дел. Несколко смягчил охранительную политику правительства: частичная амнистия, ослабление цензуры, разрешение земских съездов. В январе 1905 г. уволен в отставку.

³⁰ Петербургский общеземский съезд, проходивший 6—8 ноября 1904 г., выработал программу политических реформ: создание народного представительства с законодательными правами, введение гражданских свобод, равноправие сословий, расширение круга деятельности местного самоуправления, осуществление реформ по инициативе царя. Программа послужила основой для многочисленных адресов и петиций земских собраний и банкетов интеллигенции в конце 1904 г.

³¹ Шипов Д. Н. (1851—1920) — один из лидеров земского движения и организаторов земских съездов в 1904—1905 гг. При разработке планов создания «министерства доверия» в 1905—1906 гг. ему отводился пост государственного контролера.

³² Львов Н. Н. (1867—1944) — общественный и политический деятель, юрист. Член «Союза Освобождения», участник земских съездов 1904—1905 гг.

³³ За более радикальную формулировку 10-го тезиса проголосовал 71 участник съезда против 27. В данном тезисе указывалось на необходимость участия народного представительства «в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации».

³⁴ «Союз Союзов» — объединение профессионально-политических союзов, действовало в 1905—1906 гг. В его состав вошли первоначально 14 всероссийских союзов. Главное требование — созыв Учредительного собрания. Распался к маю 1906 г.

³⁵ В связи с 40-летием введения судебных уставов либеральная оппозиция в Петербурге, Москве и других городах устраивала банкеты, на которых произносились речи о необходимости введения свобод и конституции, принимались резолюции, ходатайства о проведении некоторых политических реформ.

³⁶ Короленко В. Г. (1853—1921) — писатель, публицист и общественный деятель, активный участник банкетной кампании осенью и зимой 1904 г.

³⁷ 18 февраля 1905 г. вышел Указ Сенату, предоставляющий право частным лицам, учреждениям, общественным организациям подавать в Совет министров предложения об «усовершенствовании государственного благоустройства и народного благосостояния».

³⁸ Пропуск слова.

³⁹ Коалиционный съезд постановил послать царю вместе с особой делегацией адрес, в котором, в частности, говорилось: «Государь! Пока не поздно, для спасения России, во утверждение порядка и мира внутреннего, повелите без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми поданными Вашими...».

⁴⁰ Трубецкой С. Н. (1862—1905) — князь, философ, публицист, общественный деятель, брат Е. Н. Трубецкого. 6 июня 1905 г. возглавил делегацию земских съездов к царю, обратился к Николаю II с речью, в которой высказался за созыв бессловесного народного представительства на основе равных для всех российских граждан прав.

⁴¹ На этом месте обрыв рукописи, следующие 2 страницы утрачены по неуставленным причинам.

⁴² Всероссийский крестьянский съезд — революционно-демократическая организация, возникшая по инициативе крестьян Московской губернии. На Учредительном съезде была определена его структура и избраны руководящие органы. Выработанная программа предусматривала требования политической свободы, немедленного созыва Учредительного собрания, отмену частной собственности на землю, передачу крестьянам без выкупа монастырских, церковных, удельных, кабинетских и государственных земель. В начале 1907 г. прекратил свое существование.

⁴³ Речь идет о I съезде партии кадетов.

⁴⁴ Витте С. Ю. (1849—1915) — граф, с 1903 г. председатель Кабинета министров. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. — председатель Совета министров.

⁴⁵ «Союз 17 октября» — общероссийская умеренно-либеральная партия. Ее костяк составили представители правого крыла земско-городских съездов. Партия выступала за неделимость России, замену самодержавия конституционной монархией, укрепление гражданских свобод, дарованных манифестом 17 октября.

⁴⁶ Гучков А. И. (1862—1936) — общественный и политический деятель. В 1905 г. участвовал в создании партии «Союз 17 октября», с 1906 г. — возглавил ее. Сторонник конституционной монархии с сильной исполнительной властью. Депутат III Государственной Думы, возглавлял фракцию октябристов, был лидером большинства, председателем комиссии государственной обороны. С марта 1910 г. по апрель 1911 г. — председателем Думы. В эмиграции основал в Париже Парламентский комитет из числа бывших членов высших представительных органов России.

- ⁴⁷ Имеется в виду выступление А. И. Гучкова на сентябрьском земско-городском съезде, состоявшемся 12—15 сентября 1905 г.
- ⁴⁸ Трубецкой Е. Н. (1863—1920) — князь, философ, правовед, общественный деятель. Входил в кружок «Беседа». В 1905 г. был избран в ЦК кадетской партии, однако вышел из нее. С 1906 г. — член Партии мирного обновления.
- ⁴⁹ «Русские Ведомости» — ежедневная газета, издавалась в Москве с 1863 г., орган либеральной интеллигенции. С 1905 г. — орган кадетов. Закрыта в 1918 г.
- ⁵⁰ Имеется в виду проект представительного законосовещательного органа, о создании которого было объявлено царским манифестом от 6 августа 1905 г. Проект был разработан министром внутренних дел А. Г. Булыгиным. Однако этот проект оказался нереализованным. 17 октября царь вынужден был издать Манифест с обещанием созыва законодательной Думы.
- ⁵¹ Петербургский Совет рабочих депутатов возник как объединенный стачечный комитет в дни всероссийской октябрьской политической стачки.
- ⁵² Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879—1940) — профессиональный революционер, публицист. После II съезда РСДРП — меньшевик, в 1904 г. отошел от меньшевизма, претендовал на внефракционность. В 1905 г. вошел в Петербургский Совет рабочих депутатов, был избран его председателем. В декабре 1905 г. арестован вместе с другими членами Совета.
- ⁵³ Парвус (Гельфанд) А. Л. (1869—1924) — деятель германской и российской социал-демократии. В 1905 г. — член Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов. Сотрудник редколлегии меньшевистской газеты «Начало». В декабре арестован вместе с членами Совета.
- ⁵⁴ Автор ссылается на ноябрьские и декабрьские забастовки 1905 г.
- ⁵⁵ «Свободный Народ» — политическая и литературная газета, издавалась с 1 декабря 1905 г. в Петербурге вместо газеты «Биржевые Ведомости» под редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена.
- ⁵⁶ Арест 37 членов Исполнительного комитета и 230 депутатов Петербургского Совета рабочих депутатов был проведен 3 декабря 1905 г.
- ⁵⁷ Кутлер Н. Н. (1859—1924) — землевладелец и предприниматель, политический и государственный деятель. В феврале—октябре 1905 г. — товарищ министра финансов и управляющий Крестьянским и Дворянским банками. В октябре 1905 г. — феврале 1906 г. — главноуправляющий землеустройством и земледелием. В 1906 г. вступил в кадетскую партию, один из авторов ее аграрной программы. В марте 1907 г. кооптирован в состав ЦК кадетов.
- ⁵⁸ Горемыкин И. Л. (1839—1917) — в апреле—июле 1906 г. и январе 1914 г. — январе 1916 г. — председатель Совета министров.
- ⁵⁹ Речь идет о переговорах П. Н. Милюкова с С. Ю. Вите 21 октября 1905 г.
- ⁶⁰ Здесь вкралась ошибка; основные законы были опубликованы 23 апреля 1906 г.
- ⁶¹ Имеется в виду III съезд кадетской партии, который проходил 21—25 апреля 1906 г.
- ⁶² Следует уточнить, что в I Государственную Думу было выбрано 179 кадетов. Говоря о 184 членах, П. Н. Милюков, видимо, имел в виду общее количество кадетской фракции вместе с примыкавшими к ней депутатами.
- ⁶³ «Трудовая группа» возникла в апреле 1906 г. как группа депутатов I Государственной Думы из крестьян и интеллигенции народнического направления. Проект ее программы требовал образования общенародного земельного фонда, ликвидации помещичьего землевладения и фактической национализации земли, а также преобразования политического строя, введения всеобщего избирательного права.
- ⁶⁴ «Дело Народа» — легальная газета партии эсеров, выходила в Петербурге в мае 1906 г.
- ⁶⁵ Ахерон — в греческой мифологии река в подземном царстве, через которую переправлялись души умерших. В иносказательном смысле под Ахероном подразумевался революционный поток, волна народного протеста.
- ⁶⁶ «Правительственный Вестник» — ежедневная официальная газета российского Министерства внутренних дел. Издавалась в Петербурге в 1869—1917 гг. Публиковала правительственные распоряжения и сообщения. С марта 1917 г. называлась «Вестник Временного правительства».
- ⁶⁷ «Союз русского народа» — массовая монархическая партия, сформировавшаяся в начале ноября 1905 г. в Петербурге. Ее высшим органом являлся Главный совет, председатель совета — А. И. Дубровин. Основными программными положениями Союза были: единство и нераздельность России, незыблемость самодержавия, восстановление русской православной соборности в виде Земского собора, превосходство русского народа над «иноверцами», антисемитизм. В 1908—1910 гг. распался на несколько организаций. После Февральской революции 1917 г. распущен.
- ⁶⁸ «Русское собрание» — дворянская организация, идейная предшественница монархических партий в России. Возникла в октябре 1900 г. Программа выдержана в духе официальной доктрины: самодержавие, православие, народность. Во главе Собрания стоял Совет из 17 человек. Просуществовало до февраля 1917 г.
- ⁶⁹ «Русская монархическая партия» сложилась вокруг консервативной газеты «Московские Ведомости» в конце апреля 1905 г. Главный редактор «Московских Ведомостей» В. А. Грингмут был избран председателем Центрального бюро РМП. Вы-

ступала за сохранение в России неограниченной монархии, единство и неделимость империи, широкое распространение православия. В 1911 г. РМП была переименована в Русский монархический союз, в феврале 1917 г. он был распущен.

⁷⁰ «Речь» — ежедневная политическая, литературная и экономическая газета, орган партии кадетов. Издавалась в Петербурге с февраля 1906 г. Ее фактические редакторы — И. В. Гессен и П. Н. Милуков. Закрыта по решению ВРК при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 г. Выходила под другими названиями по августу 1918 г.

⁷¹ В «Обращении к народу», принятом большинством депутатов I Государственной Думы, содержалось разъяснение причин непринятия Думой аграрных законопроектов.

⁷² Кузьмин-Караваев В. Д. (1859—1927) — общественный и политический деятель, юрист. В 1905 г. вступил в кадетскую партию, однако в 1906 г. перешел в партию демократических реформ. Депутат I и II Государственных Дум. В 1919 г. вошел в состав Политического совещания при ген. Н. Н. Юдениче.

⁷³ Трепов Д. Ф. (1855—1906) — с января 1905 г. петербургский генерал-губернатор, позднее назначен дворцовым комендантом. Участвуя в разработке планов создания «министерства доверия», в июне 1906 встретался с П. Н. Милуковым, выяснял условия кадетов для вхождения в министерство.

⁷⁴ Столыпин П. А. (1862—1911) — в 1906—1911 гг. — министр внутренних дел и председатель Совета министров. В июне 1906 г. на встрече с П. Н. Милуковым выяснял планы партии относительно создания думского министерства, на свидании с Д. Н. Шиповым речь шла о создании «коалиционного» кабинета под председательством последнего. Настаивал на роспуске I Думы. Проводил аграрную реформу, предусматривающую разрушение общины и переход к частному землевладению. Убит 1 сентября 1911 г. эсером-боевиком и одновременно агентом охраны Д. Г. Богровым.

⁷⁵ Ермолов А. С. (1846—1917) — в 1894—1905 гг. министр земледелия и государственных имуществ, затем член Государственного совета.

⁷⁶ Муромцев С. А. (1850—1910) — правовед, юрист, публицист, общественный и политический деятель. Член бюро и активный участник земских и городских съездов, один из авторов проекта конституции, принятой земским съездом в июле 1905 г. С октября 1905 г. член ЦК партии кадетов. В 1906 г. председатель I Государственной Думы. Председатель совещания думских депутатов в Выборге.

⁷⁷ «Объединенное дворянство» — общероссийская дворянская организация, начала складываться в ходе революционных событий 1905 г., формирование завершилось к маю 1906 г.

⁷⁸ Выборгский манифест — обращение «Народу от народных представителей», принятое на совещании депутатов 9—10 (22—23) июля 1906 г. в Выборге после роспуска I Государственной Думы. Воззвание призывало население оказывать правительству пассивное сопротивление — отказываться от уплаты налогов, не давать рекрутов.

⁷⁹ Автор ссылается на IV съезд кадетской партии, который состоялся 23—28 сентября 1906 г. в Гельсингфорсе.

⁸⁰ Кронштадтское восстание революционных матросов и солдат было поднято в ночь с 19 на 20 июля 1906 г. Недостаточно подготовленное оно потерпело поражение. Свеаборгское вооруженное восстание матросов и солдат происходило 17—20 июля 1906 г.

⁸¹ Автор называет съездом совместное заседание думской кадетской фракции с членами ЦК, состоявшееся 12—14 июля 1906 г. в Териоках. На нем было заявлено, что пока страна «спокойна», партия народной свободы не может поддержать революционные призывы к вооруженному восстанию, с которыми после Выборгского манифеста выступили левые партии и организации.

⁸² Муханов А. А. (1860—1907) — общественный и политический деятель. Предводитель дворянства Черниговской губернии. В 1904 г. передал телеграммой адрес черниговского дворянства с указанием на необходимость созыва народных представителей. С января 1906 г. член ЦК кадетской партии. Председатель аграрной комиссии в I Государственной Думе.

⁸³ Долгоруков П. Д. (1866—1927) — князь, общественный и политический деятель. Один из организаторов кружка «Беседа», «Союза земцев-конституционалистов», входил в состав руководства «Союза Освобождения». Организатор земских съездов 1904—1905 гг. На I съезде кадетской партии был избран в ЦК, по решению II съезда стал председателем ЦК. В эмиграции отстаивал позицию сохранения армии и поддержки ее командующего. В апреле 1921 г. вошел в Русский Совет, созданный под председательством ген. П. Н. Врангеля.

⁸⁴ Имеются в виду первые акты столыпинской аграрной реформы. Закон от 9 ноября 1906 г. предоставлял право выхода крестьян из общины на хутора и отруба.

⁸⁵ Пуришкевич В. М. (1870—1920) — в 1900—1906 гг. чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел. В 1905—1907 гг. — товарищ председателя Союза русского народа. В 1908—1917 гг. — товарищ председателя Русского народного союза имени Михаила Архангела. Депутат II—IV Государственных Дум, возглавлял фракцию крайне правых.

⁸⁶ Съезд заседал 14—18 ноября 1906 г.

⁸⁷ Шарапов С. Ф. (1855—1911) — публицист, именовал себя «неославянофилом». В 1905—1907 гг. издатель крайне правой газеты «Русское Дело».

⁸⁸ Зыбин А. И. — член постоянного Совета объединенных дворянских обществ, заведовал делами Совета со дня его создания до своей кончины 17 февраля 1908 г.

⁸⁹ Речь идет о регламенте («наказе») деятельности Государственной Думы, разработанном В. А. Маклаковым.

⁹⁰ Международное социалистическое бюро — постоянный исполнительно-информационный орган II Интернационала, в который входили представители социал-демократических партий всех стран, объединенных II Интернационалом.

⁹¹ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП проходил с 30 апреля по 19 мая 1907 г.

⁹² Имеется в виду избирательный закон, на основе которого проходили выборы в I и II Государственные Думы.

⁹³ «Русское Знамя» — ежедневная черносотенная газета, орган «Союза русского народа», выходила в Петербурге в 1905—1917 гг.

⁹⁴ По новейшим подсчетам, число отделов «Союза русского народа» доходило до 2 124 (см.: Степанов С. А. Численность и состав черносотенных союзов и организаций// Политические партии России в период революции 1905—1907 гг. Количественный анализ. М., 1987, с. 193).

⁹⁵ Иоллос Г. Б. (1859—1907) — юрист, журналист, общественный деятель. В 1905—1906 гг. — редактор газеты «Русские Ведомости». Депутат I Государственной Думы, работал в ряде думских комиссий, автор кадетского законопроекта о печати. Убит черносотенцами.

⁹⁶ Герценштейн М. Я. (1859—1906) — экономист, один из идеологов кадетской партии, возглавлял ее аграрную комиссию. Депутат I Государственной Думы. Убит черносотенцами.

⁹⁷ Головин Ф. А. (1867—?) — общественный и политический деятель. Входил в кружок «Беседа», «Союз земцев-конституционалистов», один из организаторов и участников земских съездов 1904—1905 гг. На III съезде кадетской партии был избран в состав ЦК. Председатель II Государственной Думы.

⁹⁸ Речь идет о Манифесте 20 февраля 1906 г., на основании которого функционировали Государственные Думы и Государственный Совет.

⁹⁹ Крыжановский С. Е. (1861—?) — в 1906 г. назначен товарищем министра внутренних дел. Известен как автор избирательного закона 3 июня 1907 г. С 1907 г. — сенатор.

¹⁰⁰ Толстой Д. А. (1823—1889) — граф, с 1882 г. — министр внутренних дел. В 1886 г. представил Александру III доклад, суть которого сводилась к усилению административного начала в органах местного самоуправления. В июле 1889 г. проект Толстого стал законом, а в июне 1890 г. было утверждено положение о земских учреждениях.

¹⁰¹ Имеется в виду перводумский кадетский аграрный законопроект «42-х», провозглашавший принцип принудительного отчуждения большей части помещичьей земли за выкуп.

¹⁰² Черенков Н. Н. (1863—?) — земский деятель, агроном, статистик, кадет, член аграрной комиссии партии. В марте 1906 г. был выбран секретарем Петербургского отделения ЦК, одновременно являясь секретарем Петербургского городского комитета.

¹⁰³ Кауфман А. А. (1864—1919) — экономист, статистик, публицист. В 1887—1906 гг. служил в министерстве земледелия и государственных имуществ. Участвовал в составлении кадетского проекта аграрной реформы.

¹⁰⁴ Чупров А. А. (1874—1926) — экономист, теоретик статистики, председатель статистического отделения Московского юридического общества. Автор работ по аграрному вопросу.

¹⁰⁵ Корнилов А. А. (1862—1925) — историк, публицист, общественный деятель. Член «Союза Освобождения». С октября 1905 г. — член ЦК кадетской партии, в 1905—1908 гг. — секретарь ЦК, член аграрной комиссии, участвовал в разработке аграрной программы кадетов.

¹⁰⁶ Автор приводит данные, приблизительно совпадающие с количественными показателями партийного состава III Думы в период ее третьей сессии.

¹⁰⁷ Бобринский В. А. (1867—1927) — граф, политический деятель, крупный помещик, владелец сахарных заводов. Один из создателей в Туле умеренно-правой организации «За Царя и Порядок» (октябрь 1905 г.), вошедшей в состав тульского отдела «Союза русского народа». Депутат II—IV Государственных Дум. В III Думе один из руководителей фракции умеренно-правовых и русской национальной; поддерживал русификаторскую политику властей в национальных окраинах Российской империи.

¹⁰⁸ Крупенский П. Н. (1863—?) — общественный деятель, крупный землевладелец. Депутат II—IV Государственных Дум. В III Думе — один из лидеров фракции центра.

¹⁰⁹ Шидловский С. И. (1861—1922) — в 1905 г. директор Департамента земледелия. Октябрист. Депутат III и IV Государственных Дум. В 1915—1917 гг. — председатель бюро «Прогрессивного блока».

¹¹⁰ Шингарев А. И. (1869—1918) — земский деятель, публицист, врач. Председатель Воронежского губернского комитета партии кадетов, с 1908 г. — член ЦК партии. Депутат II—IV Государственных Дум. В III и IV Думах товарищ председателя кадет-

ской фракции. В своих выступлениях протестовал против насильственного разрушения общины.

¹¹¹ В тексте допущена ошибка: закон был принят 14 июня 1910 г.

¹¹² Во время лечения П. А. Столыпина в Крыму стали распространяться слухи, что он подаст в отставку и уже не вернется к занимаемой должности.

¹¹³ Балашев П. Н. (1871 — ?) — политический деятель, землевладелец. Один из организаторов и руководителей умеренно-правых партий, председатель Всероссийского национального союза. Депутат III и IV Государственных Дум. В III Думе — председатель фракции умеренно-правых и русской национальной.

¹¹⁴ «Новое Время» — одна из крупнейших русских газет, выходила в Петербурге в 1868—1917 гг. С 1905 г. — орган черносотенцев.

¹¹⁵ Статья 96 основных государственных законов в редакции 23 апреля 1906 г. предусматривала предоставление всех постановлений военного и военно-морского ведомств непосредственно на имя монарха, если они носят частный характер и не требуют новых государственных ассигнований.

¹¹⁶ Родзянко М. В. (1859—1924) — политический деятель, крупный землевладелец. Один из лидеров октябристской партии. В 1911—1917 гг. председатель III и IV Государственных Дум.

¹¹⁷ Кокцов В. Н. (1853—1943) — граф, государственный деятель, предприниматель-финансист. В 1904—1905 гг. и 1906—1914 гг. — министр финансов. С сентября 1911 г. по январь 1914 г. — председатель Совета министров.

¹¹⁸ Харузин А. Н. — в 1912 г. товарищ министра внутренних дел, ему был поручен контроль за выборами в IV Государственную Думу.

¹¹⁹ Саблер В. К. (1847 — ?) — юрист, в 1911—1915 обер-прокурор Синода.

¹²⁰ Маклаков Н. А. (1871—1918) — государственный деятель, брат В. А. Маклакова. В 1912—1915 гг. — министр внутренних дел. Сторонник неограниченной монархии. В декабре 1916 г. предлагал Николаю II разогнать Государственную Думу.

¹²¹ Щегловитов И. Г. (1861—1918) — в 1906—1915 гг. министр юстиции, один из инициаторов введения военно-полевых судов, третьиюньского государственного переворота, дела Бейлиса.

¹²² Капнист Д. П. (Капнист 2-й) (1878 — ?) — граф, политический деятель, юрист. Уездный предводитель дворянства. Октябрист. Депутат III Государственной Думы.

¹²³ «Биржевые Ведомости» — газета умеренно-либеральной ориентации. Издавалась в Петербурге в 1880—1917 гг.

¹²⁴ Сухомлинов В. А. (1848—1926) — генерал от кавалерии (1906), генерал-адъютант (1912). С марта 1909 г. — военный министр. Убежденный монархист. В июне 1915 г. под давлением общественного мнения был уволен с должности военного министра.

¹²⁵ Убийство 28 июня 1914 г. в г. Сараево (Босния) австро-венгерского престолонаследника эрцгерцога Франца-Фердинанда послужило поводом к началу первой мировой войны.

¹²⁶ Хвостов А. Н. (1872—1918) — государственный деятель, племянник А. А. Хвостова. Депутат IV Государственной Думы, один из лидеров правых. Пользовался покровительством Г. Распутина. В 1915—1916 гг. — министр внутренних дел.

¹²⁷ Кривошеин А. В. (1857—1921) — в 1908—1915 гг. министр земледелия, руководил проведением столыпинской аграрной реформы. Осенью 1918 г. был избран товарищем председателя Совета Государственного Объединения России. В июле 1920 г. ген. П. Н. Врангель назначил его помощником главнокомандующего армии.

¹²⁸ Демидов И. П. (1873—1946) — политический деятель. Входил в ЦК кадетской партии. Депутат IV Государственной Думы. В 1918 г. один из руководителей Национального центра в Киеве.

¹²⁹ Щербатов Н. Б. (1868 — ?) — князь, управляющий государственным коннозаводством. В 1915 г. несколько месяцев (до сентября) был министром внутренних дел.

¹³⁰ Поливанов А. А. (1855—1920) — генерал от инфантерии. В 1915—1916 гг. — военный министр.

¹³¹ Самарин А. Д. — в 1915 г. недолгое время был обер-прокурором Синода. Став «нежелательным» для кружка царицы, он в сентябре 1915 г. получил отставку.

¹³² Хвостов А. А. (1857—1918) — в июле 1915 г. назначен министром юстиции. С июля по декабрь 1916 г. — министр внутренних дел. Проявлял тенденцию к сближению с «Прогрессивным блоком», требовал строгих мер по отношению к В. А. Сухомлинову.

¹³³ «Прогрессивный блок», образованный летом 1915 г., объединил большинство умеренно-правых и либеральных фракций IV Государственной Думы и три группы Государственного Совета. Председателем бюро блока стал левый октябрист С. И. Шидловский, но фактически руководителем его был П. Н. Милоков.

¹³⁴ Львов В. Н. (1872 — ?) — в 1905 г. принял деятельное участие в организации в г. Самаре и Самарской губернии отделов «Союза 17 октября». Депутат III—IV Государственных Дум, входил во фракцию центра.

¹³⁵ Дмитриуков И. И. (1874—1917) — октябрист. В III Государственной Думе председатель комиссии для рассмотрения законопроекта о неприкосновенности личности. Секретарь IV Думы.

- ¹³⁶ Ефремов И. Н. (1863 — ?) — один из организаторов Партии мирного обновления, впоследствии — лидер прогрессистов. Депутат I, III и IV Государственных Дум. Председатель фракции прогрессистов в III и IV Думах.
- ¹³⁷ Письма императрицы к императору Николаю II. Т. 1, 2. Берлин, 1922; Переписка Николая и Александры Романовых Т. III. 1914—1915. М.—Пг., 1923; Т. IV—V. 1916—1917. М.—Л., 1926, 1927.
- ¹³⁸ Распутин (Новых) Г. Е. (1872—1916) — фаворит царя Николая II и царицы Александры Федоровны. Пользуясь значительным влиянием при дворе, вмешивался в государственные дела.
- ¹³⁹ Дурново П. Н. (1842—1915) — в 1908—1915 гг. возглавлял правую группу в Государственном Совете.
- ¹⁴⁰ Марков Н. Е. (Марков 2-й) (1866 — после 1931) — политический деятель. Депутат III и IV Государственных Дум, лидер фракции правых.
- ¹⁴¹ Струков А. П. — председатель постоянного Совета объединенного дворянства. В своем письме И. Л. Горемыкину от 23 августа 1915 г. он подверг критике действия левых партий и организаций, выступил за незыблемость основ общественного порядка. Письмо было использовано Горемыкиным в качестве документа, который противопоставлялся позиции либеральной буржуазии.
- ¹⁴² Харитонов П. А. — занимал (до февраля 1916 г.) пост государственного контролера. 27 августа 1915 г. на его квартире состоялись переговоры либерально настроенной группы министров с представителями «Прогрессивного блока».
- ¹⁴³ Сазонов С. Д. (1860—1927) — в 1910—1916 гг. министр иностранных дел.
- ¹⁴⁴ Николай Николаевич (младший) Романов (1856—1926) — великий князь, генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1894). 20 июля 1914 г. был назначен верховным главнокомандующим. 23 августа 1915 г. смещен с этой должности, против чего выступили думские круги.
- ¹⁴⁵ Гурко В. И. (1863—1927) — член Государственного Совета. Играл видную роль в правительстве И. Л. Горемыкина.
- ¹⁴⁶ Штюмер Б. В. (1848—1917) — в 1916 г. был назначен председателем Совета министров, министром внутренних дел и министром иностранных дел. Ставленник Распутина и императрицы.
- ¹⁴⁷ Протопопов А. Д. (1866—1918) — с сентября 1916 по февраль 1917 гг. министр внутренних дел.
- ¹⁴⁸ Михаил Федорович (1596—1645) — первый царь (1613—1645) — из дома Романовых. Предполагают, что при вступлении на престол между ним и боярством был достигнут некий компромисс, условия которого были зафиксированы в особом документе. Однако эта грамота до нас не дошла.
- ¹⁴⁹ Автор допускает неточность: заседание Совета министров в Ставке состоялось 11 сентября 1915 г. В ходе него ряд сановников попробовали убедить царя в необходимости проведения более «мягкого» курса и в осуществлении умеренных реформ. Однако 26 сентября царь уволил оппозиционных министров.
- ¹⁵⁰ Известная речь П. Н. Милюкова «Глупость или измена», произнесенная им на заседании Думы I ноября 1916 г., была полна резкой критики военной и хозяйственной политики царского правительства. Несмотря на запрет ее распространения, речь в виде отдельного оттиска разошлась по стране.
- ¹⁵¹ Шульгин В. В. (1878—1976) — политический деятель. Депутат II—IV Государственных Дум, один из лидеров их правого крыла.
- ¹⁵² Маклаков В. А. (1869—1957) — юрист, с октября 1905 г. член ЦК кадетской партии. Депутат II—IV Государственных Дум. В 1917 г. был назначен Временным правительством послом во Францию; в 1920 г. продолжал исполнять в Париже свои должностные функции.
- ¹⁵³ Дмитрий Павлович Романов (1891—1942) — великий князь, участник убийства Распутина.
- ¹⁵⁴ Юсупов Ф. Ф. (1887—1967) — князь, в 1914 г. женился на племяннице императора Николая II великой княжне Ирине Александровне (1895—1970). Организатор и участник убийства Распутина.
- ¹⁵⁵ Некрасов Н. В. (1879—1940) — инженер-технолог, лидер левого крыла кадетской партии, член ЦК. Депутат III и IV Государственных Дум, товарищ председателя комитета кадетской фракции IV Думы. Министр путей сообщения во Временном правительстве, убеждал кадетское руководство в необходимости сотрудничества с левыми партиями в правительстве. Во время июльского кризиса 1917 г. вышел из кадетской партии и вступил в Радикально-демократическую партию.
- ¹⁵⁶ Бьюкенен (Buchanan) Джордж Уильям (1854—1924) — английский дипломат. В 1910—1918 гг. посол в России.
- ¹⁵⁷ Крымов А. М. (1871—1917) — генерал-лейтенант, один из участников планировавшегося дворцового переворота, предложенного А. И. Гучковым.
- ¹⁵⁸ Алексеев М. В. (1857—1918) — генерал от инфантерии. С 1915 г. начальник штаба Ставки, в марте—мае 1917 г. верховный главнокомандующий.
- ¹⁵⁹ Михаил Александрович Романов (1878—1918) — великий князь, 3-й сын императора Александра III. В начале 1917 г. — генерал-инспектор кавалерии. 3(16) марта 1917 г. отказался от престола, который ему передавал Николай II по манифесту от 2(15) марта.

¹⁶⁰ Роль П. Н. Милюкова здесь явно преувеличена. Автор, видимо, хотел подчеркнуть, что он был одним из немногих как в кадетском ЦК, так и во Временном правительстве и во Временном комитете Думы, кто упорно отстаивал сохранение монархии. На встрече с великим князем Михаилом П. Н. Милюков, вопреки мнению большинства участников переговоров, настойчиво уговаривал его принять престол.

¹⁶¹ Львов Г. Е. (1861—1925) — князь, в марте—июле 1917 г. глава Временного правительства. В эмиграции входил в состав Парижской делегации — органа, претендовавшего на защиту интересов России за рубежом.

¹⁶² Керенский А. Ф. (1881—1970) — политический деятель, адвокат. С марта 1917 г. эсер. Во Временном правительстве занимал пост министра юстиции (март—май), военного и морского министра (май—сентябрь), министра-председателя (с 8 июля).

¹⁶³ Терещенко М. И. (1886—1956) — политический деятель, предприниматель. В 1917 г. входил во Временное правительство сначала в качестве министра финансов, затем — министра иностранных дел.

¹⁶⁴ Корнилов Л. Г. (1870—1918) — генерал. В июле—августе 1917 г. — верховный главнокомандующий. В конце августа возглавил мятеж с целью установления в стране военной диктатуры.

¹⁶⁵ Совещание общественных деятелей открылось в Москве 8 августа 1917 г. В его резолюции, написанной П. Н. Милюковым, резко критиковался коалиционный кабинет, не сумевший обеспечить в стране «твердый порядок» и восстановить боеспособность армии. На совещании был учрежден постоянный Совет общественных деятелей во главе с М. В. Родзянко для обсуждения текущих политических и экономических вопросов.

¹⁶⁶ В знак протеста против соглашения Временного правительства с Центральной Радой (соглашение предусматривало предоставление Украине некоторых прав автономии) кадеты-члены кабинета 1 июля 1917 г. подали в отставку в соответствие с принятым решением ЦК.

¹⁶⁷ Юренев П. П. (1878— ?) — инженер, член ЦК партии кадетов. Министр путей сообщения во Временном правительстве. В эмиграции возглавил созданный в Константинополе Политический Объединенный комитет.

¹⁶⁸ Кишкин Н. М. (1864—1930) — врач, товарищ председателя ЦК кадетской партии. Министр государственного призрения в последнем кабинете А. Ф. Керенского.

¹⁶⁹ Карташев А. В. (1875—1952) — во Временном правительстве занимал пост обер-прокурора Синода. В 1919 г. возглавил гельсингфорскую группу кадетов, член Политического совещания при ген. Н. Н. Юдениче. Председатель президиума Русского Национального съезда, проходившего в Париже в июне 1921 г.

¹⁷⁰ Смирнов С. А. (1884 — ?) — предприниматель, политический деятель. С 1917 г. кадет, до этого входил в партию прогрессистов. Государственный контролер в последнем кабинете Временного правительства.

¹⁷¹ Коновалов А. И. (1875—1948) — политический деятель, текстильный фабрикант. Один из организаторов Прогрессистской партии, член ее ЦК. Депутат IV Государственной Думы, лидер фракции прогрессистов. В июле 1917 г. вступил в партию кадетов, член ее ЦК. Министр торговли и промышленности Временного правительства. В эмиграции — председатель Парижской группы кадетов.

¹⁷² Чайковский Н. В. (1850—1926) — общественный и политический деятель. В 1917 г. член ЦК Трудовой народно-социалистической партии.

(Окончание следует)

«У НАС НЕТ НИКАКИХ СВЯЗЕЙ С ВНЕШНИМ МИРОМ»

Письма декабриста П. Н. Свистунова
к брату Алексею. 1831—1832 гг.

Публикуемые два письма П. Н. Свистунова к брату Алексею из тюрьмы Петровского завода, где отбывали каторгу декабристы,—редкие и ценные памятники декабристского эпистолярного наследия. По предписанному Николаем I правилам, всякая переписка находившимся на каторге декабристам была строго воспрещена. Однако декабристам иногда удавалось отправить свои письма нелегально, адресуя их ближайшим родственникам или доверенным друзьям. Чтобы избежать провала со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями, они изыскивали надежную «оказию», соблюдая при этом сугубую осторожность. Так поступил и П. Н. Свистунов. Он воспользовался возвращением в Россию одной польки (имя ее не удалось установить), служившей бонной в семье Давыдовых, а также и слуги Давыдовых, отправленного на родину. В посланных таким образом письмах Свистунов мог довольно откровенно рассказать об условиях пребывания декабристов в Петровской каторжной тюрьме. Этим и ценны публикуемые документы.

Расскажем кратко о самом Петре Николаевиче Свистунове. Он родился в 1803 г. в богатой аристократической семье, и принадлежал к младшему поколению декабристов. Отец его, Николай Петрович Свистунов, знатный екатерининский вельможа, владелец 5 тыс. душ крепостных крестьян, умер в 1815 г.; мать, Мария Александровна (урожденная Ржевская), перешла в католичество и трех своих дочерей окрестила по католическому обряду. У П. Н. Свистунова был младший брат Алексей (именно к нему адресованы публикуемые письма), в то время юнкер лейб-гвардии Конного полка, а впоследствии действительный статский советник и камергер императорского двора.

П. Н. Свистунов получил блестящее образование, сначала в известном тогда иезуитском пансионе Шабо (в Петербурге), затем в Пажеском корпусе. В 1823 г. из камер-пажей он поступил корнетом в Кавалергардский полк. В том же году познакомился с декабристом Ф. Ф. Вадковским, был принят им в Петербургскую «управу» (ячейку) Южного общества. Глава этого общества П. И. Пестель, приехавший весной 1824 г. в Петербург для переговоров о соединении Южного общества с Северным, возвел Свистунова в «высший круг» тайного общества, познакомил со своим программным документом «Русской Правдой», предоставил ему право принимать других в тайное общество и посвятил в планы царевубийства. В 1824 г. Свистунов вместе с Вадковским и М. И. Муравьевым-Апостолом разрабатывал план покушения на Александра I. Он также выполнял роль «связного» между Северным и Южным обществами.

12 декабря 1825 г., за два дня до восстания, Свистунову было поручено отправиться в Москву и оповестить московских декабристов о готовившемся выступлении в Петербурге. Свистунов выполнял это поручение, встретился в Москве с М. Ф. Орловым и С. М. Семеновым и передал им письма от руководства Северного общества. В них Орлову предлагалось выехать в Петербург, а Семенову за его отбытием возглавить действия Московского отделения тайного общества.

Вскоре после разгрома восстания, 21 декабря, Свистунов был арестован в Москве и доставлен в Петербург, где сначала был допрошен самим Николаем I, а затем помещен в один из казематов Петропавловской крепости. Следственный комитет признал его «ревностным членом тайного общества». Верховным уголовным судом Свистунов был отнесен ко второму разряду подсудимых и приговорен к так называемой

«политической смерти», что означало: «лишить чинов и дворянства, положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу». По царской конфирмации 10 июля 1826 г. срок каторги ему был определен в 20 лет, с последующим пожизненным поселением в Сибири. Коронационным манифестом от 22 августа 1826 г. каторга для Свистунова сокращалась до 15 лет.

В начале марта 1827 г. Свистунов был доставлен в Читинский острог, где находилась основная масса декабристов, отбывавших каторгу. В августе 1830 г. все они были переведены в специально отстроенную для них тюрьму при Петровском чугунолитейном заводе в Забайкалье. По указу 8 сентября 1832 г. срок пребывания на каторге для Свистунова был сокращен до 10 лет, а указом 14 декабря 1835 г. он освобождался от каторжных работ и переводился на поселение.

Сначала он был поселен в глухой деревне Каменке, в 110 верстах от Иркутска вниз по Ангаре. По ходатайству его зятя, графа де Бальмена, генерал-майора свиты его величества, Свистунов был переведен в г. Курган, где находилась значительная колония ссыльных декабристов. В ноябре 1841 г. брат Свистунова Алексея добился определения его «в гражданскую службу в Сибири». Свистунов был переведен в Тобольск, в то время крупный губернский город, и определен «канцелярским служителем» губернского правления. К моменту амнистии декабристов — по коронационному манифесту 26 августа 1856 г. — Свистунов был в чине губернского секретаря (гражданский чин 12-го класса, соответствующий поручику на военной службе).

Манифест 1856 г., объявлявший амнистию декабристам, возвращал их из ссылки, восстанавливал в правах дворянства, однако амнистированным было запрещено проживать в Москве и Петербурге (запрет был снят лишь в 1862 году). Кроме того возвращенные из ссылки декабристы были поставлены под полицейский надзор. Свистунов с семьей (женой, двумя дочерьми и сыном) поселился в Калуге. Здесь он активно включился в дело подготовки и проведения крестьянской реформы: был членом Губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, занимавшегося разработкой проекта Местного положения освобождаемых от крепостной зависимости крестьян; членом Губернского по крестьянским делам присутствия по проведению в жизнь крестьянской реформы в губернии. В обоих этих учреждениях Свистунов входил в «либеральное меньшинство», противостоявшее «консервативному большинству».

В 1863 г. Свистунов с семьей переселился в Москву, где и жил до своей кончины. В Москве он вел тихий, семейный образ жизни, много занимался чтением и музыкой (он был талантливым виолончелистом). Частыми гостями у него были жившие в Москве декабристы А. Ф. Фролов, А. П. Беляев, А. Е. Розен, М. А. Бестужев, из Твери наезжал к нему М. И. Муравьев-Апостол. В Москве Свистунов неоднократно встречался с Л. Н. Толстым, который в то время собирал материалы для романа «Декабристы». Сохранилась часть переписки Свистунова со знаменитым писателем.

Свистунов прожил долгую жизнь. Умер он 25 февраля 1889 г. в возрасте 86 лет. Похоронен в Алексеевском монастыре (в 1929 г. его прах был перенесен на кладбище Донского монастыря).

П. Н. Свистунов — автор содержательных мемуаров, дважды издававшихся, ряда публицистических статей. Весьма богато его эпистолярное наследие, в подавляющей своей части до сих пор еще неизданное.

Публикуемые ниже письма (как и большинство переписки Свистунова) написаны по-французски. В целях конспирации оба письма переписаны рукой М. Н. Волконской — женой декабриста С. Г. Волконского, отправившейся за мужем в добровольное изгнание. Письма хранятся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, в фонде № 513, картон I, ед. хр. 23 (л. 1-3 — письмо № 1 от 2 сентября 1831 г.; л. 4-6 — письмо № 2 от 22 января 1832 г.). В нашей публикации письма воспроизводятся в переводе с французского. Датировка их дана без перевода на новый стиль.

Публикацию подготовил доктор исторических наук В. А. ФЕДОРОВ.

№ 1

Письмо П. Н. Свистунова — А. Н. Свистунову

Петровское

2 сентября 1831 г.

Дорогой Алексей! Особа, которая берется доставить тебе это письмо, сегодня уезжает через несколько часов. У меня остается совсем мало времени, чтобы написать тебе несколько слов о том, насколько я тронут твоей преданностью ко мне. Мне нет нужды говорить о том, как утешительно в нашем печальном положении знать, что тебя еще любят. К несчастью в таком положении становишься недоверчивым, а когда теряешь надежду вновь увидеться с теми, кого любишь, чувствуешь себя забытым. На днях я получил известие о свадьбе Вареньки¹, которое доставило мне истинную радость. Я получил письмо от нее самой и ее мужа и всем сердцем желаю, чтобы господин де Жуаннис сделал ее счастливой. Теперь маменька осталась одна, но надеюсь, что она приедет к тебе в Петербург, и это подает мне надежду чаще получать о ней вести.

Хочу сообщить тебе о некоторых деталях нашего образа жизни. У каждого отдельная камера. У нас есть книги и газеты. Музыка служит для меня и занятием и отдохновением. У нас составился квартет, который хорошо сыгрался; кроме того, у дам три фортепьяно, и мы прекрасно музицируем. В минувшее время дамы жили вне тюрьмы, так как ее перестраивали, но с наступлением зимы они снова будут жить в ней вместе со своими мужьями. Княгиня Трубецкая² — ангел доброты; трудно найти более добрую, самоотверженную и милосердную женщину, нежели она. Я часто сравниваю ее с Аглаей³, которую особенно люблю, и как-то сказал княгине, что самое для меня заветное желание — увидеть их впоследствии подружившимися.

Наш комендант⁴, если его описать в двух словах, — своего рода китайский мандарин, чьи медлительность, нерешительность и трусость превосходят все дозволенные границы. Но в сущности он добрый человек, обращается с нами вежливо, так же, как и его офицеры. Однако он всегда чего-то боится. Когда он в добром здравии, то ему повсюду чудятся доносители (плод его воображения), а когда нездоров, то из-за своего преклонного возраста боится внезапной смерти и в это время смягчает свою суровость. В обычное же время он неприступен, даже когда к нему обращаются с самыми ничтожными просьбами. Иногда в порыве чувствительности, которая все же в некоторой степени ему присуща, он может пообещать «посмотрю, сделаю все возможное», но затем, буквально через минуту, он напускает на себя вид тюремщика в самом строгом смысле этого слова. Он пользуется репутацией неподкупного, но в конечном счете все вышеописанные его качества, включая и «добродетели», почему-то оказываются против нас.

Зимой вся наша работа заключается в том, что нам приходится молотить рожь, которая поставляется сюда для нашего пайка*. Однако здесь всегда можно нанять людей, которые могут исполнять эту работу за нас за несколько рублей в месяц. Летом мы разравниваем территорию вокруг нашей тюрьмы. Работа эта довольно легкая: главная наша обязанность — находиться при ней, и этого бывает вполне достаточно. Впрочем, вот уже около шести месяцев я освобожден и от этой работы, так как исполняю обязанности кассира нашей арте-

* Слово «паяк» во французском оригинале написано по-русски.

ли⁵. Она составлена для ведения общих расходов на питание и прочего, для чего каждый из нас вносит денежную долю соответственно своим средствам. Это наше небольшое, поистине липипутское «государство». Ежегодно путем тайного голосования мы избираем большинством голосов правителя и кассира, которые выполняют волю артели и привилегия которых состоит в том, что полагающийся им объем работ распределяется между остальными ее членами. Общественное мнение артели является ее высшим судом, который и разрешает все споры. У нас есть свой кодекс правил, свой бюджет, свои специальные комиссии, избиратели и депутаты. Словом, мы играем в республику самым невинным образом, как бы утешая себя этим в своих несчастиях. Это — пародия на наши мечты, которая может быть предметом исследования недостатков человеческого разума.

Нам необходимо, дорогой друг, договориться с тобой об условном знаке, чтобы я мог узнать, дошло ли до тебя мое письмо. Так, если я в одном из твоих писем увижу русскую или латинскую поговорку, а в постскриптуме ты мне сообщишь новости о моем «старом Николае» или «няне Прасковье», я пойму, что мое письмо тобой получено. Я очень хотел бы, чтобы ты использовал этот прием в своих ко мне письмах, так как, посылая письма обычной почтой, практически невозможно сообщить друг другу какие-либо конкретные сведения. Таким же способом я мог бы получать письма от маменьки или от Аглаи, если они, соблюдая тайну, будут действовать осторожно.

Это письмо я посылаю тебе в переплете книги. Переплет склеен из двух тонких листов картона, между которыми и помещено письмо. Есть и другой способ ввести в заблуждение нашу бдительную и любознательную полицию. Так, я знаю одного человека, который для посылки своего письма воспользовался щеткой. Так и тебе стоит лишь указать в постскриптуме другого, обычного, письма тот предмет, в котором будет спрятана твоя записка. Полагаю, что нет проще именно этого способа, поскольку ты регулярно посылаешь мне посылки, и я смогу легко отыскать спрятанное твое письмо.

Умоляю тебя не открывать никому тайну данного письма, которое я тебе посылаю, разве лишь только маменьке и моим сестрам, ибо есть даже искренние друзья, но не умеющие хранить тайны, не говоря уже о мнимых «друзьях»: тех и других следует остерегаться. Не посвящай в свою тайну графиню Лаваль⁶, которая боготворит наше отечественное правительство. Когда ее дочь⁷ пишет тайное письмо, то никогда не адресует его на ее имя. Надеюсь, что мне представится еще случай отправить тебе письмо тем же способом, как и первое. А это письмо повезет полька, которая приезжала сюда служить няней к княгине Волконской. Так как бедный ребенок княгини умер⁸, то полька возвращается обратно.

Прощай, дорогой брат. Нежно обними за меня маменьку и сестер, а главное — верь моим к тебе глубокому уважению и неизменной дружбе, которые навсегда сохранятся к тебе — моему замечательному брату.

Пьер С.

Сверху письма помета по-французски: «Копия, полученная 20 января 1832 госпожой М.»⁹.

№ 2

Письмо П. Н. Свистунова — А. Н. Свистунову

Петровское

23 января 1832 г.

Дорогой мой брат! Я уже писал тебе, что полька, приезжавшая сюда служить няней, согласилась передать тебе мое письмо. Я его спрятал в переплете польского молитвенника. Не знаю, дошло ли оно до тебя, но надеюсь, по крайней мере, что если ей и не удалось доставить его по указанному адресу, оно не доставит каких-либо неприятностей, да оно и не содержало ничего такого, что могло кого бы то ни было скомпрометировать.

Сегодня же предоставляется более надежная оказия. Данное письмо я адресую госпоже Кругликовой¹⁰ для передачи его тебе или Аглае, которая в настоящее время находится в Москве. Повезет его слуга Давыдова¹¹, возвращающийся в Россию. Письмо спрятано в свече. На честность этого слуги можно положиться, а опасность не следует преувеличивать. Я не единственный, поступающий таким образом, когда необходимо написать своим родственникам, но при этом соблюсти тайну и необходимую для этого осторожность. Поскольку я не уверен, что ты получил мое первое письмо, написанное прошлым летом¹², буду писать тебе так, как будто ты и не получал его.

Прежде всего хочу выразить тебе самую искреннюю радость и поведать о приятном волнении, которое я испытал при чтении твоего первого письма. Я тотчас же простил тебе твое долгое молчание, так сильно меня огорчавшее, почувствовал себя гордым и счастливым, имея в лице такого доброго брата и истинного друга. У моих товарищей по несчастью есть родственники, которые нехорошо ведут себя по отношению к ним. Ты не можешь себе представить, как мне жаль таких товарищей. Преследуемые правительством, покинутые теми, на которых они в свои черные дни могли бы всем сердцем положиться, эти люди вдвойне несчастны, и это их несчастное положение в глазах тех, кто имеет счастье оставаться еще любимыми, придает последним особую ценность каждому полученному ими письму, каждому привету, каждому ласковому слову. Пишу тебе об этом, брат, потому, чтобы дать тебе возможность лучше понять и почувствовать, как приятны мне идущие от тебя, от маменьки и сестер слова утешения.

Постараюсь описать тебе некоторые подробности нашего здешнего «растительного» существования, тем более, что те сведения, которые могли об этом до тебя дойти, либо несущественны, либо вовсе неверны. Я это понял из того представления, какое сложилось у тебя и у Аглаи, будто бы я имею возможность писать вам о себе обычной почтой, а не прибегать к тайной пересылке писем.

Не знаю, может быть с возрастом или же в зависимости от склада ума и характера, в конце концов и можно будет привыкнуть к тому положению, в котором я нахожусь в Сибири уже в течение пяти лет. Но что касается меня, то признаюсь, оно гнетет меня так же, как и в день моего заключения в тюрьме. Не говорю уже о своих нравственных терзаниях, которые перенес в крепости и особенно во время суда. С тех пор вся моя жизнь представляет собой лишения, тревоги, беспокойство и мучительное умственное напряжение. Тоска, которую я испытал, размышляя о крушении своего будущего, действительно утихла, но последовавшее за нею спокойствие явилось лишь печальным выздоровлением после душевных мук. Не знаю, но, вероятно, внутри нас есть некое действенное начало, жаждущее

движения и эмоций. Тщетно я борюсь с этим началом, которое ношу в своей груди; оно неотступно меня преследует и не дает мне покоя в тишине моей камеры, отбивает у меня охоту к любимым занятиям. Горизонт жизни блекнет, всякая надежда кажется обманчивой, и тогда, усталый и изможденный, теряешь ощущение всего того, что еще оставалось от былой силы и мужества. У этой болезни есть свои приступы и перерывы; она связана с односторонностью нашего существования, с отсутствием побудительных стимулов для воли, цели, усилий. Я понял, что религия — единственное средство спасения от этого рода болезни; религия сама по себе справляется со всеми требованиями реальности и воображения; но чтобы воспользоваться ее благодеяниями, необходима вера более сильная и ревностная, нежели моя; а я, признаюсь, еще держусь, к стыду моему, за земное, за его радости и разочарования, и упование на лучшее будущее в потусторонней жизни не может еще заглушить во мне полностью ни мои сожаления, когда я думаю о тех, кого люблю, ни эту потребность в действии, которая раскрывает наши способности к жизни. В остальном совсем не нужно, чтобы ты все, о чем я тебе пишу, воспринимал буквально. Красноречие всегда выливается в повествование о своих несчастьях; и всякое красноречие, между нами говоря, — не что иное, как преувеличение в красивых словах действительности; поэтому ты был бы введен в заблуждение, если бы подумал, что я впал в маразм или ипохондрию; напротив, я рассказал тебе лишь о некоторых неблагоприятных для меня моментах. В сущности, мое настроение ныне более спокойно, нежели прежде. Я никогда не жалею о своей судьбе, ибо редко испытываю ее искушения, однако не могу устоять перед страстным желанием излить тебе свои чувства, ибо это облегчает мою душу, а здесь у меня по существу нет ни одного настоящего друга, хотя и много у меня друзей. Счастливы те из нас, которые женаты. Они не испытывают того чувства одиночества, которое иссушает душу. Однако, чтобы успокоить тебя относительно моего душевного состояния, заверяю тебя, что я скорее всего весел, нежели грустен. Когда мною овладевают мрачные мысли, что, однако, бывает редко, и я не могу открыть даже книги, я прибегаю к моему доброму другу — виолончели, делаю с нею несколько кругов по камере, и это меня рассеивает. Или же иду развлечься в другую камеру к кому-нибудь из моих соседей. Там я нахожу общество, где идет какой-нибудь спор или слышатся шутки. Со своей стороны я также вступаю в спор или шучу, и душевная боль проходит. По правде говоря, такое свойство моей природы является недостатком, но благодаря мудрости Провидения оно чаще всего оказывается для меня спасением. Вот так мы примерно проводим время.

Работа, которую мы обязаны выполнять, не особенно трудна. За стенами тюрьмы стоит жалкий домишко, в котором находятся двенадцать ручных жерновов. Дважды в день нас отводят туда под охраной солдат с ружьями и патронташами. Там мы мелем рожь, которую казна поставляет для нашего пайка. Однако можно избавиться от этой работы с помощью нескольких рублей в месяц, уплачиваемых охранникам. Они охотно берутся за это выполнять нашу работу. Самое неприятное в этой работе заключается в том, что дважды в день приходится находиться в скрюченном состоянии в небольшом помещении, где холодно зимой и душно летом. Но летом, в хорошую погоду, нас заставляют строить дорогу, проходящую вдоль стен нашей тюрьмы. По существу, здесь не заставляют что-либо делать, так что это могло бы показаться даже прогулкой, если бы не сама принудительность выхода на работу, особенно во время самого солнцепека с 10 часов утра до полудня. Кроме того, принуждение выполнять совершенно бесполезную работу — тоже своего рода пыт-

ка. У властей всегда хватает изобретательности, чтобы наложить наказание, сохраняя при этом видимость милосердия.

У нас нет никаких связей с внешним миром. Довольно часто вижу княгиню Екатерину¹³. У меня не хватает слов, чтобы выразить свои чувства восхищения этой женщиной, настолько она добра, любезна и достойна во всех отношениях. У нее свой дом, куда трижды в неделю приходит к ней ее муж, а в остальные дни она приходит на свидание к мужу в тюрьму. Из-за своего ребенка¹⁴ она не может жить [с мужем] в тюремной камере. Другие [дамы, у которых нет детей, живут в камерах своих мужей, но под предлогом болезни им разрешается встречаться с мужьями в своих домах. В нашем здешнем существовании лишь одни «предлоги», но ни одного разумного довода в их обоснование.

Почти у всех дам имеются фортепьяно. Мы занимаемся музыкой, а ты знаешь, как я ее люблю. С особенным удовольствием слушаю пение госпожи Нарышкиной¹⁵. У нее контральто, напоминающее голос нашей Алины¹⁶. Полагаю, что и ты испытывал бы на себе власть музыки, особенно когда музыка пробуждает в нашей душе дорогие нам воспоминания. У нас составился квартет, который доставляет нам приятное занятие. О содержании игры ты можешь иметь представление по тем нотам, которые ты мне прислал. У нас есть книги и газеты на русском, французском и немецком языках. В этом году я освобожден от общественных работ, так как исполняю должность кассира нашей артели. У нас стол и прочие расходы общие. У нас есть также и свое правление в составе трех человек, избираемых по большинству голосов тайным голосованием на год. Привилегией этих лиц является освобождение их от работ. В этой бедной маленькой республике есть свои партии, оппозиция, интриги, свои ораторы и специальные комитеты. Сношения с официальными властями, касающиеся интересов артели, а также некоторых мер тюремного распорядка, входят в круг обязанности этих лиц. Артель — благо для нас в условиях нашего положения; многие из нас не получают совершенно ничего от своих родственников, и чтобы поддержать этих неполучающих, создана общая касса, в которую каждый делает взнос соответственно своим средствам.

Опишу в нескольких словах мои занятия. Я сделал определенные успехи в изучении латинского, английского и немецкого языков. Здесь легче изучать иностранные языки, нежели другие науки, требующие гораздо больших трудов и времени для их освоения. Так, изучение физики без необходимых приборов и опытов малоэффективно и бесполезно, математика не в моем вкусе; что же касается истории, политики, философии, то по этим предметам я здесь прочитал много книг, но скорее всего ради отдыха, нежели для настоящего изучения. Хотя от этого чтения есть определенная польза, однако я его считаю несерьезным занятием. Серьезные же занятия требуют систематичности, усердия и упорства, а они невозможны без надлежащего стимула. Чтобы посвятить свое время специальному изучению какой-либо из этих наук, должна быть надежда, основанная на возможности в будущем применить полученные знания в каком-нибудь практическом деле. Но если даже в будущем и представится нам для этого благоприятная возможность, все же эти науки настолько неопределенны и далеки от реальной жизни, что было бы безумием, например, изучать в течение 15-ти лет военное дело, политическую экономию или право, когда судьбой мне предназначено сажать капусту и сложить свои старые кости в Сибири.

Поскольку я уж коснулся своего будущего, то вот что, мой дорогой брат, о нем я думаю. К несчастью, я не могу питать надежду на милосердие властелина; время излечило меня от многих заблуждений; наконец, время и очень многое меняет. Моя заветная мечта —

в один прекрасный день снова увидеть тебя, а также маменьку и сестер. Однако я не смею даже поверить в возможность этого. Если когда-нибудь я вновь обрету свободу передвижения без всякого надзора, то (не считая нужным вдаваться в объяснения) не переселился бы в Россию ради праздного и бесполезного существования. Необходимо найти себе занятие. Коммерция, как род такого занятия и ее смысл, всегда мне нравилась. Это жизнь независимая, активная, сопряженная с путешествиями,— несбыточная мечта для узника. Я люблю коммерцию не столько из-за материальной выгоды, но скорее всего ради самоутверждения, ибо богатство — власть, но более всего — оно открывает путь к активности, упорству и предпринимательству. Если мне суждено стать поселенцем в Сибири, я здесь смогу заняться коммерцией. С определенным капиталом в этом новом и лишенном капиталов крае можно вести выгодные коммерческие операции. И тогда, дорогой друг, я хотел бы, чтобы ты предоставил мне необходимый капитал, который я мог бы вложить в торговое дело или же получать проценты с него, которые, если я все-таки буду обречен на бездеятельность, могли бы удовлетворить мои весьма скромные потребности ссыльного и избавили бы меня от несчастья быть бедным или зависимым от кого-либо в старости.

Я никогда не сомневался в благородстве и щедрости твоих чувств. Первое письмо, полученное от тебя, и вызвавшее у меня слезы радости, укрепило мое убеждение в том, какой у меня замечательный брат. Бескорыстие, проявленное в твоём сообщении о моей доле состояния¹⁷, делает тебе честь, но я не думаю, что когда-нибудь окажусь в состоянии принять все твои щедрые предложения. Помимо всего прочего, надо кончать и с твоей холостяцкой жизнью, подумать о женитьбе; у тебя будут дети, и надо постараться не противопоставлять или, так сказать, не смешивать дружеские чувства к брату с чувством любви к своим детям; к тому же неопределенность твоего положения может повредить твоей карьере. Самое сильное мое желание — видеть, что ты оправдал надежды, которые возлагает на тебя маменька, и прежде всего я хотел бы видеть тебя счастливым, сумевшим достичь своих желаний. Но если бы даже и не было у тебя стремления к тому, чтобы занять достойное положение в обществе, достичь почестей, то твоим долгом является не обмануть надежды маменьки на твою блестящую карьеру, а исполнение этого долга несомненно будет вознаграждено. Хотя и не мне следует об этом тебе говорить, ибо в этом отношении я сам ничего не сделал, но надеюсь, что маменька мне это простила. Что же касается твоего намерения избрать себе дипломатическую карьеру, я не думаю, что маменька этому станет противиться, в особенности, если это связано с состоянием твоего здоровья, о чем ты мне писал. Наша военная служба — настоящий обман, и я буду счастлив, если ты избежнешь этой каторги.

Но возвращаюсь к вопросу о капитале, о чем я писал выше. Я прошу тебя написать мне, на какую сумму я могу рассчитывать и каким способом ты ее сможешь мне доставить. Сверх нее мне хотелось бы уже сейчас иметь несколько тысяч рублей при себе на всякий случай. Это необходимо в нашем положении, полном непредвиденных случайностей. Деньги нужны не на текущие расходы, а как надежная защита от ударов судьбы. Ты вычтешь эти деньги из предоставленного тобою мне капитала. Способ присылки денег будет такой же, какой мною указан для посылки писем. Только не надо ничего зашивать в одежду, ибо это всем хорошо известный старый прием, равно как и сундуки с двойным дном. Необходимо воспользоваться таким тайником, который возможно обнаружить лишь с большим трудом: когда вещь придется разбить или отклеить ее наружное покрытие. В этих случаях мы используем свечи, щетки, кус-

ки мыла, зеркала, подошвы или, например, вешалку, тайник в которой будет находиться между картоном и кожей. Тайник может быть и в шкатулке, покрытой пластинкой из красного дерева. Такая пластинка прикрывает тайник особенно надежно. Впрочем, я полагаюсь на твою изобретательность. Для того, чтобы условиться о тайном знаке, название того предмета, в котором будет тайник, напиши с заглавной буквы, а в следующем письме ты снова повторишь список посланных вещей, где укажешь его в постскриптуме следующей фразой: «Я забыл тебе указать такой-то предмет х». Для подтверждения получения тобой письма, которое я тебе посылаю, сообщи мне в своем ответном письме о Россини¹⁸ и философии Кузена¹⁹, которые приятны и воодушевляющи, как один, так и другой. Что касается меня, то если княгиня Екатерина будет писать тебе о моей склонности к математике, ты будешь знать, что я нашел то, что было спрятано. А теперь некоторые подробности о наших властях.

Наш комендант — человек пожилой, слывет за неподкупного, он скорее добрый, но очень нерешительный и боязливый, не осмеливающийся что-либо разрешить, но иногда позволяющий что-либо сделать. Он ленив, и чтобы согласиться на какую-нибудь мелочь, это стоит для него два дня размышлений. Он никогда не скажет ни да ни нет, но довольно вежлив с нами, часто говорит о присланных мне Аглаей письмах, содержание которых он, как и я, помнит наизусть, ибо считается как бы «связным» между нами. Когда случится ему заболеть, то он боится умереть, но более всего он опасается шпионов и ложных на него доносов, что становится у него навязчивой идеей. Он боится также прослыть в наших глазах и в глазах наших родственников человеком злым, а у начальства — слабым. Он достаточно хитер и пользуется этим по всякому случаю. Полагают, что у него есть инструкция, предоставляющая ему право смягчать наше положение, допускать для нас некоторые послабления на свою собственную ответственность. Однако он остерегается пользоваться этим дозволением, не имея более детальных распоряжений на этот счет. Словом, скажу тебе, мы могли бы иметь лучшего коменданта, хотя очень легко могли бы получить и худшего. Его штаб состоит из офицеров — людей довольно ничтожных, не оказывающих какого-либо существенного влияния на наше положение. Им приказано с нами обращаться вежливо. Они стараются как-то сблизиться с нами, но мы от них держимся на расстоянии, видя в них волков, которые хотят попасть в овечье стадо. Полагаю, что без бдительного ока «старца», как мы называем коменданта, они доставили бы нам немало хлопот.

На этом кончаю, мой добрый брат, чтобы ниже написать несколько слов Аглае. Я рекомендую тебе хранить тайну моего письма, быть осторожным и беречься от мнимых друзей. Еще раз умоляю тебя — ни слова о нем никому, кроме маменьки и сестры при личном с ними свидании. Любой густяк может нас выдать. Люблю тебя более, чем когда-либо, и обнимаю с братской нежностью. Наша дружба выдержала испытание в несчастье. Тебе должно польститься, что ты покорила княгиню Екатерину. Иначе и быть не может. Она очарована тобой и твоими письмами. Прошу также — пришли мне свой портрет. Я счастлив, что у меня есть портреты Аглаи и Алины. Когда будешь отвечать на мое письмо, пиши больше о себе. Из моего письма запиши то, что тебе надо запомнить, а само письмо, прошу тебя, сожги. В противном случае оно может затеряться, а тогда беда! Также прошу тебя нежно обнять за меня маменьку, Аглаю и Вареньку. Прощай еще раз, мой дорогой и добрый брат.

P. S. Вместо того, чтобы замуровать это письмо в свечу, я спрятал его в переплете русского молитвенника.

Дорогая Аглая! Может быть, ты прочтешь это письмо ранее Алексея. Все, что я ему сообщаю, предназначается и для тебя, но

хочу написать несколько слов и лично тебе, чтобы выразить в первую очередь тебе мою искреннюю признательность за присланные тобою мне письма. Если бы ты знала, как они благотворно действуют на меня! Мне нет нужды говорить, как я тебя люблю. Я вырос и состарюсь с этим чувством, и оно, поверь мне, меня не покинет: для меня — потребность тебя любить. Поверишь ли, что в моем изгнании самые счастливые для меня минуты — те, когда я смотрю на твой портрет, на выражение доброты и кротости в твоём лице. Я не перестаю на него смотреть. Моя милая и добрая сестрица! Если бы ты знала, с какой страстью я молюсь о твоём счастье и о счастье твоей маленькой семьи. Очень жалею, что не знаком с твоим мужем, но я его люблю, как будто его знаю давно, ибо благодарен ему за то, что ты с ним счастлива. Сужу об этом по той нежности, которую ты к нему питаешь. А Мария и Адольф!²⁰ Как был бы я счастлив увидеть и обнять их! Я всегда любил детей, но особенно твоих. О! Как бы дядюшка их баловал! Мария и Адольф в моих мечтах о счастье всегда занимают первое место. Дорогая сестрица! Не оплакивай мою судьбу в своих ко мне письмах. Уверяю тебя, что меня огорчает в твоих письмах лишь то, что я причиняю тебе боль, ибо я знаю твою чрезмерную чувствительность и ставлю себе в упрек каждую слезу, пролитую тобой о моей судьбе. Уверяю тебя, что я не столь несчастлив; об этом ты можешь судить по содержанию моих писем. Надежда снова тебя увидеть никогда меня не покидает, она поддерживает во мне мужество и заставляет меня любить жизнь. Не забудь поблагодарить мою сестру Алину за ее письма. Недавно я получил одно из них из Парижа. Я был очень огорчен, когда ее муж не получил следуемую ему по службе должность. Я опасаясь, как бы эта неприятность не повредила и без того слабому его здоровью. Моя дорогая Алина — прекрасная подруга и мать. Я с нежностью отношусь к ее детям, особенно к Леониде²¹, моей крестнице, и прошу тебя об этом им написать. Мужество Вареньки доставило мне большую радость, тем более, что до этого письмо Алексея сначала меня очень беспокоило и огорчило, но твое последнее письмо о ней меня успокоило. С каким удовольствием я его прочитал! Я тебе еще не писал о холере²², от которой, слава Богу, мы избавились, хотя она и доставила нам немало тревог. Я меньше бы всего боялся, если бы она угрожала лично мне, но я испытывал особенный страх и беспокойство за тебя. Кажется, холера теряет свою силу по мере ее распространения на запад Европы, и я надеюсь, что если она и достигнет Франции, где находятся маменька, Алина и Варенька, уже не будет столь опасной.

Дорогая сестрица! Я восхищаюсь твоим мужеством и присутствием духа в момент опасности, которой ты подвергалась в деревне. Ты была там одна, вдали от всякой помощи, и я тысячу раз благословлял Бога, что Он спас тебя. Продолжай мне писать, моя добрая сестрица, и особенно подробно пиши мне о себе и своей семье. Любая мелочь о тебе представляет для меня огромный интерес. Надеюсь, что вместе с Алексеем отправишь мне письмо тем способом, который я ему указал, ибо многое из того, что вы хотели бы мне написать, нельзя доверить обычной почте. Что касается меня, то постараюсь использовать любую надежную оказию, хотя из-за своей чрезмерной осторожности я уже упустил несколько таковых.

Прощай, моя дорогая и добрая Аглая. Прошу любить меня всегда так же, как и до сего времени, и будь уверена в моей к тебе горячей и неизменной нежности.

Твой брат П.

Сверху письма помета по-французски: «Копия, полученная 2 марта госпожой К.»²³.

Примечания

¹ Свадьба младшей сестры П. Н. Свистунова Варвары состоялась в начале 1831 г.
² Трубецкая Екатерина Ивановна (1800—1854), урожденная Лаваль — жена декабриста Сергея Петровича Трубецкого.

³ Так в семье Свистуновых звали Глафиру, сестру П. Н. Свистунова.

⁴ Лепарский Станислав Романович (1754—1837) — генерал-майор, комендант Нерчинских рудников и Петровского завода.

⁵ Артель материальной взаимопомощи была создана декабристами сразу же по их прибытии на Петровский завод. Был разработан подробный ее устав, утвержденный комендантом Лепарским. Текст устава приводит в своих «Записках» декабрист Н. В. Басаргин (См.: Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 154—167). Артель существовала до 1839 г., когда последние декабристы, жившие на Петровском заводе, были переведены на поселение.

⁶ Лаваль А. Г. — мать Е. И. Трубецкой, теща С. П. Трубецкого.

⁷ Имеется в виду Е. И. Трубецкая.

⁸ Речь идет о дочери М. Н. Волконской, родившейся 1 июля 1830 г. и вскоре умершей.

⁹ «Госпожа М.» — доверенное лицо семьи Свистуновых. Имя ее не установлено.

¹⁰ Кругликова Екатерина Гавриловна (в замужестве Теплова), родственница декабриста Э. Г. Чернышева, близкий друг семьи Свистуновых.

¹¹ Давыдов Василий Львович (1793—1855) — член Южного общества декабристов. По повелению Николая I слуги, приехавшие в Сибирь с женами декабристов, были отосланы в Россию.

¹² См. письмо № 11 настоящей публикации.

¹³ Трубецкая Екатерина Ивановна.

¹⁴ Имеется в виду родившаяся 2 февраля 1830 г. у Трубецких дочь Александра.

¹⁵ Нарышкина Елизавета Петровна (1802—1867) — жена декабриста Михаила Михайловича Нарышкина, отбывавшего каторгу вместе с другими декабристами на Петровском заводе.

¹⁶ Старшая сестра П. Н. Свистунова Александра.

¹⁷ Брат Алексей в 1830 г. послал П. Н. Свистунову 10 тыс. руб., в 1840 г. послал еще 3240 руб. для покупки им дома в г. Кургане, а по возвращении П. Н. Свистунова из ссылки передал ему часть родового имения в размере 733 душ мужского пола крестьян в Козельском и Лихвинском уездах Калужской губернии.

¹⁸ Россини Джоаккино (1792—1868) — итальянский композитор. Автор всемирно известных опер «Севильский цирюльник», «Вильгельм Телль», «Золушка» и др.

¹⁹ Кузен Виктор (1792—1867) — французский философ, эклектик. Популяризировал во Франции философию И. Канта, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля.

²⁰ Дети сестры П. Н. Свистунова Глафиры Николаевны де Бальмен — Мария (умерла в детском возрасте) и Адольф (погиб в Севастополе во время Крымской войны).

²¹ Леонида (в замужестве за графом де Лонлей) — старшая дочь сестры П. Н. Свистунова Александры Николаевны де Мальвирад.

²² Имеется в виду эпидемия холеры, поразившая в 1830—1831 гг. европейскую часть России.

²³ «Госпожа К.» — Е. Г. Кругликова (см. прим. № 10).

«ЭТО ВОПРОС НЕ ПОЛИТИКИ, ЭТО ВОПРОС ГУМАННОСТИ»

Документы о помощи американского народа
во время голода в России 1891—1892 гг.

«Из Америки с любовью!» — сегодня эти слова можно прочитать на грузах гуманитарной помощи, прибывающих из США в Россию. Но американцы помогли россиянам и в прошлом. В конце XIX в., когда центральные губернии Российской империи были охвачены страшным голодом, за океаном нашлось немало людей, готовых проявить милосердие и гуманность.

Публикуемые документы открывают одну из малоизвестных страниц в истории русско-американских международных отношений прошлого столетия: рассказывают о филантропическом движении, развернувшимся в США в помощь голодающему населению России. Это движение зародилось в северо-западных штатах Америки. Проживавшие там фермеры и мельники стали инициаторами и основными участниками кампании милосердия. Организатором и вдохновителем движения был Уильям Эдгар, редактор еженедельного коммерческого журнала «North Western Miller», издаваемого в Миннеаполисе (штат Миннесота). В августе 1891 г. он опубликовал на страницах журнала сообщения, в которых говорилось о голоде, угрожающем российским жителям. Его статьи нашли отклик в сердцах американских граждан и были восприняты ими как призыв к действию.

У. Эдгар составил план помощи голодающим губерниям России и в декабре 1891 г. начал сбор пожертвований, предварительно получив положительный ответ из российской Миссии в Вашингтоне и одобрение губернатора штата Миннесота.

Практически с самого начала филантропическое движение приобрело неофициальный характер. Американское правительство негативно отнеслось к начавшейся кампании. Сказалось общее ухудшение межгосударственных отношений, вызванное столкновением интересов США и России на Дальнем Востоке, обострением конкуренции на мировом хлебном рынке, внешнеполитической переориентацией стран. К этому необходимо добавить усилившиеся противоречия в идеологической сфере, что было связано с установлением в империи режима внутривластной реакции. Однако такое отношение собственного правительства не смутило американцев. Лозунгом участников и организаторов филантропического движения стали слова У. Эдгара: «Это вопрос не политики, это вопрос гуманности».

К концу января — началу февраля 1892 г. в США сложились четыре крупных центра помощи голодающему населению России, каждый из которых ставил своей целью отправку парохода с грузом продовольствия:

1. Штат Миннесота, под руководством губернатора У. Мерризма и назначенных им комиссионеров — У. Эдгара, Д. Эванса и полковника Ч. Ривса.

2. Штат Айова, воодушевленный воззванием своего губернатора Г. Бойса. Здесь действовал Комитет помощи русским голодающим.

3. Город Нью-Йорк, где по инициативе Торговой палаты был создан Комитет, возглавляемый Ч. Смитом. Впоследствии инициатива по сбору продовольствия перешла здесь к владельцу газеты «Christian Herald» Л. Клопшу и ее редактору пастору Д. Талмажу. Комитет, в свою очередь, сосредоточил всю деятельность на сборе денежных пожертвований.

4. Штат Пенсильвания, который действовал по инициативе губернатора Р. Патисона. В городе Филадельфии был создан Комитет помощи русским голодающим, возглавляемый мэром города.

Крупным центром по сбору денежных пожертвований стало американское Общество Красного Креста во главе с Кларой Бартон. В середине января 1892 г. начал

свою работу американский Национальный комитет помощи русским голодающим под председательством Джона Хойта, превратившийся в координационный центр движения.

С конца февраля — до середины июля к берегам России отправилось пять пароходов с грузом помощи. На борту каждого из них было в среднем по 2 тыс. тонн продовольствия (в основном пшеничная и кукурузная мука и зерно).

Кроме 5 пароходов с продовольствием гражданами США было собрано приблизительно 150 тыс. долларов. Цифра эта неточная, т. к. по имеющимся данным можно определить лишь сумму денег, отправленных непосредственно в американскую Миссию в С.-Петербурге, на имя Л. Н. Толстого и его Комитета, через российскую Миссию в Вашингтоне и Генеральное консульство в Нью-Йорке. Посылая хлеб и деньги голодающему населению России, американские граждане не искали никаких выгод для себя. Они отдавали дань тем в целом дружественным отношениям, которые долгое время существовали между странами, дань благодарности за услуги, оказанные Россией во время Гражданской войны в США в 1861—1865 гг. В этом подлинно народном движении принимали участие представители практически всех слоев американского общества: фермеры, мельники, банкиры, религиозные деятели, владельцы железнодорожных и морских транспортных линий, телеграфных компаний, газет и журналов, государственные деятели, учащиеся и преподаватели высших и средних учебных заведений, журналисты, рабочие и служащие.

Представленные в публикации документы хранятся в Архиве внешней политики России в фондах Посольства в Вашингтоне и Канцелярии. Документы эти разнообразны по своему характеру и содержанию: материалы различных американских организаций, созданных для оказания помощи голодающему российскому населению (воззвания, переписка, отчеты); дипломатическая переписка между МИД России и российским посланником в Вашингтоне; письма граждан США, адресованные американскому посланнику в С.-Петербурге и царским дипломатам в Америке, и ответы на них. Кроме архивных материалов, в публикации использованы статьи из журнала «North Western Miller», газет «Рижский вестник» и «Московские ведомости», которые дополняют данные, содержащиеся в публикуемых источниках. Документы — американского и русского происхождения. Это в основном подлинники, в тех случаях, когда не удалось обнаружить подлинник, использовались черновики и копии документов. Все документы публикуются впервые. Документы №№ 3, 9, 12, 13, 17 частично использованы автором в статье «Американский хлеб для России», вышедшей в журнале «Родина» (1990, № 12).

За рамками публикации остался важный вопрос: как распределялись в России денежные и продовольственные пожертвования и дошли ли они до адресата? Информация, полученная автором из воспоминаний участников движения, из российских и американских газет и журналов¹, из дипломатической переписки между американским посланником в С.-Петербурге и госдепартаментом США, позволяет утверждать, что бескорыстный труд американцев не пропал даром.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук В. И. ЖУРАВАЕВА.

¹ В США помощь американского народа во время голода в России в 1891—1892 гг. получила освещение в двух небольших по объему и разных по оценкам этого явления статьях: Queen G. S. American Relief in the Russian Famine of 1891—1892. // Russian Review.— 1955.— XIV (April).— P. 140—150; Smith H. F. Bread for the Russians: William C. Edgar and the Relief Campaign of 1892.// Minnesota History, vol. XLII.—1970.— Summer.— P. 54—62.

Дж. Квин в соответствии с существовавшими в то время в американской литературе традициями увидел и в этом движении очередное доказательство враждебных отношений между Россией и США. Более интересна и объективна статья Х. Смита. Но он в основном повторяет факты, сообщаемые У. Эдгаром в его воспоминаниях (см. комментарий), и рассказывает о кампании милосердия лишь в одном штате — Миннесота, не давая картины всего движения в целом.

№ 1

**Письмо временного поверенного
в делах российской миссии в Вашингтоне А. Е. Грегера
мукомолам северо-западных штатов,
5 декабря 1891 г.**

Господа!

24 ноября я имел честь получить вашу телеграмму следующего содержания: «Мельники нашей страны предлагают пароход, груженный мукой, для голодающего крестьянина вашей страны. Согласно ли Ваше правительство принять этот пароход, заплатить стоимость перевозки груза до Нью-Йорка и зафрахтовать корабль для транспортировки муки в Россию? Мы начнем сбор пожертвований, если вы позаботитесь о них и обеспечите доставку»¹.

Я поспешил передать содержание вашего великодушного и щедрого предложения моему правительству и получил из С.-Петербурга следующую телеграмму: «Императорское правительство с благодарностью принимает великодушное предложение мельников Миннеаполиса. Обеспечьте отправку груза в нашу Таможню в Либаву, сообщите о размерах расходов по пересылке»².

Из обмена телеграммами и из моих телеграмм от 1³ и 4⁴ декабря, адресованных вам, вы поймете, насколько меня тронул ваш великодушный дар, добровольно предоставляемый в наше распоряжение для помощи страдающим от голода районам.

Российская Миссия в Соединенных Штатах принимает условия, предложенные в вашей телеграмме, и обеспечит доставку муки в Россию и ее надлежащее распределение. Я проинструктировал российского Генерального консула в Нью-Йорке, чтобы он получал и препровождал пожертвования к месту их отправки: вместе с тем хочу обратить ваше внимание на то, что в целях экономии пожертвованная мука должна быть сосредоточена в каком-то определенном пункте в западных штатах, откуда мы могли бы отправить пароход в Либаву.

Грегер

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 222—223. Копия. Перевод с английского.

№ 2

**Статья из журнала «North Western Miller»,
25 декабря 1891 г., Миннеаполис**

Двадцать миллионов человек голодают. У вас есть продовольствие. Пожертвуйте. Пожертвуйте быстро. Пожертвуйте великодушно. Выделите несколько мешков муки из того изобилия, которым вы обладаете, для груза милосердия. Вы никогда не пожалеете об этом. Мы намереваемся собрать 6 000 000 фунтов⁵ муки. К настоящему моменту собрано 1 000 000 фунтов. Если 4 000 мукомолов пожертвуют по 10 мешков каждый, мы соберем необходимое количество. Все, что вы должны сделать, — это указать свое имя и то количество муки, которое вы намереваетесь пожертвовать, остальное сделаем мы.

* * *

Совершенно естественно, что в нашей стране, где статьи мистера Кеннана⁶ о российской системе политической ссылки и его лек-

ции о сибирских тюрьмах привлекли пристальное внимание и вызвали симпатию во всех слоях общества, где жестокость, допускаемая российским правительством по отношению к евреям, стала предметом резкого всеобщего осуждения, преобладает крайне враждебное отношение к деспотическому режиму в России.

* * *

Что касается вопроса о политике российского правительства, то мы вряд ли сможем здесь что-либо сделать. Россия — огромная страна, далекая, незнакомая и непостижимая для западного мышления. Мы не сможем верно оценить ситуацию в России, т. к. мы не знакомы с тем многообразием причин, которые ее вызвали к жизни. Россия и ее обычаи находятся за пределами нашего понимания, потому что мы не имеем представления об ее общественных институтах. Это вопрос не политики, это вопрос гуманности. Мы знаем, что 20 миллионов крестьян умирают от голода. И этого достаточно. Так сделаем же все, что от нас зависит, чтобы облегчить их страдания. Что же касается вопроса о российском правительстве — оставим его решение самим россиянам.

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 210. Перевод с английского.

№ 3

Депеша А. Е. Грегера министру иностранных дел России Н. К. Гирсу, 16/28 декабря 1891 г.

Милостивый Государь Николай Карлович!

Сообщив Вашему Высокопревосходительству 13/25 прошлого ноября содержание телеграммы, полученной мной из Миннеаполиса касательно предложения группы американских мельников помочь голодающим в России пересылкою хлеба и муки, я удостоился 22 ноября/4 декабря ответом Вашего Высокопревосходительства, что следует принять с благодарностью пожертвования мельников, причем Вам угодно было приказать мне отправить грузы в нашу Таможню в Либаву и сообщить размеры расходов, сопряженных с этой пересылкой. Ответ Вашего Высокопревосходительства был немедленно сообщен в Миннеаполис, где была открыта подписка с целью собрать обещанную нам муку. Подписка эта, вращаясь среди хлеботорговцев и мельников, принесла по настоящую пору пожертвования, доходящие до 1,5 миллионов американских фунтов, т. е. свыше 45 тысяч пудов. Одновременно с этим губернатор штата Миннесота сделал призыв к своим согражданам, приглашая их помочь голодающим. Губернаторы штатов Небраска и Айова последовали его примеру, и в настоящую минуту желание жертвовать в пользу нуждающихся в России принимает характер народного движения.

Г-жа Бартон (Miss Clara Barton), глава Американского отдела Красного Креста, предложила нам свои услуги с целью организовать местные комитеты для принятия пожертвований, кроме того, она предлагает послать в Россию д-ра Гюбеля, известного деятеля по Красному Кресту, для содействия нашим агентам. На это последнее предложение г-жи Бартон я не счел возможным ответить положительно, не зная, насколько приезд г-на Гюбеля желателен нашему правительству.

Следующей почтой я представляю Вашему Высокопревосходительству более подробные сведения о том, что уже сделано и что предпринимается по этому предмету в Соединенных Штатах. Позволю себе еще обратить внимание Вашего Высокопревосходительства на переписку федеративного Морского министра с сенатором Вашбюрном, опубликованную вчера. Г-н Трэси, отвечая на предложение сенатора Вашбюрна переслать пожертвования, собранные в Америке, на казенном судне⁷, вполне одобряя это намерение, говорит между прочим в своем ответе:

«Дружественные отношения, существующие между Соединенными Штатами и Россией, ведут свое начало с давних времен. Не раз уже русское правительство, движимое дружелюбными чувствами, выходящими из ряда обыкновенных, проявляло свои симпатии стране в те минуты, когда Соединенные Штаты всего более нуждались в друзьях, и когда Россия возымела решающее значение на взгляды и политику других европейских держав»⁸.

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 1—2 об. Черновик⁹.

№ 4

Обращение американского Национального комитета помощи русским голодающим к духовенству Америки, 8 февраля 1892 г.¹⁰

Духовенству Америки:

[...] ¹¹ Работа пока еще только в самом начале. Зерно в больших количествах охотно жертвуется фермерами Запада, железнодорожные компании готовы бесплатно доставлять груз к побережью, владельцы российских железных дорог лишь ждут сигнала, чтобы с помощью американского Общества Красного Креста и его российского отделения, объединившихся для этого благородного дела, начать работу по распределению пожертвований без учета расы и веры. Главная задача в данный момент состоит в сборе денежных средств, необходимых для уплаты стоимости перевозки груза через океан и покупки нового продовольствия.

Власти Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии активно действуют, но они нуждаются в помощи всех, кто может ее оказать. Неужели американские церкви с их миллионами верующих и с еще большим числом сочувствующих не окажут покровительства столь святому делу, которое умножит их славу? Общественные митинги для привлечения внимания, Комитеты по сбору пожертвований для систематической работы — вот что должно стать насущной задачей на всей христианской земле мира и благоденствия до тех пор, пока голодная смерть не перестанет стучаться в каждый страдающий русский дом.

Выберите своих финансовых агентов или обратитесь к тем, которые уже избраны; но во имя Господа и во имя той гуманности, возвышенным и божественным олицетворением которой он являлся, делайте все, что можно сделать, для оказания помощи страдающим и умирающим людям за океаном, оказавшимся в ужасном положении.

Дж. У. Хойт

№ 5

Инструкция

**в. и. о. министра иностранных дел Н. П. Шипкина
временному поверенному в делах российской миссии
в Вашингтоне А. Е. Грегеру,
10 февраля 1892 г.**

Милостивый Государь Александр Егорьевич!

В ответ на сообщение Ваше от 16/28 декабря прошлого года за № 246 касательно предложения американских мельников помочь голодающим в России присылкой хлеба и муки, покорнейше прошу Вас выразить обществу, организованному в разных штатах с этой целью, искреннюю признательность императорского правительства за великодушные их жертвования, нашедшие живой отголосок во всех слоях дружественного нам американского народа. Жертвования эти, исходя из страны, с которой более столетия Россия связана симпатиями, будут с тем большей благодарностью приняты населением, терпящим от постигшего его бедствия.

[...] ¹² Услуги, предложенные госпожой Бартон, как видно из Вашего сообщения, с целью организации местных комитетов для принятия пожертвований, благоволите принять с благодарностью от имени императорского правительства.

Что же касается предложения командировать в Россию американских агентов для содействия нашим агентам, считаю долгом уведомить Вас, что распределение продовольствия в местностях, постигнутых неурожаем, уже обеспечено командированием в эти места лиц, специально на это уполномоченных. Вследствие этого, предложения, поступившие из некоторых стран о присылке иностранных агентов, были отклонены.

При этом считаю необходимым уведомить Вас, Милостивый Государь, что императорское правительство принимает с благодарностью пожертвования, делаемые частными обществами или лицами в пользу нуждающейся части нашего населения, но не признает возможным принимать предложения, исходящие прямо от иностранных правительств.

Вместе с тем имею честь покорнейше просить Вас сообщать и на будущее время подробно министерству о всяких могущих поступать предложениях в пользу частей нашего населения, пострадавших от неурожая.

Вместе с тем, однако, как уже было высказано Вам в телеграмме Г. Товарища Министра от 3 февраля, не вызывать искусственно пожертвований со стороны американских граждан и отнюдь не брать на себя инициативы в организации дела благотворения, за исключением тех случаев, когда в оном участвуют в большинстве русские подданные.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Шипкин

**Циркулярное письмо финансового комитета
Ассоциации помощи русским голодающим
города Филадельфии
мэрам различных городов Соединенных Штатов Америки,
4 марта 1892 г.**

22 февраля пароход «Индиана», принадлежащий Международной судоходной компании, вышел под американским флагом из этого порта, нагруженный продовольствием для умирающих от голода русских крестьян, и направился в российский порт Либаву.

Отплытие парохода вызвало большой общественный интерес. Быстрота, с которой были собраны денежные и продовольственные пожертвования — в основном денежные, искусство, с которым было закуплено продовольствие в самых отдаленных пунктах, скорость, с которой огромный груз был доставлен в пункт отправки, — все это может служить вдохновляющим примером. Чувство глубокой симпатии двигало всеми поступками участников движения.

Обращаясь к влиятельным людям страны, мы тем самым хотим представить краткое описание мер, которые позволили городу добиться таких результатов, изложить некоторые факты, касающиеся бедствия, охватившего Россию, и рассказать о том, как наилучшим образом организовать работу по сбору пожертвований.

Из надежных и разнообразных источников была получена информация, касающаяся нужд пораженных голодом губерний России. Американская Миссия в С.-Петербурге и государственный департамент в Вашингтоне по личным и официальным каналам сообщили информацию, которая полностью подтвердила ужасные заявления, сделанные в прессе. Российская Миссия в Вашингтоне и российский консул в Нью-Йорке представили дополнительные доказательства, подтвердившие имеющиеся данные, и отнеслись с глубокой заинтересованностью к попыткам нашего народа оказать помощь страдающему населению России. Эти события послужили толчком для организации движения.

Первоначально движение, начавшееся в городе Филадельфии, ставило своей задачей сбор денежных средств, необходимых для транспортировки через океан уже собранного на Западе продовольствия, так как имелись сведения, что большое его количество можно отправить, как только будет обеспечена доставка в Россию.

Потребовалось много времени для того, чтобы списаться с этими пунктами. Выяснилось, что штат Миннесота собрал щедрые пожертвования и существует полностью отработанный план по их доставке в Россию, что назначен знающий и умелый комитет, который должен будет заранее отправиться в Россию и ждать там прибытия груза, и что в этом замечательном плане, конечным пунктом которого был порт Нью-Йорка, нет места для штата Пенсильвания.

Однако ситуация могла быть иной где-нибудь в другом месте. Большое количество кукурузного зерна было в результате получено из штата Индиана или закуплено на собранные денежные пожертвования в различных местах. Но все попытки собрать продовольствие, достаточное для загрузки парохода, оказались безуспешными; а полученная информация вызвала такие сомнения в возможности использования в России подобной пищи, что мы не решились взять на себя ответственность за ее дальнейшее приобретение. Параллельно с усилиями по приобретению продовольствия на Западе старательно проводились в жизнь и местные планы.

На первых порах движение не пользовалось популярностью, так как люди плохо понимали его смысл. Началась работа по популяризации движения, которая заключалась в следующем:

Во-первых. Всем священникам Филадельфии было послано циркулярное письмо, рассказывающее об основных фактах, с просьбой изложить суть дела перед прихожанами своих церквей.

Во-вторых. Похожее, но несколько видоизмененное, письмо было разослано всем священникам Пенсильвании.

В-третьих. Мэрам, муниципалитетам, местным советам, начальникам почтовых отделений маленьких местечек по всему штату было разослано циркулярное письмо, включающее Воззвание губернатора штата Пенсильвания.

В-четвертых. Было опубликовано Воззвание в газетах.

В-пятых. Через газеты сообщался план сбора денежных пожертвований.

В-шестых. Была написана брошюра под заголовком «Неужели русские крестьяне умрут голодной смертью?», в которой на основе достоверных источников излагались основные факты. Сто тысяч экземпляров этой брошюры разошлись по всему штату.

В-седьмых. Были посланы письма к нескольким тысячам обеспеченных граждан с просьбой пожертвовать сто долларов.

В-восьмых. Союз торговых компаний выделил несколько своих представителей для организации и сбора пожертвований.

В-девятых. Прошел публичный митинг в институте Дрекслея.

В этом состояло основное направление организации финансовой работы, в которой газеты оказали серьезную помощь. Потребовалась неделя для того, чтобы общество оценило всю важность вопроса. И когда это случилось, ответное щедрое чувство не заставило себя ждать.

Началось с того, что председатель Транспортного комитета Джон Конверс предоставил в распоряжение движения судно «Индиана», и возник план отправки парохода к дню рождения Вашингтона.

Вскоре стало ясно, что продовольствия, закупленного на Западе, недостаточно для загрузки парохода. Председатель Комитета по отправке груза Джон Хубер предпринял меры, необходимые для дальнейшей закупки продовольствия.

Вкратце результаты таковы.

Почти 100 000 долларов было собрано сразу и денежные пожертвования продолжают поступать ежедневно, но небольшими суммами. Прошло ровно три недели с того часа, когда состоялось первое обсуждение вопроса о помощи русским голодающим, и пароход «Индиана», нагруженный до краев продовольствием, в основном пшеничной мукой, отплыл к берегам России. 2 000 тонн его груза были закуплены по всей стране и без задержек и взимания платы пропущены через все железные дороги, связанные с портом. Большое количество пшеничной муки погрузили на пароход через 6 дней после ее закупки в штате Миннесота. Недостающий груз компенсировали товарами.

Международная судоходная компания предоставила свободное от уплаты фрахта судно «Индиана». Sterling Coal Company заполнила бункеры корабля бесплатным углем для путешествия туда и обратно. Владельцы продуктовых и бакалейных магазинов снабдили экипаж бесплатным питанием на сумму 75 000 долларов; почти все железнодорожные компании бесплатно и вне графика пропускали поезда с продовольствием; частные транспортные конторы обеспечили бесплатное обслуживание; был пожертвован комплект знамен и вымпелов, которые должны стать украшением для парохода во время его путешествия; рабочие, портовые грузчики, моряки предложили свои бесплатные услуги.

* * *

Мы уверены, что начавшийся в России голод ужасен и ситуация будет ухудшаться. То, что было сделано в Филадельфии, может быть повторено всюду, если к этому приложить необходимые усилия. На повестке дня стоит вопрос о сборе пожертвований, загрузке и отправке следующего парохода¹³.

Наша организация и опыт к услугам всех уполномоченных или Комитетов помощи по любым вопросам. Группа наших представителей находится на пути в Россию в интересах оказания помощи.

Сообщения могут быть адресованы Э. С. Стюарту, мэру и председателю Комитета помощи русским голодающим.

*Р. К. Огбен
Ф. Б. Ривс
Э. Дж. Дрексель
Р. Блэнкенбург
У. У. Фолкрос*

*Финансовый Комитет*¹⁴.

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 3—4 об. Перевод с английского.

№ 7

Телеграмма комиссионеров штата Миннесота А. Е. Грегеру 11 марта 1892 г.

С чувством глубокого удовлетворения сообщаю Вам, что наши усилия по снаряжению парохода с мукой для облегчения страданий крестьян Вашей страны увенчались успехом. Подписка закрыта сегодня, она составила 4,5 миллионов фунтов муки, пожертвованных мельниками США, народом штата Миннесота и фермерами штата Небраска. Весь груз находится на пути в Нью-Йорк, где он бесплатно хранится на складах Terminal Warehouse Company. Грузы свободно пропускаются нашими железнодорожными компаниями, а также мы получили от Atlantic Transport необходимый для доставки нашего груза в Либаву пароход «Миссури», свободный от уплаты фрахта.

Пароход отплывает в первой половине марта, бесплатно загруженный портовыми рабочими и фирмой J. Hogan L. Son и снабженный топливом, пожертвованным Bergwin Coal Co. Мистер Уильямс Джеймс из Нью-Йорка закончил все приготовления к транспортировке груза через океан. Western Union telegraph Company, отправляя бесплатно сотни сообщений во все пункты страны, облегчила нашу деятельность.

*Эдгар*¹⁵, *Ривс. Комиссионеры, представляющие мельников США.
Власти штата Миннесота*

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 79—82. Подлинник. Перевод с английского.

№ 8

**Телеграмма
российского генерального консула в Нью-Йорке
А. Е. Оларовского
российскому посланнику в Вашингтоне К. В. Струве,
3/15 марта 1892 г.**

На борт парохода «Миссури» загружено сегодня утром 5 250 000 фунтов пшеничной муки и 250 000 фунтов кукурузной муки общей стоимостью на 138 540 долларов. Пароход отплывает сегодня в полдень.

А. Е. Оларовский

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 56. Л. 91. Подлинник.

№ 9

**Письмо американского посланника в С.-Петербурге
Ч. Э. Смита
секретарю Комитета помощи русским голодающим
штата Айова Б. Ф. Тиллингхасту,
15 января 1892 г.**

Милостивый Государь!

Я получил Ваше интересное письмо, в котором Вы сообщаете о шагах, предпринятых губернатором и народом штата Айова для оказания помощи голодающим в России. Я также получил номер газеты «Демократ», которую Вы были так добры послать мне, с напечатанным в ней Воззванием губернатора и подробным изложением плана действий.

Это движение своевременно и с самой лучшей стороны характеризует щедрый и великодушный народ штата Айова. Уверяю Вас, что 10 000 бушелей¹⁶ кукурузы, которую штат Айова предполагает послать в виде муки, будут очень желанны. Американская кукурузная мука совершенно неизвестна в России, но с момента начала настоящего голода было получено ее небольшое количество и превращено в хлеб под руководством американцев. Я получил информацию, что в тех местах, где распределяли этот хлеб, он пользовался даже большей популярностью, чем обычный. Великодушный дар жителей штата Айова будет служить не только делу спасения голодающих, но и внесет свою лепту в популяризацию этого вида хлеба.

Вы спрашиваете о размерах голода, о численности населения голодающих районов и о времени сбора нового урожая. Урожай не убирают раньше июля. До этого времени пораженные голодом районы должны поддерживаться извне. Они занимают территорию, равную всему Северо-Западу США от штата Огайо до западных границ Канзаса и Небраски. На этой территории проживает 30 млн. человек, можно сказать, что большая половина этого населения осталась абсолютно без средств существования и полностью зависит от помощи извне. Трудно представить всю глубину страданий этих людей и подобрать достаточно сильные слова, чтобы описать трагизм ситуации. Если бы жители штата Айова смогли услышать леденящие душу рассказы очевидцев, которые доходили до меня в последние недели, они бы укрепились в своем благородном желании сделать все завися-

щее от них, дабы облегчить страдания этих людей. Движения помощи Вашего штата, также как и филантропические движения, начатые в других штатах, известны в этой стране и вызывают ответное чувство огромной благодарности.

Остаюсь искренне Ваш

Чарльз Эмори Смит

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 122. Подлинник¹⁷.
Перевод с английского.

№ 10

Письмо Б. Ф. Тиллингхаста российскому посланнику в Вашингтоне К. В. Струве, 4 мая 1892 г.

Милостивый Государь! Имею честь сообщить Вам, что пароход «Тьюнхед» отплыл из Нью-Йорка в российский порт Ригу в понедельник 2 мая. На его борту находятся пожертвования, собранные в основном народом штата Айова, для голодающего населения Вашей страны. В декларации судового груза значится следующее: 2 коробки больничного оборудования; 1 бочка бекона; 731 мешок пшеничной муки; 10 мешков пшеницы; 2 мешка муки крупного помола; 9 мешков крупы; 1 бочка и 1 коробка медикаментов; 400 мешков кукурузной муки; 116 275 бушелей кукурузного зерна. Груз поручен доктору Дж. Б. Гюбелю, который является полномочным представителем американского Общества Красного Креста и находится сейчас в Риге. Вся стоимость перевозки заплачена, груз застрахован на сумму в 83 500 долларов.

Д-р Гюбель является единственным представителем, уполномоченным мной и мисс Бартон, и никто другой не должен быть признан в качестве такового Вами и Вашим правительством.

[...] Хочу лишь добавить, что те 4 месяца, во время которых я занимался сбором пожертвований, доставили мне огромное удовольствие.

Б. Ф. Тиллингхаст,
секретарь Комитета помощи русским голодающим штата Айова

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 56. Л. 281—283. Подлинник.
Перевод с английского.

№ 11

Статья из газеты «Рижский вестник», 30 апреля 1892 г.

Зафрахтован «Тьюнхед» за 13 000 долларов, но т. к. корабельные комиссионеры и другие лица отказались от вознаграждений за свои услуги и от оплаты за комиссию, то цена уменьшилась на 10% — до Петербурга — 11 700 долларов — расход всецело покроеется добровольными денежными пожертвованиями жителей города Вашингтона. Губернатор штата Айова Бойс назначил комитет из 11 женщин для сбора пожертвований. Была организована женская вспомогательная ветвь Красного Креста. Всего в Айове собрано пожертвований зерном на сумму 40 000 долларов. В более крупных городах штата в видах увеличения пожертвований производились сборы по церквам, устраивались базары, давались спектакли и концерты, дети местных школ жертвовали по 1—5 центов.

Для отправки собрано 3 375 тонн и погружено на «Тьонхед». Весь груз перевезен в нью-йоркский порт бесплатно, а это равняется сумме в 20 000 долларов. Хозяева элеваторов в Бруклине открыли свои склады для пожертвованного зерна. Для одного зерна и муки с этого корабля потребуется 225 вагонов.

№ 12

**Депеша российского посланника в Вашингтоне К. В. Струве
в. и. о. министра иностранных дел России Н. П. Шишкину,
1/13 мая 1892 г.**

Милостивый Государь Николай Павлович!

Следуя указаниям, данным Вашим Превосходительством в телеграмме от 22 ноября минувшего года нашему поверенному в делах, а равно в предписании от 10 февраля 1892 года за № 1089, я следил внимательно за течением филантропического движения американского народа в пользу голодающих в России, последнее проявление которого выразилось в отправке четвертого парохода с грузом хлеба в Россию, о чем своевременно мною сообщено было Вашему Превосходительству по телеграфу из Нью-Йорка.

Ныне Генеральный консул наш в названном городе уведомляет меня, что некто Клопш, редактор газеты «Christian Herald» собрал при посредстве друзей своего органа 1500 тонн муки и что пожертвования продолжают прибывать¹⁸.

Г-н Клопш заявил нашему Генеральному консулу, что все расходы по доставке муки из разных штатов в Нью-Йорк газета «Christian Herald» принимает на себя, относительно же дальнейшего препровождения пожертвований в Россию г-н Клопш обратился за помощью в Генеральное консульство.

Не имея на этот предмет инструкций, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство благоволить уведомить меня, могли ли я разрешить нашему Генеральному консулу в Нью-Йорке отправить муку в Россию, на какие средства и на чье имя должны быть составлены документы. При этом считаю нужным дополнить, что 1500 тонн муки составляют добрую половину груза обыкновенного торгового парохода, равного по размерам пароходу «Миссисипи» и «Индиана», и что фрахт уплачивается обыкновенно по доставлении товара.

Пользуясь настоящим случаем, чтобы испросить мнения министерства касательно дальнейшего приема пожертвований частных лиц и учреждений в Америке, симпатии которых к России проявляются и будут проявляться в щедром желании придти на помощь страждущей части нашего населения.

К. В. Струве

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 55. Л. 111—112 об. Черновик¹⁹.

№ 13

**Инструкция Н. П. Шишкина — К. В. Струве,
30 мая 1892 г.**

В ответ на письмо от 1/13 мая за № 93 и в дополнение к телеграмме от 28 сего месяца, имею честь уведомить Ваше Превосходительство на основании записки Тайного Советника Плеве, что пожертвова-

ния в пользу страдающих от неурожая в настоящее время могут принести пользу пострадавшим лишь денежные, так как их можно обратить на поддержание крестьянских хозяйств в местностях бывшего недорода; хлебные же грузы желательно не получать ввиду затруднительности своевременного распределения их по назначению.

Подобный взгляд Тайный Советник Плеве имел случай выразить лично поверенному в делах вашингтонского правительства в С.-Петербурге.

Что же касается до груза хлеба, собранного редакцией нью-йоркской газеты «Christian Herald», который, по сообщению американского Генерального консула в С.-Петербурге, будет отправлен в распоряжение петербургского Генерального консульства Соединенных Штатов, то несмотря на запоздание этого груза, Особому Комитету неудобно будет отклонить принятие его, если он будет доставлен в Россию до 15 июня. Тем не менее материальное участие нашего Генерального консула в Нью-Йорке в отправлении морем как груза «Christian Herald», так и последующих, представляется нежелательным. Можно опасаться, что Особый Комитет не будет иметь возможности обратиться по назначению такие грузы, которые придут в наши порты позднее 15 июня.

Сообщая о вышеизложенном покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, соблагovolить выразить великодушным жертвователям искреннюю признательность нашего Правительства.

Н. П. Шишкин

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 56. Л. 356—357. Подлинник.

№ 14

Статья из газеты «Московские новости», 8 июля 1892 г.

7 июля в Москву прибыли инициаторы последней присылки хлеба американскими жертвователями для русских голодающих. Хлеб этот прибыл с пароходом «Лео» (груз 2 200 тонн), хотя часть его прибыла раньше с пароходом «Коннемо». Это крупнейший до сих пор груз, который доставили американцы, т. к. 300 тонн, доставленных «Коннемо», дополняют его почти до 160 000 пудов, что равно грузу 6 товарных поездов в 40 вагонов каждый. Груз этот прибыл прямо в Петербург и оттуда отправлен по городам. В дополнение к муке присланы овощи, фрукты, одежда, медикаменты.

На этот раз организаторы: издатель и редактор еженедельного журнала «Christian Herald» Клопш и Талмаж. Клопш — весьма состоятельный негодичант штата Нью-Йорк, живущий в Бруклине, где издается и его журнал. Г. Деви́т Талмаж — редактор этого журнала, кроме того, он служит настоятелем пресвитерианской церкви в Бруклине. Пользуется известностью как проповедник.

Талмаж заметил, что пожертвования, присланные на пароходе «Лео», являются плодом чисто народной подписки. Собрано приблизительно 70 000 рублей. На эту сумму и куплен груз «Лео». Женщины приносили свои браслеты и серьги, брошки и иные украшения и просили их продать, чтобы «купить хлеба для русских», один мальчик (11 лет) из С.-Франциско прислал 3,5 доллара — свой заработок за 70 пар вычищенных сапог. Старик, отложивший 20 долларов на похороны, прислал эти деньги на покупку хлеба. Словом, это было всеобщее, чисто народное движение.

Началось это движение с проповеди г. Талмажа, сказанной им в своей церкви в Бруклине. Тотчас же начата была подписка, доставившая сразу приблизительно 1000 долларов (2000 рублей). Затем журнал «Christian Herald» начал агитацию на своих страницах. И ни одна его статья о голодающих в России не осталась без отклика.

О приеме в Петербурге Талмаж говорит, что он никогда и никак не ожидал такого сердечного и дружественного приема, которого они удостоились. Клопш подчеркнул: «Всего через мои руки прошло товаров и денег на сумму 2 000 000 рублей для вспомоществования пострадавшим от неурожая в России. Но если бы потребовалось, то Америка пожертвовала бы во сто раз больше. Не знаю, каковы европейские друзья России, но что касается американцев, то надежнее их трудно найти. За это я вам ручаюсь своим словом, как честный человек».

№ 15

**Донесение российского генерального консула
в Нью-Йорке А. Е. Оларовского
российскому посланнику в Вашингтоне К. В. Струве,
5/17 марта 1892 г.**

В дополнение к моему донесению от 3/15 марта с. г. за № 165, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что генерал Боттерфильд городской телеграммой уведомил меня сегодня, что сумма, реализованная концертом в пользу голодающих в России, равняется не 5750 долларов, а 6500 долларов, и что сумма эта вчера переведена по телеграмме посланнику Соединенных Штатов в С.-Петербурге г-ну Эмори Смиту.

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 56. Л. 94—94 об. Подлинник.

№ 16

**Донесение А. Е. Оларовского — К. В. Струве,
3/15 марта 1892 г.**

Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что в канцелярию вверенного мне Генерального Консульства присланы из Post Chester, N. Y. господином Пикартом два чека по 10 долларов каждый для отсылки в Россию через посредство министерства иностранных дел в пользу голодающих.

АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 56. Л. 91. Подлинник.

№ 17

**Из отчета председателя Национального комитета
помощи российским голодающим Дж. У. Хойта.
Вашингтон, 25 декабря 1892 г.**

[...] Трудно определить сумму всех денежных пожертвований, отправленных непосредственно в Россию. В соответствии с имеющимися данными были переданы следующие суммы денег:

38 286 долларов и 32 цента — от Торговой палаты г. Нью-Йорка;

7 192 доллара и 12 центов — от Изабель Ф. Хапгуд²⁰, собранные благодаря ее личным усилиям;
 10 396 долларов и 32 цента — от Комитета штата Массачусетс²¹;
 2 013 долларов и 29 центов — от «Американского общества друзей русской свободы», Бостон²²;
 2 214 долларов и 11 центов — от штата Нью-Хемпшир;
 1 000 долларов — от владельцев газеты «Christian Herald»;
 3 992 доллара и 78 центов — от агентств штата Мичиган;
 5 000 долларов — от Комитета штата Айова;
 7 000 долларов — от русских поселенцев штата Небраска;
 1 200 долларов — от Комитета штата Миннесота;
 3 481 доллар — от Комитета штата Южная Дакота;
 10 000 долларов — от американского Общества Красного Креста.

Всего ≈ 100 000 долларов.

АВГР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 55. Л. 30²³. Перевод с английского.

Примечания

¹ Подлинник телеграммы см.: АВГР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 202—203.

² Подлинник телеграммы от 4 декабря 1891 г., содержащей положительный ответ царского правительства, см.: АВГР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 213.

³ Копию телеграммы см.: АВГР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 220.

⁴ Копию телеграммы см.: АВГР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 737. Л. 225.

⁵ 1 американский фунт = 453,6 г.

⁶ Дж. Кеннан — американский либеральный журналист. Вернувшись из поездки по Сибири, опубликовал с 1888 по 1891 г. серию статей, описывающих невыносимые условия, в которых находились политические ссыльные, и осуждающих карательную политику самодержавия. Позже вышла его книга «Сибирь и ссылка». Подробнее см.: Меламед Е. И. Русские университеты Джорджа Кеннана. //Иркутск, 1968.

⁷ Палата представителей американского Конгресса отказала морскому министерству в субсидии суммы, необходимой для фрахта парохода, и отложила обсуждение вопроса об оказании помощи голодающей России на неопределенный срок.

⁸ Речь идет о позиции, занятой Россией во время Гражданской войны в США в 1861—1865 гг. Когда Северу грозила интервенция Англии и Франции, императорское правительство выступило за единство США, проводя политику дружественного нейтралитета. Отношения России с Англией и Францией обострились из-за попытки этих стран вмешаться в польский вопрос. Заинтересованность российского правительства в единстве США была вызвана желанием получить поддержку в борьбе с общим противником. В 1863 г. царское правительство послало две эскадры — в Нью-Йорк и Сан-Франциско, преследуя свои цели на случай войны с Англией и Францией. Однако объективно это оказало моральную помощь вашигтонскому правительству и способствовало укреплению русско-американских связей.

⁹ Оригинал в фонде Канцелярии не обнаружен.

¹⁰ Это было одно из 9 воззваний к жителям Соединенных Штатов, составленных американским Национальным комитетом для того, чтобы ускорить работу по сбору пожертвований и привлечь внимание государственных, должностных и духовных лиц к развернувшемуся филантропическому движению. Текст всех обращений печатался на отдельном бланке, размножался и рассылался по всей стране.

¹¹ Опущена одинаковая для всех обращений часть о размерах голода в России.

¹² Опущен текст телеграммы от 22 ноября/4 декабря. См. документы №№ 1, 3.

¹³ Филадельфийский Комитет отправил 11/23 апреля 1892 г. еще один пароход с продовольствием — «Коннемо».

¹⁴ Р. Блэнкенбург, Э. Дж. Дрексель и Ф. Б. Ривс сопровождали груз с продовольствием и побывали в России. Ривс поделился своими впечатлениями от поездки в воспоминаниях, написанных позже. — См.: Reeves F. B. Russia Then and Now 1892—1917. //N. Y. 1917.

¹⁵ У. Эдгар сопровождал груз продовольствия, собранный жителями штата Миннесота. Он посетил голодающие губернии России и, вернувшись в США, написал интересные воспоминания о своем путешествии. — См.: Edgar W. C. The Russian Famine of 1891—1892. //Minneapolis. 1983.

¹⁶ Бушель — мера емкости, равная ≈ 36,3 л.

¹⁷ Письмо передано Б. Ф. Тиллингхастом в российскую миссию в Вашингтоне вместе с пояснительной запиской, адресованной А. Е. Грегери.

¹⁸ Дешеша А. Е. Ораловского — К. В. Струве, 30 апреля/12 мая 1892 г.— См.: АВПР. Ф. Посольства в Вашингтоне. Оп. 512/1. Д. 56. Л. 266—267.

¹⁹ Оригинал в фонде Канцелярии не обнаружен.

²⁰ Изабель Халгуд — известная американская журналистка и переводчица русской литературы. Делала переводы Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Печаталась в ведущих литературно-политических журналах США. Несколько раз посещала Россию.

²¹ Этот штат первым на Востоке США откликнулся на призывы У. Эдгара и стал крупным центром по сбору денежных пожертвований.

²² Общество организовано в Бостоне в апреле 1891 г. по инициативе и при непосредственном участии С. М. Степняка-Кравчинского. В его организации и деятельности приняли участие многие прогрессивные общественные деятели США. Цель общества — оказание моральной поддержки российскому освободительному движению.

²³ Отчет состоит из 11 листов и опубликован в виде брошюры. В деле пронумерован как один лист.

«...ДЕРЗАЮ О СЕМ ПО МАЛОМУ МОЕМУ РАЗУМЕНИЮ ДОНЕСТИ»

Записка В. Н. Татищева Петру I
о передаче казенных металлургических заводов
частным владельцам

Введение в научный оборот документов, воссоздающих картину формирования внутренней политики Петра I, до сих пор не утратило своей актуальности. Публикуемая ниже записка позволяет внести уточнения в наши представления о политике Петра I и его ближайшего окружения по отношению к уральской металлургии. Она сохранилась в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 19. Д. 71, озаглавленное «О рудокопных заводах в Сибири. Из бумаг графа А. И. Остермана»). Вместе с другими записками, так же как и эта недатированными и неподписанными, она составляет компактную группу тематически связанных между собой проектов и предложений, касающихся вопросов развития металлургической промышленности России.

Фонд 19 («Финансы») относится к числу коллекционных фондов Госархива, сформированных в XIX веке по тематическому принципу из разрозненных материалов, принадлежавших некогда к личным архивам видных государственных деятелей и отдельным частям делопроизводства центральных учреждений России, не попавшим по какой-либо причине в основной фонд учреждения-фондообразователя. Данные проекты и записки представляют, вероятно всего, часть личного архива А. И. Остермана, конфискованного во время следствия и суда над ним в 1741 г. Невнимательностью архивистов при разборе остермановских материалов в период комплектования фонда 19 следует объяснить то, что листы дела оказались перепутанными и неверно пронумерованными (последний лист с концом рассуждения по третьему пункту и полным текстом мнения по четвертому пункту оказался помещенным сразу после первого (л. 9—9 об. после л. 8); пункты 2-й и 3-й оказались на л. 12—13 об., а между ними (л. 10—11) — текст еще одной записки).

Автора дошедшей до нас в копии недатированной и неподписанной записки бесспорно установить довольно трудно, но целый ряд обстоятельств позволяет предположить, что им был В. Н. Татищев. Его авторство представляется наиболее обоснованным по нескольким соображениям.

Во-первых, записка написана современником Петра I и обращена к нему. Петр II не мог быть адресатом записки: этому логически противоречит текст § 1 рассуждения по третьему пункту, где автор апеллирует к неудачному опыту заведения отцом царствующего государя медных Григоровских, а также полотняных и суконных заводов,— конечно, речь в данном случае идет об Алексее Михайловиче, а не о Петре Великом — деде Петра II.

Во-вторых, автор ссылается на опыт прохождения корреспонденции по управлению заводами в период личной службы на них (рассуждение на п. 3: «в бытность мою при заводах...»). Человек, которому было поручено Петром I обсудить вопрос об отдаче заводов в частные руки, и который имел полномочия вынести его на совет в Берг-коллегии, не мог быть в нижнем звене управления заводами, и, кроме того, должен был пользоваться личным расположением царя. Речь может идти лишь о Виллиме де Геннингe или В. Н. Татищеве. Планы передачи заводов на Урале в частные руки, вероятнее всего, могли возникнуть лишь в последние годы жизни Петра, когда казенная промышленность там уже прошла период становления и когда сама идея передачи казенных заводов была провозглашена в п. 15 регламента Мануфактур-коллегии 1723 г.¹. Вместе с тем в 1723 г. оба вероятных кандидата на авторство записки

¹ ПСЗ—I. Т. 7. № 4378.

находились на Урале, а в последний год жизни Петра I в Петербурге находился лишь Татищев, посланный Геннином с Урала по делам управления заводами в конце ноября 1723 г. и приехавший туда в январе 1724 г.; Геннин же вернулся в столицу уже после смерти Петра². Судя по тексту преамбулы записки, автор ее лично выносил вопрос на рассмотрение Берг-коллегии («...и о том разных разные рассуждения услышав...») и, следовательно, должен был находиться в этот момент в столице. Таким образом, именно Татищев, пользовавшийся в данный момент расположением Петра I, остается наиболее вероятным автором записки.

В-третьих, общий ход рассуждений и выводы автора о преимуществе передачи заводов в компании, а не «одинаким» промышленникам, имеют параллели в первых пунктах опубликованного А. И. Юхтом «Напамятования, что для лутчего размножения заводов потребно Берг-коллегии определить указом», поданного Петру I Татищевым 1 сентября 1723 г.³ Кстати, именно «Напамятование...», также не датированное и не подписанное, разрывает в архивном деле текст публикуемой записки Татищева и вклинивается в него на л. 10—11.

В-четвертых, в деле № 71 мы, очевидно, имеем дело с компактным блоком записок Татищева, дошедших до нас в копиях. Л. 18—21 занимает еще одна записка — «О размножении железных и медных заводов рассуждение», преамбула которой практически дословно совпадает с опубликованным А. И. Юхтом «Проектом о горных делах и компаниях», датированным 1735 г.⁴; однако далее в рукописи (л. 19 об.—21) идут общие рассуждения о необходимости развития отечественной металлургии и увеличения объемов ее производства, тогда как в опубликованном А. И. Юхтом документе — предложения по передаче заводов в конкретные компании. Дословное сходство обширных преамбул в текстах «Рассуждения...» и «Проекта о горных делах и компаниях» позволяет отнести «Рассуждение...» к творчеству Татищева. Следует отметить, что в тексте той же преамбулы мы опять сталкиваемся с уже использованной в публикуемой записке апелляции к опыту строительства заводов Алексеем Михайловичем, но на сей раз разросшейся уже в значительный по объему исторический экскурс.

Таким образом, две из четырех попавших в дело № 71 связанных общей нумерацией листов копий записок принадлежат В. Н. Татищеву, что служит еще одним косвенным доводом в пользу нашего предположения. Весьма вероятно, что и предложение «О деле железа на заводах по пробам, и о продаже уставными ценами» (л. 14—18), не отличающееся по стилю от других записок и не противоречащее известным взглядам Татищева, также может принадлежать ему.

История появления данной записки может быть следующей. На рубеже 1723—1724 гг. Петр I решил в какой-то степени реализовать заложенную в регламенте Мануфактур-коллегии идею о постепенной передаче в руки инициативных частных промышленников отдельных отраслей казенной промышленности. К обсуждению подобных планов был привлечен В. Н. Татищев, сумевший завоевать после своего приезда в Петербург доверие и расположение царя. В результате и появился на свет публикуемый документ, представляющий, таким образом, вариант передачи казенных заводов, предложенный Татищевым, отличающийся трезвым учетом российских условий и особенностей формирования кадров русских промышленников. Возможно, что известный февральский 1724 г. проект Татищева о передаче уральских Полевских и Гумешкинских рудников в частные руки⁵ был лишь попыткой проверить вариант передачи казенных заводов на конкретном образце, чтобы в последующем более широко использовать результаты этого эксперимента для осуществления «приватизации» уральской металлургии. Если следовать подобной логике, то наиболее вероятной представляется датировка публикуемой записки январем-февралем 1724 г., хотя не исключена и более широкая датировка записки 1724 г. в целом (или, по меньшей мере, до осени).

Публикацию подготовил кандидат исторических наук Н. Н. ПЕТРУХИНЦЕВ.

² Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в.—М. 1985. С. 128, 131—133.

³ См.: В. Н. Татищев. Записки. Письма. 1717—1750.—М. 1990. Док. № 27. С. 102—103.

⁴ См.: там же. Док. № 136. С. 217.

⁵ См.: там же. Док. № 25. С. 95—98.

1724 г., январь-февраль. — Записка об условиях передачи казенных металлургических заводов частным владельцам

Всемилоостивейший государь!

Ваше императорское величество изволили мне, всенижайшему рабу Вашему, объявить, чтоб заводы, построенные и содержанные на иждивении Вашего императорского величества, також и обретенные медных руд места раздавать в компании, о котором я, предлагая в Берг-коллегии, требовал их совета о порядках, с каким наилучше и полезнейше раздать, и о том разных разные рассуждения услышав, не имею оставить недонести.

1. Рассуждают, якобы лучше такому отдавать, который уже заводы имеет, нежели тем, которые не имели.

2. Лучше отдавать в одинакие руки, нежели в компанию.

3. Чтоб отдавать в места худшие, от которых пользы мало видно или весьма сумнительно, а лучшие содержать на казенном иждивении.

4. Хотя и богатые руды отдать, токмо прежде освидетельствовать чрез неколико лет, какая от того прибыль быть может, и потом в казну доход от прибыли обстоятельно определить.

Я же, видя, что сие доброй и желаемой от вашего величества пользе противно, дерзаю о сем по малому моему разумению донести, что в котором обстоятельстве вредно и полезно быть может:

На 1-е:

Всякому сие благорассудно, что кто имеет один или многие заводы, то оному удобнее протчие принять и в добром состоянии содержать, ибо сам в пользе и вреде оных искусен, мастеров уже есть, которых неимеющим к содержанию и размножению заводов удобства некоторые отъемлет, но сему противно вреды предлежат:

1. Когда на сие взирать то всегда нужно имущим отдавать, а неимущий хотя б охоту, смысл и имение довольное имел, но надежды к получению никогда иметь не может, и тако приращению заводов путь пресечется;

2. В одних руках быть не токмо многим заводам, но и товаром, какого б звания ни были, государству, а особливо другим, в том промысле бывшим, вредительно, ибо таковой, видя себя пред прежними сильна, и товары в своих руках многою мерою, прочих всех числом превосходящие, многих может привести к разорению, а себе получить великое богатство, и суще цену как хочет поставить, и ежели велику, то за недостатком других нужно купить у него, отчего купящим тягость. Ежели же спустит цену малую, что оному легко учинить, то другие и с накладом должны ему последовать.

То же надо думать и о работниках, что у одного и за нужду из малой цены будут работать, а когда много промышленников, и ровных, то всякому, где большая и безобидная плата — тамо приятнее и работать.

3. Ежели такой сильной промышленник придет в какое нещастие и разорение, то его исправить вскоре невозможно, ибо таковые, ежели до того придет, то во всем вдруг искоренится, чрез что вдруг в государстве тех материалов не токмо недостаток, но и великое оскудение случитца может, и вместо того, что за границы отпускалось, нужно будет вывозить из-за границы, доколе оные паки в состояние придут. Во множестве же промышленников, хотя один и разорился, недостатка великого не делается.

Я же мню, что сих ради причин весьма удобнее раздавать в разные руки, невзирая, имеет ли кто заводы или нет, но наипаче тем, которые вновь охоту имеют, чтоб компании одна перед другою размножать большие искусства, и изобретать, и корысти присовокуплять тцилися, чрез что заводы в краткое время процветут и государству множайшая польза явится.

На 2.

Что лучше одинаким промышленникам отдать, нежели в компании:

Сие есть видимо в том пользу свою имеет, что самовластной промышленник во всяком предприятии благополезном не принужден, и по своему благоизобретению поступает, передает, строит или ломает, не думая, чтоб в том кому ответ или шет дать; повинен також о собственном, нежели об общем прилежать причину имеет, и чрез то малые заводы, прибавлявая každогодно, великими учинить может, однако ж в сем последующие вреды превосходят:

1. Во всяком промыслу заводском колико имения к содержанию и размножению, искусства к лучшему и способнейшему действию, толико верности и прилежности к присовокуплению корыстей требуется, и сие ни от кого более чается, как от самого промышленника и его чаемых наследников. Но не всякому промышленнику оно иметь случится, чтоб наследник возрастной и совершенно смотрению за заводами искусной остался.

Ежели же наследник остается умом или содержанием недоброй, или в летах несовершенноый, то нужда приведет вверить прикащиком, от которых мало может пользы быть, и более к разорению, нежели размножению путь явитца, чему явно путь приклад издревле сильных соляных промышленников Строгоновых¹, в какое им бедство, а государство в недостаток соли неверность, или паче воровство служителей привело, к сему же небеспричинно употребить сильной и государству нуждой Маластова селитренный промысел², который было в доброе состояние придать стал, но я ныне есть сумнителен, а причиною тому малолетство наследников.

2. Огонь, вода и другие к разорению примечающиеся случаи могут нанести убытки, которое может одинакого промышленника весьма вдруг всего лишить, и хотя б он малым числом мог вскоре большему вреду предупредить, но, не имея уже остатку и ни от кого помощи, принужден большее или весьма конечное разорение и лишение своего промысла терпеть. В компанию же никто всего имения не положит, и хотя б нещастие какое случилось, то вскоре малою складкою исправить могут, а хотя б которой и весьма положить чего не имел, то сыщет, кому участие свое продать, или товарищи, храня своё, и его не оставят; и тако оно от разорения конечно всегда бесстрашно будет.

3. Ежели одинакой промышленник своим трудом и Божиим благословением получит довольные прибытки, то зависть сребролюбивых, а особо властителей, мучить причину возымеет, которые разными образами ко удалению оных потщатся, яко обещаниями, тако и страхами, и ежели оной не датлив, то ищут всячески злодействовать, ежели же добродателен, то обнадёжат оного, вступя в дела непристойные и получа прибыли, государству вредительные, чрез то напоследок со основанием разоряются, государственной пользе и корыстям великой вред наносится. Сему в приклад небеспричинен Данило Воронов, который заводил в Козельску квасцовые заводы³, но от ненависти и обид вконец разорен, и ниже промысел оной, хотя бы и весьма прибыточен, но за недостатком охоты и искусства, весьма оставлен в запустении. Компания же сим страхом не

подлежит: первое, что к обезанию многолюдную теснить, напрасно требовать и брать дары великие всякому опасности, понеже оное утаится не может; устраивание многим — скоряе рассудится; воровства же и непристойные посторонние пользы будут неудобны, ибо что один пожелает, на то другой, представя рассуждение, не склонится.

По которому мню, что компания лучше, нежели один, и чем более, тем безопаснее; чего ради в наследствие оное мню, что лучше образом купечества всем детям на равные части делить, а не одному отдавать, дабы компания размножилась, о котором возможно пространним рассуждением показать.

На 3.

Еже лучше отдавать промышленникам худые места, а лучшие оставить в казне, а особливо о медных.

Сие имеет пользу такую, что государь у малых или у малоприбыточных заводов не токмо прибыли, но ниже на содержание управителей довольно быть не может, а хотя б и прибыль была, да малая, то прилежание ослабевает, ещё же и управители, видя множество и многоприбыточных заводов, к правлению большую охоту возимеют и не токмо бес принуждения, но и всяк с охотою быть пожелает.

Но сему противно мню:

1. Всегда ли Вашему величеству на такие заводы сыщется управитель верной и радетельной, как всяк себе, сие есть весьма сумнительно; Вам же всегда о том паметовать и о противном следовать неудобно. Высокие же поверенные управители тако ж могут для положения на них других дел оного лишиться, и тако доводы пользы мало покажут, как сему явной приклад Блаженной памяти отца Вашего довольное о размножении заводов прилежание было, как нам свидетельствуют медные Григоровские⁴, а в Москве бархатные и полотняные заводы⁵, которые не токмо разорились, но и весьма в забвении остались, ежели б Ваше величество не возобновил; також и при Вас конной завод содержится мало лучше уставом, ныне же компаниями как суконной, так и полотняной и шелковой⁶ к состоянию уже приходят и надежду показывают.

2. Естли то случится, что управитель неимущее искусства или охоты, по коей-либо страсти определится, то есть за милость или гнев, от таковых никакой пользы уже уповать невозможно, ибо за милость отпущенной будет более о своем обогащении и награждении своих заступников прилежать.

[...]* наипаче же в столь великом отдалении и переписка продолжением немало видимой пользе повреждает, которое мне в бытность мою при заводах довольно узнать случилось; Вам же самим усмотреть и предостеречь или пресечь оное едваль возможно.

3. Ежели вначале компания, взяв худые заводы, понесет убыток и оставит оные, то и на лучшие охотников не будет, понеже у нас людей заобыкновенных к сему промыслу ещё весьма мало сискаться может, и, не рассудя разности обстоятельств, по примеру первых, вместо охоты получают страх. Ежели же первая компания получит прибыли, то вскорости и на худые охотников сыщется. Довольно сему в приклад Демидова⁷ прибыль от железных заводов многим подал охоту просить о заводах, токмо не знаю, для каких обстоятельств оных отрешают; противно же тому Воронов в Козельске заводил квасцовые заводы, от которых как ему, так и государству великая прибыль быть могла, но хотя он от злобной зависти, а не от

* Слово не разбрано.

завода разорен, однакож тот завод и доднесь лежит пуст, и охотников никого нет:

Того ради мною:

Лучшие сперва отдать, и всенародную охоту ко взятию многих мест показать, токмо того смотреть, чтоб в тех компанейщиках подлогом кто для иных закрытых корыстей не вкрался, как я уже и здесь таких охотников с довольным благоприятством видеть снабдился.

Ежели кто рассуждает и сожалеет отдать Вашего величества видимою прибылью богатиться подданным, и иное весьма б правильное было, если в добром известном мнении рассуждали, но я противно в сем случае мною за большую прибыль Вашему величеству иметь, когда множество верных подданных обогатятся, положенными податями и пошлинами толикое ж число без труда и страхов в казну заплатят, ибо чем купечество в государстве богатеет, тем государственные доходы больше и исправнее приходят.

На 4.

Чтоб места, в прибытках прежде освидетельствовав, и потому на компанию положить заплату, в сем нималой пользы не вижу, а вред довольной:

1. Противно Вашего величества учрежденным правам, ибо в Горной привилегии⁸ объявлено брать токмо десятое от прибыли, а сие будет не десятое, но колико по усмотрению положится, которым в народе надежда и охота отыметя, ибо коллежским и канцелярским счетам в прибылях поверить небезтрудно.

2. Таковые же свидетельства в кратком времени окончены весьма нерадетельными правильны быть не могут, для того что руды в годах пременяются, и познать, на долгое ль время и каковым богатством вглыбь будут, познать невозможно.

3. Для свидетельства оного вначале устройство завода, раскапывание и утверждение копей, заготовление припасов немалого расхода потребует, которого в щет положить не можно, понеже надмерно дорого местами оная станет, а не положить — казне убыток будет напрасной, притом же и коварства предостеречь неудобно.

4. Сверх того на всяком месте управители с канцелярскими и прочими служителями в щетах расходов и приходов большие трудности и убытки, нежели корысти явят, наипаче же могут желающих компаней щетов продолжительными свидетельствами весьма охоты лишить.

И тако мною, что сии свидетельства весьма непотребны, однакож мною, что для отдачи заводов надобно там быть человеку, знающему обстоятельства.

РГАДА. Ф. 19. Д. 71. Л. 8—9 обл., 12—13 об. Копия первой половины XVIII в.

Примечания

¹ Династия крупнейших российских солепромышленников Строгановых была основана в Сольвычегодске в конце XV в. Аникой Строгановым. С середины XVI в. началось активное проникновение Строгановых в Предуралье, куда на пожалованные пермские земли окончательно переместился центр деловой активности Строгановых к середине XVII в. Процветание династии продолжалось и в первой половине XVIII в., когда Строгановы, активно занимавшиеся торговыми операциями и владевшие к началу века 162 варницами, включились в промышленное освоение Урала, основав собственные железные и медные заводы.

² Сведений о промысле Молостова найти не удалось.

³ Получив в 1702 г. монопольное право на разработку, Д. Воронов совместно с компаньоном Патрушевым построил для разработки железных, селитренных и купоросных руд небольшой завод в районе Кюзельска; приказ Рудокопных дел выдал им субсидию от казны в размере 3 тыс. руб. Однако предприятие окончилось неудачей:

добыт всего 90 пудов железа, промышленники сумели вернуть в казну к 1711 г. лишь 1100 руб.; вдобавок завод был разграблен помещиком, на землях которого находился.

⁴ Григоровский завод — первый в России медеплавильный завод, построенный на средства казны у Григоровской горы в 14 км. от Соликамска в начале 1630-х гг. Завод трижды менял свое местоположение (был перенесен на земли Пыскорского монастыря) и просуществовал до 1648 г., когда в связи с пожаром и истощением руд прекратил существование.

⁵ Речь идет о дворцовых мануфактурах, сосредоточенных в Кадашевской и Тверско-Константиновской слободах. Центром производства в них был государев Хамовный двор, реорганизованный и перестроенный во второй половине XVII в. при Алексее Михайловиче и превратившийся после этого фактически в крупную мануфактуру. Бархатный двор возник в начале 1630-х гг. на участке в районе Тайницкой и Водовзводной башни Кремля, но просуществовал всего несколько лет: отсутствие кадров и низкое качество сырья и продукции заставили прекратить производство. В 1681 г. мастер Паульсен вновь предпринял попытку организовать производство бархата и парчи, но низкое качество продукции привело через три года к краху и это предприятие, основанное на средства казны. В 1667 и 1683 гг. голландскими купцами фон Сведеном и И. Таубертом были сделаны две неудачные попытки организовать под государственным покровительством производство тонкого сукна.

⁶ Имеются в виду суконные мануфактуры Н. Воронина (1714); А. В. Макарова (кабинет-секретаря Петра I) и Соболяникова (1718); С. Александрова и Д. Бабушкина (1721), а также предприятия Фибиха, Гранга, Кузнецова, Фишера и Н. Волкова. Практически все предприятия были в числе действующих на 1723 г. Шелковые мануфактуры: Милютина (1714); А. Ф. Апраксина, П. А. Толстого и П. П. Шафирова — трех крупнейших деятелей петровского царствования.

⁷ Демидовы — династия русских промышленников, основанная тульским железопромышленником Никитой Антufьевичем Демидовым. В начале XVIII в. он получил право на разработку рудных богатств Урала. До 1730 г., когда в производство металла на Урале были допущены еще четыре заводчика, его сын Акинфий Демидов был фактическим монополистом в железоделательном уральском производстве, успешно конкурируя с казной.

⁸ Горная (Берг-) привилегия 10 декабря 1719 г. — основной акт, определивший промышленную политику правительства в петровском законодательстве и общие направления политики в отношении русской промышленности на протяжении всего XVIII в. Провозгласив идею горной свободы (право любого человека заниматься любыми разработками открытых им месторождений на землях любой владельческой принадлежности), принцип конкуренции предпринимателей, упростив отношения с казной и обеспечивая льготы и защиту прав промышленников, Берг-привилегия создала благоприятные условия для вовлечения частного капитала в промышленность.

ЛЕВ ТРОЦКИЙ, КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 1929 год

В предыдущем номере «Исторического архива» читатели познакомились с рядом документов, относящихся к периоду пребывания Л. Д. Троцкого в Турции. Ниже публикуются материалы, относящиеся тематически к этому же комплексу документов.

Как известно, выдворенный из СССР в Турцию в 1929 г., Троцкий вместе с женой Натальей Ивановной Седовой и сыном Львом Львовичем Седовым первое время проживал в помещении советского консульства в Константинополе. За опальным революционером бдительно следили сотрудники ОГПУ. Они регулярно информировали Москву о действиях Троцкого, о чем и свидетельствует сводка Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ от 20 февраля 1929 г., подготовленная его сотрудниками на имя В. Р. Менжинского¹. Документ завизирован М. А. Трилиссером². Сводка содержит перевод текста заявления, которое Троцкий, прибывший в Турцию с паспортом на фамилию жены, вручил офицеру пограничной охраны для передачи президенту страны. Очевидно, что агентам ОГПУ не удалось к этому времени ознакомиться с русским оригиналом заявления — он впервые был опубликован Троцким в брошюре «Что и как произошло?» (Париж, 1929). Вот его текст:

«Милостивый Государь.

У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу лишь подчинившись насилию.

Соблаговолите, господин президент, принять соответственные мои чувства. Л. Троцкий. 12 февраля 1929 г.».

Однако сравнение оригинала и перевода, сделанного сотрудниками ОГПУ, показывает, что различия между ними носят чисто стилистический характер.

Второй публикуемый документ датирован июлем 1929 г., когда Троцкий при активной помощи сына пытался восстановить связи со своими единомышленниками в СССР. Одним из них был и ныне здравствующий Иван Яковлевич Врачев. Он родился в 1898 г. в Екатеринодаре. В марте 1917 г. вступил в партию большевиков. В годы гражданской войны прошел путь от комиссара дивизии до командующего Ферганской группой войск. В 1923 г. примкнул к троцкистской оппозиции, что круто изменило его судьбу. Решением ЦК партии Врачева снимают с военно-политической работы. В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) исключил Врачева в числе 75-ти «активных деятелей троцкистской оппозиции» из партии, а в январе следующего года он был выслан в Вологду.

Из Вологды Врачев наладил переписку с находившимся в Алма-Ате Троцким. Свои письма опальному вождю левой оппозиции он неизменно завершал словами «вам преданный И. Врачев». Таким образом, у депортированного в Турцию Троцкого были все основания надеяться, что его попытки возобновить связи с единомышленниками найдут в Вологде поддержку. Однако он не учел резкой перемены настроений в лагере оппозиции после капитулянтских заявлений Е. А. Преображенского³, К. Б. Радека⁴

¹ Менжинский В. Р. (1874—1934) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1902 г. С 1919 г. член Президиума ВЧК, с 1920 г. — начальник Особого отдела и член Коллегии ВЧК, с 1923 г. — первый заместитель председателя Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), с 1926 г. — председатель ОГПУ.

² Трилиссер (Москвин) М. А. (1883—1940) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1901 г. С 1921 г. работал в ВЧК, с 9 февраля 1926 г. до 27 октября 1929 г. — начальник Иностранного отдела и заместитель председателя ОГПУ.

³ Преображенский Е. А. (1886—1937) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1903 г. Член Оргбюро и секретарь ЦК РКП(б) в 1920—1921 гг. С 1921 г. председатель финансовой комиссии ЦК РКП(б) и СНК РСФСР. В 1924—1927 гг. заместитель председателя Главконцесскома. Член нелегального троцкистского оппозиционного Центра. В 1927 г. исключен из партии, в январе 1928 г. сослан в Уральск.

⁴ Радек (Собельсон) К. Б. (1885—1939) — деятель международного социал-демократического движения, член РСДРП с 1903 г. В 1919—1924 гг. — член ЦК РКП(б). С

и И. Т. Смилги⁵. Ощущение бесперспективности борьбы, помноженное на усилившиеся репрессии ОГПУ, толкнуло многих на покаянные заявления, направленные в ЦК и ЦКК ВКП(б).

С 18 апреля Врачев вместе с двумя другими ссыльными троцкистами — Борисом Абрамовичем Карнауком⁶ и Гаэриэлем Петровичем Штыкгольдом⁷ — находился в вологодской тюрьме. 30 июня им было объявлено постановление Особого совещания ОГПУ: на три года в места заключения, «подведомственные ОГПУ». Конкретнее — в Тобольский политизолятор. 1 июля, после телефонных консультаций через посредников с Радеком и Смилгой, Врачев и Карнаух отправили телеграмму в ЦКК ВКП(б), в которой признавали «генеральную линию партии» правильной и отказывались от «дальнейшей фракционной борьбы». Что касается Штыкгольда, то он, заявив в соответствующей телеграмме об отказе от фракционной борьбы, уклонился от оценки политического курса ВКП(б). 3 июля все трое были освобождены из-под стражи.

Через пять дней Врачев направил следующую телеграмму:

«Константинополь. Троцкому.

[При] Нынешней линии партии дальнейшая фракционная работа бессмысленна. Призываю вместе основными кадрами стать на путь возвращения партии. Врачев. 8/VII-29 года» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 80. Л. 24. Машинописная копия).

Оставалось сделать еще один шаг — и Врачев его сделал. 10 июля, после очередного разговора по телефону с Радеком, он официально солидаризовался с покаянным заявлением Преображенского, Радека и Смилги, просивших принять их обратно в партию. Заявление было опубликовано в центральной прессе 13 июля 1929 г.

Получил ли Троцкий телеграмму Врачева — неизвестно, а вот посланная Л. А. Седовым открытка достигла адресата. Об этом свидетельствует карандашная надпись на лицевой стороне открытки, сделанная рукой Врачева: «Пол[учено] 18/VII». Но ответа не последовало.

Публикуемые документы хранятся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). При публикации сохранены стиль и орфография авторов.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук М. М. ПАНТЕЛЕЕВ.

№ 1

Сводка Иностранного отдела ОГПУ В. Р. Менжинскому

№ 53167

20 февраля 1929 г.

Из Кон[стантино]поля от 20 февраля сообщают:

Перевод письма Седова¹ Кемалю.

«Его Превосходительству г-ну Президенту Турецкой Республики. У ворот Константинополя я имею честь сообщить Вам, что не по своему свободному выбору я прибыл на турецкую границу и что я

1925 г. — ректор университета народов Востока имени Сунь Ятсена. Член нелегального троцкистского оппозиционного Центра. В 1927 г. XV съездом ВКП(б) исключен из партии. В январе 1928 г. сослан в Тобольск.

⁵ Смилга И. Т. (1892—1938) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1907 г. С 1921 г. заместитель председателя ВСНХ, с 1923 г. — заместитель председателя Госплана СССР. В 1917—1920 гг. и в 1925—1927 гг. — член ЦК партии. Член нелегального троцкистского оппозиционного Центра. В 1927 г. XV съездом ВКП(б) исключен из партии. Сослан в Нарым.

⁶ Карнаух Б. А. — биографические данные не установлены.

⁷ Штыкгольд Г. П. (1893—?) — член партии большевиков с апреля 1917 г. В 1919—1920 гг. — секретарь заместителя председателя РВСР, с 1923 г. студент Московской горной академии. Член Московского центра оппозиции. 4 октября 1927 г. исключен из ВКП(б). 11 октября 1927 г. арестован. Сослан в Вологду.

перехожу эту границу лишь уступая насилию. Благоволите господин президент принять мои почтительные чувства. Л. Троцкий. 12 февраля 1929 г.».

В ответ на это письмо Начальник полиции сегодня вручил Седову письмо местного губернатора. Седов в беседе с начальником полиции заявил, что в письме к Кемалю фраза о насилии относится не к турецким властям, а к советским; он не намерен долго оставаться в Турции и что он никаких претензий к туркам не имеет. Беседу переводил драгоман² консульства. Точное содержание письма губернатора нам неизвестно.

РЦХИДНИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 491, л. 6.

№ 2

Письмо Л. Л. Седова И. Я. Врачеву

9 июля 1929 г.

Дорогой друг,

что это от Вас ни слуху, ни духу? (Впрочем как и от других друзей). Как живет колония? Самочувствие? Отношение к фокусам Карл[а]?³ Ждем вестей. Адрес: L. Sedoff. Principo (Izet-pacha)⁴ и конечно Constant[inople].

У нас без перемен. Старик много работает — подготавливает книги для печати. С здоровьем так себе — малярия, переутомление и прочее]. Да и здесь очень не важно, а единый фронт от сера Остина — до Сосо⁵ — не дает ни куда продвинуться. А здесь жизнь очень непохожа на Ал[ма]-Ат[у]. Попробуйте писать. Какие сведения о соседях. Как Габр[изель]?

Приветствуйте.

Будьте здоровы.

С удовольствием писал бы друзьям, да они не подают голоса, не знаю и куда. Как Л. С.?⁶

Ваш Л. Седов

РЦХИДНИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 481, л. 129. Подлинник.

Примечания

¹ В данном случае имеется в виду Лев Троцкий.

² Драгоман — переводчик в посольстве или ином дипломатическом представительстве.

³ Речь идет о разрыве К. Б. Радека с Л. Д. Троцким и его возвращении из ссылки в Москву для переговоров со сталинским руководством об условиях «капитуляции».

⁴ Турецкий сановник, в собственности которого находилась вилла, арендованная Л. Д. Троцким на острове Принкипо.

⁵ Остин Чемберлен (1863—1937) — в 1924—1929 гг. министр иностранных дел Великобритании. Сосо — грузинское уменьшительное от имени Иосиф, т. е. И. В. Сталин.

Л. Л. Седов намекает на противодействие планам Л. Д. Троцкого получить визу на проживание в каком-либо европейском государстве.

⁶ Сосновский Л. С. (1886—1937) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1904 г. В 1918—1924 гг. редактор «Красной газеты», «Бедноты», «Гудка», зав. агитпропом ЦК РКП(б), затем литературный сотрудник газеты «Правда» и «Рабочей газеты». В 1927 г. XV съездом ВКП(б) исключен из партии. В январе 1928 г. сослан в Барнаул. В 1929 г. как «непримиримый» был посажен в Челябинский политизолятор.

«РЯД СЕКЦИЙ КОМИНТЕРНА... ОКАЗАЛИСЬ ЦЕЛИКОМ В РУКАХ ВРАГА»

Письмо Г. Димитрова и Д. Мануильского в ЦК ВКП(б)

Публикуемое ниже письмо генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова и секретаря ИККИ Д. Мануильского в ЦК ВКП(б) неопровержимо свидетельствует о размахе репрессий тоталитарного сталинского режима против кадров Коминтерна, активистов его секций. В то же время документ подтверждает соучастие в вакханалии террора в Коминтерне его высших руководителей: Г. Димитрова и Д. Мануильского. Последний фактически являлся вторым лицом в коминтерновской иерархии — был членом ЦК ВКП(б), возглавлял делегацию ВКП(б) в ИККИ, ведал в нем вопросами кадровой политики. Они оба были согласны с утверждениями органов НКВД о наличии в Коминтерне мощной шпионской организации, ратовали за роспуск и формирование заново важнейшего его отдела — службы связи.

Имеются и другие документы о соучастии лидеров Коминтерна в репрессивной политике. Известно, например, что Г. Димитров в январе 1937 г. издавал личные распоряжения об увольнении из аппарата ИККИ 58 «подозрительных» лиц, выявленных так называемой «комиссией по проверке квалификации»¹. С его согласия в течение 1936—1937 гг. ИККИ под видом «отчета и проверки» вызывал через ЦК ВКП(б) и органы НКВД из-за границы работников службы связи Коминтерна, территориальных бюро ИККИ, различных комитетов солидарности, издательств, а также видных деятелей компартий. Многие из них были арестованы². Именно Г. Димитров обратился 28 ноября 1937 г. к И. В. Сталину с предложением о роспуске компартии Польши «ввиду ее засоренности шпионами и провокаторами»³.

Д. Мануильский неоднократно демонстрировал личную сверхбдительность по отношению ко многим коммунистам. На совещании в ИККИ в январе 1936 г. он бездоказательно обвинил компартию в якобы преднамеренном направлении в СССР непроверенных, скомпрометировавших себя политэмигрантов, высказывал представителям компартии Польши упрек, будто она «больше всего заражена провокацией»⁴.

В обстановке всеобщей подозрительности, особенно в отношении иностранцев, недоверия друг к другу, верхушка Коминтерна сделала ставку в пополнении штатов, взамен вычищенных, прежде всего не активистов, рекомендованных ЦК ВКП(б). Не случайно обращение Г. Димитрова и Д. Мануильского одновременно к трем секретарям ЦК ВКП(б), входившим в Политбюро и так или иначе связанным с кадровыми проблемами: Н. И. Ежову — кандидату в члены Политбюро и одновременно председателю Комиссии партийного контроля, наркому внутренних дел, А. А. Андрееву — члену Политбюро и председателю Рабоче-крестьянской инспекции, А. А. Жданову — кандидату в члены Политбюро. Причем, первый экземпляр письма был передан Ежову, второй — Жданову, третий — Андрееву. Последний начертал на нем резолюцию: «Поручить т. Маленкову подобрать группу работников для ИККИ в месячный срок. Андреев». Ниже свое согласие с ней выразил Жданов⁵.

Документ хранится в фондах Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

Публикацию подготовил кандидат исторических наук Л. Г. БАБИЧЕНКО.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 21. Д. 52. Л. 1—22.

² Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 297.

³ Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 402. Л. 6.

⁴ Там же. Ф. 495. Оп. 21. Д. 52. Л. 6—7, 21.

⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 259. Л. 33—34, 36—37, 38—39.

Письмо
генерального секретаря Исполкома Коминтерна
Г. Димитрова и секретаря ИККИ Д. Мануильского
в ЦК ВКП(б)

Москва

10 октября 1937 г.

В последнее время органами Наркомвнудела выявлен ряд врагов народа и вскрыта разветвленная шпионская организация в аппарате Коминтерна. Особенно засоренным оказался важнейший отдел аппарата Коминтерна — Служба связи¹, которую нужно сейчас вполне ликвидировать и приступить срочно к организации заново этого отдела из новых, тщательно отобранных и проверенных работников. Хотя и меньше, но засоренными оказались и другие звенья коминтерновского аппарата: Отдел кадров², политические помощники секретарей ИККИ³, референты, переводчики и т. д.

Кроме того, руководством Коминтерна была произведена проверка всего аппарата, в итоге которой около ста человек были уволены, как лица, не внушающие достаточного политического доверия.

В прошлом аппарат Коминтерна укомплектовывался преимущественно за счет кадров иностранных компартий, особенно компартий нелегальных, располагавших большими эмигрантскими резервами в СССР. Опыт показал, что такой способ укомплектовывания⁴ аппарата Коминтерна в нынешних условиях опасен и вреден, в связи с тем, что ряд секций КИ, как, например, польская, оказались целиком в руках врага. Поэтому мы не выйдем из тяжелого прорыва без помощи ЦК ВКП(б).

Мы просим ЦК ВКП(б) помочь нам людьми, членами ВКП(б), заявка о которых представлена нами т. Маленкову⁵. Особенно настоятельно и спешно требуется помощь ЦК ВКП(б) в деле укомплектования Службы связи, ибо приостановка ее работы отрезала нас совершенно от границы. Исходя из этого, мы просим постановления Политбюро о срочном удовлетворении нашей заявки, направленной тов. Маленкову.

*Г. Димитров,
Д. Мануильский.*

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 259, л. 36—37. Подлинник, машинописный текст.

Примечания

¹ Имеется ввиду так называемый Отдел международной связи (ОМС) ИККИ, который поддерживал нелегальные контакты с руководством зарубежных компартий. Он располагал штатом курьеров, шифровальщиков, радистов, которые периодически переправляли партиям директивы, информацию, финансовые средства. В составе ОМСа имела служба по изготовлению фальшивых паспортов и других документов, предназначенных для курьеров и тайных эмиссаров; они направлялись в партии или действовали в территориальных бюро Коминтерна.

² Отдел кадров ИККИ играл ключевую роль в деятельности Коминтерна. Он готовил досье на работников аппарата, был вправе окончательно решать кадровые вопросы. Отдел должен был выявлять в партиях «классово-враждебные элементы», информировать лидеров ИККИ о состоянии кадров.

³ После реорганизации Коминтерна в 1935 г. в нем действовало девять секретариатов. Каждый из них курировал группу компартий близлежащих друг другу стран, назывался по имени возглавлявшего его секретаря ИККИ. Например, секретариат А. Марти, секретариат К. Готвальда, секретариат В. Пика. В каждом из секретариатов был аппарат технических сотрудников и «политических помощников».

⁴ Так в документе.

⁵ Маленков Г. М. (1902—1988) — в 1934—1939 гг. заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), с марта 1939 г. — член ЦК и Оргбюро, секретарь ЦК, а также начальник управления кадров ЦК ВКП(б).

**СЕТЬ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ
И ЦЕНТРОВ ХРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТАЦИИ**

*(утверждена постановлением правительства
Российской Федерации № 430 от 24 июня 1992 г.)*

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) —
г. Москва, ул. Б. Пироговская, 17, тел. 245-81-41.

Образован на базе Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) и Центрального государственного архива РСФСР (ЦГА РСФСР).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) —
г. Москва, ул. Б. Пироговская, 17, тел. 241-83-23.

Преобразован из Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА СССР).

Российский государственный исторический архив (РГИА) —
г. Санкт-Петербург, наб. Красного Флота, 4, тел. 210-99-68.

Преобразован из Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) —
г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 3, тел. 261-20-70.

Преобразован из Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА СССР).

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) —

г. Санкт-Петербург, ул. Миллионная, 36, тел. 315-90-54.

Преобразован из Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР (ЦГА ВМФ СССР).

Российский государственный архив экономики (РГАЭ) —
г. Москва, ул. Б. Пироговская, 17, тел. 245-26-64.

Преобразован из Центрального государственного архива народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР).

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) —

г. Москва, ул. Выборгская, 3, к. 2, тел. 159-73-92.

Преобразован из Центрального государственного архива литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР).

Российский государственный военный архив (РГВА) —
г. Москва, ул. Адмирала Макарова, 29, тел. 159-80-91.

Преобразован из Центрального государственного архива Советской Армии СССР (ЦГАСА СССР).

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) —

г. Томск, ул. К. Маркса, 26, тел. 2-29-15.

Преобразован из Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ).

Российский государственный научно-технический архив (РГНТА) с филиалом в г. Москве —

г. Самара, ул. Мичурина, 58, тел. 36-17-81;

филиал — г. Москва, ул. Б. Пироговская, 17, тел. 245-83-75.

Преобразован из Центрального государственного архива научно-технической документации СССР (ЦГА НТД СССР) с филиалом в г. Москве.

Российский государственный архив фонодокументов (РГАФД) —
г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 3, тел. 261-13-00.

Преобразован из Центрального государственного архива звукозаписей СССР (ЦГАЗ СССР).

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД) с филиалом в г. Владимире —

г. Красногорск, Московской области, ул. Речная, 11, тел. 563-08-45;
филиал — г. Владимир, ул. Летнеперевозинская, 9, тел. 2-79-95.

Образован на базе Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР (ЦГА КФД СССР) и Центрального государственного архива кинофотодокументов РСФСР (ЦГА КФД РСФСР).

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) —

г. Москва, ул. Пушкинская, 15, тел. 229-97-26.

Образован на базе Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ).

Центр хранения современной документации (ЦХСД) —

г. Москва, ул. Ильинка, 12, тел. 206-21-28.

Образован на базе архива Общего отдела ЦК КПСС.

Центр хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО) —

г. Москва, Б. Черкасский пер., 5, тел. 921-22-64.

Образован на базе Центрального архива ВЛКСМ.

Образован на базе архива ЦК ВЛКСМ.

Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) —

г. Москва, ул. Выборгская, 3, тел. 159-74-71.

Преобразован из Центрального государственного архива СССР (ЦГА СССР) («Особый архив»).

Центр хранения страхового фонда (ЦХСФ) —

г. Ялуторовск, Тюменской области, ул. Ишимская, 136, тел. 2-29-87.

Преобразован из Центрального государственного архива страхового фонда документов Государственного архивного фонда СССР (ЦГА СФ СССР).

АРХИВНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО

ARCHIVE AND INFORMATION AGENCY

The Archive and information Agency offers its services to historians, organisations and firms that need assistance in conducting research on Russian history.

We can:

- ◆ Provide information on genealogy and property rights;
- ◆ Locate and copy documents in Russian archives;
- ◆ Prepare bibliographies;
- ◆ Translate Russian history texts into English;
- ◆ Conduct sociological research;
- ◆ Analyze mass sources using computers;
- ◆ Deliver new books articles on Russian history.

In addition we can make copies of documents, books, magazines, photographs, illustrations, etc. . . We guarantee the prompt fulfilment of these and many other services in accordance with the highest professional standards.

If you turn to us, you will get what you need.

*Pushkinskaya str. 15, office 201, Moscow, 103821, Russia,
Tel: (095) 292-44-88; fax: (095) 200-42-05*

УТОЧНЕНИЕ

На с. 114 в «Историческом архиве» № 1 за 1992 г. искажена фамилия одного из публикаторов. Правильно читать — М. М. Пантелеевым. Приносим свои извинения.

Главный редактор **А. А. Чернобаев**

Редакция:

В. Ю. Афиани (отв. секретарь), **О. Ф. Козлов**, **В. В. Корнев**, **С. В. Попов**,
Ю. В. Сигачев

Свидетельство о регистрации № 01426 от 29 июля 1992 г.
в Министерстве печати и информации РФ.

Сдано в набор 19.03.93 г. Подписано в печать 29.04.93 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Балтика». Печать высокая.
Усл. печ. л. 19,6. Усл. кр.-отт. 19,78. Уч.-изд. л. 23,39. Тираж 10.000.
(Первый завод — 2.000 экз). Заказ 1366.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова издательства «Известия
Советов народных депутатов Российской Федерации».
Москва, Пушкинская пл., 5.

«ISTORICHESKII ARCHIV»

*Pushkinskaya str. 15, office 201, Moscow, 103821, Russia,
Tel: (095) 292-44-88; fax: (095) 200-42-05*

The Archive and Information Agency proposes to western historians and to all who are interested in the history of Russia subscription to the journal "ISTORICHESKII ARCHIV" (Historical archive). The journal publishes documents from the Russian archives, including those from the archives of the former KGB, documents which were previously unavailable to researchers.

The journal is 250 pages in length. Six issues per year are planned. Subscribers will receive their issues by mail.

COST

	regular mail	air mail
For organizations	\$120	\$130
For individuals	\$90	\$100

«ARCHIVNO-INFORMATSIONNUI BULLETEN»

The Archive and Informational Agency proposes to western historians and to all who are interested in the history of Russia subscription to the "ARCHIVNO-INFORMATSIONNUI BULLETEN" (Archival-Historical Bulletin).

This publication will provide information on all the documents from Russian archives which are currently being declassified from secret files and made available to researchers and all those who are interested in the history of Russia.

The journal is 150 pages in length. Four issues per year are planned. Subscribers will receive their issues by mail.

COST

	regular mail	air mail
For organizations	\$32	\$35
For individuals	\$23	\$25

Payment can be made directly to the office of the agency at the above address.

Журнал «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

можно приобрести в магазине «Дом педагогической книги» по адресу: Пушкинская ул., д. 7/5 (метро «Охотный ряд»)

Правила подписки на журнал «Исторический архив» и «Архивно-информационный бюллетень»

Для оформления подписки необходимо прислать в редакцию Ваш адрес и квитанцию о почтовом переводе аванса (200 руб. за подписку на журнал; 150 руб. — за подписку на бюллетень). Аванс Вы можете также перечислить на расчетный счет АИА № 467008 в АКБ «Транскапиталбанк». Банк-получатель РКЦ-2 ГУ ЦБ РФ г. Москвы, корр. сч. № 161496 МФО 201779, подтвердив перечисление денег. Журнал по выходе будет высылаться наложенным платежом.

Государственная архивная служба России приступила к реализации соглашения с Гуверовским институтом войны революции и мира (США) и компанией «Чедвик-Хили, Лимитед» (Великобритания) о микрофильмировании фондов государственных архивов и обмене микрофильмами документов, хранящихся в Гуверовском институте. Подготовлены перечни фондов (на микрофишах) Государственного архива Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории и Центра хранения современной документации, подлежащих микрофильмированию.

Заявки на приобретение микрофиш и предварительные заявки на изготовление микрофильмов следует направлять в адрес Государственной архивной службы России (103132, Москва, ул. Ильинка, 12).

Расценки на изготовление микрофильмов опубликованы в журнале «Отечественные архивы», 1992, № 6.